

Отто Менхен-Хельфен

История и культура
Гуннов

Annotation

Большую часть своей жизни профессор Калифорнийского университета Отто Менхен-Хельфен посвятил изучению мира гуннов. Он много лет путешествовал, посещал раскопки в Венгрии, Афганистане, Непале и Монголии, на Кавказе и у Великой Китайской стены. Вооруженный обширными знаниями в филологии, лингвистике и в истории азиатского искусства, Менхен-Хельфен собрал сведения из самых разных источников, классифицировал их и предложил свою трактовку мира гуннов, представил правдоподобный рассказ об экономике, общественном устройстве, военных действиях, искусстве и религии этого воинственного племени.

Отто Менхен-Хельфен

История и культура гуннов

Предисловие

Лишь немногие ученые захотят рискнуть своей репутацией и возьмут на себя монументальную задачу исправления неправильных представлений о гуннах, а также народах, имевших с ними родственные связи, их союзниках или тех, кого с ними попросту путали. В основе лежат филологические проблемы воистину ошеломляющих размеров. Кроме того, требуется профессиональное знакомство с первоисточниками истории многих периодов и восточной и западной цивилизации. Ну и, наконец, необходимо уравновешенное воображение, сдержанность и осторожность, чтобы достойно справиться с неправдоподобиями, противоречиями и предрассудками, которых немало в этой области. Профессор Калифорнийского университета Отто Менхен-Хельфен занимался исследованиями мира гуннов много лет и отличался от других историков, изучавших Евразию, уникальной компетентностью в филологии, археологии и истории искусств.

В удивительном разнообразии его интересов можно убедиться, взглянув на список его публикаций,

где есть *Das Märchen von der Schwanenjungfrau in Japan* («Сказка валькирии в Японии») и *Le Cicogne di Aquileia* («Аисты Аквилеи»), *Manicheans in Siberia* («Манихеи в Сибири») и *Germanic and Hunnic Names of Iranian Origin* («Германские и гуннские имена иранского происхождения»). Ему не приходилось ломать голову над идентичностью племен, народов или городов. Он всегда знал первоисточники – будь они греческими или русскими, персидскими или китайскими. Такая лингвистическая грамотность особенно необходима при изучении гуннов и их «родственников»-кочевников, поскольку название «гунн» применялось ко многим народам разного этнического характера, в том числе остготам, мадьярам и сельджукам. Даже древний кочевой народ хунну, живший к северу от Китая, не имевший никакого отношения к упомянутым выше племенам, его согдианские соседи называли «гуннами». Менхен-Хельфен был знаком с китайскими источниками, касающимися народа хунну, и мог составить обоснованное мнение об их связи с европейскими документами, касающимися гуннской истории.

Его исключительная филологическая компетентность также помогла ему относиться к кочевникам, о которых говорится в обрывках старых манускриптов, как к реальным людям, описать их экономику, социальное расслоение, виды транспорта и способы ведения военных действий, религию, фольклор, искусство. Он сумел создать правдоподобный рассказ о предшественниках турок и монголов, свободный от традиционных западных предрассудков и лингвистических ограничений.

Менхен-Хельфен также обладал глубочайшими познаниями в истории азиатского искусства, которую он изучал на протяжении многих лет. Он был знаком с новейшими археологическими открытиями и знал, как соотнести их с доступными, но часто неявными филологическими свидетельствами.

Чтобы обозначить отличительные черты искусства народа, такого эфемерного, ускользающего, как гунны, необходимы знакомство с множеством разрозненных археологических находок в евразийских степях и умение отделить источники о гуннах от сравнимой совокупности материалов о соседних цивилизациях. Достаточно привести только один замечательный пример успешного решения ученым таких трудных проблем, как описание технической и стилистической связности разных металлических предметов из гуннских гробниц в самых разных, удаленных друг от друга местностях, а также развенчание широко распространенного мифа о том, что гунны якобы не были знакомы с металлообработкой.

Археологические свидетельства также играют первостепенную роль в определении происхождения гуннов, географии их расселения в древности и раннем Средневековье, степени проникновения в Восточную Европу и места их входа на Венгерскую равнину. Менхен-Хельфен точно знал, как интерпретировать находки в гробницах и кучах мусора для выдвижения гипотез о переселении народов. «Он верил в лопату, но его инструментом была ручка», – как-то сказал он о другом ученом. Это определение как нельзя лучше подходит и самому Менхен-Хельфену. Судя по похоронным обычаям гуннов и их союзников, гуннское оружие в основном производилось на востоке и оттуда передавалось на запад, а распространение подвесных зеркал, найденных вместе с искусственно деформированными черепами, – гуннская практика – доказывает, что гунны проникли в Венгрию с северо-востока. Обнаружение меча такого же типа, как в Альтлуссхайме, в Барнауле (теперь меч находится в Эрмитаже), – мощный аргумент в пользу гипотезы Менхен-Хельфена о восточных корнях этого оружия. Менхен-Хельфену удалось пролить свет на цивилизацию одного из самых малоизвестных, призрачных народов раннего Средневековья.

Рассказ Менхен-Хельфена начинается *in medias res*^[1] с того, что он отдает дань уважения и восхищения замечательному римскому историку Аммиану Марцеллину, взгляд которого на гуннское вторжение, несмотря на предрассудки, был во многих отношениях яснее, чем взгляды западных исследователей. Начало может показаться неожиданным и даже резким, но автор, вероятно, хотел, чтобы окончательная версия его книги начиналась именно с такой необычной оценки основного текста. Тем

самым он желал подчеркнуть необходимость острой и обоснованной критики трудов по истории гуннов. С самого начала этот народ был опорочен и демонизирован (это его собственный термин) европейскими хронистами. Его олицетворением стали безликие орды варваров с востока, вечный источник опасности, по отношению к которому всегда необходимо было проявлять бдительность. Но происхождение и личности этих людей считались неважными. Основная часть настоящей книги посвящена истории и цивилизации «собственно гуннов», таких знакомых и в то же время совершенно незнакомых европейцам (здесь мы намеренно используем слово «цивилизация», поскольку существующие рассказы об этих людях имеют тенденцию представлять их агентами разрушительных сил, «вандалами», проливающими кровь на обломках некогда могучей Римской империи; Менхен-Хельфен видел их другими).

Текст полон реалий повседневной жизни гуннов. У Менхен-Хельфена не было необходимости делать обобщения (то есть выдвигать необоснованные гипотезы). Но в то же время он не отдавал предпочтение мелочам в ущерб панорамным обзорам. Автор увидел и показал в своей книге эпический характер великой драмы, развернувшейся на европейской сцене в самом начале нашей эры, столкновения армий и взаимодействия цивилизаций. Это масштабный и глубокий научный труд, который вряд ли кто-нибудь превзойдет в обозримом будущем.

Гуитти Азарпей

Петр А. Будберг

Эдвард Х. Шафер

От автора

В истории западного мира 80 лет власти гуннов были всего лишь эпизодом. Святые отцы, собравшиеся на IV Вселенский собор в Халкидоне, проявили величайшее безразличие к всадникам варваров, которые всего лишь в сотне миль от них разоряли Фракию. И оказались правы. Через несколько лет голову сына Аттилы пронесли в триумфальной процессии по главной улице Константинополя.

Некоторые авторы чувствовали себя обязанными оправдать свое изучение мира гуннов пространными рассуждениями об их роли в переходе от поздней Античности к раннему Средневековью. Они утверждали, что без гуннов Галлия, Испания и Африка не капитулировали бы перед германцами или сделали бы это, но не так быстро. Само существование гуннов на востоке Центральной Европы якобы задержало феодализацию Византии. Возможно, это – правда, но, может быть, и нет. Но если бы историческое явление считалось достойным нашего внимания только в том случае, если оно оказалось определяющее влияние на то, что последовало за ним, тогда ацтеки и майя, вандалы в Африке, бургунды, альбигойцы и королевства крестоносцев в Греции и Сирии были бы стерты с таблиц покровительницы истории Клио. Сомнительно, что Аттила «делал историю». Гунны исчезли, как авары, «сгинули, как обры» – так писали древние русские хронисты о народах, исчезнувших навсегда.

Поэтому представляется странным то, что гунны даже по прошествии пятнадцати столетий вызывают столько эмоций. Благочестивые души до сих пор содрогаются, когда слышат об Аттиле, Биче Божьем, а немецкие университетские профессоры в своих мечтах восторженно следуют за гегелевским «мировым духом» на лошади. Их можно обойти вниманием. Но некоторые турки и венгры все еще громко поют хвалебные песни во славу своего великого предка, умиротворившего мир, и Ганди – все в одном. Самыми страстными противниками этого кочевого народа являются русские ученые. Они проклинают гуннов так, словно те бесчинствовали на Украине только вчера. Некоторые ученые в Киеве так и не смогли простить грубого уничтожения «первой процветающей славянской цивилизации».

Такая же яростная ненависть сжигала Аммиана Марцеллина. Он, как и другие писатели IV и V вв., изображали гуннов дикими монстрами, что мы можем видеть и сегодня. Из-за ненависти и страха представляли гуннов в ложном свете с тех самых пор, как они впервые появились в низовьях Дуная. Подобную тенденциозность можно понять, хотя трудно объяснить, а литературные свидетельства следует перечитать заново. С этого и начат настоящий труд.

В главах, касающихся политической истории гуннов, не просто излагаются события. Рассказ о рейдах Аттилы в Галлию и Италию нет необходимости повторять – его можно прочитать в любом учебнике истории, посвященном упадку Римской империи. Так что в дальнейшем будем считать, что читателю он известен, по крайней мере в общих чертах. Однако многие проблемы ранее не рассматривались, и немало ошибок было допущено Бьюри, Зееком и Штейном. Это утверждение никак не повлияло на статус сих маститых ученых, поскольку гунны никогда не были в центре их интересов. Но подобные недостатки свойственны и книгам, в которых гуннам уделено больше внимания, и даже монографиям. Первые 40–50 лет истории гуннов рассматриваются весьма поверхностно. Конечно, документальных источников немного, но все же не так мало, как некоторые считают. К примеру, о вторжении в Азию в 395 г. существует изобилие сирийских источников. Некоторые вопросы, поставленные правлением Аттилы, навсегда останутся без ответа. На другие, однако, источники дают односторонние ответы. Изучение мира гуннов, по большей части, опиралось на нелитературные источники, и так было у Гиббона и Тиллемона. Обсуждение хронологии может зачастую испытывать терпение читателя, но с этим ничего не поделаешь. Евнапий, который в своих «Исторических записках» тоже писал о гуннах, как-то спросил, какое влияние на историческую науку имеет знание того, что сражение при Саламине было выиграно эллинами при восходе

Сириуса. Евнапий имеет учеников и среди наших современников, и, возможно, их даже больше, чем когда-либо. Остается только надеяться, что Бог милует нас от историка, которому будет все равно, был Пёрл-Харбор до или после вторжения в Нормандию, потому что «в высшем смысле» это не имеет значения.

Во вторую часть настоящей книги вошли научные исследования об экономике, общественном устройстве, военных действиях, искусстве и религии гуннов. От предшествующих изысканий эти работы отличает широчайшее использование археологического материала. В своей книге «Аттила и гунны» (*Attila and the Huns*) Томпсон отказывается обращать на него внимание, а то немногое, на что ссылается Альтхайм в «Истории гуннов» (*Geschichte der Hunnen*), он знает из вторых рук. А между тем материала – в русских, украинских, венгерских, китайских, японских и, с недавнего времени, монгольских публикациях – море. В последние годы археологические исследования велись с такой скоростью, что мне пришлось, работая над публикациями о них, постоянно менять свои взгляды. Монументальный труд Вернера по археологии империи Аттилы, опубликованный в 1956 г., уже во многом устарел. Я полагаю и надеюсь на то, что то же самое через 10 лет можно будет сказать и о моих исследованиях.

* * *

Хотя я хорошо понимаю опасности, которые таятся в поиске параллелей между гуннами и другими кочевниками евразийских степей, признаюсь, что мои взгляды в определенной, надеюсь, не чрезмерной, степени сформировались под влиянием опыта, полученного мной во время общения с тувинцами Северо-Западной Монголии, среди которых я провел лето 1929 г. Они были в то время самым примитивным тюркоговорящим народом на границе Гоби.

Возможно, меня станут критиковать за то, что я уделил слишком мало внимания тем, кого Роберт Гёбл назвал иранскими гуннами: кидары, белые гунны, эфталиты, хуна. Обсуждая термин «гунн», я не мог не размышлять об этих названиях, но дальше этого не пошел. Литературы о данных племенах – или народах – очень много. Они находятся в центре «Истории гуннов» Альтхайма, хотя тот практически игнорирует нумизматические и китайские свидетельства, над которыми Енохи работал много лет. Труд Гёбла «Документы по истории иранских гуннов в Бактрии и Индии» (*Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*) является самым глубоким исследованием их монет и печатей и, на основе этого, их политической истории. И все же остаются проблемы, в решение которых я не смог внести значимого вклада. У меня нет ни лингвистических, ни палеографических знаний, чтобы судить о правильности разных, зачастую совершенно непохожих, объяснений происхождения монет. Но даже если когда-нибудь ученые, работающие с этим не поддающимся пониманию материалом, придут к единому мнению, результат будет сравнительно скромным. *Mihirakula* и *Toramana* останутся просто именами. Нет ни поселения, ни захоронения, ни кинжала или обломка металла, которые могли бы быть приписаны им или любым другим иранским гуннам. Пока недостаточные и противоречивые описания их жизни не будут в значительной степени дополнены археологическими находками, знатоки гуннов Аттилы с благодарностью примут то, что им могут предложить эксперты по так называемым иранским гуннам, но мало что из этого может быть использовано для серьезных исследований. Недавно обнаруженный настенный рисунок в Афросиабе, древнем Самарканде, судя по всему, является первым лучом света в темноте. Будущее в изучении эфталитов находится в руках советских и, полагаю, китайских археологов.

Я отдаю себе отчет в том, что некоторые главы моей книги читать трудно. Например, глава о гуннах после смерти Аттилы привлекает внимание к событиям вроде бы незначительным, к людям, кажущимся не более чем тенями. От германских саг она перескакивает к духовным проблемам в Александрии, от

иранских имен давно забытых вождей к землетрясению в Венгрии, от жрецов Исиды в Нубии к Мидл-стрит в Константинополе. За это я не стану приносить своих извинений. Некоторые читатели определенно считут соединение разрозненных частей головоломки таким же захватывающим, каким оно показалось мне. И я легкомысленно признаюсь в художественном гедонизме, который лично для меня является далеко не последним стимулом для увлечения Средневековьем. А чтобы успокоить тех, кто с нечистой совестью называет то, что они делают, Историческими Исследованиями – именно так, с прописных букв, – скажу следующее: я не понимаю, почему история, скажем, Нижней Калифорнии заслуживает больше уважения, чем прошлое балканских гуннов в 460-х гг. *Sub specie aeternitatis*[\[2\]](#) – и те и другие канули в небытие.

А. Франс в своем романе «Суждения господина Жерома Куаньяра» привел чудесный рассказ о юном принце Земире, который приказал своим мудрецам написать историю человечества, так что он, просвещенный опытом прошлого, сможет допускать меньше ошибок, став монархом. Через 20 лет мудрецы явились к принцу, к тому времени уже королю. За ними шел караван из двенадцати верблюдов, каждый из которых нес 500 томов. Король потребовал более короткую версию. Мудрецы вернулись еще через 20 лет только с тремя навьюченными верблюдами. Но и это короля не устроило. Прошло еще 10 лет, и мудрецы привели одного выночного слона. Еще через 5 лет мудрец пришел с одной большой книгой, которую вез ослик. Король уже был на смертном одре, но он не хотел умереть, так и не узнав истории людей, и попросил мудреца изложить ее очень коротко. Мудрец ответил, что для этого, по сути, достаточно трех слов: *оны рождались, страдали и умирали*.

Король, не имевший желания изучать бесчисленные тома, был по-своему прав. Но пока люди, возможно, по глупости хотят знать, «как это было», будут существовать книги, подобные той, что вы держите в руках. *Dixi et salvavi animam meam*[\[3\]](#).

Глава 1

Литературные свидетельства

Глава о гуннах, написанная римским историком Аммианом Марцеллином (330–400), является бесценным документом^[4]. Она вышла из-под пера величайшего, по словам Штейна, литературного гения, которого мир узнал между Тацитом и Данте, и является также стилистическим шедевром. Безусловное превосходство Аммиана над другими авторами того времени, которые также не могли не упоминать о гуннах, становится очевидным из их описаний первого появления диких орд в северных балканских провинциях. Они повествуют в весьма скучных выражениях, что готы были вытеснены с насиженных мест гуннами, некоторые добавляют историю о самке оленя, которая проводила гуннов через киммерийский Босфор. И все. Они и не думали исследовать причины катастрофы Адрианополя, того ужасного дня 9 августа 378 г., когда готы уничтожили две трети римской армии. Иначе они бы обнаружили, что начало и источник, по словам Аммиана, всех крушений и несчастий – это события, имевшие место за Дунаем еще до того, как готы были допущены в империю. Они даже не пытались узнать, кто такие гунны, как они жили и сражались.

Мнение Аммиана интересно сравнить со следующим отрывком из книги VII труда «История против варварства» знаменитого историка-теолога Павла Орозия, расцвет деятельности которого пришелся на 415 г., а сам он был учеником святого Августина: «В тринадцатый год правления Валента, то есть некоторое время спустя как Валент начал по всему Востоку терзать церкви и убивать святых, этот корень наших несчастий дал обильнейшую поросьль. Ибо ведь народ гуннов, долго живший за неприступными горами, охваченный внезапной яростью, воспламенился против готов и, приведя их в полное смятение, изгнал их с прежних мест поселения. Бежавшие готы, перейдя Дунай, были приняты Валентом без всякого заключения договора. Они даже не отдали римлянам оружие, чтобы чувствовать себя с ним в большей безопасности. Потом из-за нестерпимой жадности полководца Максима готы, принужденные голодом и несправедливостью взяться за оружие, разбив войско Валента, разились по Фракии, наполняя все вокруг убийствами, пожарами и грабежами».

Если арианская ересь Валента была корнем всех зол, а нападение гуннов на готов – лишь следствием, тогда заниматься изучением гуннов – впустую тратить время и усилия. Существовала даже опасность того, что, глядя с очень близкого расстояния на *gesta diabolic per Hunnos*^[5], можно упустить из виду самого дьявола. Орозий обратил внимание только на сверхъестественные силы – Бога или демонов. Его не интересовало, что предшествовало событию или какими являлись его последствия, если это нельзя было использовать для теологических уроков. В общем, Орозий и все христианские авторы Запада не проявили интереса к гуннам. Аммиан назвал сражение при Адрианополе другими Каннами. Он не сомневался, даже когда казалось, что все потеряно: каждый Ганнибал найдет своего Сципиона, убежденного, что империя будет существовать до скончания веков: «Я же могу существовать и не кладу ни предела, ни срока» (*His ego nec metas rerum nec tempora pono: imperium sine fine dedi*)^[6]. Среди христиан Руфин был единственным человеком, который мог сказать, что поражение при Адрианополе стало началом бедствия для Римской империи, тогда и с тех пор. Другие видели в этом всего лишь триумф ортодоксальности и в красках описывали гибель проклятого еретика Валента. Орозий посчитал смерть неудачливого императора доказательством единственности Бога.

Демонизация

Возможно, отсутствие интереса к гуннам объяснялось и другой причиной: они были демонизированы. Когда в 364 г. Иларий из Пуатье предсказал пришествие Антихриста в рамках одного поколения, он повторил то, что, должно быть, думал на протяжении двух лет правления Юлиана. Но с тех пор Христос одержал верх, и только такой упрямый фанатик, как Иларий, мог увидеть в отказе императора сместь арианского епископа знак приближающегося конца света. Даже те, кто все еще были приверженцами хилиазма доконстантиновской церкви и считали Божественные установления (*Divinae institutions*) Лактанция своим путеводителем в будущее, не ожидали, что вскоре услышат своими ушами звуки трубы архангела Гавриила («Падение и уничтожение мира скоро будет иметь место, но, судя по всему, ничего подобного не произойдет, пока стоит Рим»).

Все изменилось в начале 378 г. Италия не подвергалась нашествию варваров со времени правления императора Аврелиана (270–275). Теперь она внезапно оказалась под угрозой «нечистого и жестокого врага». Паника распространилась по городам; поспешно возводились импровизированные укрепления. Амвросий, недавно потерявший своего брата Сатира, нашел утешение в мысли о том, что он был «взят из жизни для того, чтобы не попал в руки варваров... чтобы не видел руин всей земли, конца мира, похорон родственников, смерти сограждан». Это было время, предсказанное пророками, «когда они поздравляли мертвых и оплакивали живых» (*gratulabantur moritus et vivos plangent*). После Адрианополя Амвросий чувствовал, что «на нас надвигается конец мира». Повсюду война, чума и голод. Последний период мировой истории близился к завершению: «Мы живем на закате века»^[7].

В последней декаде IV столетия эсхатологическая волна захлестнула Запад от Африки до Галлии. Антихрист уже родился, и скоро он взойдет на трон империи^[8]. Еще три поколения, и будет возвещено о приходе нового тысячелетия, но не раньше, чем бесчисленные множества погибнут в ужасах, этому предшествующих. Час суда приближается, знаки, на это указывающие, становятся яснее с каждым днем.

Гоги и магоги (Иез., 38: 1-39: 20) надвигались с севера. Начальные буквы этих слов, по словам Августина, который сам отвергал такие отождествления, навели некоторых людей на мысль, что это геты (готы) и массагеты. Амвросий принял готов за гогов. Африканский епископ Кводвультдеус не смог решить, должен ли он идентифицировать магогов как мавров или как массагетов. Почему, собственно, массагеты? В V в. не было никаких массагетов. Однако, учитывая, что Темистий (Фемистий), Клаудий и позднее Прокопий называли гуннов массагетами, представляется вероятным, что те, кто идентифицировал магогов с массагетами, на самом деле имели в виду гуннов. В Талмуде, где гот – это гог, магог – «страна кантов» – царство белых гуннов.

Иероним не разделял хилиастских страхов и ожиданий своих современников. Придавая новую форму труду Викторина Петавийского *Commentary on the Revelation*, он заменил последнюю часть, полную хилиастских идей, отрывками из Тихония. Но когда в 395 г. гунны вторглись в западные провинции, он также стал опасаться, что «римский мир рушится» и конец Рима означает конец всего. Четыре года спустя, все еще пребывая под впечатлением катастрофы, он уже видел в гуннах дикарей, удерживаемых за Кавказскими горами железными воротами Александра. *Ferae gentes* – это гоги и магоги из легенды об Александре. Иосиф Флавий (37/8-100), который первый заговорил о железных воротах Александра, считал скифов магогами. Иероним, бывший его последователем, идентифицировал скифов Геродота как гуннов и таким образом неявно приравнял гуннов к магогам. Орозий сделал то же самое; его «неприступные горы», за которыми гунны оказались заперты, были теми, где Александр построил стену для удерживания гогов и магогов. В VI столетии Андрей из Кесарии в Каппадокии все еще придерживался мнения, что гоги и магоги были теми скифами с севера, «названными нами гунника». Если даже сдержаненный Иероним некоторое время был склонен видеть в гуннах спутников апокалиптических всадников, можно представить, что чувствовали суеверные массы.

После 400 г. хилиастские страхи несколько ослабли. Однако за гуннами продолжал стоять дьявол. Любопытный рассказ Иордана об их происхождении почти наверняка основан на христианской легенде о падших ангелах. Нечистые духи «даровали свои обятия колдуньям и породили эту диковинную расу». Гунны не были людьми, похожими на другие народы. Эти страшные люди – огры (ogre – Hongre = Hungarian – венгры), обитавшие на пустынных равнинах за границами христианского мира, откуда они неоднократно наступали, чтобы приносить смерть и разрушение верующим, были отпрысками *daemonia immunda*. Даже после падения царства Аттилы людей, которые произошли от гуннов, считали союзниками дьявола. Они окружали своих врагов тьмой. Авары, которых Григорий Турский называл чуни, «искусные в волшебных хитростях, заставляли их, то есть франков, видеть иллюзорные образы и полностью победили их» (*magics artibus instructi, diversas fantasias eis, i. e., Francis ostendunt et eos valde superant*).

Можно с уверенностью утверждать, что одна только такая демонизация не помешала бы латинским историкам и религиозным писателям изучать гуннов и описывать их, как это сделал Аммиан. Тем не менее запах серы и жар адского пламени, сопутствующие гуннам, отнюдь не благоприятствовали историческим исследованиям.

Отождествления

Какими восточные авторы видели гуннов? Можно было бы ожидать, что греческие историки сохранили по крайней мере толику этнографического любопытства Геродота и Страбона. Но то, что мы имеем, не может не разочаровывать. Вместо фактов они предлагают нам отождествления. Латинские хронисты V в., называя гуннов своим собственным именем, не так руководствовались желанием быть точными, как были вынуждены основываться на фактах из-за незнания литературы. Они почти ничего не знали о скифах, киммерийцах и массагетах, чьи названия греческие авторы постоянно меняли на гуннов. Однако даже в те времена, когда существовала латинская литература, достойная своего славного прошлого, латинские писатели – и прозаики, и поэты – остегались окличностей и отождествлений, в которых погрязли греки. Авсоний редко упускал возможность показать, насколько он начитан, тем не менее он воздерживался от замены настоящих названий варваров, с которыми сражался Грациан, теми, что были ему известны из Ливия и Овидия. Амвросий тоже избегал употребления архаических и ученых слов. Гунны, а не массагеты напали на аланов, которые бросились на готов, а не скипов. У Амвросия, бывшего *consularis*, римская трезвость и антипатия к спекуляциям была такой же живой, как у Авсония, ритора из Бордо. Сравнение панегирика Феодосию Паката с речами Темистия является разоблачающим. Галлы называли гуннов их названием, греки именовали их массагетами.

Как и на Западе, многие восточные авторы не испытывали интереса к захватчикам. К ним относились как к бандитам и дезертирам и называли их скифами – это название в IV и V вв. давно утратило свое специфическое значение. Оно широко применялось ко всем северным варварам, независимо от того, были они кочевниками или крестьянами, говорили на германском языке, иранском или любом другом. Тем не менее в словаре образованных людей слово удержало, хотя и в ослабленном варианте, часть своего первоначального значения. Вызванные им ассоциации должны были определить отношение к варварам. И временами совсем непросто решить, кого именно имеет в виду автор. Кто они: «царские скифы» Приска, доминирующее племя, как у Геродота, члены царского клана или просто представители знати? Недостаточно сказать, что эта фраза – только один из нескольких примеров литературного долга Приска Геродоту. Это определенно так. Но было бы странно, если бы человек, который нередко использовал это и другие выражения великого историка, не поддался искушению видеть гуннов такими же, как древние видели скипов.

Греческие историки поставили знак равенства между гуннами и киммерийцами, скифами и другими

народами прошлого не для того, чтобы продемонстрировать свое знание классиков или приукрасить повествования. Прежде всего они были убеждены, что нет народов, которых не знали бы мудрецы прошлого. И это, в свою очередь, в общем-то не являлось ограниченным традиционализмом – хотя он, конечно, присутствовал тоже – а, скорее, стало психологическим приемом, защитным механизмом. Синезий Киренский (370–412) в своем труде *Address on Kingship* («О царстве») объяснил, почему не может быть новых варваров.

Теперь, чтобы не допустить варваров из Азии или Европы в свой дом, не строят, как прежние правители, вокруг него высокую стену. Скорее собственными деяниями они настоятельно советуют этим людям отгородиться, пересекая Евфрат в погоне за парфянами и Дунай, преследуя готов и массагетов. Но сейчас эти нации сеют страх среди нас, тоже переправляясь через реки, принимая другие имена, и некоторые из них даже искусно изменяют собственную внешность, и получается, что на пустом месте вдруг появилась новая и незнакомая раса.

Тем самым тезис идентичности старых и новых варваров доводится до абсурда. Но что неоднократно повторяли римские генералы накануне сражений? Наши отцы победили их, теперь мы победим их снова. Таким образом, неизвестный нападающий лишается одной из своих самых пугающих черт: он становится известным, а значит, и не таким уж страшным.

В отождествлении гуннов и древних народов сыграли свою роль оба мотива – и эмоционально обусловленный *reductio ad notum*^[9], и стремление образованных историков продемонстрировать свою эрудицию. Причем первый, по моему убеждению, является более второстепенным, чем обычно считают. С каким из известных народов автор отождествляет гуннов, зависит от объема информации, обстоятельств, при которых он работал, и предполагаемой или действительной одинаковости между известным и едва знакомым. Результат неизменно был одним и тем же. Все размышления о происхождении гуннов заканчивались отождествлением.

Филосторгий в труде *Ecclesiastical History*, написанном между 425 и 433 гг., «узнает» в них невров. Образованный и начитанный человек, он, по-видимому, отыскал ныне утраченное описание невров, которое совпало с его знаниями о гуннах. Можно подумать, что Филосторгий, не столь критично настроенный, как Геродот, верил в историю об оборотнях, коими считались невры. Синезий и Иероним, вероятно, являлись не единственными, кто сравнивал гуннов с волками. И не было ничего необычного в том, что Филосторгий идентифицировал зверствовавших гуннов с оборотнями Скифии. Но самое вероятное объяснение верования – местоположение невров. Они были самым северным народом, гунны пришли с дальнего севера, значит, гунны есть невры. Сказать, что они жили вдоль Рифейских гор, как это сделал Филосторгий, – всего лишь другой способ поместить их как можно дальше на север. После легендарного Аристея Рифейские горы считались регионом вечных снегов, домом ледяных бореев.

Идентификация гуннов с киммерийцами Прокопия не лучше и не хуже его заявления, что готы, вандалы и гепиды в прежние времена назывались сарматами. Обычно Прокопий, как и Теомистий и Клавдиан, ставили знак равенства между гуннами и массагетами. Более поздние византийские авторы уверенно повторяли формулу: прежний Х, теперешний У.

И наконец, есть историк Евнапий из Сарда (345–420). Приведенный ниже фрагмент из его труда (по мнению А. А. Васильева) показывает, какой это был добросовестный и честный историк: «Хотя никто нам не говорил, откуда взялись гунны и каким путем они наводнили всю Европу и вытеснили скифские народы, в начале моей работы, ознакомившись с рассказами древних авторов, я изложил факты, которые показались мне достоверными, так чтобы мой труд не зависел только от вероятных утверждений и не отклонился от истины. Мы не похожи на тех, кто с раннего детства живут в маленьком и бедном домике и позднее, благодаря счастливому случаю, получает великолепные дворцы, но все равно, по привычке,

любит старые вещи и заботится о них. Мы скорее напоминаем тех, кто сначала использует одно лекарство для лечения телесного недуга, в надежде на помощь, но потом находит лучшее лекарство и начинает пользоваться им, не для нейтрализации действия первого лекарства, но чтобы исправить ошибочное суждение и, если можно так сказать, ослабить свет лампы лучом солнца. Подобным образом мы добавим более правильное свидетельство к сказанному выше, оставив прежний материал, как историческую точку зрения, используя которую с добавлением последних материалов можно установить истину»[\[10\]](#).

Все эти разговоры о лекарствах и зданиях, помпезные заявления о том, что он собирается написать о гуннах, – не более чем пустой звук. Описание гуннов Евнапия сохранено у Зосимы. Оно показывает, каким пустословом был якобы добросовестный историк. Одну его часть Евнапий списал у Аммиана Марцеллина, другая – та, где он собрал рассказы древних авторов, – нелепая мешаница. Евнапий называет гуннов народом прежде неизвестным, а уже в следующей строчке предлагает идентифицировать их с царскими скифами Геродота. В качестве альтернативы он упоминает о «курносых и слабых людях, которые, как утверждает Геродот, живут возле Истра [Дуная]». Совершенно очевидно, что он имел в виду Геродота, но переделал коней Сигиннов, «курносых и неспособных везти людей» в «курносых и слабых людей».

Аммиан Марцеллин

На фоне безразличия, предрассудков и спорных отождествлений описание гуннов, данное Марцеллином, невозможно переоценить. Правда, Ростовцев назвал его «не вполне реалистичным». Чтобы его должным образом оценить, следует принять во внимание обстоятельства, при которых оно было написано, источники информации Аммиана и его восхищение *styli veteres*.

Вероятнее всего, он закончил работу зимой 392/93 г., иными словами, в то время, когда опасность войны между двумя частями империи неуклонно возрастала. В августе 392 г. могущественный генерал Арбогаст провозгласил Евгения императором Запада. Какое-то время Феодосий, вероятно, пребывал в нерешительности. Надо полагать, он считал правильным прийти к соглашению с узурпатором, который превосходил его в военном оснащении. Но когда он назначил не Евгения, а одного из своих генералов на консульство вместе с собой, а 23 января 393 г. объявил своего сына Гонория Августом, стало ясно, что он пойдет войной на Евгения, как и на Максима в 388 г. Не может быть сомнений в том, что симпатии Аммиана, который всегда был поклонником Юлиана, были не на стороне христианского фанатика Феодосия, а принадлежали образованному язычнику Евгению. Аммиан, должно быть, с ужасом взирал на армию Феодосия, которая являлась римской только по названию. Хотя невозможно доказать, что император был обязан своей победой над Максимом безрассудно смелой гуннской кавалерии, они определенно сыграли решающую роль в кампании. Конники Феодосия «неслись по воздуху на Пегасах»; они не скакали, а летели. Никакие другие войска, кроме гуннских, не могли преодолеть 60 миль от Эмоны до Аквилеи за один день. Аммиан имел все основания опасаться, что в явно неизбежной войне большая часть восточной армии будет снова состоять из гуннов. Так и вышло.

Аммиан ненавидел варваров, даже тех, которые отличились на службе Рима[\[11\]](#). Он называл галльских солдат, которые храбро сражались с персами при Амиде, *dentatae bestiae*[\[12\]](#), и завершил свою работу восхвалением Юлию, *magister militia trans Taurum*[\[13\]](#), который, узнав о готской победе при Адрианополе, приказал убить всех готов на своей территории. Но гуны были хуже. И Клавдиан, и Иордан вслед за Аммианом назвали гуннов «самыми мерзкими отпрысками севера», более свирепыми, чем сама свирепость. Даже «охотники за головами» – аланы – были по образу жизни и привычками не такими дикими, как гуны. После длительного общения с римлянами некоторые германцы стали более цивилизованными, но гуны оставались первобытными дикарями.

Повествование Аммиана не лишено предвзятости его информаторов. В какой-то момент до 378 г. он

уехал в Рим, где, за исключением короткого промежутка в 383 г., провел всю жизнь. Конечно, нельзя не учесть возможности того, что он встречал там гуннов, но маловероятно, чтобы некий гунн, знающий в лучшем случае несколько латинских слов, мог рассказать Аммиану, как жил и сражался с готами его народ. Рассказ о войне на юге России и Румынии основан в основном на докладах, полученных Аммианом от готов.

Мундерих, который сражался с гуннами, позже *dux limitis per Arabias*^[14], мог быть одним из его информаторов. Пожалуй, можно сказать, что Аммиан писал свое повествование с готской точки зрения. К примеру, он описал Германариха в высшей степени воинственным царем, которого боялись соседи из-за его многочисленных проявлений храбрости. *Fortiter* – это похвала, данная варвару Аммианом не просто так. Алатей и Сафракс были «опытными лидерами», известными своей храбростью. Аммиан называет не менее одиннадцати готских лидеров^[15], но ни одного гунна. Они были безликой массой, ужасной и нечеловеческой.

Повествование Аммианаискажено ненавистью и страхом. Томпсон, который верит практически каждому его слову, соответственно, помещает гуннов второй половины IV в. на «более низкую ступень пасторализма». Он утверждает, что они жили в условиях ужасных трудностей, постоянно перемещались с пастища на пастище, занятые присмотром за стадами. Их железные мечи, возможно, были получены по бартеру или захвачены, поскольку «кочевники не обрабатывали металл». Томпсон утверждает, что даже после 80 лет контакта с римлянами производственные возможности гуннов оказались так малы, что они не могли изготавливать столов, стульев и кушеток: «Способы производства, доступные гуннам, были настолько примитивны, что это даже трудно вообразить». Такой невообразимо примитивной экономике соответствует столь же примитивная социальная структура, общество без классов и наследственной аристократии. Короче говоря, по Томпсону, гунны являлись аморфной бандой мародеров. Даже советские ученые, которые до сих пор ненавидят гуннов, считая их убийцами своих славянских предков, отвергают идею о том, что экономика гуннов и их общество были примитивными.

Если бы гунны не умели ковать мечи и выплавлять наконечники для стрел, они бы никогда не переправились через Дон. Идея, что гуннский всадник добрался до стен Константинополя и до Марны, имея только выменянные по бартеру или захваченные мечи, абсурдна. Военные действия гуннов требовали в качестве предварительного условия далекоидущее разделение труда в мирное время. Аммиан усиленно подчеркивает отсутствие каких-либо строений в стране гуннов, и у читателя может сложиться впечатление, что последние круглый год спали под открытым небом. Лишь мимоходом автор упоминает о палатах и повозках. Возможно, многие могли поставить палатку, но лишь немногие могли построить крытую повозку – почти экипаж.

Отрывок, который более, чем какой-либо другой, показывает, что описание Аммиана нельзя слепо принимать на веру, цитируется и комментируется очень часто: *Aguntur autemnulla severitate regali, sed tumultuariorum primatum ductu contenti, perrumpunt quidquid incident.* («Они не подвержены царскому давлению, но довольствуются неорганизованным правительством, состоящим из важных для них людей, и под его руководством преодолевают все препятствия») (Дж. Рольф). Представляется не очень важным то, что это утверждение идет вразрез с рассказом Кассиодора-Иордана о войне между готами и Баламбером (Баламиром), царем гуннов, который впоследствии женился на Вадамерке, внучке готского правителя Винитария. Кем бы ни был Баламбер, Кассиодор ни за что не признал бы, что готская принцесса могла выйти замуж за мужчину менее значимого, чем царь. Более важным является противоречие между утверждением Аммиана и тем, что он сам говорил о действиях гуннов. Хотя культурный уровень остготов Германариха и сплоченность его царства не следует переоценивать, его неожиданный крах под написком гуннов был бы необъяснимым, если бы последние оказались всего лишь неорганизованной массой завывающих дикарей. Томпсон называет гуннов обычными мародерами и грабителями. В каком-то смысле

он прав, но грабежи такого масштаба, как удавались гуннам, были бы невозможны без военной организации и командиров, планировавших кампании и координирующих действия атакующих, иными словами, без людей, отдающих приказы, и людей, их выполняющих. Альтхайм определяет *tumultarius ductus*^[16] как *eine aus dem Augenblick erwachsene, improvisierte Führung*^[17]. Это передает слова Аммиана лучше, чем «неорганизованное правительство» Рольфа. Между тем военные действия гуннов никогда не указывали на то, что можно назвать «импровизированным командованием».

Представляется вполне вероятным, что Аммиан на основании стремительности военных действий гуннов сделал вывод о том, что дикарь «приводит в движение не строгость царей». Он мог думать о том, что сказал Гиппократ об отваге европейцев, которые были более воинственными, чем азиаты, потому что не имели царей. «Где есть цари, там должны быть величайшие трусы. Души людей порабощены и отказываются с готовностью и безрассудно рисковать, чтобы увеличить власть кого-то другого. Но независимые люди, рискующие ради себя, а не ради других, с готовностью рискуют, поскольку именно они наслаждаются плодами победы» (*De aere. Ch. 23; Loeb. 132–123*).

В течение некоторого времени неправильное понимание гуннской наступательной тактики – неожиданное обманное бегство и возобновление атаки – было, скорее всего, неизбежным. Но Аммиан писал свои последние книги через 14 лет после Адрианополя. К этому времени он уже должен был знать или, по крайней мере, подозревать, что ранние сообщения об импровизированном командовании у гуннов являлись неправильными. Тем не менее он неуклонно придерживался их, потому что считал гуннов двуногими зверями, которые имеют только внешний вид человека. Он утверждал, что их метательные снаряды имеют острые костяные наконечники. Возможно, он в чем-то прав, но только все известные нам наконечники гуннских стрел сделаны из металла. Аммиан сделал исключение правилом.

Описывая гуннов, он использовал фразы и отрывки из более ранних авторов. Поскольку гунны, как и скифы прошлого, были северными варварами и поскольку древние авторы много и хорошо писали о ранних варварах, Аммиан, грек из Антиохии, решил, что лучшим решением будет их пересказ. Одним из авторов, которому он подражал, был историк Трог Помпей, современник императора Августа. Аммиан писал: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь... Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – вдали оттуда, вырос – еще дальше. Они покрывают тела одеждой, сшитой из шкур лесных грызунов» (*Nemo apud eos arat nec slivam aliquando contingit. Omnes sine sedibus fixis absque lare vel lege aut ritu stabili dispalantur, semper fugientium similes... vagi montes per agrantes et silvass. Indumentis operiuntur ex pellibus silvestrium murum consarcinatis*). Это, очевидно, сделано по образцу описания Трогом скифов: «Они не пашут поля. У них нет дома, нет крыши, нет определенного места жительства... Они кочуют по невозделанным просторам... используют шкуры диких животных и грызунов» (*Neque enim agrum exercent. Neque domus illis ulla aut tectum aut sedes est... per incultas solitudines errare solitis. Pellibus ferinis ac murinis utuntur*).

Можно возразить, что такое соответствие ни о чем не говорит, потому что образ жизни кочевников во всех евразийских степях был в конечном счете более или менее одинаковым. Но этого нельзя сказать о другом утверждении Аммиана, которое он тоже взял из более ранних источников. Он пишет: «... они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны». Аммиан искренне восхищался Трогом. Он прочитал описание парфян: «Все время они проводят на своих лошадях. Верхом они воюют, участвуют в пиршествах, занимаются общественным и личным бизнесом. Верхом они перемещаются, стоят спокойно, торгуют и беседуют» (*Equis omni tempore vectanture;*

illis bella, illis convivial, illis publica official obeunt, super illos ire consistere, mercari, colloqui). Аммиан понял Трога совершенно буквально. «Все время» (omni tempore) он переделал в «день и ночь» (pernox et perdui), и потому гунны в его описании даже спят на лошадях.

Описание Аммианом привычек гуннов, связанных с едой, – это еще один пример его тенденции использовать то, что он читал в старых книгах. Он пишет: «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть». Все это забавный пример хорошей наблюдательности и приверженности традициям. То, что гунны ели корни диких растений, – вполне возможно. Так поступают многие северные варвары. А вот данное Аммианом описание того, как кочевники грели сырое мясо на спинах лошадей, не выдерживает никакой критики. Это неправильно понятый другой обычай кочевых народов: гунны, скорее всего, прикладывали сырое мясо к ранам на спинах лошадей, вызванных давлением седел, для скорейшего излечения. Между прочим, в конце XIV в. баварский солдат некий Ганс Шильбергер, который определенно ничего не слышал об Аммиане Марцеллине, сообщил, что татары Золотой Орды во время быстрых переходов «брали сырое мясо, резали на тонкие кусочки, заворачивали в ткань, укладывали под седла и ехали на них. Проголодавшись, они съедали это мясо».

Фраза «Они так закалены, что питаются полусырым мясом всякого скота» («Ita victu sunt asperi, ut semicruda carne uescantur») взята у географа Помпония Мела (расцвет его деятельности – 40 г.), который описывал германцев: «Они так закалены и грубы, что едят даже сырое мясо» («Victu ita asperi incultique ut crudaetiam carne uescantur»). Говорят, что кимбры (кимбрьи) тоже ели сырое мясо. Сыроядцы – так русские называли татар – возможно, обозначает, что татары ели сырое мясо. В других источниках их называли сыроедцами. Как и многие северные народы, гунны действительно могли питаться сырым мясом. Аммиан, однако, идет на шаг вперед; он утверждает, что гунны вообще не готовили пищу на огне, что опровергается находкой больших медных котлов для приготовления пищи – одного из лейтмотивов гуннской цивилизации. Но Аммиан считал своим долгом сделать из гуннов варваров, находящихся на самой низкой ступени развития [18].

Все это вовсе не означает, что от повествования Аммиана следует отказаться, как от недостоверного. В нем содержится множество информации, которая неоднократно подтверждена как вполне надежная другими литературными источниками и археологическими свидетельствами. От Аммиана мы узнали, как выглядели гунны и как одевались. Он очень точно описал их лошадей, оружие, тактику и кибитки.

Кассиодор-Иордан

В своей гуннофобии Аммиана можно приравнять к Кассиодору (487–583). Утраченная «Готская история» (Gothic History) этого автора по большей части сохранилась в труде Иордана «Происхождение и деяния гетов» (The Origin and Deeds of Getae), который обычно называют «Гетика» (Getica). Но Кассиодор должен был объяснить, почему гунны смогли стать господами его героев, остготов, и править ими в течение трех поколений. Его гунны обладают нечестивым величием. Они жадный и жестокий, но смелый народ. Аттила – жестокий и сластолюбивый монстр, но не сделал ничего трусливого. Он был как лев. По Аммиану, гунны «при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием» – эти слова Кассиодор скопировал. Но если Аммиан дальше пишет: «Чтобы тем задержать рост волос на зарубцевавшихся надрезах», то Кассиодор продолжает иначе: «Чтобы еще до того, как они получат молоко, младенцы научились терпеть раны».

Повествуя о ранней истории готов, Иордан повторяет Кассиодора, хотя не всегда дословно. Для правильной оценки готских традиций, связанных с борьбой против гуннов в Южной России, следует

помнить, что они дошли до нас в несколько облагороженной, «цивилизованной» форме. В остготской Италии, должно быть, еще была жива память о великих войнах, которые велись плечом к плечу с гуннами и против них. Источниками Кассиодора были песни, *cantus maiorum*, *cantiones*, *carmina prisca*, а также рассказы, некоторые из которых были «почти такие, как это было в действительности» (*pene storico ritu*). При этом репе не следует воспринимать слишком серьезно. Кассиодор писал свою «Готскую историю», чтобы «вернуть фамилии Амал великолепие, принадлежащее ей по праву». Он писал для образованных римлян, чьи вкусы были бы оскорблены грубыми, жестокими и кровавыми аспектами ранней германской поэзии. Сравнение «Гетики» с «Историей лангобардов» Диакона показывает, до какой степени Кассиодор очистил традиции готских лордов от всех варварских черт.

Но это еще не все. *Origo gentis Langobardorum* – труд, написанный около 670 г. и ставший одним из источников Павла, полон языческих знаний. Более чем через 200 лет после обращения датчан в христианство старые божества, скучно замаскированные в древних королей, все еще бродили по страницам *Saxo Grammaticus*. В 530-х гг., когда Кассиодор писал свою историю, еще были живы люди, отцы которых, если не они сами, в юности приносили жертвы старым богам. Готские *Heldenlieder* (героические эпосы) были определенно такими же языческими, как у датчан и лангобардов. Исходный материал «прорывается» в одном отрывке из «Гетики», взятом у Кассиодора: «И по причине великих побед, которые готы одержали в этом регионе, они впоследствии назвали своих лидеров, благодаря удаче которых они победили, не просто людьми, а полубогами, то есть *ansis*». Даже здесь Кассиодор эвфемизировал предание. В других местах языческие элементы радикально исключены. Генеалогия Амалунгов, которая в *carmina* и *fabulae* была почти наверняка полна богами, богинями, убийствами и убийцами, читается как официальный документ.

Там, где, как в рассказе о войне между остготами и гуннами, в изложениях Аммиана и Кассиодора-Иордана есть отличия, правильной, безусловно, следует считать версию Аммиана. Мы не можем быть уверенными даже в том, что цитаты Кассиодора из Приска точны. Между тем, поскольку наша информация о гуннах основывается именно на этих цитатах, приходится принимать их такими, какие они есть. Время от времени (как, например, в истории об Аттиле и священном мече или в описании дворца Аттилы) Кассиодор передает текст Приска лучше, чем отрывки, которые писцы сделали для Константина Багрянородного в X в. И уже только за это мы должны быть благодарны сбивчивому, беспорядочному и плохо образованному Иордану. Тем не менее возвеличивать его до уровня величайшего историка, что несколько лет назад попытался сделать Джунта, – безнадежное предприятие.

Глава 2

История

От Дона до Дуная

Первые главы последней книги Аммиана Марцеллина содержат единственный сохранившийся последовательный рассказ о событиях на юге России, имевших место до 376 г. От готских информаторов Аммиан узнал, что народ гуннов, «воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов». Кто были эти люди, очевидно, никто не мог ему рассказать, и *monumenta vetera* (памятники старины) не давали никакой информации. Это были «неизвестные народы; нам неведомы даже названия их, не то что обычай». Практическая информация Аммиана начинается с нападения гуннов на аланов. Гунны захватили территории аланов, граничившие с остготами, которых обычно называли танайтами – донскими народами (Танаис – Дон, есть еще город с одноименным названием на Дону).

Эту фразу можно трактовать по-разному. Как далеко на восток и запад тянулись территории донских народов? В одном отрывке Аммиан поселяет всех аланов – включая танайтов – «на неизмеримое пространство скифской пустыни», но только для того, чтобы несколькими строчками ниже заявить, что аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен и их разделяет Дон. Гревтунги – остготы были западными соседями танайтов. Но в другом отрывке Аммиан помещает уже савроматов, а не гревтунгов, между Доном и Дунаем, а еще в одном (после труда Птолемея «География» (V. 9, 1) также к востоку от Дона.

У Аммиана обнаруживается некий литературный атавизм – стремление сваливать в одну кучу новую информацию и старую. В главе, посвященной аланам, в книге XXXI содержится пространное описание народов, которых аланы «подчинили себе в многочисленных победах и распространили на них свое имя», причем автор обещает прояснить противоречащие друг другу мнения географов и рассказать правду. На деле же он предлагает странную мешанину цитат из Геродота, Плиния и Мелы, называя гелонов, агафирсов, меланхленов, антропофагов, амазонок и сиров (серов), словно все они еще жили в его время.

Гунны схлестнулись с аланскими племенами в районе Дона. Это, пожалуй, все, что мы можем извлечь из рассказа Аммиана. Если бы автор использовал термин «танайты» так, как это делал Птолемей, тогда донские люди жили бы в европейской Сарматии. Но река никогда не была границей между полукочевыми племенами скотоводов, и определенно не являлся таковым спокойный Дон. Археологические свидетельства неоспоримы. В IV в. сарматы пасли свои стада и восточнее Дона до Волги и даже за ней, и к западу от реки до равнин Румынии. Где именно напали гунны, установить невозможно, но можно предположить, что, как и более поздние завоеватели, они действовали в низовьях реки.

Рассказ Аммиана о союзе между группой или группами аланов и гуннов невозможно подвергнуть сомнению. В 370-х и 380-х гг. гунны и аланы так часто упоминаются вместе, что некий союз или сотрудничество между ними представляется весьма вероятным даже без следующего утверждения Аммиана: «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танайтами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха.

В течение долгого времени [19] царь гревтунгов делал все возможное, чтобы прочно держаться на месте, но, когда пошли слухи, преувеличивавшие степень надвигающейся опасности, он убил себя.

Витимир, избранный после его кончины королем, оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их, и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли к реке Данастию».

Версию Аммиана опроверг хорватский ученый Л. Хауптман, который считал, что или Аммиан совершил грубую ошибку, или его текст был искажен. Он был уверен, что Витимир сопротивлялся не аланам, а гуннам. При этом Хауптман ссылался на Иордана, по версии которого единственными врагами остготов были гунны. Однако компиляция Иордана тенденциозна от начала до конца. Он не только сохранил изменение ранней истории готов, каким обнаружил его у Кассиодора, но также изменил то, что читал у Аммиана, в пользу аланов. Они были, писал Аммиан, *Hunis per omnia suppare* (XXXI. 2, 21); у Иордана в «Гетике», 126, это изменено на *pugna pares*. По Аммиану, аланы были в сравнении с гуннами *victu mitiores et cultu*. Иордан заменил *mitiores* на *dissimiles*, а *cultu* на *humanitate*. Он прочитал у Аммиана, что аланы напали на остготов после смерти Германариха, что вписывалось в изображение благородных аланов, и он сей факт исключил.

О сражениях между аланами и готами пишет и миланский епископ Амвросий (374–397). В труде *Exposito evangelii secundum Lucam*, написанном, вероятно, в конце 378 г., он обобщил события, приведшие к катастрофе Адрианополя:

Информация, полученная Амвросием в Милане, была не вполне правильной. Царство Германариха рухнуло под натиском гуннов. Но свидетельства Аммиана и Амвросия не оставляют сомнений в том, что некогда имела место долгая борьба и главными врагами готов являлись, конечно, аланы. Но это были единственные аланы, заключившие союз с гуннами? Возможно. А следующая странная история, рассказанная Иорданом, сохранила смутные сведения о восстании групп аланов *внутри* остготского царства: «Германарих, король готов, хотя, как мы сообщали выше, и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени, по имени Сунильда, за изменнический уход от ее мужа король, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням ипустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влакил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту землю остготов».

Если Сунильда, безусловно, германское имя, то происхождение имени Сар от готского *sarwa* (оружие, броня), а имени Аммий от готского *hata* (вооружаться) представляется неубедительным. Нет и удовлетворительной этимологии росомонов. Сар позднее встречается как имя гота, но это не обязательно делает Сара из росомонов готов. Это имя можно сравнить с именем Сарозий или Сарой, который около 500 г. был царем аланов на Кавказе. Саракос из надписи из Танаиса (начало III в.), вероятно, произошло от сарматского слова, соответствующего авестийскому *sara-*, осетинскому *sär-*, «голова». Сар может означать «капитан». Сафракс и Лагариман, знаменитые вожди готов, носили иранские имена; они могли быть аланами. Хотя невозможно доказать, что росомоны являлись мятежными аланами, отступление аланского племени в то время, когда напали на остготов, представляется более вероятным, чем предательство готской знати.

Почти наверняка concordia (согласие) с крупными группами аланов дала возможность гуннам выступить против Германариха. Аммиан не пишет, каковы были условия союза. Если учесть, что аланы, которые в 418 г. подчинились patrocinium (покровительство) царя вандалов, сохранили свою племенную организацию до конца царства вандалов, можно допустить, что гуннско-аланский союз гарантировал иранской стороне значительную степень независимости и большую долю добычи. Не первый и не последний раз другие племена вступали в союз с гуннами. В некоторых случаях союз, вероятнее всего, вылился в настоящий симбиоз, в других племена объединялись временно для набегов и военных экспедиций. Гуннско-аланский союз продлился три десятилетия.

Рассказ Аммиана об аланских нападениях на готов подкреплен Амвросием. Однако, судя по всему, нет других авторитетных авторов, которые упоминали о гуннах, ставших на сторону Витимира. Почему гунны, даже если готский король им платил, сражались за него, когда его положение, совершенно очевидно, оставалось безнадежным? Если они были с теми гигантскими ордами, которым не мог противостоять даже великий Германарих, имелись все основания предполагать, что они, как только появилось желание, начали грабить. Ведь те гунны, которые вторглись на земли вестготов, вскоре были вынуждены прекратить атаку «вследствие затруднительного положения, в которое их поставило обилие добычи». Возможно, гунны, принявшие стороны готов, были частью народа, переправившегося через Дон? Или эти гунны жили к западу от реки и потому ощущали угрозу, как и готы. Тогда, вероятно, когда Витимир обратился к ним за помощью, они решили выступить с германцами единым фронтом?

Ответ дает фрагмент из «Гетики» Иордана, источником которого были труды историка V в. Приска: «Подобные некоему урагану племен гунны захватили алпицузров, алцилдзузров, итимаров, тункарсов и боисков, находившихся на границе этой самой Скифии». Как мы увидим, первые два названия (означают одно – тюркское имя собственное Alp-il-čur), которые нельзя отделить от гуннских имен, оканчивающихся на – čur. Другие имена собственные мы рассмотрим позже. А в настоящем контексте достаточно одного – Alpičur, чтобы доказать существование тюркоговорящих кочевников на или вблизи северо-восточного побережья Черного моря до прихода гуннов. В 430-х гг. те же народы, перечисленные в том же порядке, теперь находившиеся под властью гуннов, имели свои пастваща вдоль Дуная. Мигрировали они или осели там, как поданные гуннов, – большого значения не имеет. Важно лишь то, что их союз выдержал все превратности этих бурных десятилетий. Поскольку в обоих отрывках первыми названы алпицузры, очевидно, они были главным племенем. Захваченные гуннами возле Меотиды, они 60 лет спустя все еще противились своим хозяевам и заключили союз с римлянами. В одной из следующих глав я еще вернусь к этим «гуннам до гуннов».

Царство Германариха

Часто считают, что Аттила правил всеми народами, некогда бывшими под властью царя остготов Германариха. Археологи, вероятно, усомнились бы, приписывая захоронения в лесах центра России гуннам-кочевникам, если бы не верили, что готы Германариха когда-то там правили. Утверждение послов Западной Римской империи при дворе Аттилы, что гуннский царь был господином над океанскими островами, не принимали бы так широко, если бы не заявление Иордана о том, что эсты, жившие на балтийском побережье, являлись подданными Германариха. Недостаточно критическое отношение и склонность к шовинизму то непропорционально увеличивали готские владения, то вообще отрицали их существование^[20].

Описание Иордана – почти гимн: «Немало древних писателей, – утверждает он, – по достоинству сравнивали Германариха с Александром Великим». Вероятно, это сравнение сделал источник Иордана – Кассиодор, а не безграмотный гот. Он же назвал Германариха «правителем всех народов Скифии и

Германии». Далее Иордан перечислил 13 народов, которых Германарих покорил на севере: «гольтескифов, тиудов, инаунков, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов». Неточное чтение и странные формы этих названий дают необычайный простор для всевозможных догадок. Томачек решил, что атаулы – гуннское племя, название которого произошло от тюркского *ataghul* – лучник. Мюлленхоф считал, что *scytha* в названии *goltescytha* есть латинизированное *chud*, обозначение финских племен в ранних русских хрониках. Маркарт принял *golte* за другую форму *Scoloti*, связал его с *thiudos*, отбросил *golte*, как украшение, и получил сколотов. Он и Гринбергер не сомневались, что *thiudos* – готское значение слова «народ», но Гринбергер подозревал в *golte* латинское *gothice*, связал *scythe* и *thiudos* и перевел – по-готски скифские народы. Обсуждать эту и прочие этимологические фантазии – пустая трата времени. Морденс – это мордвины, а меренс – марийцы. Но действительно ли Германарих *domuerat* (укротил) их – представляется сомнительным. Этнические имена могут отражать степень географических знаний Иордана и его источников.

Утверждают, что Германарих также подчинил себе «своей мудростью и могуществом» народ эстов, живший на побережье Балтийского моря. Вполне возможно это всего лишь означает, что существовали торговые связи между готами и племенами, обитавшими в странах, где добывают янтарь. Не исключено, что они существовали в гуннские времена и при великом остготском короле Теодорихе (Теодорихе).

После завоевания северных народов Германарих подчинил своей власти герулов, живших у Азовского моря, что вполне правдоподобно. Начиная с середины III в. восточно-германское племя герулов действительно обитало на берегах Меотиды.

Наконец, Германарих подчинил себе венетов. Переведя из триумфального гимна в прозу, можно сказать следующее: «Время от времени готы нападали на славянскую территорию на северо-востоке». Весьма сбивчивом повествовании о годах, последовавших за смертью Германариха, Иордан говорит о войне между частью остголов и антами, возглавляемыми царем Боз. После победы над антами готы подверглись нападению гуннов и потерпели поражение на реке Эрак.

Границы остготской «империи» невозможно обозначить точно, поскольку их, в сущности, не было. Вокруг более или менее плотно заселенного готского района располагались территории разных племен. Возможно, некоторые из них платили регулярную дань готам, другие только обменивали по бартеру свои товары (вероятно, по большей части меха) на то, что готы получали или из Боспорского царства, или из Дунайских провинций. Вероятно, некоторые племена участвовали в готских набегах. Быстрый крах царства Германариха ясно указывает на отсутствие в нем единства.

В нашу задачу не входит повторный анализ рассказа Аммиана о войне между гуннами и вестготами, южными соседями остголов. Это было сделано историками периода переселения народов. Самым компетентным и лаконичным из них, по моему мнению, был Пач. Вестготы при Атанарихе ожидали атаки гуннов на правом берегу Днестра, но не смогли противостоять ей. Они отступили за Серет. Большая часть народа решила искать новый дом в империи. Атанарих и его последователи прошли через Олтению в *Caucalandis locus*. Если верить Пачу, *Caucaland* – гористая часть Баната между реками Марос, Тиса и Дунай. Возражения его тезису основаны на сомнительном отождествлении названия, не принимающем во внимание события конца 370-х гг., которые определенно указывают на вестголов в Восточном Банате. Поэтому я согласен с Пачем [21].

Начиная с 376 г. и далее гунны были правителями большого района на юге России. Они стояли на нижнем Дунае. Картина, которую можно представить, опираясь на сведения Аммиана, является не ошибочной, но односторонней. Автор ничего не говорит о судьбе Боспорского царства, жизни покоренных гуннами народов, их экономике, социальных институтах, взаимоотношениях. Однако было бы несправедливо винить Аммиана. Он писал историю Римской империи, а не варваров. К счастью, культура

людей, живших к западу от Дона, может быть реконструирована, по крайней мере в общих чертах, с помощью археологического материала.

Гунны на Дунае

Летом 376 г. десятки тысяч вестготов расположились лагерем на северном берегу Нижнего Дуная вокруг Дуростурума (совр. Силистра). Они терпеливо ожидали разрешения переправиться через Дунай и осесть во Фракии. Это была большая часть гордого народа, который только несколькими годами раньше заставил римлян обращаться с их лидером – Атанарихом, как с равным царю царей. Теперь, потерпев поражение от гуннов, они голодали и смертельно боялись, что враги снова нападут на них прежде, чем они получат убежище в империи.

Разрешение пришло осенью. Вестготы^[22], тайфалы^[23] и прочие трансдунайские варвары переправились через Дунай.

Последовавшая борьба между вестготами и восточными римлянами, которая годами велась во Фракии, временами захватывая немаленькие участки Македонии, хорошо изучена. Это понятно и логично. Германцы развились и стали великими народами; во Франции и Испании именно они определили судьбу западного мира. За исключением нескольких лет правления Аттилы гунны маячили где-то на краю ойкумены и даже за ним. Их история в последние десятилетия IV столетия представляется лишенной всяческого интереса. Даже ученые, изучавшие гуннов, не уделяли ей никакого внимания.

Это правда, что мы располагаем только ограниченной информацией о гуннах в этот период, хотя, если разобраться, она не намного более ограничена, чем о других временах. Чтобы найти в летописях, комментариях к Библии, проповедях, эдиктах и поэмах несколько коротких отрывков, в которых речь идет о гуннах, и установить, что произошло, когда и где, требуется не в меру большой аппарат. Но этого не избежать, если мы хотим знать, как гунны попали в Центральную Европу.

Вестготы и гунны кооперируются

После кровавого сражения в районе местечка Салиций (Ад Салицес в Северной Добрудже) между вестготами и войсками империи (см. главу 12) летом 377 г. римляне отошли за Балканы. Их потери были не такими огромными, как у вестготов. Но, даже учитывая направленное к римлянам подкрепление, их командующий не мог пойти на риск еще одного сражения. Вестготы все еще имели большое численное преимущество. Однако их сила являлась одновременно их слабостью, они были не армией: это был целый народ – женщины, дети, больные, старики. Поэтому они численностью превосходили воинов в четыре-пять раз, «было использовано все, что только могло служить едой на землях Скифии и Мёзии. Все жизненно важные предметы были собраны в укрепленные пункты, которые враги даже не пытались осадить из-за своего абсолютного невежества в этих и других военных операциях».

Римляне поспешили укрепить горные перевалы. Готы оказались между Истром (Дунаем) и заброшенными землями. Их ситуация быстро стала отчаянной. Римские войска могли легко прорваться через aggeres celsi – высокие валы готов, которые, очевидно, были обычными ограждениями, но для готов они оказались неприступными. «Подгоняемые яростью и голодом», они снова и снова атаковали, но всякий раз были отброшены. Ограниченные слева морем, справа и впереди горами, а сзади Дунаем, готовы не могли продержаться долго. Под влиянием острой необходимости они вступили в союз с некоторыми гуннами и алантами, питая надежду на большую добычу. Как только римский командующий об этом услышал, он оставил свои позиции, и римляне отошли на равнины Фракии.

Аммиан Марцеллин дает весьма живописное описание последовавших событий. Но вместо того

чтобы рассказать читателю, что именно произошло, он простирает и с утомительными подробностями пишет об ужасах вторжения варваров. Мы много слышим о страданиях женщин и свободных мужчин, которых гнали кнутами, но так и не знаем, почему римляне отступили. Гунны имели так же мало опыта в штурме даже импровизированных фортификационных сооружений, как и вестготы. В горах их всадники были бесполезны. А тех немногих, которым удавалось пройти за линии римлян, можно было уничтожить без особых усилий. Готы не испытывали необходимости в людях – их было достаточно. Между прочим, сам Аммиан подчеркивает, что число гуннов и аланов оказалось небольшим. Но почему тогда блокада была сломлена? Зеек нашел ответ, глядя на карту: гунны, вероятнее всего, переправились через Дунай далеко на западе. Продвинувшись вниз по долине Моравы к Найсусу (совр. Ниш, Сербия) и повернув на восток, они вышли в тыл римлянам. Римский командующий Сатурнин не имел выбора. Он оставил перевалы, и готы были спасены.

Стратегический маневр такого масштаба требует чего-то большего, чем просто соглашение между вестготами и «некими» гуннами. Он предполагает со стороны гуннов способность задействовать много сотен всадников. Каким был статус их лидеров, мы не знаем. Но не важно, были они «царями», вождями племен или военными командирами – гетманами, равно как и то, почему за ними шли люди – из преданности, в погоне за военной славой или за добычей. Все это теряет значение по сравнению с тем фактом, что эти всадники *могли быть собраны*, что их лидеры действительно пришли к соглашению с вестготами, что гунны держались вместе на протяжении сотен миль. Самый первый рассказ о гуннском рейде в Балканские провинции опровергает мнение о том, что полвека после вторжения на юг России гуннское общество состояло из большого числа отдельных маленьких независимых друг от друга групп. Но проблемы гуннского общества мы рассмотрим в другом контексте.

Некоторые авторы утверждают, что гунны воевали в Адрианополе (см. главу 12) бок о бок с готами. Адрианополь (378) стал готской победой. «Римские легионы были уничтожены готами» (*Romanae legions usque ad internicionem caesae sunt a Gothis*) – писал Иероним через год после катастрофы. И никто из тех, кто пользовался его хрониками, не мог ничего добавить из других источников. Рассказ Аммиана о сражении далек от той точности, которую можно было бы ожидать от автора с его военным опытом и способностью понимать детали. Определенно одно: решение было принять с прибытием остготов. Вестготы Фритигерна не могли противостоять яростным атакам римской кавалерии. Они отошли к своим повозкам и были вынуждены отступить, когда их спасли остготские всадники Алатея и Сафракса. Вестготский командир, сколько мог, избегал сражения, возможно, потому, что все еще надеялся прийти к пониманию с императором, но, главным образом, поскольку боялся вступать в бой в одиночестве. У римлян были сарацинские лошади. Фритигерн отчаянно нуждался в остготской кавалерии. Не прибудь она вовремя, вестготы, скорее всего, были бы разбиты или даже уничтожены. Неожиданная атака остготов вызвала панику в рядах римлян, за которой последовала бойня.

Сражение при Адрианаполе, одна из решающих битв в истории, было выиграно equitatus Gothurum (готской конницей). Это правда, что там были люди и из других племен, но не гунны. Аммиан говорит о Halanorum manus. Если бы повествование написал Иордан, мы могли бы заподозрить, что он не желает приписывать гуннам честь готской победы. У Аммиана не было причин предпочитать аланов готам. В его рассказе гунны появляются *после* сражения. Когда готы разбивают лагерь в Перинфе на берегу Мраморного моря, они были Hunis Halanisque permixti. Гунны держались в стороне от сражения. Их потомки, массагеты в римской армии в Африке, поступали так же отнюдь не единожды. Они ждали, желая посмотреть, кто одержит верх. Гуннов интересовала добыча, и они не имели желания проливать кровь за царя готов[24].

В следующие два года наши источники неоднократно упоминают о гуннах, готах и аланах вместе. Однако, когда гунны грабили и жгли фракийские деревни, действовали они самостоятельно или как

союзники готов – неизвестно. Некоторые современные авторы видели в гуннах страшных злодеев, которые были «свирепее любой катастрофы» (*omni pernicie atrociores*). Орозий называет гуннов и аланов перед готами.

После 380 г. среди варваров Балканских провинций ни гунны, ни аланы не упоминаются. Готы тысячами служили в римской армии. Римские командиры Ботерих, Эриульф, Фравитта, Гаинас и Руморид были готами. Но мы не слышим о гуннских контингентах или офицерах-гуннах. Гунны вернулись за Дунай.

Хотя гунны не сражались при Адрианополе, они косвенно решили судьбу сражения. Следующие хронологические и географические размышления вроде бы уводят нас в сторону от гуннов, но без них невозможно реконструировать события в мире варварства (то есть на территориях за границами Римской империи).

Гунны угрожают Паннонии

В начале июня 378 г. армия Грациана, которая должна была как можно скорее присоединиться к восточным римлянам, теснимым вестготами, наконец выступила во Фракию. Фривольное желание юного императора предстать перед Валентом победителем могущественных варваров на западе задержало выход на целый месяц[25]. Но теперь Грациан спешил. Он возглавлял свои войска на долгих переходах, *porrectis itineribus*, от Феликс-Арбора, что на озере Констанц, до Лауриакума – совр. Лорых – в Верхней Австрии. Там армия, прошедшая 300 миль, сделала небольшой привал[26]. Сам Грациан выслал вперед по суше весь свой багаж, спустился по Дунаю, прибыл в Бононию (в Верхней Паннонии, совр. Баностор) и вошел в Сиримиум (в Нижней Паннонии, современный Сремска Митровица). После остановки там на четыре дня он пошел дальше по реке в Кастра-Мартис (современный город Кула в Болгарии), хотя и страдая от болезней. Здесь на него неожиданно напали аланы, и он лишился части своих сторонников. Это была первая схватка с противником.

Грациан не осмелился бы плыть по Дунаю, имея всего лишь отряд легковооруженных войск, если бы не был уверен, что квады, языги и сарматы на левом берегу реки будут хранить мир. Они все еще страдали от поражений, нанесенных им тремя годами раньше Валентинианом. Квады были вынуждены поставлять рекрутов в римскую армию и возобновили союз с сарматами-аргарагантами в Банате. Чтобы не допустить повторения внезапных нападений, наподобие тех, что в 374 и 375 гг. завели варваров в глубь римской территории, приграничные укрепления были существенно укреплены. Паннонийские солдаты могли выделяться даже для службы в Британии. Весной 378 г. Фригерид, один из военачальников Грациана, с паннонскими и трансильвийскими войсками присоединился к силам во Фракии. Грациану нечего было опасаться со стороны народов, живущих к востоку от Дуная. Но всего через несколько месяцев Валерия, самая восточная провинция Паннонии, подверглась вторжению готов, гуннов и аланов.

Допуская, что Грациан двигался с такой же скоростью, как император Юлиан (360–363), который летом 361 г. в условиях отличной погоды плыл с 3 тысячами людей от «места, где река судоходна» до Сирмиума (Сирмия) 11 дней, то он мог прибыть в Бононию в конце июня или начале июля. Возможно, Грациан был в Кастра-Мартисе не позднее середины июля. Мог ли он присоединиться к Валенту до 9 августа, когда произошло знаменитое сражение, – вопрос спорный. В письме, которое Грациан отправил Валенту, говорится, что он намеревался как можно скорее бросить свою кавалерию в бой. Но отрывок из «Новой истории» Зосимы, написанной в VI в. показывает, что Грациан внезапно остановился, повернул обратно и вернулся в Сирмиум.

Виктор, командовавший конницей, один из немногих высших офицеров, переживших бойню Адрианополя, пробился с остатками своих людей «через Македонию и Фессалию в Мёзию и Пеонию,

чтобы проинформировать Грациана о случившемся». Пеония здесь обозначает провинцию Паннония Секунда^[27]. Если Виктор действительно был первым, кто сообщил Грациану о смерти Валента, и если он встретился с ним в Паннонии, то Грациан вернулся в Сирмиум не потому, что понимал невозможность противостоять готам в одиночку после уничтожения восточной армии, а до того, как узнал о катастрофе. Следует отметить, что Зосима – не слишком надежный автор^[28]. Важную новость о смерти Валента Грациан мог получить и по пути на восток^[29]. Но если ему и следовало вернуться раньше, тому могла быть только одна причина: его войска, хотя и остро необходимые во Фракии, скорее всего, были еще нужнее в Паннонии. Валент сражался с готами. Грациан должен был сражаться и с народами, вытесненными в Паннонию гуннами, и с самими гуннами.

Грациан попросил епископа Амвросия, сначала в письме, потом при встрече в Сирмиуме, написать трактат об ортодоксальной вере. Амвросий составил первые две книги *De fide* «поспешно и скжато и скорее в грубой, чем в точной форме». Он написал их после того, как узнал о смерти еретика Валента, которая его не особенно огорчила. Он назвал молодого императора-ортодокса Грациана «правителем всего мира», который покорит готов. Среди теологических споров и письменных доказательств единосущности Отца, Сына и Святого Духа есть отрывок, требующий самого пристального внимания. «Разве мы не слышали, – писал Амвросий, – по всей границе от Фракии через Дакию, Мёзию и всю Валерию проповедующих богохульников (то есть ариан) и галдящих варваров?» Амвросий пропустил Паннонию Секунду, где, очевидно, стояли главные силы Грациана. А то, что он подчеркнул вторжение в Валерию, – всю, – чрезвычайно важно.

В *De fide* готы все еще оставались единственными врагами. Однако вскоре Амвросий получил более точные и тревожные новости. «Гунны, – теперь писал он, – напали на аланов, аланы на готов, а готовы на тайфалов и сарматов. Готы, вытесненные из своей собственной страны, и это еще не конец». Расплывчатая картина, представлявшаяся римлянам о событиях за Дунаем, стала яснее: вестготы Атанариха, не присоединившиеся к Фритигерну, напали на тайфалов в Олтении, а потом на сарматов в Каукланде. По всему варварскому миру, «до маркоманов и квадов», люди пришли в волнение. У нас нет информации относительно сопротивления, которое сарматы в Каукланде, Банате оказывали готовам. Оно должно было быть упорным (аргараганты известны своей храбростью и предприимчивостью). Но сопротивление было сломлено, что, очевидно, вынудило большую группу сарматов переправиться через Дунай в Валерию. В декабре 378 г. отставной генерал Феодосий, поспешно вызванный из Испании, разгромил захватчиков^[30]. Хотя рассказ о сражении церковного историка Феодорита изрядно приукрашен, по сути он правдив. Один фрагмент даже проливает свет на состав вторгшихся орд. «Многие варвары, – писал Феодорит, – были убиты собственными соотечественниками». Очевидно, сарматы-лимиганты, рабы аргарагантов, восстали против своих господ и убили их, используя оружие, которое должны были обратить против римлян.

Победа Феодосия, вероятно, слегка ослабила давление на одном участке фронта. Но это был всего лишь эпизод в масштабной борьбе. В январе 379 г., когда Грациан объявил Феодосия императором, сложилась уже практически безнадежная ситуация: «Города опустошены, мириады людей убиты, земля пропиталась кровью, а чужеземцы ходят по этой земле, словно она принадлежит им». Грациан больше не мог из своего штаба в Сирмиуме влиять на ситуацию на фронте, протянувшемся от Западной Венгрии до Черного моря. Восточная часть Иллирика^[31], включавшая диоцезы Дакия и Македония, была добавлена к преторианской префектуре востока, в которой Феодосий должен был стать преемником Валента^[32]. Разделение провинции Иллирик на восточную и западную части было обусловлено чисто военными причинами. Грациан взял на себя борьбу против захватчиков Паннонии.

Духовные историки Сократ и Созомен туманно упоминают о племенах с берегов Истра – варварам. Римский оратор Симмах (340–402) также ссылается на победы двух императоров, но не называет их врагов. Поэты, к счастью, более конкретны. От Паката и Авсония мы узнаем, что люди, которые теснили

сарматов к западу от Дуная, теперь атакуют укрепленную границу и уже перешли ее во многих местах. Феодосий все еще был в Испании, когда готы, гунны и аланы ворвались в Валерию. «Все, что гот разорит, гунн разграбит, а алан унесет, Аркадий позднее захочет [вернуть]» («Quidquid atterit Gothus, quidquid rapit Chunus, quidquid aufert Halanus, id olim desiderabit Arcadius»). «Увы, я утратил Паннонию», – жалуется *res publica*[\[33\]](#), заклиная Феодосия прийти на помощь. Пакат явно преувеличивал. Паннония еще не была утрачена, но пребывала в опасности. В конце 378 г. Авсоний, друг и учитель Грациана, консул 379 г., получил в Трире хорошие новости:

Возможно, неправильно придавать слишком большое значение дифференциации между савроматами и аланами и предполагаемому союзу между варварами, хотя сарматы, подвергшись нападению готов, действительно могли обратиться к гуннам за помощью. Победы не могли быть такими убедительными, какими они выглядели из далекого Трира, – война продолжалась.

Грациан оставался в Сиримиуме весь февраль и первую половину марта. 5 апреля он был в Трикиане (современный Сагвар), в городе на пути из Сопианы в Арабону, в 10 милях к югу от северо-западного побережья озера Балатон. Чем он занимался в Северной Паннонии, мы узнаем из нескольких фрагментов Авсония. Галльский ритор, возможно, несколько преувеличил подвиги императора, но он, по крайней мере, их не придумал, что доказал исход борьбы. В благодарность за консульство, обращаясь к Грациану в Трире в конце 379 г., Авсоний восхваляет молодого правителя за «восстановление мира всего за один год на дунайских и рейнских границах». Он называет императора *Sarmaticus*, «потому что он завоевал и простили этот народ»[\[34\]](#). В эпиграмме Авсоний хвалит Грациана, который «средь бряцанья оружия, свирепых гуннов и опасных, украдкой подкрадывающихся савроматов, каждую минуту отдыха, которую имел, посвящал музам-клариям (кларии – музы в древнегерманской поэзии. – Пер.). В ночном кошмаре Авсоний увидел себя разоруженным военнопленным аланом, которого таскали по улицам.

К середине июня ситуация настолько улучшилась, что Грациан смог передать командование одному из своих генералов и уехать в Италию[\[35\]](#). Кроме того, его присутствия в Риме потребовало новое восстание алеманнов на западе.

Гуннское давление на нижнем Дунае

У нас нет необходимости внимательно следить за борьбой между вестготами и армиями Феодосия. Если среди варвarov еще оставались гунны, их были единицы. Но гуннская угроза оставалась актуальной. Зимой 381/82 г. скиры и карпадаки „смешались с гуннами“, переправились через Дунай, но были вытеснены обратно после нескольких столкновений[\[36\]](#). Эпизод представляется важным только потому, что показывает: гунны не могли помешать более активным племенам к северу от Дуная действовать по собственному усмотрению. Все же Феодосий не мог не осознавать, что ужасные всадники, ставшие хозяевами, хотя и не абсолютными, несметных орд варваров в Скифии, могут однажды оказаться для него более страшной угрозой, чем готы. Осенью 382 г. он заключил мир с вестготами.

Ослабленные эпидемиями отряды быстро уменьшались из-за дезертирства. Смертельно уставшие от постоянных передвижений с места на место вестготы жаждали прийти к соглашению с императором. Они хотели получить землю, на которой могли обосноваться, и, по возможности, субсидии. А Феодосию нужны были солдаты. Мирный договор дал готам большие территории в Мёзии и на границе Восточной Дакии; он же дал императору войска, чтобы охранять дунайскую границу от Эскуса (на Дунае близ слияния с рекой Голем Искр) до Дурострума. Новогоднее обращения Темистия от 1 января 383 г. не следует понимать буквально. Имея большой опыт общения с варварами, Феодосий не мог ожидать, что, как кельты в Галатии, готы станут хорошими и законопослушными гражданами Римской империи. Но он определенно рассчитывал, что они помогут ему укрепить оборону. Годом раньше последователи Атанариха

обустроились на правом берегу реки, „чтобы предотвратить любые нападения на римлян“. Зосима, как и Темистий, не назвал потенциального противника. Евнапий Сардский был конкретнее. Император, писал он, дал готам скот и землю, ожидая, что они станут „непоколебимым оплотом против вторжения гуннов“[\[37\]](#). Вшедшие в империю на федеративных началах вестготы были обязаны служить там и тогда, когда их призовут, но их главной и постоянной обязанностью оставалась защита самих себя. Сражаясь за свой новый дом, они сражались за Рим. Пока они несли вахту на Дунае, северные Балканские провинции, кроме разве что самой восточной Малой Скифии, были в безопасности. Какое-то время, к сожалению очень короткое, римское население в систематически разоряемых городах и деревнях наслаждалось неким подобием мира. В 384–385 гг. орда варваров перешла Дунай по льду в районе устья и взяла Гальмирис[\[38\]](#). Но это происходило за пределами готской территории. Вскоре после этого орды гуннов напали на Скифию[\[39\]](#).

В 386 г. варвары снова нанесли удар справа и слева от места вахты готов на Дунае и в некоторых местах глубоко проникли на римскую территорию. Эдикт от 29 июля того же года дает весьма странную картину ситуации на Балканах: „Поскольку прокураторы рудников в Македонии, Дакии (средней), Мёзии и Дардании, которые систематически назначаются из декурионов и которые осуществляют обычный сбор налогов, устранились с этой службы под предлогом страха перед врагом, их следует заставить вернуться к выполнению своих обязанностей“. Конечно, прокураторы с радостью использовали любой предлог, чтобы уклониться от исполнения неприятных обязанностей, но все же они не могли придумать врагов, если их не было. Последовательность, в которой перечислены провинции, не оставляет сомнений в том, что враги действовали в долине Моравы-Вардара. Они сеяли страх до самой Македонии, а значит, это были быстрые и мобильные всадники. Вероятно, их было немного, но все же достаточно, чтобы одолеть римские войска. Возможно, они обходили стороной укрепленные пункты и возвращались, нагруженные добычей, обратно. Там и тогда не было других врагов, которые могли совершать подобные набеги на Западные Балканы, кроме трансдунайских гуннов.

Захватчики с востока были германцами. Летом 386 г. гревтунги, которых вел Одотей, и их союзники появились на левом берегу нижнего Дуная и попросили Промота, магистра во Фракии, разрешения пересечь реку. Им нужна была земля для поселения. Когда их просьбу отклонили, они сделали попытку пробиться на территорию империи силой. Промот нанес им решающее поражение.

Зосима рассказывает о событии дважды. Он приводит подробное повествование о военной хитрости, с помощью которой Промот обманул варваров; поэт Клавдиан дал описание кровавого убийства гревтунгов. Но ни один из этих авторов не проявил интереса к предпосылкам этой короткой войны. Для них это было всего лишь очередное проявление „безумия“ варваров. Хотя и маловероятно, но вовсе не невозможно, что источники Зосимы содержали больше сведений о гревтунгах и причинах их переселения на юг. Потому что это стало именно переселением, миграцией очень большой группы людей в поисках нового дома. Зосима подчеркивает, что с варварами были женщины и дети, сколько – мы не знаем. Клавдиан определенно преувеличивает количество лодок, в которых находился цвет молодежи варваров. Их потопили римляне. Но даже если их число было не 3 тысячи, как утверждает автор, а только одна и в каждой лодке сидело по три-четыре человека, получается, что число варваров, способных держать в руках оружие, приближалось к 10 тысячам. Германская армия могла составлять четвертую или пятую часть общей численности населения. Но даже если гревтунгов вместе со всеми племенами и частями племен, ставшими их союзниками, было не 50, а только 30 или 20 тысяч (источники Зосимы называют их огромной ордой), факт, что такая большая масса людей могла проигнорировать своих господ гуннов и прорваться к Дунаю, имеет первостепенную важность.

В 381 г., пятью годами раньше, несколько гуннов присоединились к скирам и карпадакам для стремительного набега за добычей. На этот раз целый народ, который возглавил остготский принц Одотей,

бросил иго гуннов. Неудивительно, что Кассиодор-Иордан игнорирует миграцию гревтунгов: другие остыгли, те, кто следовали за амалунгами, пишет Кассиодор, не осмеливались восстать против гуннов. К сожалению, мы ничего не знаем об обстоятельствах, при которых гревтунги сумели спастись от гуннов. Возможно, возникли разногласия между хозяевами: не исключено, что гунны, правившие гревтунгами, в тот момент были заняты набегами на севере. Но все это не меняет очевидного факта: много тысяч „голов людского скота“ сломали гуннские заборы. Власть гуннов на равнинах, расположенных к северу от нижнего Дуная, еще не была прочной.

Гуннские всадники направляются в Галлию

Ситуация на границах Паннонии и на равнинах к востоку от Дуная оставалась изменчивой. Только небольшая часть сарматов заключила мир с римлянами. Война с остальными продолжилась весь 383 г. Но что победа войск Валентиниана над ускользающим врагом была столь же решающей, какой она казалась зрителям в римском Колизее, представляется сомнительным. Продолжающиеся попытки сарматов перейти на правый берег Дуная можно сравнить с миграциями гревтунгов Одотея; они тоже, судя по всему, старались сбросить иго гуннов и найти новые пастища. О самих гуннах мы практически ничего не знаем.

Весной 384 г. гуннские всадники направились через Норик и Рецию на Галлию. Единственный источник, в котором упоминается первое появление гуннов в Западной Европе, – это короткий отрывок из письма епископа Амвросия Валентиниану II. Его весьма непросто датировать. Амвросий ссылается на события, о которых мы знаем очень мало или не знаем вообще ничего. И все же, ввиду отсутствия любой другой информации о гуннах в те годы, даже мельчайшая крупица информации – великая ценность.

По возвращении из Трира в Милан в декабре 383 г. Амвросий встретил в Южной Галлии войска узурпатора Максима. Они шли, чтобы занять перевалы через Приморские Альпы и стратегические точки вдоль Ривьеры. В Италии Амвросий увидел имперскую армию, двигавшуюся в противоположном направлении с той же целью. За четыре месяца, которые прошли после убийства Грациана, Максим стал неоспоримым хозяином Галлии. Он мог вторгнуться в Италию в любое время и сделал бы это не колеблясь, если бы был уверен, что ему придется столкнуться только с войсками маленького брата Грациана Валентиниана или, точнее, с войсками Бавтона, его франкского военачальника.

Бавтона считали опытным и предпримчивым военным, но его войско было немногочисленным и, за исключением готских наемников, ненадежным. На одной стороне находился Максим, приверженец православной церкви, с другой – вдовствующая императрица Юстина, которая была арианкой (ребенок Валентиниана не принимался в расчет) и язычник Бавтон. Когда четырьмя годами позже Максим вторгся в Италию, он почти не встретил сопротивления. Армия Бавтона сражалась бы лучше в 383 и 384 гг., до того как Юстина начала „подвергать гонениям“ ортодоксальное большинство своих подданных, но она почти наверняка была бы разгромлена, если бы Максим решился на марш. Только страх перед Феодосием, правителем Востока, сдерживал Максима. И только надежда на помощь с востока помогали Бавтону держаться. Максим знал, что нападение на Италию означает войну с Феодосием. Бавтон сосредоточил все свои силы вдоль западной границы, поставив перед ними задачу держаться до подхода главных сил Феодосия.

Максим нанес удар, но не в Италии. Он побудил ютунгов возобновить набеги на Рецию. Все еще переживая свои поражения в 378 и 379 гг., сдерживаемые усиленными гарнизонами вдоль *limes Raticus*, ютунги не предпринимали никаких действий до лета 383 г. В то время, когда ужасный голод поразил большую часть Западной империи, и в первую очередь Италию, „Малая Реция узнала опасность собственного плодородия. Она навлекла на себя врага своим изобилием“. Вторглись в Речию ютунги.

Грациан уже готовился выступить против них, другая опасность – на западе – заставила его оставить оборону провинции стоявшим там войскам и бросить мобильную армию в Галлию, чтобы остановить Максима[40].

В первом месяце 384 г. ютунги готовили новое нападение. Маловероятно, что Максим заключил официальный союз с варварами; им было необходимо только согласие, возможно, даже только молчаливое согласие Максима на вторжение в Речию. Если бы они энергично продолжили атаку и перешли альпийские перевалы, с Бавтоном было бы покончено. Максим мог просто войти в Италию, причем не как агрессор, а как спаситель римского мира от варваров.

Именно тогда Бавтон обратился к гуннам и алланам. Из письма Амвросия мы ничего не узнаем о силе гуннской и аланская кавалерии, ее командах и сражениях, в которых она участвовала. Он лишь вскользь упоминает о триумфах варваров. Представляется, что они разгромили ютунгов в одной масштабной кампании. Тем самым они выполнили задачу. Опасность со стороны ютунгов была устранена. Гунны могли возвращаться на свои земли.

Но они не вернулись. Они продолжали двигаться на запад и приблизились к Галлии. Когда новость об этом достигла Милана, Бавтон, должно быть, пришел в ужас. Хотя Феодосий решил защищать Италию, он совершенно не собирался помогать Бавтону в нападении на Максима. Если гунны, союзники Бавтона, ворвутся в Галлию, Максим должен воспринять это как официальное объявление войны. И их остановили. Бавтон купил отступление федератов за золото. Нам не сказано, сколько он им заплатил, но можно предположить, что компенсация за не полученную в Галлии добычу была весьма велика. Гунны развернулись и отправились домой.

В истории поздней Римской империи все это заняло бы несколько строчек, но для изучения мира гуннов эпизод 384 г. очень важен. Из него мы можем сделать следующие выводы.

В одном отрывке Амвросий называет гуннов первыми, аланов вторыми, в другом – только гуннов, так что гунны, вероятно, были не только более сильной, но и доминирующей группой.

Гунны, к которым обратился Бавтон, не могли обитать далеко на востоке. Если они жили не западнее Дуная, что представляется вполне возможным, то определенно не далеко от левого берега реки. В начале 384 г. гунны и их союзники алланы занимали большие территории Венгерской равнины.

Ductus (командование) гуннских primates (лидеров) не было tumltuarius (поспешным). Заключив в 378 г. соглашение с негуннской силой, они собрали всадников, на этот раз больше, чем в том же году, и повели их по неизвестным землям. Было бы абсурдом предполагать, что эмиссары Бавтона платили жалованье каждому гунну. Золото получали лидеры. Как они его распределяли среди своих людей, мы не знаем. Но то, что они сдержали слово и вернулись домой, хотя многие варвары наверняка чувствовали искушение взять деньги и продолжить экспедицию, обещавшую большую добычу, доказывает, что лидеры твердо держали своих людей в руках. Они были, какое бы положение ни занимали, людьми слова.

Наша информация о гуннах, живших и к западу, и к востоку от Карпат, после 380 г. даже более скучна, чем та, что мы пока сумели получить из немногочисленных источников. Мы имеем только краткие упоминания о гуннах в поэтических произведениях.

Когда летом 387 г. Максим предложил послать войска из Галлии в Италию, чтобы помочь Валентиниану справиться с варварами, угрожавшими Паннонию, положение на территории, прилегающей к среднему течению Дуная, должно было быть очень серьезным. Только опасность того, что пограничные укрепления могут не выдержать и варвары сплошным потоком устремятся в Италию, могла заставить Валентиниана, имевшего все основания не доверять неожиданной готовности убийцы его брата прийти на помощь, принять предложение. В течение нескольких недель за „вспомогательными войсками“ прибыла

вся армия Максима, и Валентиниану пришлось бежать в Константинополь.

Зосима, единственный для нас источник сведений об этих событиях, писал то, чего ждала от него публика. Он не указал, кем были противники, где они напали и каким был исход сражения. Его читатели интересовались историей лишь между прочим. Они хотели слышать придворные слухи и антихристианские анекдоты. Также благочестивую толпу, наполнявшую собор в Милане, не интересовало, кем были дикари, против которых воюют солдаты императора. В своих проповедях 387 г. Амвросий говорит о *barbarous hostis*. К счастью, Пакат пишет хотя и в иносказательной, но в более определенной манере.

Как известно, „Панегирик Феодосию“ – главный источник информации о кампании против Максима в 388 г. Армия, которую собрал император, состояла почти полностью из варваров. Феодосий провел тщательную дипломатическую и военную подготовку: был возобновлен мир с Персией, усмирены сарацины. Император принял „варварские народы, которые поклялись ему помочь в качестве союзников“[\[41\]](#). Заключая союзы с ними, он не только ликвидировал угрозу на границах, но также достаточно укрепил свою армию, чтобы избежать необходимости призывать римских граждан.

Всадники варваров сражались великолепно. Этого и следовало ожидать. Но удивительной была дисциплина, которую поддерживали варвары. „Армия, – писал Амвросий, – собранная из многих непокоренных народов, сохраняла веру, невозмутимость и согласованность, как один народ“. Пакат лишь восхвалял союзников: „О, запоминающаяся вещь: под римским командованием и римскими знаменами шли те, кто раньше были нашими врагами, следуя сигналам, против которых они раньше выступали, и, став солдатами, заполнили города Паннонии, которые они злодейски опустошили. Готы, гунны и аланы откликались на перекличку, меняли караульных и редко опасались выговоров. Не было ни шума, ни суматохи, никто не рыскал в поисках добычи, как это обычно делают варвары“.

В другом отрывке Пакат говорит о союзниках-варварах, которые пришли с „грозного Кавказа, ледяного Тавра и Дуная“. Последние, вероятно, готы. Кавказ и Тавр – это не горы, с которых спустились гунны и аланы, чтобы присоединиться к Феодосию, а их настоящие дома „где-то на востоке“.

Феодосий выступил из Фессалоник вдоль Вардара и Моравы к Сингидунуму (Белград) и оттуда повернулся на запад вдоль Савы к Сискии (Сисак, Хорватия), где нанес первое поражение войскам Максима. Второе сражение имело место возле Петавиона (Птуй, Словения). Дорога от Сингидунума через Сискию до Петавиона ведет через Паннонию Секунду и Савию. В этих провинциях находились города, которые готы, гунны и аланы грабили до 388 г. Крайне маловероятно, что Валерия не была затронута их набегами. В 387 г. варвары, должно быть, проникли глубоко на территорию Паннонии Примы. Амвросий не говорил бы о мародерах на Дунае, не заставь они Валентиниана принять помощь Максима.

Свидетельство Паката подтверждает выводы, сделанные на основании письма Амвросия: восточная часть Венгрии была землей гуннов. Однако она определенно не являлась одним большим пастищем, на котором паслись стада одних только гуннов. Были еще аланы и готы, союзники или подданные гуннов, сарматы-языги, германские племена и местное иллирийское население. Но господами были гунны.

Если в 388 г. гунны сражались за римлян, четырьмя годами позже гуннские всадники снова стали грабить Балканские провинции. Из *In Rufinum* и *Panegyric on Stilicho's Consulship* Клавдиана мы узнаем, что гунны пересекли Дунай и присоединились к германским врагам римлян. Поэмы Клавдиана, одна – резко обличительная, другая – преувеличенно хвалебная, не являются достоверными источниками информации о смутном периоде, начавшемся после победы Феодосия над Максимом. Но все же Клавдиан – образец точности в сравнении с Зосимой, анекдотичный рассказ которого позволяет реконструировать события того времени лишь в самых общих очертаниях.

Изрядное количество варваров, очевидно в основном вестготов, дезертировали из римской армии накануне кампании 388 г. и занялись грабежами. Почти четыре года они терроризировали Македонию: грабили крестьянские хозяйства, блокировали дороги, быстро вылетая из своих укрытий в лесах и болотах и так же быстро исчезая – „как привидения“. После войны в Италии в их ряды влились новые дезертиры, и отдельные отряды разбойников превратились в крупную и хорошо организованную армию, как варги и скамары полувеком позже. Летом 391 г. ситуация стала отчаянной, и Феодосий дал право мирным жителям использовать оружие против бандитов. Это была, прямо скажем, рискованная мера, если учесть, с какой легкостью рабочие с рудников и прочий пролетариат могли присоединиться к бандитам, как они присоединялись к готам в 378 г.

Осенью император сам отправился на поле боя. Уже первые столкновения показали, что местных сил совершенно недостаточно; после тяжелого поражения, в котором он лишь чудом не лишился жизни, Феодосий потребовал подкрепления у армии во Фракии. В результате крупные орды трансдунайских варваров прорвались через пограничный вал и вторглись на равнину севернее Балкан. И то, что до сих пор было карательной экспедицией, хотя и довольно-таки масштабной, превратилось в страшную войну. Иероним не был уверен, что в конце концов готы не победят. Письмо Иоанна Златоуста молодой вдове дает представление о масштабах катастрофы, разразившейся во Фракии. Он успокоил ее, указав, что многие женщины находятся в еще более ужасном положении, в том числе императрица. Супруга Феодосия, по его словам, „готова умереть от страха и проводит свои дни еще ужаснее, чем осужденные на смерть преступники, потому что ее муж, с тех пор как принял корону и до настоящего времени, постоянно воюет... То, чего никогда не было, теперь произошло; варвары, покинув свои земли, захватили большие части нашей территории. Сжигая все на своем пути и захватывая наши города, они теперь не собираются возвращаться домой. Как люди, которые хорошо проводят время, а вовсе не воюют, они презрительно смеются над нами. Говорят, один из их царей объявил, что он изумлен наглостью наших солдат, которые, хотя их убить легче, чем овец, все же ожидают победы и не желают оставлять свою территорию. Он сказал, что уже пресытился разрубанием их на куски“.

Феодосий вернулся в Константинополь в 391 г., „настолько угнетенный тем, что ему и его армии пришлось выстрадать от варваров, что решил отказаться от войны и сражений, передав эти дела Промоту“. Опытный генерал был не более удачлив. Был ли враг действительно так силен, как указывал Клавдиан, неизвестно. В своих поэмах он не указывал цифр. Вместо этого он громоздил друг на друга имена и названия. В обличительной речи против Руфина Клавдиан перечисляет гетов, сарматов, даков, массагетов, аланов и гелонов, а в „Панегирике Стилихону“, написанном тремя годами позже, у него присутствуют визы, бастарны, аланы, гунны, гелоны, геты и сарматы. Промот был убит в стычке с бастарнами. Утверждают, что Стилихон, его преемник, разогнал вестготов и сверг бастарнов. Он бы уничтожил орды варваров, загнанные в небольшую долину, если бы предатель [Руфин] не шептал на ухо императору коварные слова. Он удержал руку Стилихона, заставил его вложить меч в ножны, снять осаду и заключить договоры с пленными.

Руфин действовал так же, как сам Стилихон тремя годами позже и еще раз в 402 г., когда он заключил сделку с вестготским царем Аларихом и позволил ему уйти. То, что сказал Клавдиан во славу Стилихона, он мог бы повторить о Руфине: „Забота о тебе, о Рим, заставила нас предложить путь к отступлению осажденному врагу. Иначе, оказавшись перед лицом смерти, их ярость стала бы такой сильной, что ее уже не сдержать“. „Пленными“, с которыми Руфин, определенно с согласия Феодосия, если не по его прямому приказу, заключил договоры, явились готы и гунны. Какими были условия foedera, Клавдиан не говорит. Но многие гунны не вернулись обратно за Дунай в свои палатки. Они остались, как мы увидим, во Фракии.

Летом 394 г. Феодосий снова возглавил армию против узурпатора на Западе – Евгения. Она была не слабее, чем в 388 г. Судьба Рима оказалась в опасности. Это была не, как шестью годами ранее, война

между законным правителем и узурпатором, а война между Христом и Юпитером, авгурами Фиваиды и Этурии, возлюбившим Бога Востоком и поклоняющимся идолам Западом. Евгений боролся за богов, и боги сражались за него. Его солдаты шли под штандартами с изображением Hercules Invictus (Геркулес Непобедимый). А на вершине Юлианских Альп стояли золотые статуи Юпитера, готового метать молнии в галилеян, если они осмелятся вступить на священную землю Италии. В Риме Никомах Флавиан, лидер довольно-таки буйного возрождения язычества, читал о грядущей победе Евгения по внутренностям жертвенных быков, в Константинополе Феодосий с нетерпением ждал ответа от отшельника-пророка Иоанна из Ликополиса относительно исхода войны. Он молился и постился: „Он был готов к войне не так с помощью оружия и снарядов, как постами и молитвами“ (*Praeparatus ad bellum non tamen armorum talorumque quam ieuniorum orationumque subsidiis*), – сказал Руфин. И все христианские авторы согласились, что именно Господь даровал Феодосию славную победу над язычниками. Амвросий сравнивал его с Моисеем, Иисусом Навином, Самуилом и Давидом. Однако, когда император отправился на войну, он не нес пращу, а шел во главе огромной армии.

Зимой 394/95 г. Феодосий занимался сложными военными приготовлениями. Его вербовщики на востоке набирали в армию армян, кавказских горцев и арабов. Вестготским союзникам приказали собрать как можно больше солдат. Даже если войско и не насчитывало более 20 тысяч человек, как утверждает Иордан, это был весьма крупный контингент. Пришли аланы, которых вел Саул, с ним мы вскоре встретимся снова. Кроме того, пришли, чтобы укрепить ряды воинов Бога, „многие готы из Фракии со своими phylarchoi (филарх – глава племени)“.

Хронист Иоанн Антиохийский единственный упомянул гуннов. Вполне понятно, почему церковные историки обходили последних молчанием: их не интересовал состав вспомогательных сил. То, что Иордан упоминал только о готах, никоим образом не является примечательным. Но отсутствие гуннов в длинном списке народов у Клавдиана требует объяснения.

Поэт называет арабов, армян, азиат с Евфрата, Галиса и Оронта, колхов, иберийцев, мидян с Каспийского моря, парфян с Нифата и даже саков и индусов. Он упоминает готов и аланов, но гуннов для него не существовало, хотя он не мог не знать, что они сражались за Феодосия. Он мог намекнуть на них, перечислив среди варваров гелонов[42].

Можно подумать, что, игнорируя гуннов, Клавдиан выражает свое отвращение к этим низшим из варваров, нежелание признать их заслуги в достижении правого дела. Но я считаю, что реальной и самой сильной причиной этого считали близкие отношения между гуннами и ненавистным Руфином. Клавдиан рисует Руфина в самых черных красках, называет его преданным другом готов. Но когда Стилихон по приказам Руфина должен был оставить командование восточными войсками, люди не боялись, как можно было ожидать, что их командирами станут готовы. Они, скорее, опасались, что Руфин сделает их „слугами грязных гуннов или беспокойных аланов“. Это странно. Единственное объяснение, которое я могу придумать, заключается в следующем: Руфин решил положиться на гуннов и аланов, чтобы уравновесить силу готов. Это было бы не особо приятное, но самое эффективное средство. Спустя несколько лет антиготская фракция в Константинополе всерьез рассматривала идею вступления в союз с гуннами против готов, так сказать, направить волка против льва. Подозреваю, что Руфин имел те же намерения. Не может быть случайным совпадением то, что осенью 395 г. телохранителями его были гунны, а не готовы. И лишь когда все они были сражены до последнего человека, солдаты генерала Гаинаса смогли его убить.

То, что он дал им землю во Фракии, указывает также на самые необычайные и близкие отношения между Руфином и гуннами. Это был единственный раз, когда гуннов допустили в империю. Все остальные союзы с гуннами заключались с племенами или коалициями племен на территории мира варварства. Гуннов во Фракии было, должно быть, несколько тысяч, поскольку крайне маловероятно, что гуннские

войны, ставшие римскими федератами, хотели жить без своих жен и детей, стад и отар, которых они с собой не взяли, когда отправлялись на войну. Они должны были послать за ними позже.

Недвусмысленное заявление Иоанна Антиохийского, что гунны находились под властью своих филархов, позволяет нам сделать ряд выводов относительно их политической организации. *Phylarchos* – филарх – это лидер любой большой группы; *phyle* – это может быть племя, состоящее из ряда кланов, множество племен или целый народ. Если гунны во Фракии имели царя, правителя над *phylarchoi*, Иоанн не мог не упомянуть об этом. Почти наверняка гуннские *phylarchoi* являлись лидерами племен. Но из этого не обязательно следует, что гунны за Дунаем были также разделены на независимые племена без общего лидера. Допустимо, что гунны, ставшие союзниками римлян, не хотели подчиняться некому правительству, поставленному над ними. В любом случае, очевидно, в 390-х гг. не было достаточно сильного гуннского правительства, которое мог бы навязать свою волю всем племенам и не позволить отдельным группам гуннов вести собственные войны и заключать отдельные мирные договоры. И те, кто жил на Венгерской равнине и грабил Паннонию, и те, что вторглись в римскую Фракию, заключали союзы и разрывали их по своей, а не царской воле. Это не исключает возможности совместных согласованных и широкомасштабных действий групп гуннов. Таким был набег в Азию в 395 г.

Вторжение в Азию

Летом 395 г. большие орды гуннов переправились через Дунай возле его устья, повернули на юг и прорвались через Кавказ в Персию и Римские провинции на юг и юго-запад Армении.

Одна группа разорила страну к югу и западу от Антиавра. Когда она переправилась через Евфрат, римляне ее атаковали и уничтожили. Другая группа, которую возглавляли Басих и Курсих, двинулась вдоль равнин Тигра и Евфрата до Ктесифона. Получив сообщение, что на них идет персидская армия, они повернули назад, но их догнали. Один отряд был уничтожен, другие, бросив своих пленных, бежали через Азербайджан и возвратились через Каспийские Ворота в свои степи. Третья группа опустошила восточную часть Малой Азии и Сирию.

В следующем году Восток уже дрожал от страха, опасаясь, что гунны вернутся, на этот раз выступая в роли союзников Персии. Но опасность миновала, возможно, потому, что римляне пришли к соглашению с персами. Когда в 397 г. несколько отрядов гуннов снова вторглись в римскую Армению, их атаки были легко отбиты.

Причиной вторжения 395 г. называют голод в стране гуннов. И на самом деле они у вели столько скота, сколько смогли. Но прежде всего они взяли множество пленных. Этот рейд стал широкомасштабной охотой за рабами.

Таковы события в общих чертах. Вместо того чтобы сослаться на тексты в сносках, которые, в свою очередь, потребуют пространных пояснений, я рассмотрю разные темы и проблемы поочередно, используя материал, который обычно приводится только в комментариях.

Источники

Источников так много, что нет необходимости использовать работы сомнительной ценности, такие как, к примеру, *The life of Peter the Iberian*[\[43\]](#). Кроме трудов Феодорита (см. ниже) широко освещены греческие и латинские источники, но большинство информации, содержащейся в сирийской литературе, обычно не принималось во внимание. Я ссылаюсь на легенду об Эуфемии и готе, поэму Кириллона (400), Иоанна Эфесского (507–586) и *Liber Chalifarum*. Во многих отношениях они дополняют западные источники. Некоторые тексты были неверно истолкованы, в результате чего гуннская история предстала перед нами в

ложном свете. Достаточно двух примеров.

Аранский историк Филосторгий (368–433) начинает свой подробный рассказ о гуннском вторжении в Азию в 395 г. с короткого экскурса в раннюю историю народа: „Они сначала завоевали и разорили большую часть Скифии, потом пересекли замерзший Дунай и, хлынув через Фракию, опустошили всю Европу“. Эти строки обычно приводятся как относящиеся к гуннскому вторжению во Фракию в том же году. На самом деле Филосторгий „ужал“ три или четыре десятилетия гуннской истории от победы гуннов над готами до начала систематических вторжений в Балканские провинции. Поэт Клавдиан предположительно тоже описал в *Invective against Rufinus* гуннское вторжение в Европу в 395 г. Но варвары, разорившие „всю территорию, лежащую между штормовым Эвкином и Адриатикой“, были готами, *Geticae cavernae*. Из церковных историков ни Сократ, ни Созомен не упоминали о гуннском вторжении в 395 г. во Фракию или в любые другие провинции Балкан. Восточные источники, хотя главным образом посвященные событиям на Востоке, ничего не знают о гуннских рейдах во Фракию, не говоря уже о „разорении всей Европы“.

Другой часто неправильно понимаемый отрывок встречается в повествовании Приска о восточно-римском посольстве при дворе Аттилы, *Excerpta de legationibus Romanorum ad gentes*. В беседе между послами из Рима и Константинополя римлянин Ромул говорит об амбициозных планах Аттилы: „Стремясь достигнуть еще большего сверх существующего и увеличить свои владения, он желает двинуться даже в Персию. Когда кто-то из нас спросил, каким путем может он прийти в Персию, Ромул сказал, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии и что гуннам небезызвестен этот путь, так как они уже давно делали вторжение в Мидию, когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда другой войны. Таким образом пришли тогда в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов, предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза. Перешедшие говорили тогда, что они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через пятнадцать дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что гунны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны неприятелей, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы, отправившись оттуда... прибыли на родину“.

Писцы, делавшие выборку цитат, урезали текст и, между прочим, сократили следующую непосредственно за ним историю о находке меча Ареса, которая намного лучше сохранилась в „Гетике“.

Сравнение между Приском и *Liber Chalifaram* показывает, что оба источника повествуют об одном и том же вторжении.

Приск: „...выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что гунны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами“.

Liber Chalifaram: „...когда гунны узнали, что персы выступили против них, они обратились в бегство. Персы преследовали их и отобрали всю добычу“.

Текст Приска также соответствует тексту Иеронима:

Приск: „...римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда другой войны“.

Иероним, повествуя о гуннском вторжении 395 г., утверждает: „... в это время римская армия отсутствовала, занятая гражданской войной в Италии“.

Это была война между Стилихоном и Руфином в 395 г. (см. главу 12). Гунны вторглись в Азию, когда

большая часть восточной армии находилась в Италии или на переходе в Иллирик; она вернулась в Константинополь и Малую Азию только в конце ноября.

Трудно понять, как, несмотря на свою точность, тексты так часто и так странно понимаются неправильно. Бьюри идентифицировал гуннов с сабирами, Демужо с эфталитами, Томпсон датировал вторжение, о котором рассказал Приск, 415–420 гг., а Гордон, наконец признав, что войну, в которой участвовали римляне, следует датировать, отнес ее к 423–425 гг. То, что лидеры гуннов, приехавшие в Рим для заключения союза, были теми же, кто рвался к Тигру, доказывает, что их местонахождение было в Европе. Гуннские федераты Римской империи не были гуннами Дагестана или Кубанских степей; друзья Аэзия жили на Дунае.

Басих и Курсих могли прибыть в Рим в 404 или 407 г. Император Гонорий находился в Риме с февраля по июль 404 г.; двумя годами ранее Стилихон с помощью гуннов нанес поражение Радагасту (Радагайсу). За исключением февраля Гонорий снова был в Риме весь 407 г. и оставался там до мая 408 г. В 409 г. гунны служили в римской армии.

„Хроники Эдессы“ дают точную дату: „В году 706, месяце таммуз [июля 395 г.] гунны достигли Осроены в Северной Месопотамии“. Они вели настоящий „блицкриг“, так что не могли перебраться через Кавказ намного раньше. Годы в сирийских источниках слегка различаются, но тексты едины в основном. „В дни императоров Гонория и Аркадия, сынов Феодосия Великого, вся Сирия была отдана в их [то есть гуннов] руки предательством префекта Руфина и бездействием генерала Аддая“; „Но римляне убили Руфина, гиппарха Императора, когда он сидел у ног своего повелителя, потому что его тирания стала причиной нашествия гуннов“; „Они [то есть гунны] взяли много пленных и разорили страну; и они дошли до Эдессы. Аддаи, бывший в то время военным губернатором, не дал федератам разрешения выступить против них, из-за измены в их рядах“. Слух о том, что Руфин впустил гуннов в империю, циркулировал и на востоке, и на западе. Руфин был убит 27 ноября 395 г., Аддаи (*Addaeus*, *comes et magister utriusque militae per orientem*, упомянут в эдикте, изданном 3 октября 395 г.

В 396 г. новое гуннское вторжение казалось неминуемым: „Через некоторое время готы снова пришли в Эдессу с неким генералом, который был направлен в это место императором, чтобы охранять его от врагов, я имею в виду персов, и гуннов, которые согласились воевать с этой страной“. Клавдиан тоже ссылался на угрозу войны с персами, но не упоминал о гуннах как об их союзниках. Мы узнаем больше о чувствах сирийцев из поэмы Кириллона: „Каждый день беспокойство, каждый день новые сообщения о несчастьях, каждый день новые удары, ничего, кроме сражений. Восток уведен в рабство, и никто не живет в разоренных городах. Запад наказан, и в его городах живут люди, которые не знают Тебя. Мертвые торговцы, овдовели женщины, жертвы прекратились... север под угрозой, везде бои. Если Ты, о Боже, не вмешаешься, я снова буду уничтожен. Если гунны пленят меня, о Господи, почему я нашел убежище со святыми мучениками? Если их мечи убивают моих сынов, почему я принял Твой возвышенный Крест? Если Ты хочешь отдать им мои города, где будут стоять церкви, возведенные во славу Твою? И года не прошло с тех пор, как они приходили и разорили меня, и взяли моих детей в плен, и вот теперь он снова угрожают, хотят унизить нашу землю. Юг тоже наказан жестокими ордами, юг полный чудес: Твое зачатие, рождение и распятие, где все еще слышен отзвук Твоих шагов. В его реке Тебя крестили, в его водоеме Ты исцелял, в его кувшинах Твое ценнейшее вино, на его коленях Твои ученики возлежат у стола...“

Никакого другого вторжения в Сирию в 397 г. не было, как утверждает Клавдиан. Он попросту переносит события 395 г. в 397-й, приравнивая ненавистного евнуха Евтропия и такого же ненавистного Руфина. Ни греческие, ни сирийские авторы не знали о втором пришествии гуннов. Евтропий сражался с ордами варваров, среди которых были и гунны, на Кавказе.

Ход войны

Если верить Клавдиану, гунны пересекли Кавказ через Caspia claustra, Дарьяльский проход; автор добавляет: они пришли по пути, „откуда их никто не ждал“, потому что северные варвары, как правило, приходили через Дербентский проход. Сейчас уже трудно установить, как далеко проникли гунны на территорию Малой Азии, Сирии и Западной Персии.

Сократ, Созомен и некоторые сирийские источники описывают театр военных действий лишь в самых общих чертах: Армения и другие провинции Востока; Сирия и Каппадокия, вся Сирия. В своем комментарии к Иезекиилю (38: 10–12), вероятно написанном до 435 г., Феодорит хочет доказать, что Гог и Магог, которых он идентифицировал со скифскими народами, живут недалеко от Палестины. Он напоминает читателю, что „в наше время весь Восток был занят ими“. Скифы – это гунны, как и у Иеронима. Они воевали с фригийцами, галатами, иберийцами и эфиопами.

Филосторгий более конкретен: гунны ворвались через Большую Армению в Мелитену, тянущуюся от Евфрата, и добрались до самой Келесирии. Клавдиан говорит о Каппадокии, горе Аргос, реке Галис, Киликии, Сирии и Оронте. Иероним называет города на реках Галис, Кидн, Оронт и Евфрат. Гунны дошли до Антиохии и Эдессы.

Два сирийских источника дают больше деталей. Во-первых, это выдержки из „Церковной истории“ (Ecclesiastical Histiry) Иоанна Эфесского.

В том же году гунны заполонили страну римлян и опустошили все районы Сирии вдоль гор Кайя (?), а именно Арзон (Арзанен), Миферкет (Мартираполь), Амид, Ханзит и Арсанисат (Арсамосата). Когда они переправились через Евфрат, путь назад был отрезан, и войска римлян собрались со всех сторон против них и уничтожили их, и ни один гунн не спасся.

„Сирия“ здесь означает Месопотамия; перечисленные города расположены в верховьях Тигра и к северу от него. Автор продолжает описывать, как гунны, захватив акведук, вынудили людей, нашедших убежище в крепости Зият, сдаться: почти все они были убиты, немногие уцелевшие уведены в плен.

В Книге халифов (Liber Chalifaram) дан следующий рассказ: „В этом году проклятый народ гуннов вторгся на землю римлян и прошел по Софене, Армении, Месопотамии, Сирии и Каппадокии до самой Галатии. Они захватили много пленных и увезли с собой. Но они спустились к берегам Евфрата и Тигра на территории персов и добрались до царского города персов. Они не причинили ему ущерба, но опустошили многие территории на Тигре и Евфрате, убили многих людей, захватили пленных. Но, узнав, что персы выступили против них, они обратились в бегство. Персы преследовали их и убили. Они отобрали всю добычу и освободили восемнадцать тысяч пленных“.

В истории гуннов вторжение в Азию было эпизодом, хотя и немаловажным. Из него можно узнать три важные вещи: во-первых, он показывает, какие огромные расстояния гунны могли преодолевать во время одной кампании; этот факт часто не принимают во внимание при исторической интерпретации изолированных гуннских археологических находок. Во-вторых, гунны уводили молодежь, „юношество Сирии“ в плен. Текст это подтвердил. В-третьих, у Феодорита есть несколько строчек, которые почему-то игнорируются историками, изучающими гуннов. Если верить ему, многие люди в регионах, захваченных гуннами, присоединялись к ним. Одних принуждали к этому; можно предположить, что они становились рабами, выполняя самую тяжелую и неприятную работу. Но другие делали это вполне добровольно. Феодорит не перефразирует Иезекииля и не трактует слова пророка: Иезекииль не говорил, что израильтяне присоединятся к армиям Гога и Магога.

Источник Феодорита неизвестен. Он был маленьким ребенком, когда гунны оказались в опасной близости от Антиохии, где он родился (ок. 393). О перебежчиках к гуннам он мог слышать от других людей. В любом случае этот факт нельзя игнорировать. Позднее я еще вернусь к этому вопросу.

Улдин

После полумифического Баламбера Улдин – первый гунн, названный в литературных источниках по имени. Литературных свидетельств вполне достаточно, чтобы отдельные детали сложились в четкую картину. Мы знаем, когда и где он вел своих гуннов в сражения, и имеем представление о событиях в стране гуннов.

В 400 г. Улдин был правителем гуннов в Мунтении (Румыния), к востоку от реки Олт. Когда Гаинас, бывший мятежный *magister militum praesentalis*, и его готские сторонники хлынули через границы (см. главу 12), Улдин „не считал безопасным позволять варвару со своей армией обосноваться за Дунаем“. Он собрал свои войска и напал на готов. Короткая, но кровавая кампания завершилась победой гуннов. Гаинас был убит. Поскольку только одиннадцатью днями позже его голова была выставлена в Константинополе, последнее сражение, вероятнее всего, происходило на Дунае недалеко от столицы, и это место соединялось с ней первоклассной дорогой.

Гаинас хотел присоединиться к своим соотечественникам; он бежал „на свою родную землю“. Из этого следует, что в Мунтении готы жили под властью гуннов. Нам неизвестно, как далеко на восток и север тянулось царство Улдина. На западе оно достигало берегов Дуная в Венгрии, что явствует из союза, который заключил с военачальником Западной Римской империи Стилихоном в 406 г.

В конце 405 г. Италия, едва оправившись после первой готской войны, снова подверглась нашествию готов. Под предводительством своего царя Радагаста варвары вторглись в Венецию и Ломбардию^[44], захватили Тоскану и уже приближались к Риму, когда были наконец остановлены. Регулярная римская армия была слишком слаба, чтобы сдержать мощный поток германцев. Стилихон обратился к гунну Улдину и готу Сару (Сарусу) за помощью. Недалеко от местечка Фаезула (*Faesulae*) гуннские части окружили большое число воинов Радагаста, сам он пытался спастись, но был схвачен и казнен (апрель 406 г.). Уцелевших пленных продали в рабство. Что случилось с готами, которых не было с Радагастом, неизвестно. Судя по всему, некоторые вступили в армию Стилихона, возможно, некоторые сумели вернуться домой за Дунай. Готскую нацию „навсегда“ истребили. Во всяком случае, именно это было написано на триумфальной арке, возведенной в 406 г.^[45], за четыре года до взятия Аларихом Рима.

Часто выдвигалось предположение, что готское вторжение было повторением событий 370 г. Готы Радагаста якобы бежали от гуннов, которых, в свою очередь, теснили на запад другие группы кочевых племен, а тех заставили прийти в движение беспорядки на Дальнем Востоке. Хорошо известная теория бильярдного шара, *primum movens*, сработала и „на обширных долинах Евразии“. Однако ничто у наших авторитетных авторов не указывает на то, что за Радагастом стоял некий иной лидер варваров, чей народ был тесним другим народом, и т. д.^[46] Мы только знаем, что готы пришли из стран за Дунаем.

Если они действительно бежали от кого-то, это было не беспорядочное бегство. Хотя цифры у Орозия и Зосимы сильно преувеличены (по Орозию – более 200 тысяч готов), мы верим, что Радагаст вел в Италию действительно большую армию. Готские воины не были налетчиками-мародерами; они являлись вооруженной частью народа, идущего по пути к новому дому. Из факта – если это действительно так, – что Радагаст был язычником^[47], некоторые ученые сделали вывод, что его армия была остготской, поскольку предполагается, что к 400 г. все вестготы уже стали добрыми христианами. Но вестгот Фравитта, консул в

401 г., генерал Восточной Римской империи, считался убежденным язычником, и среди вестготов за римской границей, должно быть, еще имелось много некрещеных. Кроме того, запись в хрониках 452 г. доказывает, что среди готов Радагаста были арианские христиане. Пач вполне мог оказаться прав, предполагая, что большая часть этих людей пришла из Каукаланда.

Нет оснований предполагать, что гуннские вспомогательные части Стилихона прибыли издалека, именно из Добруджи. Гунны создавали лагеря в Венгрии уже с 378 г., где, как мы видели, они хорошо освоились в середине 380-х гг. Гунны определенно не собирались добровольно отказываться от своей земли, а врага, достаточно сильного, чтобы вытеснить их, не было. Стилихон заключил союз с венгерскими гуннами. Царем гуннов, обитавших к западу и к востоку от Карпатских гор, в Альфельде и в Мунтении, был Улдин. Он не являлся повелителем гуннских племен. Даже Аттила, находясь на вершине могущества, таковым не был. Но Улдин мог бросить своих всадников в Италию и во Фракию. Зимой 404/05 г. он вторгся в Балканские провинции. У Созомена мы читаем: „Примерно в это время к расколу, который чрезвычайно тревожил церковь, добавились, как это нередко бывает, беспорядки и суматоха в государстве. Гунны переправились через Истр и разорили Фракию. Грабители в Исаакии набрали большую силу, они грабили города и деревни между Карией и Финикией“.

Когда Созомен прерывает свой рассказ о синодах, выборах епископов и борьбой между враждующими кликами и снисходит до мирских дел, он видит их, за редким исключением, только в части их влияния на бесконечную борьбу между православием и ересью. Даты церковной истории даются им с большой точностью, зато политические события обычно происходят „примерно в это же время“. Но все же, по моему мнению, первое вторжение Улдина во Фракию может быть датировано довольно точно.

Упомянутый „раскол“ был борьбой между патриархом Александрии Феофилом (384–412) и Иоанном Златоустом. Главы 20–24 книги VIII охватывают период с осени 403 до ноября 404 г.[\[48\]](#) В главе 26 Созомен приводит перевод писем, которые осенью 404 г. папа Иннокентий посыпал Иоанну. В главе 27 он упоминает о смерти императрицы Евдоксии (6 октября 404 г.), Арсакия (конец 405 г.) и рукоположении Аттика, его преемника (в конце 405 или в начале 406 г.). Поэтому вторжение во Фракию попадает на 404–405 гг. Я не сомневаюсь, что его можно датировать еще точнее. Из писем Иоанна Златоуста нам известно, что исаврийцы вырвались из долин горы Тавр летом 404 г., вероятнее всего в июне. Они потерпели серьезное поражение[\[49\]](#). В следующем году они повторили свои набеги, на этот раз почти по всей Малой Азии. Как утверждает Зосима, в 404 г. исаврийцы еще не умели брать окруженные стенами города, поэтому захват городов и деревень, о которых говорит Созомен, вероятнее всего, произошел в 405 г. Трансдунайские варвары обычно переходили реку зимой по льду, когда флот оставался обездвиженным, и возвращались обратно таким же путем. Все эти соображения приводят к выводу, что вторжение гуннов во Фракию, вероятнее всего, имело место зимой 404/05 г.

Созомен – единственный из ранних писателей – упомянул о нем. Повествование Никифора Каллиста (1256–1311) – является пересказом, но с одним примечательным исключением: он дает имя гуннскому лидеру – Улдин. Главным источником Никифора, вероятно, была компиляция X в., основанная на трудах Филосторгия, Сократа, Созомена, Феодорита и Евагрия. Кто из этих авторов назвал Улдина, установить невозможно. Вероятно, это был Филосторгий, из трудов которого до нас дошли только отрывки, или Созомен, поскольку крайне маловероятно, что текст Созомена, в том виде, в каком мы его знаем, полностью идентичен с оригиналом. Возможность того, что Никифор сам придумал это имя, можно исключить. Он был слишком зависим от источников, чтобы вносить в них изменения. Максимум, что он мог сделать, – слегка приукрасить то, что другие написали до него. В общем, можно утверждать с определенностью, что имя Улдина как гуннского лидера 404–405 гг. упомянул кто-то из ранних авторов.

Созомен говорит о вторжении лишь мельком. Это мог быть быстрый набег, или гунны неделями или

даже месяцами грабили неудачливые провинции. В любом случае он стал менее важным, чем тот, что несколькими годами позже привел всадников Улдина в глубь территории Фракии.

Летом 408 г. гунны переправились через Дунай. Они, как обычно, были хорошо знакомы с текущей ситуацией на Балканах и выбрали правильное время для нападения. Весной 408 г. Стилихон отказался от своего плана бросить вестготов Алариха в Иллирик. Вскоре после этого они уже находились на марше в Италию.

Когда опасность готского вторжения миновала, значительная часть восточно-римской армии выдвинулась на персидскую границу, где со дня на день ожидалось начало противостояния [50]. Правительство в Константинополе знало, что трансдунайские гунны могут воспользоваться временным ослаблением балканской армии для набегов на пограничные провинции. В апреле 408 г. Геркулий, преторианский префект Иллирика, получил указание „принудить всех, независимо от привилегий, принять участие в сооружении стен, а также завести всякого рода припасы для нужд Иллирика“ [51]. Если гунны обойдут укрепления, они смогут некоторое время грабить незащищенные деревни, но со временем будут вынуждены вернуться обратно в свой варварский мир. Римляне не ожидали, что гунны сумеют взять стратегически важную крепость Кастра-Мартис в Дакии, благодаря предательству. Попали ли другие укрепленные города в руки гуннов, неизвестно, но это вполне возможно.

Наш главный источник, из которого мы знаем о втором нашествии гуннов Улдина, „Церковная история“ (Ecclesiastical History) Созомена, другой – комментарии Иеронима к Исаии (Commentary on Isaiah), игнорировался всеми знатоками гуннов. Комментируя 7: 20–21, Иероним писал:

Это было написано в июне или июле 408 г. [52] Судя по описанию варваров, Иероним писал о гуннах. Ранее не известные, они резали свои лица, чтобы не росла борода. Как я уже говорил, Иероним использует описание гуннов Аммиана. Важна дата написания отрывка в комментарии и, в особенности, фраза [„Ferae gentes] bene barbatorum fugientia terga confodunt“. Если Иероним в далеком Иерусалиме летом 408 г. получил сообщение о поражении римских войск от гуннов, потери должны были быть необычайно высокими.

Даже по нравоучительному повествованию Созомена можно почувствовать, насколько серьезной была ситуация. Имея очень маленькую армию, римский командующий во Фракии не мог отбросить гуннов. Он выдвинул мирные предложения, на которые Улдин ответил, указав на встающее солнце, что он с легкостью, если пожелает, подчинит всю территорию земли, освещаемую этим светилом. Но пока Улдин упражнялся в велеречивости и повелевал собрать огромную дань, без которой война будет продолжаться, Бог явил Свою милость к существующей династии. Вскоре после этого его собственные люди и капитаны! (οἵτε οἱ καὶ λοχαγοί) принялись активно обсуждать римскую форму правления, филантропию императора, его быстроту и либеральность в вознаграждении своих людей. В итоге значительная часть гуннского войска перешла к римлянам. Обнаружив себя покинутым, Улдин с большим трудом успел спастись на другом берегу реки. Многих варваров убили и взяли в плен, и среди прочих – племя скиротов. До этого несчастья оно было довольно сильным и многочисленным. Пленных доставили в Константинополь в цепях. Власти считали, что если они останутся вместе, то непременно взбунтуются. Некоторых продали в рабство по низкой цене. Тем, кто остался непроданным, было велено селиться в разных местах. Созомен видел скиртов в Вифинии и у горы Олимп. Они жили далеко друг от друга и занимались земледелием.

Созомен не упоминает, когда именно закончилась война, но из эдикта от 23 марта 409 г. можно сделать вывод, что к этому времени гунны уже вернулись за Дунай [53].

Рассказ Созомена, конечно, не следует принимать буквально. Скиры вовсе не исчезли с исторической сцены. Но хвастовство Улдина представляется истинным, и Созомен, несомненно, правильно изложил содержание его требований. Таким образом, впервые наш источник упомянул о цели гуннского вторжения.

Целью Улдина являлись не просто грабежи и захват пленных, которых можно было продать в рабство. Не требовал он и римских территорий. Римляне попросту не имели достаточно просторных пастищ, чтобы на них могли обосноваться все гунны, которых вел Улдин. Если бы, однако, какие-то группы остались в империи, как те, что жили в районе Эскуса, они были бы отделены от других племен, а это не отвечало интересам Улдина. Поэтому он и потребовал дань, видимо фиксированную ежегодную сумму.

Гунны ехали верхом, а скиры, вероятнее всего, были пехотинцами. Эдикт от 12 апреля 409 г. касался только поселений скиров. Пленных гуннов или убивали, или забирали в армию. Кто такие „собственные люди“ Улдина, не вполне понятно. Выражение могло обозначать всего лишь людей, которые в тот момент были с ним. Члены оїїа Велизария, о которых в VI в. так часто упоминает Прокопий, вовсе не обязательно были его соплеменниками. Павел, к примеру, был киликийцем, Атаульф стал преемником человека из числа приближенных Сара. Слово *lochagos* тоже не слишком хорошо определено. То, что некоторые *lochagos* перешли к римлянам вместе с войсками, вроде бы означает, что существовала тесная связь между ними и их соратниками. Аммиан и Орозий говорят о *cunei* гуннов. Хотя *cuneus* в их интерпретации – это тактическая единица, слово вполне могло сохранить, по крайней мере частично, значение, которое оно имело у Тацита: „Их эскадроны или батальоны, вместо того чтобы формироваться произвольно и случайно, составлялись из семейств и кланов“ („*Non casus nec fortuita conglobation turnam aut cuneum facit sed familiae et propinquitates*“).

Единство царства Улдина была сильно преувеличено, но недооценивать его тоже нельзя. Улдин был не лидером небольшой фракции, а большой группы племен, способных активно действовать на равнинах Румынии и Венгрии. И все же, хотя зарождающаяся царская власть со временем укреплялась, она была очень далека от стабилизации. Насколько она ослабла в последние годы правления Улдина, станет ясно, когда мы вернемся на Запад.

Незадолго до вторжения гуннов в Балканские провинции вестготы начали длительную миграцию, которая веком позже завершилась в Испании. Нет никакой необходимости подробно повторять предшествующие ей события. Они были всесторонне представлены Маззарино в его шедевре *Stilicone*. Для наших целей достаточно краткого обзора.

После сражения при Вероне летом 402 г. Аларих повел свои войска обратно на Балканы. В последующие три года он строго соблюдал свой договор со Стилихоном. Из „варварского региона, граничащего с Далмацией и Паннонией“, отведенного для них, вестготы совершали периодические набеги в Восточный Иллирик, но соблюдали осторожность, чтобы не спровоцировать конфликт с Западом. Так было потому, что они еще не совсем оправились от поражений, но в основном так как они надеялись установить более тесную и близкую связь со Стилихоном. В 405 г. он заключил *foedus* с Аларихом, союз для завоевания Восточного Иллирика. Готскому царю пообещали пост военного магистра в Иллирике. Он перешел в Эпир и оставался там еще три года. Сначала вторжение Радагаста, потом восстание Константина заставили Стилихона отложить Иллирийскую экспедицию, и в конце концов о плане забыли.

В начале 408 г. Аларих выступил против Запада. К маю (до того, как новость о смерти Аркадия, умершего 1 мая 408 г., достигла Рима) он подошел к Норику, но где разбил лагерь, точно установить невозможно. Важно, что он прошел через Эмону (современная Любляна). Путь из Эпира в Эмону лежит через Паннонию Секунду и Савию [54].

Из всех знатоков гуннов только Альфельди (1926. 87) осознавал, что их бездействие в богатые события 408–410 гг. требует объяснения. Как мы сейчас убедимся, они не были так уж тихи и спокойны. Но это правда – Аларих в 408 г. мог продвинуться на Запад, как будто гуннов не было вовсе, тех, которые, как правильно подчеркивает Альфельди, всегда были готовы половить рыбку в мутной воде.

Альфельди предполагает, что они не присоединились к готам, потому что были союзниками римлян.

По его мнению, Стилихон устроил их на правах федератов в провинции Валерия в том же году, в котором, предположительно, юный Аэций отправился к гуннам заложником[55].

Если эти предположения верны, гунны, должно быть, не сторонились сражений. Они должны были нападать на готов и наносить удары по правому флангу, пока люди Алариха медленно двигались на своих повозках в Эмону. Но гунны не присоединились к готовам, равно как и не выполнили своих обязательств как союзники римлян.

Причина неактивности гуннов, на мой взгляд, довольно проста. Они не воевали в Паннонии Секунде и Савии, потому что находились с Улдином в Иллирике и Фракии. Отнеся вторжение Улдина к 409 г. вместо 408, Альфельди стал искать объяснение тому, что такового не требовало.

Это вовсе не значит, что гунны последовали за Улдином все до последнего всадника. Часть их была еще в западно-римской армии под командованием Стилихона, да и в Равенне имелся гуннский гарнизон после казни великого *ductor* (вождя) в августе 408 г. Кроме того, многие гунны, должно быть, остались дома, чтобы не допустить восстания своих подданных, пока „мобильная армия“ сражалась к югу от Дуная. Это было, по моему убеждению, еще одно основание не вмешиваться в войну между Аларихом и римлянами.

Гунны активизировались на Западе только после возвращения орд Улдина за Дунай. Несколько поражение подорвало его авторитет, можно понять из двух фрагментов в труде Зосимы, который скопировал их у Олимпиодора.

Говорят, что летом 409 г. Гонорий позвал на помощь 10 тысяч гуннов. Многие историки безоговорочно принимают эту цифру, как будто она приведена в официальном документе. На самом деле это одно из преувеличений, которые были свойственны Олимпиодору. Чего достигли эти 10 тысяч гуннов? Ничего. В конце года Аларих снова стоял у ворот Рима. В 410 г. он вошел в АРИМИНУМ, Эмилию, Лигурию, потом снова в АРИМИНУМ. В августе он взял Рим. И мы ничего не слышим о гигантской армии гуннов. Очевидно, это был маленький контингент, состоящий из нескольких сотен всадников. Но все же факт, что некоторое количество гуннов присоединилось к римской армии, в то время как другие сражались против нее, говорит об ослаблении царской власти.

В конце 409 г. вестготы в Верхней Паннонии – часть армии Алариха, которая по каким-то причинам не была с ним, – вошла в Италию. К ним присоединились гунны, число которых, вероятно, было небольшим. И они тоже действовали самостоятельно.

А другие, возможно те, кто еще подчинялся Улдину, воевали с римлянами в Паннонии. Летом или осенью 409 г.[56] Гонорий „поручил Генериду командование силами в Далмации; он уже был генералом армии в Верхней Паннонии, Норике и Реции до самых Альп“. Фрагмент трактовался по-разному. Свобода вообще считал его выдумкой, утверждая, что после 395 г. в Верхней Паннонии не было войск. Альфельди полагает, что это подтверждает его мысль об уступке к тому времени Валерии гуннам. Лот пошел на шаг дальше. Из того факта, что ни Валерия, ни Паннония Секунда не были под командованием Генерида, он сделал вывод, что обе провинции уже не принадлежали римлянам.

Ни одна из этих гипотез не подтверждается литературными или археологическими свидетельствами, прямыми или косвенными. Даже когда Аттила был на вершине власти, часть Паннонии Прими удерживалась римлянами, и, вероятнее всего, официальной „уступки“ Валерии никогда не было.

У Генерида не было строго определенного титула или ранга. Он был „одним из тех командиров полевыми силами, которые были назначены во время правления Гонория, отвечая потребностям времени“. Его положение в названных провинциях – Эггер называл его *Generalkommando* – не означает, что не было римских войск в неназванных провинциях. Да, у нас нет информации о силах римлян в Валерии,

но если бы не Vita s. Severini (Житие святого Северина), ее не было бы и о гарнизонах в Норике.

В своей языческой предвзятости Зосима, вероятно, преувеличил достижения своего собрата по религии Генерида, который, как утверждают, тренировал своих солдат, заботился о том, чтобы они получали необходимый рацион, и делился с ними всем, что имел: „Он был ужасен с соседними варварами и обеспечивал безопасность провинций, которые его поставили охранять“.

Не существовало других значимых „соседних варваров“, кроме гуннов. Разница между 408 и 409 гг. не может не удивлять. В 408 г. гунны на Западе оставались в покое. В 409 г. войска от Реции до Далмации были отданы под командование одного человека, чтобы дать им отпор.

Картина, которая вырисовывается на основании источников и их предположительной интерпретации, представляется весьма туманной. Тем не менее мы можем распознать четыре группы гуннов начала 400-х гг. Первая – это Улдин и его сторонники, которые, возвращаясь после кампаний в Иллирике и Фракии, воевали с войсками Генерида, вторая – гунны, которые в 408 г. составили часть римской армии в Италии, третья – гунны, присоединившиеся в 409 г., четвертая – группа, которая выступила с вестготами Атаульфа против римлян. Общая картина, полученная при сложении немногочисленных частиц информации, является собой распад власти „первого царя гуннов“ – так Олимпиодор называл Улдина.

В свое время имел место распад гуннско-аланского союза. До 338 г. гуннов и аланов постоянно называли в источниках вместе, причем гунны чаще всего, хотя и не всегда, занимали первое место. Но в 394 г. только трансдунайские аланы, которых возглавил Саул, присоединились к императору Феодосию. Из гуннов только те, которые находились во Фракии, выступили под штандартами императора. Аланы, но не гунны, служили Стилихону в 398 г. и, все еще под предводительством Саула, в 402 г. Но в 406 г. вспомогательные части варваров Стилихона уже состояли из гуннов и готов; его телохранителями были гунны. Гунны, но не аланы служили в римской армии в 409 г.

После 406 г. западные авторы упоминали об аланах только в Галлии, Испании и Африке. Ни один из писателей V в. не говорит о союзе гуннов и аланов. Иордан знал о сарматах, а не об аланах в Паннонии. Немногие аланы, которые после падения царства Атиллы обосновались в Скифии и Мёзии, очевидно, пришли туда из Валахии. Все это не может быть простым совпадением, и на самом деле мы знаем причину: аланы перебрались со своих прежних мест в Галлию; вместе с вандалами они пересекли Рейн в последний день 406 г.[\[57\]](#)

* * *

Почему аланы разорвали союз с гуннами, неизвестно. Орозий намекает, что отношения между двумя народами после 402 г. уже были напряженными. „Я ничего не говорю, – пишет он, – о множестве внутренних конфликтов между самими варварами, когда две сипеи готов, а потом аланы и гунны уничтожили друг друга во взаимной бойне“. Странно, но этот фрагмент был неверно понят. Многие авторы считали, что Орозий ссылался на войны между гуннами и аланами, происходившие там, где они жили, – где-то на Востоке. Но ведь Орозий, который всегда ликовал, когда мог сообщить, сколько варваров было убито в том или ином сражении, не стал бы сожалеть о взаимной бойне врагов Рима. Орозий также ссылается на события, неудачные для Рима: спасение потерпевшего поражение Алариха, и „несчастливые дела в Полленции“. Сипеи гуннов и аланов были римскими вспомогательными частями, и Орозий сожалеет, что Стилихон не смог предотвратить столкновения в своей собственной армии[\[58\]](#). В то время как готские войска сражались друг с другом, антагонизм между гуннами и аланами, если и существовал, мог быть только способствующим фактором.

Согласно Прокопию, вандалы покинули Венгрию, потому что „их гнал голод“. Возможно, людей стало

слишком много, и возможности региона по обеспечению населения продовольствием оказались исчерпанными. То же самое может быть справедливым и для аланов. Столкновения с гуннами и нежелание вечно быть младшими партнерами в союзе, что было выгодно только гуннам, могли стать для аланов дополнительным стимулом в поисках нового дома.

Гуннская знать, родственники и приближенные Аттилы имели или турецкие, или германские имена. Среди них имелось немного аланов – если они были там вообще. Поскольку ни один народ не мигрировал целиком – до последнего человека, – некоторое количество аланов, предположительно, осталось в Венгрии и после 406 г., но они играли незначительную роль. Большинство лидеров племен и кланов покинули территорию.

Харатон

Ни один период гуннской истории нетонет во мраке так полно, как 410-е и 420-е гг. Утрата „Истории“ Олимпиодора, написанной во второй четверти V в., является, по словам Томпсона, „катастрофой для нашего знания кочевников“ (1948.8). Это правда, что Олимпиодору не хватало способностей, чтобы представить богатейший материал, находившийся в его распоряжении, в связном повествовании (сам автор называл историю „лесом“). Поэтому временами он был легковерным, а его цифры – фантастическими. Однако из всех авторов V в. только он и Приск путешествовали в страну гуннов. Что бы мы только не отдали, чтобы иметь его рассказ о переговорах с царем Харатоном, вместо нескольких строчек, в которые эту информацию вместил Фотий. Я назвал эту часть главы именем царя гуннов скорее в соответствии с заголовками других частей, чем для обозначения ее содержания. Все, что мы имеем из покрытых мраком двух десятилетий, – это ряд изолированных фактов. Как это ни парадоксально, но именно отсутствие информации о гуннах в некоторых случаях проливает тусклый свет на события.

У Олимпиодора мы можем прочитать следующий фрагмент: „Донат и гунны и ловкость их царей в стрельбе из лука. Автор рассказывает, что сам был послан с миссией к ним и Донату, и приводит трагический рассказ о его странствиях и опасностях на море. Как Донат, обманутый клятвой, был незаконно предан смерти. Как Харатона, первого из царей, разгневанного убийством, умиротворили подарками от императора“.

Дата – конец 412 или начало 413 г., после смерти Сара, о которой упоминается в предыдущем фрагменте, и до того, как Иовиан назначил своего сына Себастьяна цезарем, о чем говорится в этом (в исторической литературе часто говорится, что Себастьян был не сыном, а братом Иовиана. – Пер.). Утверждение Альтхайма, что Харатон и Улдин правили вместе до 414 г., не имеет документальных подтверждений, но он обоснованно отвергает гипотезу о том, что Донат был гунским царем.

Из этих коротких строчек, написанных Олимпиодором, было сделано несколько необоснованных выводов. Харатон якобы является преемником Доната. В тексте ничего подобного не сказано. Предполагая, что Олимпиодор был послан к гуннам восточно-римским правительством, большинство историков помещают центр гунской власти на побережье Черного моря. Это определенно неверно. Как отметил Томпсон, „История“ Олимпиодора касается исключительно Западной Римской империи. Хёдике (Haedicke) предположил, что Олимпиодор состоял на службе правительства Равенны. Знание Олимпиодором латыни, его использование латинских слов и латинских форм имен варваров действительно не оставляют обоснованных сомнений в том, что Хёдике прав. Олимпиодор, посланный к гуннам Гонорием, пересек не Эвксин, а Адриатическое море. Гунны, которых он посетил, жили в Венгрии. Как долго „правил“ Харатон, неизвестно, как и количество племен, признававших его верховную власть. Если гунны, жившие к северу от нижнего течения Дуная, принадлежали к конфедерации, возглавляемой Харатоном, а такой возможности исключить нельзя, они определенно не чувствовали себя связанными

соглашениями, которые он заключил с Гонорием. „Их“ римляне жили на Востоке.

Новые набеги на Фракию

В то же время, когда Гонорий посыпал подарки Харатону, снова зашевелились гунны в Мунтении. Малая Мёзия и Скифия не были защищены от нападений варваров. Преторианский префект Анфемий делал все возможное, чтобы укрепить границу, в первую очередь дунайский флот. В 413 г. стены Константинополя были перестроены и увеличены. Несмотря на неоднократные приказы, строго ограничивавшие торговлю с варварами, предприимчивые торговцы находили пути и средства ведения дел с ними. Декрет от 18 сентября 420 г. отличается от всех предыдущих в одном важном аспекте: он запрещает экспорт *merces inlicitae* на судах. Мог он быть направлен на торговлю с гуннами на побережье Черного моря и прилегающей к нему территории? Чтобы ответить на этот вопрос, придется сделать небольшое отступление.

В третьей четверти III в. готы были кошмаром Азии. Из черноморских портов они плыли до Ионии; герулы взяли Лемнос и Скирос, бораны разграбили Питиус (Пицунда) и Трапезунд (Трабзон). Но гунны никогда не выходили в море.

Готы, в общем, тоже не были моряками. Когда в последнем десятилетии готской власти в Италии царь Тотила (541–552) решил построить флот, чтобы лишить Византию до этого времени неоспоримого господства в итальянских водах, он не мог найти достаточно готов, чтобы обеспечить корабли экипажами. Морское сражение при Менигаллии, в котором римляне потопили или захватили 36 из 47 вражеских кораблей, стало концом готского флота. Корабли Тотилы строили римляне. А плавсредства, которые в III в. везли варваров через Эвксин, были построены в Пантике, и ими управляли боспорские команды. Неспособные управлять кораблями самостоятельно, готы и бораны вынудили боспорцев обеспечить их конвоями для экспедиций в Понт, Пафлагонию и Вифинию. Почему военные действия готов прекратились после 276 г., мы не знаем. Но возможно, не являлось совпадением то, что Дакия была оставлена примерно в это же время. С переселением большой части готов в бывшую римскую провинцию племена, жившие к востоку от них, смогли продвинуться на запад. Они, конечно, жаждали добраться до богатств римских городов, но все же в первую очередь желали получить землю, чтобы осесть. Это не касалось гуннов. Почему тогда они не стали пиратами, как готы до них и славяне после? Они пытались. Не получилось.

В 419 г. Асклепиад, епископ Херсонеса, обратился к императору с просьбой освободить от наказания „тех, кто выдал варварам искусство строительства кораблей, доселе им неведомое“. Просьба была удовлетворена. „Но, – было сказано в конце эдикта, – мы повелеваем, чтобы смертной казнью карались те люди, равно как и любые другие, если они совершают нечто подобное в будущем“.

Херсонес был единственным местом на Западном побережье Крыма, все еще остававшимся под римским правлением. По соседству жили готы и гунны. Крайне маловероятно, что крымские готы в своих горных домах вдруг захотели строить корабли. Остаются гунны. Возможно, им нужны были корабли и для пиратских набегов, и для торговли. Но они никак не могли их получить. И правительство в Константинополе позаботилось, что римские корабли не ходили в Эвксинскую Гуннию. Если гунны хотели *merces inlicitae*, им приходилось грабить пограничные провинции, что они и делали.

3 марта 422 г. Феодосий II издал следующий эдикт, на который не обратили должного внимания исследователи гуннов: „Наши самые преданные солдаты, возвращающиеся после сражений или отправляющиеся на войну, должны иметь для себя комнаты на нижних этажах каждой башни новой стены священного города. Владельцы земли не должны оскорбляться на основании того, что приказ, который был издан относительно общественных зданий, нарушен. Даже частные домовладельцы обычно выделяют

треть своего пространства для этой цели”.

За девять лет до этого землевладельцы, на участках которых была воздвигнута стена, получили иммунитет от закона об обязательном расквартировании. Верхняя часть башен оставлялась для военных целей, а нижняя – могла использоваться землевладельцами без ограничений. Если представить, какой тяжелой и ненавистной обязанностью было обязательное расквартирование солдат и как тщательно правительство избегало использовать этот инструмент больше минимума, вызванного военной необходимостью, становится ясно, что ситуация вокруг Константинополя и внутри города была крайне напряженной. Только воистину отчаянное положение могло вызвать необходимость отмены постановления, которое должно было „соблюдаться вечно”. В переводе с юридического на военный язык эдикт говорит следующее: гарнизон столицы должен находиться в постоянной боевой готовности против врага, который рядом. Короткая запись в латинской хронике Марцеллина Комита, датированная 422 г., еще более проясняет картину: „Гунны разорили Фракию”.

Нигде в гуннской истории так отчетливо не проявляется односторонность наших источников. Отряды гуннов сражались с римскими солдатами почти у ворот Константинополя. Но ни слова об этом не появилось в подробных церковных историях, ни намека нет в обширной теологической литературе этого времени. Феофан отметил, что 7 сентября 422 г. в Александрии префект Августалий Каллист был убит своими рабами. Возможно, он заслужил свою судьбу. Но ни Феофан, ни другой автор и не подумал рассказать об убитых во Фракии крестьянах, о людях, выброшенных из своих домов в башнях, о тяжкой доле солдат. В отличие от „известных людей” и епископов все они были расходуемым материалом.

Гунны помогают Аэцию и теряют Паннонию

У нас нет информации относительно гуннских набегов на западе в 420-х гг. Среди войск, которые в 424 г. главнокомандующий армией узурпатора Иоанна Кастина выслал против Бонифация в Африку, были и гунны. Дата представляется важной, поскольку экспедиционная сила перешла к Иоанну, эти гунны, вероятно, были частью действующей армии. Обращаться к федератам за границей не было времени. Гунны, о которых идет речь, скорее всего, находились в Италии. Это, в свою очередь, указывает на дружеские отношения между Западной империей и, по крайней мере, некоторыми гуннами в то время, когда Аэций еще занимал скромное положение *cura palatii*^[59]. Саноэс, один из трех *duces*^[60] в Африке, мог быть гунном.

Годом позже Аэций с большой армией гуннов вошел в Италию, чтобы помочь Иоанну в войне с восточными римлянами.

Иоанн послал Аэция с крупной суммой золотом к гуннам, народу, известному ему еще с того времени, как он был у него заложником, и связанному с ним дружбой; он поручил, чтобы, как только армия Восточной империи войдет в Италию, Аэций должен напасть на нее с тыла, а сам он ударит в лоб.

Гунны пришли слишком поздно. За три дня до их появления Иоанн был убит. Но Аэций, или не зная, что случилось, или не желая верить этой новости, ввязался в бой с силами Восточной империи, и в этом бою было много убитых с обеих сторон. Короткая кампания завершилась примирением Аэция и императрицы-матери Галы Плацидии. Гунны получили золото, вернули заложников, обменялись клятвами и отправились домой.

Хронист VI в. Марцеллин Комит записал о событиях, произошедших до 427 г., следующее: „Провинции Паннония, которые пятьдесят лет удерживались гуннами, были снова взяты римлянами” („Pannoniae quae per quinquaginta annos ab hunnis retinebantur, a Romanis receptae sunt”).

Эти две строчки обсуждались поколениями историков. Одни считали их чепухой, другие основывали

на них далекодущие выводы. Их трактовали и снова пересматривали трактовку, переводили и искали лучший перевод, чтобы они соответствовали всем возможным теориям о судьбе бывших римских провинций на Дунае.

Считалось, что Romani Марцеллина – это восточные римляне. Это правда, что в предисловии к хронике Марцеллин написал, что, продолжая работу Иеронима, он пишет только о Восточной империи (*orientale tantum secutus imperium*). Как правило, он так и делал. Но перед записью 427 г. автор касался чисто западных дел не менее тринадцати раз. Были это восточные или западные римляне, которые взяли Паннонию, Марцеллин в любом случае использовал только одно слово – *Romani*[\[61\]](#). До 476 г. две части образовывали одну Римскую империю.

Если рассматривать фрагмент Марцеллина сам по себе, его можно интерпретировать по-разному: вероятно, речь идет о жителях Восточной Римской империи, а возможно – и о Западной. Параллельный текст в „Гетике“ Иордана (166) не оставляет сомнений в значении понятий. При консульстве Гиерия и Ардавура мы читаем: „Спустя почти пятьдесят лет после вторжения в Паннонию гунны были изгнаны римлянами и готами“ („*Huni post pene quinquaginta annorum invasam Pannoniam a Romanis et Gothis expulsi sunt*“). До недавнего времени считалось, что Кассиодор просто скопировал Марцеллина. То, что он вставил в текст готов, не считалось примечательным: он делал это не единожды. Другие различия между „Гетикой“ и трудом Марцеллина обычно считались слишком незначительными, чтобы уделять им внимание. Энслин (Ensslin) сделал эти различия предметом замечательного исследования. Он доказал, что Кассиодор и Иордан, так же как и Марцеллин, многое взяли из утраченного труда *Historia Romana* Симмаха, правнука известного оратора, носившего то же имя. Практически точно установлено, что два отрывка взяты оттуда. Включая в текст готов, Кассиодору пришлось изменить бесцветный *receptae* – гунны не отдавали Паннонию. Их изгнали оттуда. Но он сохранил *pene quinquaginta* из оригинала[\[62\]](#).

Во всем остальном два отрывка в комментариях не нуждаются. *Pannoniae* – это то же самое, что *Pannonia*[\[63\]](#). *Retinebantur*, вероятно, немного выразительнее, чем *tenebantur*, а *Romanis receptae* означает, конечно, были вновь взяты, возвращены римлянами.

Археологические свидетельства не подтверждают Симмаха. Нигде в Паннонии Приме и Валерии нет фортификационных сооружений, военного лагеря и даже просто здания, которое может быть датировано 420 г. Но Симмах не мог просто придумать Реконкисту. Возможно, он преувеличил успехи римлян. Не исключено, что они только заняли несколько укрепленных селений. Вполне вероятно, им удалось вытеснить какое-то количество гуннов, которые подошли слишком близко к Норику. Допускаю, что римские всадники смело скакали по заброшенным дорогам, в некоторых местах могли даже выйти к Дунаю. В любом случае западные римляне пошли войной на гуннов, с которыми двумя годами раньше заключили союз, и нанесли им поражение.

Гюльденпенning отверг „западную“ трактовку обсуждаемых фрагментов на основании того, что правительство Плацидии было настолько плотно занято в Галлии и других местах, что не имело возможности одновременно пойти на гуннов. В какой-то мере он прав, но теперь мы знаем, что в 427 г. Паннония была если не снова завоевана, то, по крайней мере, частично снова стала римской, и аргументы Гюльденпеннига следуют пересмотреть. Римляне, конечно, не могли напасть на гуннов, если бы последние не оказались настолько ослаблены, что даже ограниченных сил, расположенных вдоль границы, хватило для местного наступления. У римлян имелось немного сил, но у гуннов, вероятнее всего, их было еще меньше.

Как и раньше, мы имеем дело с такими обрывочными и скучными свидетельствами, что может показаться более предпочтительным зафиксировать отдельные крупицы информации и оставить их как

есть. Пробелы слишком велики, не говоря уже о хронологических и географических неопределенностях, чтобы пытаться отыскать тенденцию или направление развития. И все же, рассматривая вопрос в целом, причем на фоне событий времени Ульдина, эти покрытые мраком десятилетия вроде бы показывают нам по меньшей мере два кризиса в политике гуннов.

Около 410 г. орды гуннов действовали так, словно не существовало никаких уз или если существовали, то очень слабые, которые могли бы их ограничивать. Возможно, это совпадение, но, может быть, и нет, что незадолго до этого аланы разорвали союз с гуннами. Если, как мы предполагаем, сильнейшие гуннские племена в свое время заставили аланов к ним присоединиться, уход аланов изрядно подорвал силы союзников.

Спустя несколько лет гуннские цари снова признали лидерство одного человека. Харатон мог являться только *primus inter pares*. Между тем, даже если он не представлял собой ничего большего, он, скорее всего, был обязан своим положением не так личным качествам, хотя они тоже были важны, как превосходству гуннов, которые шли за ним. Кризис завершился. В 425 г. конфедерация племен снова оказалась настолько хорошо организована, что гунны смогли отправить несколько тысяч всадников в Италию – в любом случае количество воинов было больше, чем могло бы себе позволить одно племя. Гунны, чьей помощи добивался Аэций и получил ее, должны были подчиняться группе, которая координировала усилия разных племен и, вероятно, могла, при необходимости, навязать свою волю.

Но затем, снова по неизвестной причине, конфедерация лишилась единства. Даже если успехи западных римлян в Паннонии были относительно скромными, сам факт, что гунны, жившие к западу от Дуная, были вынуждены отказаться от части своих владений, означает неспособность этого народа объединить свои силы ради общего дела. Когда гунны в Паннонии подверглись нападению, они, должно быть, позвали своих соплеменников с востока на помощь и не получили ее. Не слышали мы и о том, что в последующие пять лет гунны за Дунаем делали попытки вернуть утраченную территорию.

Октар и Руга

Хотя источников, касающихся истории гуннов в 430-х гг., сравнительно много, не так-то просто реконструировать даже основные события. В 432 г. царем гуннов был Руга. Это, пожалуй, единственная точная дата. В каком году он стал царем, какой территорией правил, в какой степени ее расширил, какие войны вел и когда, кто после 430-х гг. стал его соправителем (если таковой вообще был) – на все эти вопросы давались разные ответы, зачастую очень далекие друг от друга^[64]. При таких обстоятельствах даже небольшие крупицы информации должны подвергаться самому тщательному исследованию. Начнем с фрагмента из „Гетики“:

Иордан, точнее, Кассиодор слегка „ужал“ свой источник. Октар умер около 430 г., Руга несколькими годами позже. Но помимо этой ошибки утверждение настолько точно, что можно только удивляться, как его можно было неправильно интерпретировать. Тем не менее и Бьюри, и Томпсон сделали Мундзука соправителем Октара и Руги^[65]. Стиль Иордана небрежный, но, если бы он хотел сказать, что гуннами правили три брата, он бы написал „Mundzuco qui cum germanis Octar et Ruas regnum tenuisse narrantur“. Ни один автор не называет Мундзука царем гуннов. От Приска мы знаем, что был и четвертый брат Оэбарс, который был еще жив в 448 г. Он тоже не являлся соправителем Октара и Руги. Только эти двое были царями. Но прежде чем перейти к обсуждению их предположительно совместного правления, я должен посвятить некоторое время рассказу Сократа о сражении Октара с бургундами.

В первой половине X в. мадьяры опустошали набегами Западную Европу от Северного моря до

Средиземного. Между 900 и 913 гг. они разорили Силезию, Тюрингию, Франконию и Баварию. В 912 г. они переправились через Рейн, в 915 г. взяли Бремен, они дважды разоряли Лотарингию – в 917 и 919 гг., когда повернули на юг и разграбили Северную Италию. В 924 г. они появились в Южной Франции, в 926 г. взяли Верден. В следующем году мадьярские всадники разбили лагерь перед Лионом. В 951 г. они добрались до Калабрии. Собрав все силы империи, Оттон I наконец в 955 г. нанес им решающее поражение в битве при Лехфельде.

Германские соседи гуннов были разбиты на племена, но ни одно из них даже приблизительно не стало таким сильным, как слабейшее из германских княжеств X в. Неспособные на согласованные действия в течение более или менее длительного времени, разделенные взаимным недоверием, периодически воюющие друг с другом, они оказались несравненно менее способны защитить себя против гуннов, чем спустя 500 лет герцоги Баварии или Тюрингии – от мадьяр. Даже без не слишком точных литературных свидетельств нам придется допустить, что гунны совершили набеги на территории германских племен на западе так же, как они грабили Балканские провинции на юге.

Существует два рассказа о таких грабительских экспедициях. Первый нам поведал Сократ. Как он получил информацию, неизвестно. Можно только сказать, что Оптар – таково имя царя гуннов у Сократа (у Иордана это Октар) – указывает на информаторов, говорящих на латыни. Сократ пишет: „Прежде я расскажу о случившемся тогда достопамятном событии. Есть варварский народ, живущий по ту сторону реки Рейна и называющийся бургундами. Бургунды ведут жизнь спокойную, почти все они плотники и, этим ремеслом зарабатывая себе деньги, пытаются. На них непрестанно нападали гунны, опустошали их страну и нередко многих убивали. Находясь в столь затруднительном положении, бургунды не прибегли к какому-либо человеку, но решились обратиться к какому-либо богу. А так как они заметили, что бог римлян сильно помогает боящимся его, то все единодушно обратились к вере во Христа. Посему, находясь в одном галльском городе, они просили епископа о христианском крещении. Епископ приказал им поститься семь дней и, огласив их верою, в восьмой день крестил их и отпустил назад. Тогда они смело пошли против своих тиранов, и надежда не обманула их, ибо, когда царь гуннов, по имени Оптар, ночью умер от обжорства, бургунды напали на гуннов, лишившихся вождя и, в малом числе сразившись с многочисленными неприятелями, победили их. Бургундов было только три тысячи, а число пораженных гуннов простипалось до десяти тысяч. С тех пор этот народ пламенно привержен был к христианству“.

Рассказ Сократа об этом гуннском набеге, имевшем место около 430 г.[\[66\]](#), не принимался во внимание многими авторами, как лишенный исторической ценности. Ни один другой автор не знает о борьбе между гуннами и зарейскими бургундами. Традиционные мотивы чуда можно игнорировать. Но остаются такие абсурдные моменты, как существование германского племени мирных плотников, их обращение в новую веру в течение недели и победа 3 тысяч ремесленников над 10 тысячами самых грозных воинов столетия. Кроме того, можно считать, что рассказ противоречит всему, что мы знаем об истории бургундов. Они пересекли Рейн вскоре после 406 г. в 411 г. помогли взойти на трон Иовину, в 413 г. получили *partem Galiae propinquam Rheno*. Гуннские войска Аэция убили короля Гундахара, всю его семью и 20 тысяч бургундов. Если бургунды остались на правом берегу реки, их не могло быть больше нескольких сотен. Это серьезные аргументы. Но все равно рассказ Сократа имеет историческую сущность.

В „Панегирике Авitu“ Сидоний перечисляет бургундов среди других народов, которые присоединились к Аттиле во время его марша в Галлию. Его каталог этнических имен был объявлен ненадежным, и нельзя не признать, что это странная мешаница названий реально существующих народов и тех, которые уже давно прекратили свое существование и жили только в поэтических произведениях. Сидоний писал панегирик через пять лет после гуннской войны 451 г. Все в Галлии знали, что у Аттилы в войсках нет ни гелонов, ни беллонотов, но никто не возражал против их упоминания у Сидония. С бургундами было иначе. Авиг сам сражался с ними в Бельгии Приме. В 443 г., после нанесенного гуннами

катастрофического поражения Аэцию, они осели в Сапаудии. Спустя восемь лет они уже сражались с Аэцием и Авитом против гуннов Аттилы. Как мог Сидоний в обращении, зачитанном перед Авитом и в присутствии преторианского префекта, сказать, что у Аттилы в армии находились бургунды, если их не было? Названия германских племен в его списке показывают точность Сидония (за исключением поэтических имен). Руги, скиры и гепиды действительно шли с гуннами в Галлию. Ни один поэт до Сидония не называл торингов, ни в одном другом источнике не сказано, что они принимали участие в войне.

Все это позволяет утверждать с большой долей уверенности, что трансрейнские бургунды действительно присоединились к Аттиле.

Рассказ Сократа об обращении бургундов в православие подтверждается, хотя не во всех деталях, Орозием, согласно которому бургунды „благодаря Божественному провидению недавно стали христианами католической веры“. Это утверждение тоже было названо благочестивой выдумкой. Между тем, тщательно проанализировав текст, историк Ковиль не оставляет сомнений в том, что бургунды до того, как стали арианцами, возможно под вестготским влиянием, были католиками.

Вернер считает возможным и даже вероятным, что бургунды, жившие к востоку от Рейна, какое-то время были подданными гуннов. Но приводимые им аргументы означают скорее симбиоз аланов и бургундов в Сапаудии. Представляется, что лучше принять рассказ Сократа таким, каков он есть: гунны грабили регион Майна так же, как несколько веков спустя мадьяры грабили Лотарингию.

Зеек считал, что Октар-Оптар и Роас-Руга могли быть сыновьями Улдина. Возможно, так оно и было. Они также могли быть родственниками Харатона. Но с той же степенью вероятности можно утверждать, что их семья принадлежала к племени, игравшему незначительную роль в конфедерации. У нас попросту нет никакой информации о предках Октара и Руги, да и не знаем мы, как они пришли к власти. Если бы не Иордан, мы бы даже не знали, что в течение нескольких лет они вместе правили гуннами.

На основании короткого отрывка из „Гетики“ и ряда неявных аналогий было выдвинуто предположение, что у гуннов существовало Doppelkönigship. Если это означает, что два царя совместно правили на общей территории, это предположение следует отклонить, поскольку оно идет вразрез с текстами.

Иордан выражается вполне ясно: „Бледа правил большой частью гуннов“ („Bleda magnae parti regnabat Hunnorum“). После его смерти Аттила „объединил весь народ под своим правлением“ („universum sibi populum adunvit“). Хронист Проспер Аквитанский утверждает то же самое: „Аттила, царь гуннов, убил Бледу, своего брата и правителя, и заставил людей подчиняться ему“ („Attila rex Hunnorum fratrem et consortem in regno suo perimit eiusque populous sibi parere compellit“). Источники не указывают на разные функции двух правителей (к примеру, один мог быть религиозным лидером народа, другой – светским). Против тезиса о двоевластии как о государственном институте также говорит тот факт, что после смерти Октара в 430 г. никто не стал его преемником; его брат был единоличным правителем, как Аттила после убийства Бледы. Двоевластие считается характерным для больших групп евразийских кочевников? Я в этом сомневаюсь. Готы не были тюрками или монголами, но в IV в. был период, когда они имели двух царей. У алеманнов Хнодомарий и Серапион были potestate excelsiores ante alios reges.

Разница, которую Проспер подчеркивает между народами Юледы и Аттилы, явно указывает на географическое разделение. Идея о „двоевластии“ на самом деле возникла исходя из двух на первый взгляд противоречивых записей в галльских хрониках. Согласно хронике 452 г. Бледа наследовал Ругиле, а хронист 511 г. сделал Аттилу преемником Ругилы. Учитывая, что хроника 452 г. отражает в более чем одном отрывке восточный источник, мнимое противоречие исчезает: Бледа правил племенами на востоке, Аттила – на западе. Представляется, что такое же подразделение существовало у их предшественников. Октар не имел ничего общего с восточными римлянами, врагом которых был Руга.

Было бы рискованным возводить в правило то, что вполне может быть вызвано уникальными обстоятельствами. После смерти Аттилы его многочисленные сыновья „шумно требовали, чтобы народы были разделены между ними поровну“. То, что до нас дошли сведения только о двух более поздних царях – Денгизике (Денгизихе) и Эрнаке, – не исключает возможности существования других. Аттила убил своего соправителя. Возможно, Денгизик и Эрнак сделали то же самое. Между тем, если гунны или, точнее, их „выдающиеся люди“ захотели бы иметь снова двух царей, они бы определили каждому определенную территорию. Денгизик и Эрнак, хотя временами сотрудничали, правили каждый на собственных землях. Возможность того, что такое географическое разделение имело в основе космологические или религиозные идеи, исключить, конечно, нельзя, но свидетельств этому нет. Возможно, причины были чисто практическими: только исключительно способный и энергичный человек мог удержать все племена вместе. „Двойное царствование“ могло стать результатом объединения двух групп племен, которые до определенной степени продолжали сохранять свою индивидуальность. И наконец, не исключено, что гунны разделили свои территории на две части, чтобы иметь дело с двумя частями Римской империи.

По сравнению с Октаром Руга представляется более значимой фигурой. Мы не знаем, как он после смерти брата стал единоличным правителем гуннов. Нам только известно, что он был царем в 432 г., когда Аэций обратился к нему за помощью.

После потери должности Аэций жил в своем поместье. Когда на него неожиданно напали какие-то его враги и попытались схватить его, он бежал в Рим, а оттуда в Далмацию. Через Паннонию он [per Pannonias] достиг гуннов. Благодаря их дружбе и помощи Аэций добился мира с правителями и был восстановлен в прежней должности.

В это время „Руга был правителем гуннов“.

Лаконичность записей в хрониках вызывает желание прочитать в них больше информации, чем там содержится. Действительно ли сама угроза его вторжения Аэция в Италию с гуннской армией заставила императрицу Плацидию принять его условия, или он все же перешел Юлианские Альпы во главе гуннских всадников, неизвестно; хотя многие историки склоняются к последнему варианту. Per Pannonias Проспера было использовано как доказательство того, что в 432 г. римляне стали хозяевами всей территории к западу от Дуная, хотя эти два слова всего лишь означают, что Руга жил к востоку от реки. Это все – трактовка источников. Однако тезис, что уступка значительной части Паннонии стала ценой, которую Аэцию пришлось заплатить за помощь гуннов, не подтверждается ни одним текстом. В наше время он стал почти что предметом веры.

Предполагаемые и действительные уступки римской территории гуннам занимают центральное место почти во всех исследованиях варваров. Можно было бы обсудить взгляд Альфельди на судьбу провинции Валерия, когда речь шла о событиях 408 г., но мне показалось предпочтительнее подойти к проблеме уступок в целом шире.

Как можно представить себе оставление Валерии, которая не имела естественных границ на западе и юге? Ни для гуннов, ни для любых других варваров на границах империи очерчивание границ римских провинций не имело значения. Ни один гуннский всадник не остановился бы, заметив пограничный столб, и не повернул бы назад только потому, что Валерия была передана его вождю. Линии, отделявшие на картах в канцеляриях Рима и Равенны Валерию от Паннонии Примы и Секунды, не могли помешать гуннам гнать через них свои стада. Большинство знатоков гуннов являются также знатоками поздней Римской империи и не могут не использовать римскую административную терминологию. Если варвары и знали, где проходят границы провинций, они не обращали на них внимания. После миграций остготов на Балканы гепиды удерживали не только Сирмий, но также прилегающие регионы Мёзии Примы. По договору 510 г. Паннония Секунда была разделена: большая часть провинции стала остготской, только Бассиана осталась

римской. В 528 г. Юстиниан уступил герулам территорию, которая не совпадала ни с одной из старых административных единиц. Она включала участки и на правом, и на левом берегу Савы. Исидор из Севильи лучше других определил такую „уступку“. Он не стал перечислять провинции, которые перешли к вандалам в 435 г. Варвары, написал он, получили *partem Africae quam possederunt*. Когда римляне „уступали“ землю варварам, они просто – за редким исключением – признавали реальную ситуацию, которую варвары хотели легализовать. Возможно, варвары хотели быть признанными федератами (что означало выплату дани) или наладить торговые отношения.

Археологические находки не помогают установить точную дату, когда провинция, ее часть или провинция и прилегающие к ней регионы другой провинции были оставлены. Если снова взять для примера Валерию, на основании археологических свидетельств можно сделать вывод, что эвакуация Аквинкума (совр. Будапешт) датируется последними десятилетиями IV в., в то время как имеющая намного меньшие размеры Интерсиза якобы оставалась римской и в начале V в. Доказательств этим датам нет и быть не может. Находки из Интерсизы хорошо изучены. Многие глиняные сосуды датируются IV в. Но даже самый тщательный анализ их формы и украшений не может установить десятилетие, не говоря уже о году, когда они были изготовлены. Был ли это 379 г.? Вероятно. 390-й? Может быть. 410-й? И это нельзя исключить. Не представляется возможным установить конечный срок, после которого эти сосуды уже не могли быть изготовлены. Определение этнического авторства находок с явно выраженным варварскими чертами тоже не может быть абсолютно точным. После того, как Klára Sz. Róczy приписала один тип сосудов вестготам, а другой, „соответственно, остготским, гуннско-аланским народам“, что бы это ни значило, в конце своего труда она признает, что вряд ли возможно установить разницу между гончарными изделиями гуннов, готов и сарматов. Между тем, даже если бы можно было определить точные даты, когда сосуды были изготовлены, и национальность их изготовителей, мы все равно не будем знать, когда и при каких обстоятельствах выводились гарнизоны. Жилища внутри и вокруг бедных лагерей заняли варвары, среди которых, вероятно, находились и гунны. Были это свободные гунны или номинальные подданные императора, мы не знаем. В городе Фенекпушта в Паннонии Приме, южнее Балкума на озере Балатон, римляне жили бок о бок с наполовину сарматизированными германцами. Маленькие римские поселения существовали то здесь, то там. Гунны, вероятнее всего, сочли целесообразным их пощадить, поскольку им были нужны ремесленники. Если бы захотели, они почти наверняка сумели бы захватить Виндобону (совр. Вена) в любой момент; однако они оставили тамошнее население в покое. Вполне возможно, участок „ничейной земли“ отделял земли гуннов от римских территорий на западе, как это было в течение многих лет на юге. Но где бы ни проходили границы, если вообще можно о них говорить, они не были границами прежних провинций.

Предположение, что Аэций уступил часть Паннонии Руге, основано на неправильном понимании отрывка из Приска. В рассказе о восточно-римском посольстве к Аттиле Приск называет Ореста римлянином, который „жил в стране пеонов на реке Сава, которая, согласно договору Аэция, генерала западных римлян, принадлежала варвару“. Идея, что Аэций уступил территорию Паннонии Руге, настолько укрепилась, что, насколько мне известно, никто не обратил внимания на очевидное. „Варвар“ встречается еще в трех отрывках: 1) Аттила приказал, что ни Бигила, ни другие восточные римляне не должны покупать коней или чего-то другого, за исключением самого необходимого продовольствия. „Это был прозорливый план варвара“; 2) восточные римляне отправили посольство „к варвару“; 3) „варвар“ назвал людей, которых он примет как переговорщиков. Отсюда следует, что варваром, которому Аэций уступил землю вдоль Савы, был Аттила, а не Руга. Обратите также внимание, что была уступлена не провинция, а территория, обозначенная рекой.

Не обращая внимания на точное заявление Приска, историки гуннов произвольно датировали „уступку“ Паннонии Примы 425, 431 или 433 г. Другой отрывок в этом же фрагменте показывает, что даже в

448 г., когда Аттила находился на вершине власти, вся провинция не была гуннской. Константиол был человеком „с земли пеонов, которой правил Аттила“. Это уточнение имеет смысл, только если существовала часть Паннонии, которой Аттила не правил.

Вероятно, Аэций мог заплатить за помощь Руги землей. Но это значит, что он официально согласился, чтобы гунны имели, изменив слова Исидора, *partem Pannoniae quam possederunt*. Также возможно, что он заплатил за помощь наличными; он мог заключить союз с Ругой и пообещать ей субсидии. Или он мог сделать все это одновременно. Но все это лишь гипотезы. Давайте обратимся к отношениям Руги с восточными римлянами.

Наша информация – от Сократа, Феодорита, Приска и хроник 452 г. Выдержка из Приска, судя по всему, немного сокращена, и во второй половине пропущено несколько слов. И все же это самый важный и надежный источник, касающийся истории этих неизвестных лет.

Когда некие племена на Дунае вторглись на римскую территорию и предложили свою службу Феодосию, Руга потребовал через своего посла Эслу, чтобы эти и все другие беженцы были отданы ему. Отказ он будет считать разрывом мирного договора. Вскоре после этого Руга умер, а его преемниками стали Аттила и Бледа. Новый договор они заключили в Марге (местечко к востоку от современного Белграда) с Плинтой, римским полномочным представителем, которого сопровождал квестор Эпиген, и этот документ полностью отвечал интересам гуннов. Он обеспечивал передачу всех беженцев от гуннов и тех римских пленных гуннов, которые вернулись в империю, не заплатив выкупа. Последних следовало отправлять обратно, если только за каждого не будет уплачено по 8 солидов. Римляне обязались не вступать в союз с варварами, с которыми воюют гунны. На ярмарках у гуннов и римлян должны быть одинаковые права и безопасность. Годовую дань подняли с 350 до 700 фунтов золота. Среди беженцев, отданных римлянами, были Мама (Мамас) и Атакам, два молодых человека царской крови. Их передали гуннам в Карсо и там распяли.

Этот фрагмент Приска весьма поучителен в самых разных отношениях. Из него мы узнаем о предшествующей войне, которую гунны выиграли. Дань в 350 фунтов золота, 25 300 солидов, не очень большая сумма, но сам факт, что римляне выплатили ее Руге, говорит о его незаурядном положении. Он, вероятно, был чем-то большим, чем „первый из царей“, как Харатон. Он, а вовсе не филархи, получил деньги. Как он распределил золото среди вождей племен и прочей гуннской аристократии, неизвестно. Однако он явно имел возможность навязывать свои решения: недовольные не могли бунтовать, они бежали к римлянам. У Руги были свои дипломаты. Эсла, как утверждает Приск, имел опыт переговоров с имперским правительством. Создается впечатление, что Руга играл, хотя и не напрямую, роль во внутренней борьбе при Константинопольском дворе. Плинта потребовал, чтобы переговоры велись с ним, а не с другим римлянином. Это имеет смысл, только если допустить, что бывший консул использовал свои связи с гуннами как оружие в борьбе со своими противниками – в частности так же действовал Аэций в Равенне. Однако власть короля не была неограниченной. Гунны сражались вместе, но одновременно каждый из них боролся за себя. Пленные, которых захватил гунн, принадлежали ему, а не Руге. При Аттиле только такие выдающиеся люди, как Онегесий, могли держать пленных, остальные становились собственностью Аттилы. Как далеко на восток тянулось царство Руги, сказать невозможно. То, что он не правил на территории от Венгрии до Волги, как думают некоторые ученые, следует из договора, заключенного в Марге. Римляне не могли заключать союзы с народами, жившими далеко от их границ.

Хронологию последних лет правления Руги восстановить непросто. Хроника 452 г. упоминает о его смерти в 434 г.: „Аэций снова в милости. Ругила, царь гуннов, с которым был заключен мир, умер. Ему наследует Бледа“ („*Aetius in gratiam receptus. Rugila, rex Chunnorum, cum quo pax fermata, moritur, cui Bleda succedit*“). Хорошо известно, насколько ненадежна хронология „Галльской хроники“. Мы бы датировали

смерть Руги не раньше 431 г., но не позднее 437-го. Зеек (*Geschichte*. 6, 460) считает, что дата в хронике подтверждается нравоучительным рассказом о смерти короля гуннов у Сократа.

Церковный историк повествует, что император Феодосий II (408–450), получив информацию о том, что варвары готовятся к набегу на римские провинции, положился на Бога и, продолжая истово молиться, быстро получил все, к чему стремился. Главарь варваров, которого звали Руга, был убит молнией. Потом началась чума, унесшая большинство людей, которыми он командовал, и, если этого было недостаточно, огонь снизошел с небес и сжег тех, кто уцелел. По этому случаю Прокл, епископ, произнес в церкви проповедь, в которой применил пророчество Иезекииля к божественному спасению, и его слушали с восторгом.

Прокл стал преемником Максимиана на посту константинопольского епископа в апреле 434 г. Между тем Сократ вовсе не утверждает, что Прокл проповедовал в столице. Эта история – часть панегирика Феодосию, который, очевидно, был благочестивым и покорным человеком. Смерть Руги могла иметь место в то время, когда Прокл еще служил епископом Кизика. И это было в источнике, которым пользовался Сократ: „Из-за этой покорности [Феодосия] Бог подчинял его врагов без военного конфликта, что захват узурпатора Иоанна [в 425 г.] и последующее крушение надежд варваров ясно демонстрирует“. Орды Руги стали теми, кого Иоанн позвал на помощь против римлян; они атаковали „после смерти узурпатора“.

Дата у Сократа – вскоре после 425 г. – не только отличается от указанной в старой „Галльской хронике“, она также противоречит Феодориту, который поведал ту же историю в „Церковной истории“, и в комментарии к псалму (22: 14–15). Бог помог Феодосию справиться с гуннами, потому что император доказал свою преданность истинной религии, издав закон, повелевающий полностью разрушить все языческие храмы. Победа над Ругой стала „обильным урожаем, который вырос из хороших семян“. Эдикт был издан 14 ноября 435 г., так что Руга должен был погибнуть уже после этого. Информация Феодорита подтверждается, если она вообще нуждается в подтверждении, другой победой, которую Бог даровал Феодосию в награду за благочестие. Он покарал персов в 441 г.[\[67\]](#)

Таким образом, мы имеем три даты смерти Руги: вскоре после 425, 434 и после ноября 435 г. Судя по всему, ни одна из них не является правильной, потому что, как нам известно из Приска, Руга умер не в ходе кампании во Фракии, а на своей земле. Но рассказы Сократа и Феодорита не могут быть просто отброшены, как не представляющие ценности. Римляне действительно вели кампанию против Руги. Она имеет близкую параллель в проповеди Исаака Антиохийского. Как гуннам в 447 г. пришлось на короткое время отступить, кстати из-за чумы тоже, но только чтобы атаковать снова, так и орды Руги потерпели временную неудачу.

Во время переговоров, которые привели к заключению договора в Марге, гунны все еще удерживали римских пленных, так что мир, вероятно, был заключен немногим раньше. На это указывает „Галльская хроника“: „Руга, с которым был заключен мир, умер“ („Ruga, cum quo pax fermata, mortitur“). Кто заключил мир с Ругой? Не западные римляне, как это обычно полагают. Ведь они не находились в состоянии войны с гуннами. Это были восточные римляне. Более того, если мы вспомним, что „Галльская хроника“ не единожды опиралась на восточные источники, появляется уверенность, что мир, о котором идет речь, положил конец военным действиям во Фракии.

У Сократа дата неприемлема, в „Галльской хронике“ – сомнительна. Феодорит – „после конца 435 г.“ – согласен с Приском. Эпиген, компаньон Плинты в посольстве к преемникам Руги, 15 ноября 438 г. был еще *magister memoriae*[\[68\]](#). Поскольку Приск называет его квестором, посольство было отправлено после этой даты. Томпсон считает, что Приск допустил промах, но его единственный аргумент – дата смерти Руги, которую он ошибочно, как мы теперь можем сказать, отнес к 434 г. Роль Плинты в переговорах с Ругой, а

потом с Бледой и Аттилой, дает другое обоснование для более поздней даты. Он был, как сказал Приск, *magister militum*. Анатолий, заключивший в 447 г. договор с Аттилой, был *magister militum praesentalis*. Положение Плинты при дворе, его явно напряженные отношения с другой знатью, вмешательство в дипломатические дела – все это практически не оставляет сомнений в том, что он тоже был *magister militum praesentalis*. В 434 г. Сатурнин, который должен был занять место Дорофея, епископа Марцианополя, смешенного Максимианом, прибыл в город *cum magnificentissimo et glorioissimo magistro militae Plintha*. В то время Плинта еще оставался *magister militum per Thracias*. Значит, его повышение имело место после 434 г.

Подведем итоги: война Руги с восточными римлянами, его смерть и начало правления Бледы и Аттилы должны датироваться второй половиной 430-х гг.

Аттила

В труде „Базар Гераклита“ (Bazaar of Heracleides), бывший патриарх Константинопольский Несторий (428–431), после 436 г. сосланный в Оазис в Египте, с упорной настойчивостью возвращается к несправедливости, сотворенной с ним на Эфесском соборе в июне 403 г., и сколько невыразимого зла из этого получилось. В *rabies theologica* (теологическое рвение. – Пер.) эта книга превосходит даже труды патриарха Кирилла Александрийского, врага Нестория. Только случайно автор бросает мимолетный взгляд на мир вокруг конclaveов, где обитают враги Господа. Но этот ограниченный фанатик понимал причины быстрого возвышения гуннов лучше, чем большинство его современников. В конце „Базара“, говоря о войне с гуннами в последнем десятилетии правления Феодосия Младшего, Несторий пишет: „Народ скифов был великим и многочисленным, ранее разделенным на отдельные группы и царства, и к ним относились как к разбойникам. Они обычно не делали много плохого, разве только из-за скорости. Позднее они создали царство, стали могущественными, так что превосходили все силы римлян“.

Хотя это упрощение, по сути, Несторий прав. До конца 430-х гг. гунны были большой неприятностью, худшей чем сарацины и исаврийцы, но они не представляли опасности. Их набеги временами заводили их глубоко на территорию Балканских провинций, но их всегда или отбивали, или от них откупались.

В конце 440-х гг. варвары были, по словам Нестория, хозяевами, а римляне – слугами. Это тоже преувеличение, но даже самые беззастенчивые льстецы набожного Феодосия не могли бы отрицать, что всего за несколько лет банды „разбойников“ превратились в первоклассную военную силу. Они бы отвергли объяснение этой перемены, данное Несторием, а именно что столкновение греха и истинной веры в беспристрастного Бога дало возможность гуннам объединиться под властью одного правителя, и по-своему были бы правы. Гунны не стали сильнее, потому что римляне ослабели. Восточная армия в 447 г. оставалась такой же сильной, как в 437-м, фортификационные сооружения на границах были в должной степени обеспечены гарнизонами, и нет никаких оснований считать, что римские войска возглавляли некомпетентные генералы. Кстати, самые крупные победы гуннов имели место в то время, когда Восточная империя пребывала в мире с Персией. Так что объяснение радикальной перемены в относительной мощи гуннов и римлян следует искать не в Риме, а в Гуннии.

Стало модным отрицать заслуги Аттилы в недолговечном величии его народа. Нам говорят, что он был не военным гением или исключительно способным и удачливым дипломатом, а обычным растяпой, который не совершил бы столь очевидных промахов, имел он в советниках профессора истории. Цель следующих страниц заключается не в доказательстве того, что Аттила стал еще одним Александром. Если в результате нового изучения 441–447 гг. личность Аттилы окажется решающим фактором, я первым стану утверждать, что этот фактор далеко не единственный. Но прежде чем размышлять о первичных, вторичных и третичных факторах, о непосредственных и отдаленных причинах тех или иных событий, следует

определить сами события. Я уверен, что традиционные исторические труды дают нам ошибочную картину гуннских войн 440-х гг., равно как и искаженное представление о взаимоотношениях гуннов с Западом. Существует ряд источников, которые или игнорировались, или рассматривались с презрительной беспечностью. Ни один из них, взятый сам по себе, не является разоблачающим. Только рассмотрев их в комплексе и обратив самое пристальное внимание на детали, мы можем надеяться правильно реконструировать события самого решающего десятилетия гуннской истории.

Гунны угрожают Западу

„Второй панегирик“ Меробавда Аэцию – совершенно заурядная поэма. Больше половины ее утрачено; многие стихи в единственном уцелевшем манускрипте повреждены и могут быть восстановлены лишь с небольшой степенью вероятности. Как и другие поэмы Меробавда, панегирик занимает очень скромное место в поздней латинской литературе, но его значение как исторического документа невозможно преувеличить. Он проливает свет на отношения между гуннами и Западной империей в период истории, о котором нам практически ничего не известно из других источников.

Для моих целей стало бы неуместно обсуждать панегирик во всех его исторических аспектах, однако части, касающиеся гуннов, могут оказаться в нужном контексте только после того, как будет определена дата прочтения поэмы. Аэций был консулом в 432, 437 и 446 гг. Зеек датирует панегирик 446 г., и Левисон выдвинул предположение, что Меробавд адресовал панегирик консулу 437 г. Вольмер, Бьюри, Штейн и Томпсон выступают за 446 г. Неопределенный стиль Меробавда и его склонность использовать иносказания вместо того, чтобы прямо называть личности и места действия, часто затрудняют понимание. Однако в целом поэма представляет ясную картину событий, предшествовавших третьему консульству великого полководца.

Год начинается мирно (стихи 30–41). Трубы молчат, оружие без движения. Беллона сняла свой шлем и украсила волосы оливковым венком. Марс безучастен, пока Аэций надевает консульскую тогу. „Оружие и колесница бога безмолвствуют, и его ленивые кони пасутся на пастбищах, спрятанных под инем Рифейских гор“. У Клавдиана, последователем которого был Меробавд, кони Марса резвятся на пастбищах Эридана. Разница важна. Для Меробавда дом Марса – Крайний Север. Аэций стал консулом „с покоренными северными территориями“.

Но этот мир дался с большим трудом. Чтобы обеспечить его, Аэцию пришлось вести много войн. В предисловии поэт дает краткий обзор достижений своего героя. Он не придерживается хронологического порядка. Начиная на севере, на Дунае, он следует на запад к Рейну и *tractus Armoricanus* (современная Бретань), поворачивает на юг к Нарбонской Галлии и заканчивает путь в Африке.

После ссылки о действиях Аэция на Дунае, о которой я поговорю позже, Меробавд переходит к франкам.

Рейн добавил союз, служащий унылому миру. Река довольна тем, что ее изогнули западные цепи, и радуется, видя Тибр [Рим] растущим на другом берегу.

Addidit hiberni famulantia foedera Rhenus
orbis et hesperiis flecti contentus habenis
gaudet ab alterna Thybrin sibi crescere ripa [стихи 5–7].

Эти высокопарные стихи – пример стиля Меробавда. Он хотел сказать, что Аэций принудил народы на Рейне заключить союз с Римом; территория к востоку от реки снова стала римской.

Сам по себе отрывок может быть отнесен к концу 420-х гг., началу 430-х или 440-х гг. Моммзен считал,

что Меробавд намекает на победу Аэция над франками в 428 г. В 432 г.

Аэций снова покорил франков. В контексте, указывающем на период незадолго до 439 г., Иордан говорит, правда немного неясно, о „сокрушительных поражениях“, которые Аэций нанес гордым свевам и варварам-франкам. Около 440 г. Кёльн и ряд других городов Рейнской области были во власти франков. Несколько годами позже – точная дата неизвестна – они ушли, только чтобы напасть снова в 455 г. Так как в 451 г. они сражались против Аттилы как союзники римлян, *foedus* (договор. – *Пер.*) между ними и империей, то есть с Аэцием, должно быть, возобновился после 440 г. Штейн был склонен думать, что Меробавд намекает на этот последний союз. Иными словами, стихи 5–7 сочетаются с любой датой, предложенной для панегирика. Но следующие стихи 8–15 безошибочно указывают на 446 г.

Розовая картина *tractus Armoricanus*, нарисованная Меробавдом, где бывшие багауды, ныне законопослушные крестьяне мирно пахали свои поля, была неверной в любой период первой половины V в. Но даже если сделать все скидки на преувеличения, без которых не может обойтись автор панегириков, Меробавд никак не мог написать эти строки в 436 г. Багауды, „неопытная и неорганизованная банда простаков“ (*agrestium hominum imperita et confuse manias*), не были ровней регулярной армии, но разнородным ордами федератов, которых бросил против них Аэций, они оказали упорное сопротивление. Римлянам потребовалось много времени, чтобы усмирить начавшееся в 435 г. восстание. Тибатто, лидер багаудов, сражался и в 436, и в 437 г. Когда Аэций начал свой второй консульский срок, Литорий и его гунны были полностью заняты, охотясь за неуловимыми бандами, которые, очутившись в лесах, недоступных для всадников, отрывались от них снова и снова. Только после того, как многие их лидеры были или убиты, или взяты в плен, багауды успокоились.

Не только в *tractus Armoricanus* не было мира в 437 г.; война также шла в Южной Галлии. Нарбонна, уже много месяцев осажденная готами, была готова сдаться, когда в начале года город освободил Литорий. Меробавд умело описывает Нарбонскую Галлию и подчеркивает важность провинции как связующего звена между Италией и Испанией. Аэций изгнал бандитов, дороги снова были открыты, люди начали возвращаться в города. В стихах 144–186, говоря о „воинственных деяниях“ своего героя, Меробавд рисует замечательную картину войны в Галлии. Готы больше не были примитивными дикарями, с которыми сражался Цезарь. Они научились искусству войны и храбро удерживали укрепленные города. Эти люди были благородны в делах, если не в мыслях. В 439 г. война закончилась союзом между готами и римлянами.

Стихи 24–29 относятся к еще более поздним событиям. Во время, когда римляне еще удерживали Карфаген, Меробавд не мог назвать Гайзериха *insessor Libyae*, он не мог сказать, что король вандалов разрушил трон царства Элиссы (*Elissaean kingdom*) и что орды северян заполнили Тирийские городки (*Tyrian*). Карфаген пал 19 октября 439 г. Стремление Гайзериха устроить помолвку между одним из его сыновей и римской принцессой, на которое Меробавд ссылается в стихах 27–29, также предполагает, что война закончилась. Мир, заключенный в 442 г.^[69], – самое позднее датируемое событие, из перечисленных в *prooemium* (предисловие. – *Пер.*).

* * *

Теперь мы можем вернуться к началу поэмы. Первый стих утрачен. Это, вероятно, была краткая хвала Аэцию, который

...Damvit cum pace redit Tanainque furore
exuit et nigro carentes aethere terras
Marie suo caruisse iubet; dedit otia ferro
Caucasus et saevi condemnant proetia reges.

(...Возвращается домой с миром на Дунае [или: с берегов Дуная] и лишает Танаис фурора, и велит странам, сияющим под черным небом, быть без Марса. Кавказ дает отдых железу, и цари дикарей порицают сражения.).

Гипотеза Моммзена, а затем и Вольмера, Бугиани и Томпсона: четыре стиха относятся к пребыванию Аэция с гуннами после 409 г., не может быть правильной. Перечень добродетелей его героя определенно входил в обязанности *римтора*. Но все же были определенные пределы. Даже самый подобострастный льстец не мог сказать, что мальчик Аэций вернулся с миром на Дунае. Посланный к гуннам заложником, чтобы гарантировать соблюдение условий соглашения, он не отдавал приказы, а получал их.

Не только содержание стихов не позволяет нам принять их за намек на юность Аэция. Нельзя забывать и о контексте. Меробавд помещает заключение мира с варварами на севере во главу списка достижений Аэция. Все достижения – захват левого берега Рейна, усмирение Ареморики, победа над готами; попытка Гайзериха восстановить дружественные отношения с двором в Равенне – имели место между 437 и 446 гг. А значит, дела с „Кавказом“ и „Танаисом“ тоже должны быть датированы этим периодом.

Стихи 50–97 снова относятся к северным варварам. Нечестивая богиня жалуется, что ее везде презирают: „Нас отбрасывают волны и не пускают на землю“. Не желая больше этого терпеть, она решает призвать далекие народы с Крайнего Севера. Разрушив сложившиеся союзы царств, она повергнет мир в хаос. Она направляется к Рифейским горам, где живет Энио. Богиня войны подавлена, поскольку на земле так долго царит мир. *Diva nocens*[70] уговаривает Энио приобрести и подтолкнуть скифские орды Танаиса к войне с римлянами.

Эти стихи явно отражают влияние Клавдиана, но нас интересует их содержание. Речи *Diva nocens* не могут быть прелюдией к описанию готской войны, как предполагал Вольмер. Стихи 52–53 обозначают дату со всей точностью, которую можно ожидать от Меробавда: „Нас отбрасывают волны и не пускают на землю“ (*Depellimur undis nec terries regnare licet*). Единственным народом, который сражался с римлянами в море, были вандалы. Проспер, Марцеллин Комит и „Пасхальная хроника“ (*Chronicon Paschale*) писали об их пиратских экспедициях в 437, 438 и 439 гг. После завоевания Карфагена „они построили флот легких кораблей и напали на империю с моря, как ни один тевтонский народ раньше не делал и не собирался делать впредь на Средиземном море“. В 440 г. вандалы высадились на Сицилии и разграбили Брутий. Только после 442 г., когда Гайзерих попытался договориться с римлянами, фурии „были отбиты волнами“. За десятилетие яростных нападений на империю три или четыре года мирной передышки, должно быть, показались долгими. Угроза войны, обращение Энио к варварам севера должны быть датированы 443–446 гг.

Дикие скифские орды – должно быть, гунны. К середине V в. ни один другой народ не был достаточно силен, чтобы угрожать Италии. Кстати, Меробавд характеризует противника настолько ясно и четко, что невозможно усомниться в том, что он имеет в виду. Варвары жили возле Рифейских гор, на Танаисе (Дон) и на Фасисе (река Рион к востоку от Черного моря). „Дрожащий Тибр будет атакован его другом Фасисом“ (*Phasiacoque pavens innabitur hospite Thybris* – стих 56): значение странной метафоры очевидно – люди с Фасиса ворвутся в Италию.

Рифейские горы могли быть связаны с любым народом на севере. Танаис в поэтическом языке – это река севера, так же как Нил – река юга. Готы Алариха являлись народами с Танаиса и Истра. Сидоний назвал Гайзериха бунтовщиком с Танаиса. Но ни одно германское племя никогда не ассоциировалось с Фасисом и Кавказом. Это – районы, откуда пришли гунны. Гуннские вспомогательные части армии Феодосия пришли „с грозного Кавказа и дикого Тавра“ (*minax Caucasus et rigens Taurus*). В 395 г. гунны

вторглись в Азию „с далеких скал Кавказа“, они пришли с земель за холодным Фасисом. Гунны были не просто варварами с севера, а „народом с самых дальних границ Скифии, за ледяным Доном“ (*genus extremos Scythiae vergentis in ortus / trans gelidum Tanain*). Меробавд так их и называет: „племена, живущие на дальнем севере“ (*summon gentes aquiline repostas* – стих 55). Кавказ, Танаис, Фасис, Крайний Север – это страна гуннов и только гуннов.

Изучение панегирика Меробавда не оставляет сомнений в том, что однажды между 437 и 446 гг. отношения между Западной империей и гуннами были крайне напряженными. Фраза „Кавказ даровал досуг мечу“ („*Dedit otia ferro Caucasus*“) указывает на реальную, хотя, возможно, ограниченную войну. Наша интерпретация поддерживается надписью на (теперь утраченном) могильном камне:

„Здесь слава Италии похоронена, герой Константин, который был щитом своей страны, ее стенами и оружием.
Непобедимый в войне, любящий настоящий мир, хотя и раненный, он всегда побеждал.
Он подчинил расу, которая пересекала море, и даже земля отказалась помочь побежденным.
Он был разумен, могуч в бою и строг, сильный командир, первый в мудрости, первый в войне.
Он горел любовью и преданностью римлянам и наводил ужас на паннонийские племена.
В войне он искал почестей для себя и своих сыновей, знати он дарил в подарок отрубленные головы.
Среди своих сынов отец лежит пронзенный, горюющая мать не знает, кого оплакивать, сраженная горем.
Хуже несчастье Рима, лишившись великого сенатора, он потерял украшение, потерял оружие.
Горюющие армии застыли в скорби, когда уносили их великого командира, с которым Рим был силен, без которого он слаб.
Этот холм, о великий лидер, возведен для тебя твоей супругой, которая лежит здесь, воссоединившись с тобой“.

(*Hic decus Italiae tegitur Constantinus heros
qui patriae tegmen, murus ac arma fuit.
Invictus bello, non fictae pacis amator,
confixus plagis, victor ubique fuit.
Hic mare per medium gentem compressit euntem,
et victis pariter terra negavit opem.
Sobrius armipotens castus moderamine pollens
primus in ingenio, primus in arma fuit.
Romanis blando quantum flagravit amore,
tantum Pannoniis gentibus horror erat.
Iste sibi et natis bello marcavit honores,
munera principibus colla secata dedit.
Natorum medio fixus pater: anxia mater
quern plangat nescit, stat stupefacta dolens.
Peius Roma gemit tanto spoliata senatu,
perdidit ornatum, perdidit arma simul.
Tristes stant acies magno ductore remoto,
cum quo Roma potens, quo sine pressa iacet.
Hunc tumulum, dux magne, tuum tibi condidit uxor,
quaec tecum rursus consociata iacet.)*

Константин, человек скромного происхождения, отличился на службе Риму. Он воевал против варваров на суше и на море и был убит в стычке с жителями Паннонии.

Кем был Константин и когда он жил? Имя является чрезвычайно распространенным; должно быть, было множество сенаторов по имени Константин. Моммзен предположил, что стихи прославляют императора Константина Клора (305–306). Однако они были написаны в то время, когда Паннония или, по меньшей мере, значительная ее часть больше не была римской провинцией. То, что мореплаватели идентифицировались как вандалы, признавали Зеек, Сундуолл и Фибигер. Однако эти историки не смогли „вставить“ деяния Константина в историю 430-х или 440-х гг. Я думаю, мы сможем это сделать. Единственным временем, когда западные римляне воевали с варварами-мореплавателями сначала на море, затем на суше, был период между 437 и 440 гг. *Tantum Pannoniis gentibus horror erat* указывает на сражение в Паннонии и вокруг нее, на командира войск на границе, то изгоняющего вторгшиеся банды, то организующего набеги на территорию врага, на постоянные стычки вдоль границы: *tunera principibus colla secata dedit*.

Существует еще два документа, которые отражают угрозу войны со страшным противником между вторым и третьим консульствами Аэция. Согласно novella, изданной в Равенне 14 июля 444 г., большая группа официальных лиц лишилась привилегий, которыми она пользовалась более 30 лет. Ранее их не только освободили от обязанности по снабжению рекрутов из числа своих арендаторов; они даже не должны были производить денежные выплаты, которыми многие землевладельцы заменяли отправку своих людей.

Новый закон требовал, чтобы *illustres* (выдающиеся люди. – Пер.), которые были бездействующими, платили деньгами за трех рекрутов каждый, причем цена одного рекрута назначалась в 30 солидов; члены церковного суда и представители высшего класса, трибуны и нотариусы и бывшие провинциальные губернаторы должны были платить за одного рекрута каждый, а бездействующие трибуны, представители второго и третьего классов, а также другие *clarissimi*^[71] за одну треть рекрута. Правительство, зная, какая буря недовольства пройдет по средним и нижним слоям бюрократии, поспешило заверить их тем, что декрет был издан лишь для настоящего времени. Однако правительство не имело выбора: из-за „необходимости неизбежных расходов“ ресурсов казначейства оказалось недостаточно.

Если министры Валентиниана ожидали, что новый налог до некоторой степени облегчит опасную финансовую ситуацию, *in aliqua parte*, они скоро убедились, что должны приниматься более радикальные меры. Действительно ли, как сказал император, торговцы и, особенно, землевладельцы не могли платить больше налогов, представлялось сомнительным. Другой выход – сокращение военных расходов – был невозможен. „Ничего не является более необходимым для нуждающегося государства, чем многочисленная армия“. Осенью 444 г. правительство изобрело новый налог, *silaginatum*, плату 1 *siliqua* за солидов, то есть налог, составляющий одну двадцать четвертую часть всех продаж. Правительство едва было способно накормить и одеть армию ветеранов, но все же издало строгие приказы по рекрутированию все большего числа солдат. Это были „тяжелые времена“, но максимально сильная армия была „основой полной безопасности для всех“.

Подготовка к войне с гуннами – мы теперь можем сказать уверенно, что нет никаких других объяснений этим законам, – падает на вторую половину 444 г. Аэций вел переговоры с *saevi reges*, Бледой и Аттилой. Если бы смерть Бледы могла бы быть точно датирована, она дала бы *terminus ante quern* (срок, раньше которого событие произойти не могло. – Пер.) для возобновления соглашения между гуннами и римлянами. Наши авторитетные историки дают различные даты. Согласно Просперу, Аттила убил своего

брата в 444 г. – это возможно, поскольку то была последняя запись этого года, осенью или зимой. Марцеллин Комит датирует убийство началом 445 г., хроника 452 г., как известно, не точная – 446 г. Феофан, *Anno Mundi* 5943, безнадежно запутался в своей хронологии; Бледа, практически наверняка, не был убит в 441 г., как указывает Феофан.

Вывод о том, что напряжение в 445 г. ослабло, можно сделать на основании биографии греческого ренегата, с которым Приск встретился при дворе Аттилы. Попав в плен в Виминакии (ныне Косталац, Югославия) в 441 г., он воевал под командованием Онегесия сначала против римлян, а затем против акатиров (акациров) с такой отвагой, что его хозяин сделал его свободным человеком. Он взял гуннскую жену, родившую ему детей, а рассказал Приску свою историю в 449 г. Следовательно, он женился, самое позднее, в 446 г. Поскольку маловероятно, что римский пленник немедленно был посажен на коня и отправлен против своих соотечественников, кампания, в которой он принимал участие, имела место, очевидно, в 442 или 443 г. Она предшествовала войне с акатирами, которая, таким образом, была датирована 443 г. Приск говорит совершенно ясно, что Куридах, прогуннский царь акатиров, обратился к Аттиле за помощью против проримских вождей своего народа. Следовательно, война имела место уже после смерти Бледы. Аттила повел огромную армию против акатиров, но покорил их лишь после многих сражений. 100 лет спустя Иордан все еще называл их *gens fortissima* (сильнейшими). Воевать одновременно против римлян и акатиров было для гуннов за пределами возможного. Все это приводит к 445 г., единственному, в котором, учитывая все обстоятельства, должна была иметь место война с акатирами. И это, в свою очередь, сужает период, в течение которого заключили „мир на Дунае“, до зимы 444/45 г. или следующей за ней весны. Вскоре после этого, то есть в 445 г., Аттила убил своего брата Бледу.

Наша информация о следующих годах взята из трех источников. Два из них проигнорировали исследователи гуннов, третий был истолкован ошибочно. Во-первых, имеется письмо Кассиодора, в котором он описывает встречу своего дедушки с Аттилой: „С Карпилио, сыном Аэция, он был направлен с ненапрасным посольством к Аттиле. Он без страха взирал на человека, перед которым дрогнула империя. Спокойный, благодаря силе духа, он презирал все эти жуткие гневные лица, которые хмурились вокруг него. Он не побоялся встретить полную силу гнева безумца, который вообразил себя покорителем империи мира. Он нашел короля высокомерным; он покинул его умиротворенным; и так умело отразил все его оскорбительные поводы для спора, что, хотя гунн был заинтересован в ссоре с богатейшей империей мира, тем не менее он унился до поиска ее благосклонности. Твердость оратора подняла слабеющую отвагу его соотечественников, и люди почувствовали, что Рим не может быть объявлен беззащитным, пока в его распоряжении имеются такие послы. Так, он вернулся обратно с миром, которого люди ожидали с отчаянием, и поскольку они искренне молились за его успех, то с благодарностью приветствовали его возвращение“.

Дед Кассиодора имел дело с самим Аттилой наедине.

Характеристика царя как человека, „который был ведомым каким-то гневом, кажется, стремился к господству во всем мире“ (*qui furore nesico quo raptatus mundi dominatum videbatur expetere*), не оставляет сомнений в том, что он сделал себя единственным правителем гуннов. Посольство должно быть датировано после 445 г. Было бы интересно узнать, какими были у Аттилы *calumniosae alligationen*. Возможно, он жаловался, как часто делал это в делах с Востоком, что римляне не отдают всех гуннских беженцев. Или Аэций мог платить дань не так регулярно, как хотелось бы царю. Он мог попытаться привлечь на свою сторону германцев, над которыми Аттила утверждал свое господство. Но все это только догадки. Из *Variae* мы знаем, что гунны возобновили угрозы нападения на Запад и что послы Аэция с трудом сумели не дать дикарям вторгнуться в Италию или Галлию. Конечно, Аттилу заставило передумать вовсе не дипломатическое искусство Кассиодора. Римские риторы никогда не имели успеха с Аттилой, если их речи не сопровождали звон римских солидов.

Второй источник, проливающий некоторый свет на события второй половины 440-х гг., – это короткий фрагмент из труда *Anonymus Valesianus* (Анонима Валезии), который содержит, помимо прочего, рассказ об остготском царе Теодорихе (493–526): Орест, отец последнего западного императора Ромула Августула, присоединился к Аттиле, когда царь пришел в Италию, и был сделан его секретарем. В 449 г. Орест уже занимал ответственное положение. Он сопровождал Эдекона во время его миссии в Константинополь. Учитывая недоверие Аттилы к своим римским секретарям – одного из них он распял, – должно быть, прошло некоторое время, прежде чем он стал полагаться на Ореста. Однако представляется невозможным датировать пребывание Аттилы в Италии на такой шаткой основе. Гораздо важнее тот факт, что гуннский царь *действительно* отправился в Италию. В 449 г., в весьма напряженной ситуации, Аттила уведомил восточных римлян, что желает встретиться с их послами в Сердике (совр. София), если, конечно, они будут людьми достаточно высокого ранга. У Аттилы не было привычки совершать путешествия в страну врага ради собственного удовольствия. Мы можем предположить, что он встретился с Аэцием или его полномочными представителями на итальянской земле, вероятно недалеко от границы. Следовало принять очень важные решения.

Третий источник, из которого можно извлечь информацию относительно отношений гуннского царя с Аэцием, – это короткий отрывок из Ириска, который обсуждался в предыдущей главе. Римский *doctor* уступил Аттиле большую часть Паннонии.

Больше не может быть никаких сомнений в том, что путешествие Аттилы в Италию, переговоры Кассиодора с ним и уступка земли вдоль Савы – звенья одной цепи. Возможно, именно в этот раз Аттила был назначен военным магистром с соответствующим жалованьем.

Аттила был умиротворен, но другом Аэция, как утверждают почти все современные авторы, он не стал. То, что Аэций посыпал ему дары и секретарей, – не важно. В 484 г. Евдоксий, лидер багаудов, бежал к гуннам. Если бы он был выдан римлянам, чего, несомненно, потребовал Аэций, хронист, сообщивший о бегстве, не забыл бы упомянуть об этом. Значит, римляне его не получили. И Евдоксий, определенно, был не единственным бунтовщиком, которому Аттила предоставил убежище. То, что гунны не разграбили Рецию и Норик, так же как Балканские провинции, не имеет ничего общего с их якобы дружественным отношением с Аэцием. Там просто нечего было брать. Все договоры, которые гунны заключали с Восточной империей, обязывали константинопольское правительство платить им дань. Они, несомненно, требовали и получали золото и от Западной империи тоже. Аэций был другом Аттилы не больше, чем для других варваров от Африки до Дуная. Гунское вторжение в Галлию в 451 г. было всего лишь продолжением политики другими средствами, если, конечно, слово *политика* применимо к постоянному вымогательству.

Война на Балканах

В начале лета 440 г. правительство в Равенне узнало, что большой флот вандалов вышел из Карфагена. Никто не знал, куда он направился – в Испанию, на Сардинию или Сицилию, в Египет [72], Рим или Константинополь. Предательский захват Карфагена Гайзерием годом раньше был ударом не только по Западной империи. Обладая лучшей гаванью к западу от Александрии, с судоверфями и опытными кораблестроителями, Гайзери мог очень скоро создать флот, способный доставить пиратов-вандалов в любую часть Средиземного моря. Были поспешно укреплены стены Рима, усилены береговые укрепления Константинополя. В воззвании к римскому народу император Валентиниан III заверил, что вскоре подойдет армия „непобедимого Феодосия“, чтобы принять участие в борьбе против вандалов.

Гайзери высадился в Сицилии. Вандалы взяли Лилибаум на западном побережье острова, разграбили беспомощные города и деревни, казнили католиков-священнослужителей и даже пересекли Мессинский пролив. В конце 440 или в начале 441 г. [73] Гайзери прервал кампанию и вернулся в

Карфаген. Восточная армия под командованием Ареобинда, которая должна была изгнать вандалов, прибыла на Сицилию уже после ухода с острова врагов. Ведя себя не намного лучше, чем вандалы, по большей части германские войска очень скоро стали „больше обузой для Сицилии, чем помошью Африке“[\[74\]](#).

Сицилийская экспедиция оказалась провальной. Прежде всего, она безнадежно опоздала. Министры Валентиниана проявили излишний оптимизм, объявив о ее прибытии в июне 440 г. Трудности и риски такого предприятия оказались более серьезными, чем подвергавшийся постоянному давлению Запад был готов признать. Собрать транспорт, обеспечить необходимые запасы, перебросить войска к портам погрузки – все это требовало времени. Но не только это объясняет задержку. Восток не мог прийти на помощь Западу, потому что сам находился под угрозой с двух сторон – на Балканах и в Армении.

О коротком конфликте с персами известно немного. Они напали на район Феодосиополя и Саталы. Судя по всему, римляне только оборонялись и стремились побыстрее договориться с противником. Рассказы Феодорита о чудесах можно не принимать во внимание, но его источник правильно связал события на Востоке и на Западе.

В то время когда римляне были заняты войной с другими врагами, персы нарушили существующие соглашения и вторглись в соседние провинции, а император, полагавшийся на заключенный мир, послал своих генералов и войска принять участие в других конфликтах. Анатолий, *magister militum per orientem*, согласился на все требования злобного тирана.

К июню 441 г. война в Армении завершилась.

Но была еще другая война, терзавшая западные провинции. Гунны вторглись в Иллирик. От Приска[\[75\]](#) мы узнаем, что во время ежегодной ярмарки, проводившейся в одной из *phrouria* (пограничная область. – Пер.) к северу от Дуная, гунны неожиданно напали на римлян и многих убили. Когда константинопольское правительство выразило протест по этому поводу, сославшись на договор, обеспечивающий равные права и безопасность участникам ярмарки, гунны стали утверждать, что всего лишь отомстили за несправедливости, творимые по отношению к ним. Они сказали, что епископ Марга переправился через реку и ограбил царские гробницы. Кстати, несмотря на условия договора, римляне продолжали предоставлять убежище гуннским беженцам. Хотя римляне отрицали эти обвинения, было ясно, что гунны правы.

Переправившись через Дунай, гунны взяли важный город Виминакум в Верхней Мёзии. Епископ Марга, испугавшись, что римляне, чтобы умиротворить варваров, выдадут его, предательски сдал город противнику, „и сила варваров еще больше возросла“.

Относительно следующих событий нашим источником является Марцеллин Комит. До 441 г. он сделал две записи о гуннах. Первая является ярким примером бездумного сокращения Марцеллином того, что нашел в источниках: „Персы, сарацины, цаны (тзаны, саны), исаврийцы и гунны прибыли из своих стран и ограбили земли римлян. Анатолий и Аспар были посланы против них и заключили мир на один год“.

Кто был отправлен против кого? С кем из врагов было заключено перемирие? Не с персами, поскольку мирное соглашение, которое подписал с ними Анатолий, не ограничивалось одним годом; на самом деле между Римом и Персией не было войны в течение более 60 лет, с 441 по 502 г. Дикие цаны и сарацины, не говоря об исаврийских грабителях, не являлись сторонами, с которыми имперское правительство стало бы заключать соглашения. Остаются гунны. Анатолий находился на Востоке – был главнокомандующим войсками с 438 г. Он занимал ту же должность в 441 и 442 гг., и в начале 443 г. Перемирие с гуннами было устроено Аспаром, *comes, magister militum* и экс-консулом.

То, что Ареобинд, а не Аспар был назначен командующим армией, которую в конце концов направили в Сицилию, показывает колебания и сомнения, предшествовавшие экспедиции. Аспар знал Африку. Он воевал с вандалами в 431 г., был в Карфагене в 434 г., считался самым заслуженным военачальником на Востоке. Однако он находился в Иллирике, очевидно из-за ситуации, которая, несмотря на перемирие, была слишком опасной, чтобы доверить ее кому-то другому. В дополнение к проблемам с гуннами Аспар столкнулся с яростным соперничеством со стороны генералов, которое в дальнейшем понизило боевую мощь его армии: „Иоанн, magister militum, по национальности вandal, был убит во Фракии предательством Арнегискла“.

Император Феодосий II начал переговоры с Гайзерихом. Армия на Сицилии скоро должна была понадобиться на другом фронте. Ее не могли доставить обратно, поскольку была бы вовлечена в бои в Африке. Марцеллин Комит в 441 г. сделал следующую последнюю запись: „Короли гуннов прорвались в Иллирик со многими своими воинами; они опустошили Ниш, Сингидун и другие города Иллирика“. В 442 г. „братья Бледа и Аттила, правители многих народов, разорили Иллирик и Фракию“.

Проигнорировав кампанию в 441 г., Проспер в 442 г. записал: „Поскольку гунны разорили Тракию и Иллирик, армия, которая стояла в Сицилии, возвратилась для защиты восточных провинций“. В 442 г. Феодосий заключил мир с вандалами.

Первая фаза войны может быть реконструирована, по крайней мере в общих чертах, однако ее вторая фаза весьма противоречива. После опубликования шестого, посмертного, тома *Histoire des empereurs* великого Тиллемонта прошло более трех столетий. С хронологическими проблемами гуннских войн в 440-х гг. пытались справиться Гибbon, Витерсхейм, Гюльденпенning, Кулаковский, Бьюри, Зеек, Штейн и Томпсон. Но ни одна дата не была определена точно. Когда гунны взяли Филиппополь и Аркадиополь? В 441–442 гг., как полагает Томпсон, или в 447 г., как утверждают Тиллемон и Зеек? Когда был заключен мир, о котором говорит Приск в отрывке 5? Бьюри, Штейн и Томпсон датируют это событие 443 г., Гибbon настаивает на 446 г. Витерсхейм и Кулаковский отдают предпочтение 447 г., а Тиллемонт думает, что война не закончилась до 448 г. Похоже, имеющиеся свидетельства допускают практически любую дату.

Загадкой является длинная запись в *Chronographia* Феофана под заголовком А. М. 5942. Ее важность для событий 440-х гг. несомненна. То, что она не может быть принята такой, как она есть, тоже очевидно. Тем не менее некоторые историки использовали и до сих пор используют этот отрывок, как будто он был написан самой Клио. По своей сути эта запись является галиматией, необычной даже для Феофана, который писал в IX столетии. В А. М. 5942, говорится в ней, произошли следующие события:

1. В сем году Феодосий, рассматривая государственные дела и видя себя обманутым коварным Хризафием... и сослал Хризафия на некоторый остров.

Будь это правдой, это привело бы к первым месяцам 450 г.

2. Евдокия просила императора отпустить ее в Иерусалим, куда и прибыла со священником Севером и диаконом Иоанном.

Это было в 443 или 444 г.

3. „...царь, узнав, что они здесь часто навещают ее и что она только с одними ими водится и осыпает дарами, дал повеление отрубить им головы“.

Это случилось в 444 г.

4. „...он с трудом упросил блаженную Пульхерию возвратиться во дворец. Она немедленно послала в Эфес и перенесла тело святого Флавиана, которое с большим торжеством провожала посреди города и погребла в храме святых апостолов“.

Перевод выполнен в ноябре 450 г.

5. Пульхерия воздвигла Халкопратийский храм в честь Богородицы, бывший прежде иудейской синагогой. Это может быть правдой, но следует отметить, что в другом отрывке Феофан ставит это благочестивое деяние в заслугу Юстину II.

6. „Встретив в Сицилии, как мы уже сказали, Гейзериховых послов, войско римское остановилось выждать повелений царя. Между тем скиф Аттила, сын Омнудия, человек храбрый и гордый, удаливши старшего брата своего, Вделу, присвоил одному себе власть над скифами, которых называют также уннами, и напал на Фракию; это обстоятельство в особенности побудило Феодосия поспешить заключить с Гейзерихом мир и вывесть войско свое из Сицилии. После того он отправил Аспара со вверенною ему силою, а с ним Ареовинда и Аргалиска против Аттилы, который покорил уже Ратиарию, Нассу, Филиппополь, Аркадиополь, Констанцию и множество других городов и, разбивши полководцев римских, захватил бесчисленное множество пленных и добычи. Одержавши такие победы, он раздвинул свое владычество от одного моря до другого, от Понта до Каллиполя и Систа, покорил себе все города, кроме Адрианополя и Ираклеи, называвшейся прежде Перинфом, и уже приближался к крепости Афире. Поэтому Феодосий принужден был отправить посольство к Аттиле, предлагая ему шесть тысяч фунтов золота, если он удалится, и, сверх того, обязываясь ежегодно платить тысячу фунтов, если он заключит с ним мир“.

7. Феодосий умер 20 июня, индикиона третьего (2 июля 450 г.).

8. Блаженная Пульхерия, пока никто еще не знал о смерти императора, послала за Маркианом (Марцианом), мужем сколько умным, столько же и скромным... и, призвавши патриарха и сенат, объявила его римским императором.

Конец рассказа Феофана о войне более или менее согласуется с началом фрагмента Приска. После сражения в Херсонесе римляне при посредстве посла Анатolia заключили мир с гуннами. Беглецы должны были быть возвращены обратно, также следовало погасить задолженности по дани в размере 6 тысяч фунтов золота. Ежегодная дань была установлена в размере 2100 фунтов золота.

Феофан втиснул в двенадцать месяцев события, которые происходили в течение восьми лет. Война с гуннами разразилась: а) когда большая часть армии находилась в Сицилии, то есть в 441–442 гг.; б) после смерти Бледы, следовательно, в 444 г. (самое раннее); война отнесена к А. М. 5942, который начался 25 марта 450 г., и сорок второму году Феодосия II, который обычно считается с 1 сентября 449 г. Если а) правильно, б) ошибочно, и наоборот.

Можно сказать, что поскольку мы знаем из других источников, что гунны вторглись в Балканские провинции во время Сицилийской экспедиции, то Феофан имел в виду первую гуннскую войну и ошибочно внес в запись смерть Бледы, таким образом запутавшись в хронологии. Таково мнение большинства исследователей поздней Римской империи. Они полагают, что война, которую упоминает Феофан, является той, которая началась в 441 и закончилась в 442 или 443 г. Соответственно они датируют события, описанные в фрагменте Приска теми же годами.

Несколько разноречивых интерпретаций были практически проигнорированы. Тиллемонт, который датировал войну А. М. 5942-447 гг., почти забыт. Кулаковский придерживался такого же мнения, однако его блестящая работа, написанная на русском языке и опубликованная в Киеве, остается неизвестной западным исследователям. Правда, Зеек пришел к тем же выводам. Между тем, подобно Тиллемонту и Кулаковскому, он только противопоставил свою хронологию общепринятой без объяснения своих причин.

Следующие рассуждения не имеют целью установления действительной последовательности событий. *Sub specie aeternitatis* они тривиальны. Однако историк, лояльный гражданин *civitas terrena*, не может не вдаваться в детали, если он хочет определять место Аттилы в истории гуннов и Римской

империи.

1. Когда римляне заплатили Аттиле 6 тысяч фунтов золота? Нагрузка на имперскую казну, должно быть, была довольно большой. Приск, может быть, и преувеличил лишения, которые выпали на долю римлян, однако все же представляется вполне правдоподобным, что многие были вынуждены продавать мебель и ювелирные изделия своих жен для того, чтобы собрать деньги для уплаты налогов. Утверждают, что некоторые римляне от отчаяния сводили счеты с жизнью. При этом вопрос, мог ли налог быть распределен более справедливо, обсуждать нет смысла. После единовременной выплаты 6 тысяч фунтов и дав обязательство выплатить через год еще 2100 фунтов, правительство не имело возможности должным образом реформировать налоговую систему.

Если война, которая наложила столь тяжкое бремя на несчастных восточных римлян, была той, что закончилась в 442 или 443 г., вполне можно предположить, что налоги в 444 г. оказались исключительно велики. Последним, чего можно было ожидать, являлось снижение налогов. Однако в 444 г. их действительно снизили. „Вымогательство антиобщественных налогов в последнее время уменьшено для земельных поместий... и в будущем не следует опасаться таких налоговых обложений“. Этот эдикт был издан в Константинополе 29 ноября 444 г. Только он один был бы достаточным доказательством того, что большая война, закончившаяся финансовой катастрофой, имела место после издания эдикта.

2. Поздней весной 443 г. Феодосий проехал по ряду провинций Малой Азии. На некоторое время он остановился в Гераклее в Вифинии. Император имел пристрастие к этой провинции, которую в честь своего дяди переименовал в Гонорию. Повернув на юг, он не спеша путешествовал к Карии. В конце мая он был в Афродисии. 27 августа он возвратился из *expeditio Asiana* в Константинополь. Весной 443 г. война должна была уже закончиться. Феодосий вряд ли покинул бы столицу, если бы бои продолжались. Но сделай он это, то наверняка отправился бы в Халкидон, как, например, папа Лев после великого пожара 465 г., и остался там. В посвящении своей „Церковной истории“ Феодосию Созомен, конечно, льстил императору, но не мог бы так описать путешествие, если бы Феодосий бежал от гуннов. Более того, есть свидетельство окончания войны в 442 г. 11 января 443 г. были торжественно открыты Thermae Achilleae. Жители Константинополя, определенно, любили удовольствия, но вряд ли можно себе представить, что они были бы расположены торжественно открывать новые бани, если бы гунны стояли у ворот.

3. Святой Ипатий, аббат монастыря Дрис, что в окрестностях Халкидона, умер в июне 446 г. Через семь месяцев начались землетрясения, обрушившие значительную часть большой стены Константинополя. А потом пришли гунны. Каллиник, биограф Ипатия, был внимательным и тщательным хронистом. Он не только сделал записи о многочисленных чудесах своего героя, он также следил за всеми событиями, повлиявшими на жизнь его братьев. Каллиник не обошел бы молчанием войну, в которой враг подошел близко к Константинополю. Он и не сделал этого. Но единственная известная ему война имела место в 447 г.

4. Евагрий упоминает только об „известной войне Аттилы“ в 447 г.

5. Иордан, должно быть, читал в своих источниках, что Бледа и Аттила разорили Иллирик и Фракию в 441 и 442 гг. Но он не упоминает об этой первой войне ни в *Romana*, ни в *Getica*. Как для Каллина и Евагрия, для Иордана существует только одна гуннская война – великая война 447 г.

6. Если бы сражение при Херсонесе ознаменовало конец военного противостояния в 442 или 443 г., римлянам пришлось бы обсуждать условия мира с Аттилой и Бледой. Во фрагменте, касающемся первой фазы войны в 441 г., Приск говорит о царях гуннов. Во фрагменте, который вроде бы завершает рассказ о событиях 443 г., имя Бледы не упоминается. Анатолию пришлось иметь дело с Аттилой, и только с ним. Аттила – царь гуннов, гуннская армия – это его армия.

7. Во время первой войны Анатолий был не во Фракии, а в Антиохии, штабе *magister militum per orientem*. Когда он заключил мир с Аттилой, он был *magister militum presentalis*.

Вся эта информация устанавливает дату войны, упомянутой во фрагменте Приска. Она имела место в 447 г.

Теперь мы можем подвести итоги: в 441 г. гунны ворвались в западные Балканские провинции. После короткой кампании, во время которой гунны взяли Виминакий, они согласились на перемирие. В следующем году нападения продолжились. Римляне, которых возглавил Аспар, терпели одно поражение за другим. После падения Марга, ключа к долине Моравы, гунны продвинулись на юг и взяли Ниш. Даже если бы мы не знали от Марцеллина Комита, что в том году был потерян Сингидун, нам пришлось бы предположить, что оборонительная система вдоль Дуная и Савы рухнула. Дорога Сиримий – Сингидун – Марг – Виминакий – Ниш использовалась для практических и военных целей и была единственной, соединявшей Паннонию Секунду и Верхнюю Мёзию с Фракией. С падением Ниша судьба Сингидуна была решена. Теперь все, что находилось к западу от Сингидуна, должно было перейти к гуннам. Они взяли Сиримий, вторглись во Фракию. А затем, должно быть, что-то случилось с гуннскими армиями. Возможно, это была эпидемия в конце 447 г., а потом еще одна – в 552 г. Или это было восстание в тылу, заставившее их прервать кампанию и вернуться. Не исключено, что некоторые народы, такие как „сorozgi“, с которыми Аттила и Бледа вели войны раньше, воспользовались шансом и нанесли удар в сердце, пока армии были заняты в других местах.

В предыдущих параграфах я привел ряд аргументов, подтверждающих конец войны в начале 443 г. Закон от 21 августа 442 г. предполагает, что, по крайней мере, в большинстве провинций она закончилась даже раньше. Ссылка на адвокатов, которые возобновили практику в префектуре Иллирик, предполагает, что большую ее часть контролировали римляне. Осенью 443 г. Дунайская флотилия была пополнена, лагеря вдоль реки усилены и все пограничные гарнизоны укреплены. В том же году или, возможно, в 441 г. римляне прекратили выплаты гуннам.

В 447 г. Аттила подсчитал, что задолженность достигала 6 тысяч фунтов золота. Очевидно, это оказалось весьма внушительной суммой. В договоре Марга годовая дань была установлена на уровне 700 фунтов. С 447 г. и далее гунны получали 2100 фунтов в год, то есть значительно большую сумму, чем это было согласовано в 442 или 443 г. Предполагая, что последняя была удвоенной данью из договора Марга, то есть, скажем, 1400 фунтов, римляне, вероятнее всего, отказывались платить гуннам с 444 или 443 г. В любом случае, какова бы ни была дань, ее не выплачивали гуннским царям в течение целого ряда лет. После одной или двух выплат правительство в Константинополе почувствовало себя достаточно сильным, чтобы нарушить свои обязательства, а гунны не сделали ничего. Примерно в эти годы они попытались шантажировать Запад. Восток был для них слишком силен.

Под каким бы углом зрения ни рассматривать войну 441–442 гг., картина остается одинаковой. Все прямые и косвенные источники говорят об одном и том же. Воспользовавшись отсутствием римской армии на западных границах, гунны смогли нанести римлянам тяжелые поражения. Чтобы избавиться от дикарей, Феодосий заплатил им. Как только они ушли, Феодосий разорвал мирный договор. Гунны доказали, что являются грозными врагами, но они не были великой империей.

Контраст между войной 441–442 гг. и ее результатами и войной 447 г. настолько велик, что требует объяснения. Это не может быть последовательностью совпадений, таинственным ослаблением силы Востока. Между двумя войнами произошло возвышение Аттилы. Если не считать трех фрагментов и нескольких строчек в „Галльской хронике“ 452 г., рассказ Приска о великой войне утрачен. Так же как и хроника Евстафия Епифанского, который в основном подражал Приску. Из западных авторов, судя по всему, Квинт Аврелий Симмах был единственным, кто писал о войне в 447 г., но его труд тоже утрачен.

Проспер о ней не упоминал. При таких обстоятельствах ход событий может быть реконструирован лишь в самых общих чертах.

Фрагмент 3 у Приска касается начала войны; Аттила, царь гуннов, собрал армию и отправил послания Феодосию с требованием беженцев и дани, которая не выплачивалась. Относительно будущей дани послов следовало направить к нему. Если римляне будут тянуть время или готовиться к войне, даже он не сумеет сдержать орды. Советники императора прочитали письмо и заявили, что беженцев нельзя сдавать. Лучше вместе с ними дождаться начала военного конфликта. А пока действительно следует отправить к Аттиле посольство, чтобы урегулировать противоречия. Когда Аттилу уведомили о решении римлян, он пришел в ярость, опустошил римские территории, взял несколько крепостей и напал на крупный город Ратиария.

Многие историки (Зеек, Бьюри, Томпсон и др.) датируют события, перечисленные в этом отрывке, 442 г. Это неверно. Аттила – единственный правитель гуннов. Он посыпал письма императору, готов принять римских послов, требует выплаты дани. Больше нет гуннских царей. Бледа мертв, а значит, это происходит не раньше 445 г. Некоторые фразы из отрывка часто переводятся неверно. Томпсон, к примеру, писал, что Аттила „не будет больше сдерживать гуннов“, Гордон – что он „не станет охотно сдерживать свои скифские орды“. На самом деле Аттила предупредил римлян о том, что, если его требования не будут выполнены, не в его власти будет удержать скифов. Римляне не платили дань. О какой войне идет речь? Даже самонадеянный Аттила не мог ожидать, что Феодосий станет посыпать ему „субсидии“, как будто он все еще является „союзником“, строго выполняющим положения договора, в то время как он в действительности вел войну с римлянами. Собственно говоря, Аттила не воевал. Он собрал свою армию. Должно быть, существовали другие гунны, не те, которыми правил Аттила, которые уже вели военные действия с римлянами, пока он еще продолжал переговоры.

Мы можем, полагаю, различить три группы гуннов. Во-первых, Аттилу с его армией, во-вторых – „скифские орды“, раздраженные, недовольные своим царем, готовые ввязаться в войну, если они не получат все золото, которое, по их убеждению, задолжали им римляне. В-третьих, были гунны, уже воевавшие с римлянами.

Только в такой контексте укладывается другой фрагмент Приска. Феодосий послал бывшего консула Сенатора к Аттиле. Но Сенатор, „хотя и назывался послом, не осмелился ехать к гуннам по суше. Вместо этого он поплыл в Одессос (современная Варна), где был еще и генерал Феодул“. В *Excerpta de legationibus Romanorum ad gentes* этот отрывок следует за тем, где говорится о договоре Марга, и предшествует фрагменту, в котором описано посольство 449 г. Сенатор, как утверждает Томпсон, был консулом в 436 г. Но из этого не следует, что наш фрагмент может относиться к любому времени между 436 и 449 гг. Опять же, нельзя забывать, что Сенатора направили к Аттиле, что сужает интервал до 445–449 гг. В 447 г. с Аттилой вели переговоры Анатолий и Феодул, причем последний как командующий вооруженными силами во Фракии. Значит, путешествие Сенатора состоялось в 445 или, что более вероятно, в 446 г.

Наш фрагмент или игнорировался, или неверно толковался большинством знатоков гуннов. Томпсон, например, считает, что в нем видно презрение Приска к трусливому Сенатору. В тексте нет ничего подобного. Ключом к правильному пониманию являются слова „хотя и назывался послом“. Они могут означать только одно: Сенатор не рассчитывал, что люди, живущие в регионах, которые ему предстояло проехать по пути к Аттиле, станут уважать его статус. Следовательно, это были гунны, которые вели собственную войну с римлянами. Очевидно, Сенатор вернулся в Константинополь, так и не достигнув своей цели. Если бы он встретился с Аттилой, мы прочитали бы об этом у Приска.

У Марцеллина Комита есть четыре записи, относящиеся к 447 г.: в огромной войне, большей, чем первая, Аттила стер почти всю Европу в пыль; стены Константинополя рухнули во время землетрясения и

были восстановлены за три месяца. Аттила дошел до Фермопил; Арнегискл храбро сражался и многих убил, но пал в бою с Аттилой у реки Утус на границе Дакии. О последней битве говорится и у Иордана, который добавляет, что Арнегискл был *magister militum Mysiae*, вышел из Марцианополя и продолжил сражаться даже после того, как его лошадь была убита под ним. О падении Марцианополя и смерти храброго генерала говорится также в *Chronicon Paschale*. Все три ссылки на Арнегиска определенно восходят к одному источнику. Но где Марцеллин прочитал, что Аттила отправился на войну перед землетрясением? И действительно ли он имел в виду, что война началась между 1 и 27 января? Очевидно, нет. Представляется, что запись, сейчас являющаяся первой в 447 г., изначально было последней в 446 г. Из „Галльской хроники“ 452 г. мы ничего не узнаем о ходе войны, но есть три источника, из которых мы можем получить некоторое представление о ходе событий.

Начнем с великого землетрясения. В 439 г. под руководством Кира стена, защищавшая город от нападений с запада по сухе, была продлена вдоль берега Золотого Рога и Мраморного моря. Часть ее рухнула в воскресенье 27 января 447 г., на втором часу после полуночи. Весь район между *porticus Troadensis*, что возле Золотых Ворот и Тетрапилона, где сегодня находится мечеть Шахзаде, оказался в руинах. Когда наступило утро, 10 тысяч жителей во главе с императором вышли босыми к лагерю Хебдомон (Эвдомон), где патриарх провел специальную службу.

Шла в это время война с гуннами или нет, но городские стены были восстановлены со всей возможной поспешностью. Преторианский префект Востока Флавий Константин мобилизовал партии цирка. Синим он поручил территорию от Влахерны до берега Порта-Мириандри, а зеленым – участок оттуда до Мраморного моря. Рвы очистили от мусора, соединили стены, построили новые башни и ворота. В конце марта земляная стена уже стояла как прежде. Никто не мог построить ее лучше и быстрее.

В книге „Базар Гераклита“ бывший патриарх Несторий не мог обойти молчанием землетрясение. Он писал: „Бог потряс землю землетрясениями, подобных которым никто не мог вспомнить... В Константинополе, имперском городе, башни стены рухнули и оставили стену отдельной. [Это было во время], когда варвар снова зашевелился среди них, убивая и разоряя земли римлян, уничтожая все. И у них не было средств спасения, не было убежища, они были поражены страхом и не имели надежды. И он окружил их, заставил их чувствовать нужду во всем, что они делали для своего спасения. И поскольку они не понимали своего прежнего спасения, он послал этого человека, которого оторвал от выпаса овец, который протестовал против тайных целей сердца императорского. И он уже был взбудоражен Богом, и он велел сделать крест. И как будто он, то есть император, не верил ему, он сделал его из дерева собственными руками и послал его против варваров. Но он установил другой крест во дворце и еще один – на форуме Константинополя в центре города, так что его мог видеть каждый человек, так что даже варвары, увидев его, бежали в замешательстве. И сам император, уже готовый бежать, обрел уверенность, чтобы остаться, а нервы города, к этому времени ослабевшие, стали твердыми, и все случилось так... Варвары бежали в смятении, хотя их никто не преследовал, и император был сильно воодушевлен и погрузился в думы о своей империи. [Но варвары вернулись, и на этот раз римляне стали] слугами варваров и были отданы в рабство письменными документами. Варвары стали хозяевами, а римляне слугами. Так превосходство перешло к варварам“.

Текст не слишком ясен, вероятно из-за неопытности сирийского переводчика. Тем не менее у читателя складывается впечатление, что, пребывая в ссылке, Несторий получал довольно-таки подробную информацию о событиях во Фракии. То, что он написал о бегстве гуннов, подтверждается

Исааком Антиохийским в труде *Homily on the Royal City*. Это еще один документ, который, по непонятной причине, игнорируется исследователями гуннов: „Снова позволь нам воздать хвалу силе, которая освободила тебя от меча, снова возблагодари, чтобы он мог опять защитить в брешах. Он [то есть

Бог] не растерял силу в войне, ты не видел лиц преследователя – с помощью болезни он сразил тирана, который грозил прийти и увести тебя в плен. О камень болезни они споткнулись, и кони пали, и их седоки – и на лагерь, который был приготовлен для твоего уничтожения, опустилась тишина... Слабой хворостины болезни он ударил сильных людей и повалил их, и ярость не устояла перед слабостью... Ничтожным слабым посохом он обуздал для тебя воинственные силы; самые быстроногие пытались бежать, но слабость уложила их на землю. Кони ничего не достигли, всадники не имели успеха, равно как и оружие и все нападение... Болезнью он свалил гуннов, которые угрожали тебе... Своим указом он остановил бойню... Гунн хотел твою собственность, и от желания он перешел к гневу – его желание стало яростью, и оно заставило его взять меч и отправиться воевать. Жадные смешивали желание с гневом, и они осмелились напасть на город – это свойственно грабителям – переходить от желания к ссоре. Гунн в центре поля услышал о твоем величии и позавидовал тебе, и твои богатства зажгли в нем желание вернуться и унести твои сокровища. Он позвал и собрал вместе жителей полей, хозяев пустынь, чтобы покорить землю. Он взял меч в правую руку и взял лук, чтобы испытать его, послав стрелу. Только грешники достали луки и положили стрелы на тетиву – толпа уже была готова напасть, но тут их настигла болезнь, и воины оказались не у дел. Тот, чье сердце закалилось в бою, стал слабым от болезни. Тот, кто был искусен в стрельбе из лука, от боли внутри не мог его поднять. Всадники на конях спали, и вся армия затихла. Собранная армия, которой гунн хвастался, внезапна пала. Шум боя стих. Война с чужеземцами подошла к концу”.

Мосс, переводчик Homily, датирует произведение 441 г., считая невозможным, чтобы автор говорил о событиях 447 г., не упомянув о великом землетрясении. Этот аргумент не представляется убедительным. Для землетрясения нет места в поучении царскому, богатому процветающему городу. Кстати, в 441 и 442 гг. гуннов и близко у Константинополя не было.

Два автора, независимо друг от друга, описали бегство гуннов: Несторий вызывал в воображении вдохновенного Богом пастуха, а сирийский проповедник, хотя и по-восточному цветисто, приписал его „болезни внутренностей“. Здесь можно провести параллель с осадой Константинополя арабами в 717 г.: их тоже поразила эпидемия „и несчетное их число умерло“. Два богобоязненных автора, хотя и со всеми возможными преувеличениями, сохранили для нас эпизод войны 447 г. В апреле или мае, после того как стены были заново отстроены (то, что это произошло после землетрясения, мы узнаем у Нестория), отряд гуннов направился к Боспорскому царству, и стены рухнули. В 452 г., спустя пять лет, гунны прервали кампанию в Италии, когда болезнь „поразила их с небес“. В 447 г. им повезло больше. Главная армия под командованием Аттилы, очевидно, избежала эпидемии.

Каллиник определенно знал об отступлении передовой группы, но это было ничто по сравнению с ужасной судьбой, выпавшей на долю бедных жителей Фракии: „Варварский народ гуннов, тот, что во Фракии, почувствовал себя таким сильным, что захватил больше ста городов и едва не поставил под удар Константинополь, и много людей бежало оттуда. Даже монахи хотели бежать в Иерусалим. Было так много убийств и кровопролития, что мертвых уже никто не считал. Они грабили церкви и монастыри, убивали монахов и девственниц. Они ограбили даже благословенного Александра и унесли сокровища и бесценные реликвии, ничего подобного раньше не случалось, хотя гунны, конечно, подходили к благословенному Александру, никто из них не осмеливался приблизиться к мученику. Они так разорили Фракию, что она больше никогда не поднимется и не станет такой, как прежде“.

„Благословенный Александр“ – это церковь мученика в Дризипера, расположенная по пути из Гераклеи (Перинф) в Аркадионополь. От Приска мы знаем, что римская армия потерпела поражение в Херсонесе, от Феофана – что гунны вышли к морю в Каллиполе и Сесте и что была оккупирована Афира.

Феодосий попросил мира. Анатолий, который вел переговоры с Аттилой, был вынужден принять все требования гуннов. Римляне должны были немедленно выплатить все задолженности по дани, достигшие

6 тысяч фунтов. Годовая дань, как утверждает Приск (EL. 576), составила 2100 фунтов. Это много, но опаснее всего для будущего оказалось оставление большой территории к югу от Дуная, некоего пояса, шириной в „пять дней пути“ от Паннонии до Новы (современное Систово?). Большинство городов, находившихся в этой полосе, а также к югу и к востоку от нее, разрушили. Ниш, когда Прис увидел его в 449 г., был покинут, а участок, прилегающий к берегу реки, все еще покрывали кости убитых в бою людей. На улицах можно было встретить лишь очень редких прохожих. Сердику уничтожили. Однако медленно и неуверенно люди, бежавшие от врага, все-таки возвращались обратно. Аттила не терпел присутствия в пределах видимости даже римских пастухов. Он снова и снова требовал строжайшего исполнения положений договора. Только крестьяне, как всегда и во все времена, цепко держались за свою землю. Они бежали, когда видели гуннов, и прихватывали с собой все, что могли унести, угоняли скот в леса, а потом, когда буря заканчивалась, возвращались обратно. Император был так же не способен выселить крестьян, как гунны.

И все же, хотя на границе иногда встречалось римское население, чего категорически не желал Аттила, уступка территории сыграла свою роль, оставив римлян беззащитными. Гуннам не нужна была земля для своих стад и отар, она не была приспособлена для столь масштабного животноводства, каким они занимались. Возможно, Аттиле нравилось там охотиться, но у него имелись и другие охотничьи угодья. У гуннов была цель: отеснить римлян от Дуная, тем самым устранив главное препятствие, которое могло помешать их вторжению в империю. Дунайская граница не стала непрестижной. Зимой речные лодки были обездвижены; большинство гарнизонов варваров в фортах оставались не вполне надежными, но, даже если они считались надежными, над ними можно было взять верх. Но гуннам пришлось пролить немало крови, чтобы прорваться через пограничные укрепления. Несмотря на слабость, оборона римских провинций на Дунае оказалась несравненно сильнее, чем та, которую собирались построить римляне к югу от новой границы. Они были отданы на милость Аттиле.

Война закончилась осенью 447 г. Она началась, если мое прочтение источников является верным, с несогласованной атаки гуннских орд. Когда она завершилась величайшей победой гуннов, Аттила стал правителем великой державы. В наших текстах ничего не сказано о разделении в ней власти после смерти Бледы. Когда началась большая война, власть Аттилы, хотя и огромная, была еще недостаточно прочна. Победа стала *его* победой. С 447 г. Аттиле, царю, главнокомандующему и верховному судье, повиновались безоговорочно.

Царство Аттилы

Пытаться определить экспансию гуннской власти в середине V в. – неблагодарное занятие. Трезвый подход непременно заденет чувство гордости и войдет в противоречие с давно утвердившимися мифами. Хотя в Венгрии никто больше не верит в великого Аттилу из средневековых хроник, его образ все еще владеет многими умами. Крестьяне, носители национальных традиций, всегда называют своих сыновей Иштванами и Лайошами, но в Будапеште и Дебрецене есть немало Аттил. В германских странах великий и ужасный Аттила в прежние времена являлся фигурой, обладающей сверхчеловеческим величием. Даже историки не могут освободиться от идеи, что Аттила был предшественником великих монгольских завоевателей. Груссе дал своему труду *L'Empire des steppes* („Империя степей“) подзаголовок „Аттила, Чингисхан, Тамерлан“. Моммзен считал, что острова в океане, которыми, как утверждала молва, правил Аттила, были Британскими островами. Томпсон отдавал предпочтение Борнхольму в Балтийском море. Вернер превращает Башкирию, расположенную в 1500 милях к востоку от резиденции Аттилы, в гуннскую провинцию.

Небольшое эвристическое значение сравнения царства Аттилы с великими монгольскими

империями, боюсь, перевешивается искушением найти аналогии там, где их нет. Гунн, какими бы ни были его амбиции, не являлся *regna* или *mundi*, а лишь господином на более или менее определенной территории. Она была не немного больше, чем та, что гунн имел в середине I в. до н. э. у дакийского царя Буребисты, который за 10 лет расширил свою территорию от устья Дуная до Словакии и подчинил большую часть Балканских провинций. Стремительный взлет Буребисты и его внезапный крах вызвали не случайности, присущие кочевническим обществам. Дакийцы не были конными лучниками. Можно рассмотреть другой пример и сравнить Аттилу с готским кондотьером Теодерихом Страбоном („Косой“ может для кого-тоозвучивать кощунственно). Но при всей разнице в значимости у этих двоих есть много общих черт. В течение нескольких лет во второй половине V в. Косой был кошмаром восточных римлян. Он вынудил их назначить его военным магистром, разумеется с соответствующим жалованьем. Он наносил римским армиям одно поражение за другим. В 473 г. император Лев дал обещание платить ему 2 тысяч фунтов золота ежегодно, то есть всего на 100 фунтов меньше, чем получал Аттила на вершине власти. Теодерих Страбон не был вторым Аттилой, но ведь и Аттила не был еще одним Чингисханом. После убийства Бледы Аттила стал единоличным правителем гуннов, своего собственного народа, а также повелителем готов и гепидов. Он слыл сильным воином, не раз доставлявшим беспокойство римлянам, но никогда не был для них прямой и явной угрозой.

Романтическим натурам, которые все еще видят в Аттиле гегелевского „мирового духа на лошади“, следует прочитать документы Халкидонского собора. Среди весьма объемных материалов есть несколько писем со случайными упоминаниями сражений между римскими войсками и гуннами где-то во Фракии. В очень подробных протоколах встреч гунны не упоминаются. Епископы со всей страстью предавались спорам о церковных догмах – вероятно, им было не до гуннов. И все же невозможно понять их наплевательское отношение к смертельной опасности, располагавшейся всего лишь в 100 милях от них. Ведь она могла угрожать самому существованию христианского мира... если бы была действительно смертельной.

На западе Проспер ни слова не сообщил о вторжении в Галлию в 451 г. На это у него могли быть личные причины. В своей враждебности к Аэцию Проспер мог не желать отдавать ему должное за победу. Но он не мог обойти молчанием само вторжение, если только он сам, и не только, не принял его за очередной набег варваров. Вероятно, для него это был эпизод, один из многих, как позднее эпизодами стали мадьярские рейды. Как в VIII и IX вв. никто и мысли не допускал, что мадьяры могут стать хозяевами в Европе, так и римляне считали абсурдом предположение, что Аттила может захватить Константинополь и удержать его.

На западе, к югу от Дуная, Норик оставался римской провинцией. В 449 г. послы восточных римлян встретили Промота, губернатора Норика, при дворе Аттилы.

К северу от Дуная лангобарды успешно защищали от гуннов свою независимость. Представление о взаимоотношении между двумя народами можно получить, ознакомившись с историей об Агельмунде, Ламиссио и вулгарах. Она сохранилась в *Historia Langobardorum* Павла Диакона, который взял ее из *Origo Gentis Langobardorum*, труда, написанного примерно в середине VII в. И вовсе не несмотря на, а благодаря ее пробелам и несообразностям *Origo* является историческим документом первого порядка. Она стоит несравненно ближе к живым традициям лангобардов, чем *History of the Goths* Иордана-Кассиодора к готским *cantus maiorum*. История такова:

После победы над ругами зимой 487/88 г. Одоакр в 488 г. сломил их последнее сопротивление. Земля ругов – это Нижняя Австрия, к северу от Дуная, к западу от Корнейбурга. Это первое идентифицируемое географическое название в *Historia Langobardorum*, а 488 г. – первая идентифицируемая дата. Все, что было раньше, покрыто непроницаемым туманом, и любая интерпретация представляется допустимой.

Кемп Мэлоун датирует войну между лангобардами и вулгарами второй половиной II в. и местом действия считает Прибалтику. Он приходит к поразительным результатам, посчитав vulgares латинизированной формой лангобардского *Wulg(w)aras = wulg, „волчица“ и германским суффиксом множественного числа. Трудно найти более фантастическую этимологию, придуманную с полным пренебрежением к тексту.

Некоторые ученые, убежденные, что лангобарды жили в Силезии до того, как переместились на земли ругов, считают, что сражение имело место на Одере. Клебель более точен. Он полагает, что лангобарды победили вулгар в районе Глогау или еще восточнее. Он считает, что вулгары – это булгары Южной России, и даже производит наименование племени от названия реки Волга.

Вопрос вовсе не в этимологии вулгар, а в том, что этническое имя означало в трудах Павла. В *Historia Langobardorum* вулгары: 1) враги лангобардов; 2) народ, живший среди лангобардов в Паннонии, позднее в Италии; 3) сторонники dux Alzeco, который покинул свою страну и присоединился к лангобардам при Гримоальде (662–671), поселенцы бывшего Самния; 4) вулгары на нижнем Дунае. Булгары 3) и 4) – явно не вулгары из нашей истории. Паннонийские булгары 2), возможно племя или племена, оставшиеся в Венгрии после краха царства Аттилы, появляются под этим названием только в 480 г., слишком поздно для нашей истории.

Origo и Павел, конечно, источники ненадежные, особенно при перечислении названий пунктов, через которые проходила миграция лангобардов^[76] и имен царей, они следуют традициям, в которых, как у готов и бургундов, имена правителей и их наследников хорошо сохранились. Ламиссио правил 40 лет. Сколько правил его преемник Лет – неизвестно^[77]. Если предположить, что правил всего полтора года – это кратчайший период правления лангобардского короля, известный из надежных источников, а также что Годехок повел свой народ на земли ругов на первом году своего правления, война с вулгарами имела место в 446 г. Средний срок правления лангобардских королей составлял девять лет. Выделив Годехоку эти девять лет, получим, что победа выпадает на 439 г. Разумеется, эти расчеты не точны, но они указывают на первую половину V в. Могучими врагами лангобардов, вероятнее всего, были гунны. Такую гипотезу выдвинули уже довольно давно, и до сих пор не она подвергалась сомнению. Но тогда почему Павел назвал гуннов вулгарами? Потому что, если бы он начал вести речь о гуннах, его читатели подумали бы, что он имеет в виду аваров. В *Historia Langobardorum Hunni* – это всегда авары, „которых сначала называли гуннами, а потом по имени их короля – аварами“ (*qui primum Hunni, postea de regis proprii nomine Avares appellati sunt*). Григорий Турский тоже называл аваров гуннами, как и лангобард, веком позже написавший Origo. В византийской историографии VI–VIII вв. это не редкость.

До недавнего времени было бы невозможно определить, где лангобарды схватились с гуннами. Но благодаря глубокому и всестороннему изучению Вернером (1962. 144–147) археологических свидетельств мы знаем, что до того, как лангобарды переместились на земли ругов, они жили в Южной Моравии. 24 места археологических раскопок указали на их продолжительное пребывание в этом районе.

Гунны в Италии

Общеизвестные источники, касающиеся гуннского вторжения в Галлию в 451 г., настолько хорошо изучены, что их пересмотр вряд ли может дать значимые результаты. Но все же еще остались некоторые труды, доселе проигнорированные исследователями. К примеру, из писем папы Льва (440–461), и только из них мы узнаем, что в начале лета 451 г. западные римляне ожидали вторжения Аттилы в Италию.

В письме от 23 апреля, адресованном императору Марциану, Лев выражает уверенность в том, что согласие двух правителей империи преодолеет „ошибки еретиков и враждебность варваров“. Это могло

быть сказано в любое время – обычная, часто встречающаяся цитата. Но когда в мае император решил созвать Вселенский собор на востоке – в Никее, папа попросил его отложить это мероприятие из-за угрозы войны. Епископы многих важных провинций не смогли бы покинуть свои церкви. Поскольку Марциан продолжал настаивать на созыве собора, Лев послал Пасхалия, епископа Лилибаума, в качестве своего представителя; Сицилия была самым безопасным местом.

Почему Аттила не вторгся в Италию, а направился в Галлию, неизвестно. Он определенно не совершил кампанию против вестготов, поскольку был подкуплен Гайзерием, как утверждает Иордан. Идея, что агенты короля вандалов, несущие сумки с золотом, пробирались по империи из Северной Африки в Венгрию, представляется нелепой. Недостоверный рассказ хрониста VI в. Малала все же содержит крупицы информации. Он путает все: называет Аттилу гепидом, путем Теодериха и Алариха, и перемещает решающее сражение из Галлии на Дунай, утверждает, что Аттила направил послов в Рим и Константинополь, потребовавших, чтобы оба императора приготовили свои дворцы для него. Гибсон, а за ним и Томпсон указали, что в таком приказе можно распознать „подлинный ненаигранный стиль Аттилы“. Это скорее стиль самых недалеких византийских хронистов. Я не придаю значения часто рассказываемой мелодраматической истории о порочной принцессе Гонории, ее тайной связи с Аттилой и последствиях этого. Все это – пересказ византийских придворных слухов и сплетен.

После сражения у locus Mauriacus (Мавриакские поля), имевшего место на первой неделе июня 451 г., Аттила отступил в Венгрию. Некоторая информация о ситуации в Галлии снова может быть взята из писем папы Льва. Он хотел установить связь с трансальпийскими епископами, но только в январе 452 г. их представитель, Инджен Эбредуренс (*Ingenus Ebredurensis*), прибыл в Рим. Очевидно, яростная вражда между вестготскими принцами после смерти Теодериха сделала все путешествия невозможными.

Документы Халкидонского собора проливают свет на гуннские рейды в Балканские провинции 451 г. Император Марциан издал требование прибыть в Никею 1 сентября 451 г. В это время он надеялся тоже быть там, „если какие-нибудь срочные государственные дела не задержат его в поле“. Очевидно, император ожидал проблем на дунайской границе. Они действительно начались летом. В августе Марциан попросил епископов, собравшихся в Никее, помолиться за победу над (неназванным) врагом. Он был во Фракии, во многих частях Иллирика еще шли бои. Поскольку ни один епископ из Мёзии Примы и пограничной части Дакии не прибыли на собор, который наконец был собран в Халкидоне, можно предположить, что гунны снова занимались разорением несчастных провинций. Скифия тоже находилась под угрозой: Александр, епископ Томиса, оставался со своей паствой.

Археологические свидетельства вряд ли могут помочь реконструировать кампанию в Галлии. Согласно *Gesta Treviorum*, Аттила взял Трир. Это вроде бы подтвердили раскопки: церковь Евхерия была уничтожена в начале 450-х гг. Через несколько лет в Северной Франции был найден фрагмент гуннского котла, предположительно в районе Труа. Это дало новый импульс поискам поля боя в районе Мавриакских полей и стало любимым времяпрепровождением местных историков и отставных военных [78].

Все эти детали не меняют общей картины событий 451 г. Однако кампания Аттилы в Италии требует пересмотра. Почти все современные историки от Моммзена до Томпсона пользовались этой возможностью, чтобы доказать, каким некомпетентным государственным и военным деятелем был Аттила. Некоторые благочестивые личности до сих пор считают войну в Италии дуэлью между неумелым римским военачальником и кровожадным дикарем, которая закончилась счастливо только благодаря вмешательству папы Льва, как *pontifex ex machina*. Аэций, которого современники считали „последним римлянином“, является *bete noire* (злой гений. – Пер.) у авторов сегодняшнего дня. В мои намерения не входит его реабилитация, но я хочу показать, помимо прочего, что Аэций вовсе не совершал дилетантских ошибок, в которых его обвиняют.

Первая стадия войны

Потери гуннов в 451 г., должно быть, были очень велики. Один только факт, что Аттила начал двигать свою армию в начале лета, показывает, как много времени ему потребовалось, чтобы оправиться от катастрофы, случившейся годом раньше. Он наверняка знал об опасностях кампании во время жаркого сезона. Так почему он вообще напал? Аттила, несомненно, был в ярости относительно неожиданного поражения в Галлии – так сказано в „Хронике“ 452 г., единственном источнике, устанавливающем некую связь между двумя войнами. Он определенно ненавидел Аэция. Но почему он не подождал еще год, прежде чем взять реванш? Его отношения с восточными римлянами не могли быть хуже. Когда он вторгся в Галлию в 451 г., по всей видимости, чтобы сразиться с вестготами, император Марциан не предпринял никаких действий. Но Аттила не мог рассчитывать на нейтралитет восточной части империи при нападении на Италию. Возможно, он хотел сокрушить армии Аэция раньше, чем Восток успеет прийти на помощь Западу. Он мог думать, что, как только его всадники поскакут по долине По, Аэций запросит мира. Не исключено, он ожидал, что Валентиниан пожертвует Аэцием, чтобы спасти свой трон. Мы ничего не знаем о политической ситуации в Италии; она могла быть такой, что у Аттилы имелись все основания ожидать быстрого краха врага. Но это могло быть и давление со стороны его собственных людей, жаждущих новой добычи. В Северной Италии гунны часто передвигались очень медленно, потому что их повозки были перегружены награбленным.

Когда же гунны перешли Юлианские Альпы из сегодняшней Югославии в Италию? Хронисты не указывают точную дату. И уже через несколько лет даже последовательность событий была позабыта. Хидатий, обычно хорошо информированный, полагал, что Аттила отправился из Галлии прямо в Италию. Согласно „Хронике“ 511 г., гунны взяли Аквилею (в северо-восточной части азиатического побережья), отступая из Галлии в Паннонию. Только Приск дает хотя бы намек на дату: „Сперва он приступил к осаде Аквилеи, расположенной в самом начале Италии. Осадя ее целых три года, он не мог взять город никакими средствами из-за деятельного сопротивления горожан и уже слышал ропот своего войска, не имевшего сил терпеть муки голода. И вот однажды, обходя город, чтобы выяснить, с какой стороны легче будет его атаковать, он внезапно заметил, как птицы, которых зовут аистами и которые имеют обыкновение вить гнезда на вершинах домов, в едином порыве улетели из города и, подхватив в клювах своих птенцов, разнесли их по расположенным за пределами города деревням. Тогда он сказал своим людям: „Смотрите! Птицы, предвидя будущее, покидают город, который должен погибнуть!“ Тут же, установив осадные машины, он ободряет своих людей, еще ожесточеннее атакует город и без промедления захватывает его“.

Если рассказ Ириска по сути правдивый, тогда падение Аквилеи должно датироваться концом августа или началом сентября. Согласно Плинию, аисты покидают Италию после Вулканалии, 23 августа. Осада продлилась три месяца. Таким образом, гунны перешли Юлианские Альпы в мае или июне. Но более чем сомнительно, что история об Аттиле и аистах допускает такую интерпретацию. Скорее она говорит о суеверном страхе, с которым его подданные, особенно германцы, взирали на своего повелителя.

Движение птиц всегда считалось греками, римлянами и германцами зловещим. Как и многие герои германских преданий, Герменегискл (Hermenegisclus), король варнов, понимал язык птиц. Западные германцы считали ворона и аиста вещими птицами. Значит, можно сделать вывод, что германцы рассказали эту историю Приску. Они могли говорить об Аттиле, как в более поздние времена шведы и норвежцы говорили о страшных финских и лапландских колдунах. Да и сам Приск, должно быть, не был чужд суеверий греков, для которых „скифы“ являлись великими колдунами. Гиперборейский маг в Philopseudes Лукиана (главы 13–14) использует сверхъестественных существ, возвращает к жизни умерших,

заставляет появиться Гекату и убирает с неба луну. В произведении императрицы Евдоксии Discourse with the Martyr Cyprian Киприан рассказывает, что скифы научили его языку птиц и он узнал, как понимать звуки дерева и камней, скрип дверей и петель, разговоры мертвых в своих могилах. Гайзерих, еще один „скиф“ и, как и Аттила, очень проницательный человек, правильно интерпретировал полет орла над спящим Марцианом. Так что вполне возможно, что история была рассказана людьми, расположенными верить в подобные вещи, но при этом она имеет корни, уходящие в глубь веков.

Легенда об Аттиле и аистах Аквилеи, по сути своей, является вариантом рассказа, который приводится в главе 122 Chin shu. Это биография Лю Куанга (Lü Kuang), который завоевал Туркестан для Фу Чина (Fu Cnien). В феврале 384 г. он осадил город Кучу (Цю цзы): „Он снова пошел вперед, чтобы атаковать город. Ночью ему приснилось: золотая фигура перелетела через городскую стену. Куанг сказал: „Это значит, что Будда и боги покидают их. Город определенно погибнет“.

Фольклористы, предположительно, смогут привести и другие варианты рассказа, возможно связав их теснее с общизвестными крысами, которые покидают тонущий корабль. Но истории вроде тех, что рассказывают об Аттиле и Лю Куанге, в Европе неизвестны. Во всяком случае, так утверждает профессор Арчер Тейлор. Возможно, именно гунны принесли их с Востока.

Оставив в покое аистов Аквилеи, мы обратимся к письмам папы Льва. Они дают более надежное основание для датировки начала гуннского вторжения. 22 мая 452 г. Лев написал длинные письма Марциану, Пульхерию, Анатолию и Юлиану, епископу Киоса. В них он объяснил, почему не может одобрить дисциплинарные каноны, принятые Халкидонским собором. В этих письмах нет ни одного намека на то, что Италия стала театром военных действий. То же самое справедливо для письма, которое папа отправил 11 июня Теодору, епископу Форума Джуллии. Декреталия, в которой он определил условия дарования отпущения грехов, могла быть написана в любом году его pontifikата. Трудно представить, чтобы человек, диктовавший все это, ни словом не обмолвился о судьбе городов Северной Италии, которые атакованы гуннами. Аквилея еще не пала. Возможно, ее даже еще не осадили.

И наконец, есть Novella Valentiniana 36 от 29 июня 452 г. об обязанностях сборщиков свиней, скота, овец и коз – это предмет, очевидно, неинтересный для исследователей гуннов, и потому документ был ими проигнорирован. Но Novella – единственный документ 452 г., который содержит упоминание о войне. Во введении император восхваляет Аэция, которые даже „при всех своих военных проблемах под звук труб“ находят время подумать о снабжении мясом священного города. Предмет заботы Аэция – bellicae curiae в конце июня – есть не что иное, как вторжение гуннов. Орды Аттилы спустились в долину в начале лета 452 г.[\[79\]](#)

Если верить Проперу, вторжение оказалось для Аэция полной неожиданностью. Он писал: „Аттила, восполнив людские потери, которые он понес в Галлии, решает через Паннонию вторгнуться в Италию. Наш полководец Аэций, полагаясь на опыт прежней войны, никак не подготовился и в результате не воспользовался заслонами в Альпах, которыми можно было бы остановить врагов. Он полагал единственной возможностью спасения, только если вместе с императором покинуть Италию. Однако стыд подавил страх, поскольку считалось, что подобное бегство полно бесчестья и опасности“.

Удивительно, но все современные историки поверили Проперу. „Новости о появлении Аттилы в Италии, – утверждает Томпсон, – должно быть, были подобны удару грома“. Ничто не могло быть дальше от истины.

Для начала, проходы и перевалы через Юлианские Альпы не могут сравниться с Готардом и даже Бреннером. В Historia Langobardorum Павел Диакон описывал подходы к полуострову:

Во-вторых, укрепления на Карсте состояли из легких фортификационных сооружений, точнее,

блокпостов и сторожевых башен. В них были размещены войска, которые не могли выдержать уверенной атаки. В самом лучшем случае они могли задержать врага, но не остановить его.

В-третьих, и это самое важное, Аэций действовал в точности так же, как другие полководцы до и после него поступали в подобных ситуациях. В ходе V в. в Италию было шесть вторжений, не считая пиратских экспедиций вандалов. С возможным, хотя и маловероятным исключением армий Радагаста, всякий раз противник спускался на равнину с востока, пройдя по перевалам Юлианских Альп и не встретив никакого сопротивления. Это справедливо для Алариха в 401 г. и потом снова в 408 г., армии восточных римлян под командованием Аспара в 425 г., Аттилы в 452 г. и остготов Теодориха в 489 г. Ни Стилихон, ни узурпатор Иоанн, ни Одоакр не защищали Италию на перевалах. Можно возразить, что у них не хватало войск и для перевалов, и для равнины. Но в 386 г. мятежник Максим имел очень сильную армию, но все же не сделал попытки остановить императора Феодосия в горах. Император „перешел пустые Альпы“ (*vacuas transmisit Alpes*). В 394 г. Альпы снова были открытыми для армии Феодосия. Борьба за Италию начиналась или в долине Изонцо, или у стен Аквилеи.

Аттила не мог обойти сильную крепость, гарнизон которой, судя по всему, был усилен в ожидании осады. Только после того, как Аттила использовал осадные машины, вероятно построенные римскими дезертирами или пленными, стены Аквилеи были проломлены и начался штурм. Город основательно разграбили, жителей, не успевших бежать, убили или увезли в рабство. Разрушения, безусловно, оказались велики, но утверждение Иордана, что не осталось и следа от некогда великого города, является явным преувеличением. К середине VI в. Аквилея была уже снова отстроена. Правда, укрепления не восстановили. Остгот Теодорих в 489 г. и византийский генерал Нарс в 552 г. обошли город. Но через несколько лет после его разграбления гуннами Аквилея снова стала резиденцией епископа. Христианская община с возвращением беженцев постепенно укрепилась. В VI в. была построена базилика с великолепными мозаичными полами. Архиепископ Аквилеи по рангу стал равен архиепископам Милана и Равенны.

В долине По

Иордан, возможно подражая Приску, назвал три города, которые пали перед гуннами, – Аквилея, Медиолан (современный Милан) и Тицинум (современная Павия) – и вскользь упомянул об „оставшихся городах венетов“ и „почти всей Италии“. Павел Диакон скопировал Иордана, однако, являясь жителем Чивидали, он, естественно, был более заинтересован в городах Верхней Италии, чем Иордан.

Он первым делом назвал три города возле Аквилеи – Конкордия, Алтинум и Патавия, а затем „все города Венеции“, а именно: Вичентия, Верона, Бриксия и Пергам. Вполне возможно, что гунны действительно захватили все эти пункты, но *hoc est* (то есть) Павел делает список несколько подозрительным.

Гунны пересекли По и разорили провинцию Эмилия, расположенную к югу от реки. Имея опыт осады Аквилеи, Аттила не мог рассчитывать захватить несравненно более сильную крепость Равенна. Как и Аларих полувеком раньше, он мог идти на Рим, где находился император. Однако гунны не переправились через Апеннины. Как обстояли дела в действительности – они попытались, но были отброшены, или на равнине шли настолько жестокие бои с Аэцием, что у Аттилы попросту не хватило людей для нападения – неизвестно. Возможно, болезнь уже начала косить гуннов. Не исключено, что многим всадникам было приказано возвращаться в Венгрию. Наш единственный источник информации об этом – фрагмент из Хидатия: „Вспомогательные части были высланы императором Марцианом, и под командованием Аэция они (то есть гунны) были убиты. Также они были вынуждены оставаться на месте, частично из-за мора, посланного с небес, частично из-за армии Марциана“ (*„Missis per Marcianum principem Aetio duce caeduntur*

auxiliis pariterque in sedibus suis et caelestibus plaagis et per Marciani subioguntur exercitum”).

Этот фрагмент часто понимается неправильно. Считалось, что dux Аэций был восточно-римским полководцем, командиром войск, напавших на гуннов in sedibus suis, по случайному совпадению носившим то же имя, что и военачальник Западной римской империи. Но Хидатий четко различает auxilia, посланных Марцианом к Аэцию, и exercitus Марциана. Нет никаких причин допускать существование двух генералов, носивших одно и то же имя, причем оба сражались с гуннами. Отрывок проливает свет на подготовку, вероятно проведенную Аэцием, когда до него дошли слухи о планах гуннов. Поскольку auxilia восточных римлян не могли идти через Паннонию, они, должно быть, плыли на кораблях в Италию из какого-то восточного порта. Перевести войска в порт погрузки, собрать корабли, обеспечить продовольствие для солдат и корм для лошадей в порту выгрузки – все это требовало времени. Чтобы принести реальную помощь Западу, экспедиция не могла быть импровизированной. Аэций и правительство в Константинополе должны были выработать план совместных действий против гуннов, если Аттила двинется на Италию.

Согласно Павлу Диакону, гунны взяли Медиолан и Тицинум, но города не были разграблены, и жителей никто не убивал. Как показывает проповедь, прозвучавшая после эвакуации Милана, Павла дезинформировали. Многие дома и церкви были разрушены, базилику Святого Амвросия подожгли, и она рухнула. Гунны убили немало клириков и мирян. Все же многие выжили, но не потому, что гунны оказались настолько милосердными. Просто миланцы бегали быстрее, чем гунны могли их преследовать. Тяжело нагруженные добычей повозки двигались медленно. Думаю, вполне возможно, что Аэций оставил города Северной Италии, чтобы затормозить орды варваров. Их потеря – цена за спасение Рима. Аттила поселился в императорском дворце [80]. Его конные воины грабили и убивали, сколько их душам было угодно.

Гунны не остались в Милане надолго [81]. Они оставили город и ушли на восток. Среди окружавших их дымящихся руин, должно быть, было трудно найти продовольствие и корм для лошадей. К тому же небеса поразили гуннов болезнью. Это мы знаем только от Хидатия. Проспер, разумеется, знал об эпидемии, свирепствовавшей среди гуннов, но считал, что заслуга в спасении Италии от дикарей принадлежит исключительно Святому Отцу.

Северная Италия стала для гуннов тем, чем 50 лет назад она была для вестготов Алариха, region funesta, землей смерти, где свирепствовал мор, принесенный плохой едой и усиленный жарой. Положение армии Аттилы, вероятно, было практически таким же, как в 447 г., когда он стоял у стен Константинополя. Возможно, его лучше сравнить с судьбой франкских захватчиков в 540 г., которые „не могли получить никакого продовольствия, кроме скота и вод. Многие были поражены диареей и дизентерией, от которых они не могли избавиться из-за отсутствия хорошей еды. Говорят, что тогда погибла треть франкской армии“. Аналогичная судьба выпала на долю другой франкской армии, она почти прекратила свое существование. Судя по всему, готы, многие из которых воевали под знаменами Аттилы, были особенно восприимчивы к инфекционным заболеваниям.

Отступление

Через несколько недель, самое большее через месяц гунны, подвергшиеся тройной атаке – со стороны войск Аэция, армии Марциана и болезни, были бы вынуждены начать отступление в Венгрию. В этот момент римляне решили приступить к переговорам с Аттилой. По словам Проспера, „среди всех решений императора, сената и народа ничего не казалось более спасительным, чем то, чтобы через послов добиваться мира с кровожаднейшим королем. И принял на себя это дело вместе с бывшим консулом Авиеном и бывшим префектом Трирецием святейший папа Лев, полагаясь на помощь Бога, который, как

известно, всегда помогает в делах благочестивых. И ничего другого не последовало, нежели то, что предчувствовала вера. Ведь, когда все посольство было по достоинству принято, король настолько обрадовался присутствию главнейшего церковнослужителя, что и войну постановил прекратить, и, обещав мир, ушел за Дунай”.

Как можно интерпретировать этот отрывок? Хидатий, верный сын церкви, ничего не знает о таком посольстве. Не следует даже доказывать, что в середине V в. римский народ ничего не решал, и представляется крайне сомнительным, что Аттила был настолько обрадован присутствием святого понтифика, или, как он его, возможно, называл, главного шамана римлян, что он быстро заключил мир. И все же Простер не придумал эту встречу. Иордан тоже знал о ней и даже назвал место, где папа Лев встретился с Аттилой. В чем же заключалась миссия Льва? Сам он никогда не упоминал о ней ни в трудах, ни в письмах, ни в проповедях. Легенды приукрасили рассказ о встрече папы, ставшего святым, с гуннским королем – Бичом Божьим. Павел Диакон знал о почтенном старце, который, стоя рядом с Львом, грозил царю мечом. Этот человек – христианский аналог Ахиллеса и Афины Промахос (Афины-воительницы), защитивших Афины от Алариха. Воин Павла Диакона выглядит как комбинация Марса и святого Петра, который во всех критических ситуациях был близок к папе. Доказывать историческую достоверность подобных рассказов – занятие безнадежное.

По счастливой случайности сохранилось письмо, которое восточные епископы отправили папе Симмаху в 512 или 513 г. Из него мы узнаем, что Лев вел переговоры с Аттилой об освобождении пленных, попавших к гуннам, причем не только христиан, но также иудеев и язычников. Какого успеха добился Лев, мы не знаем, но представляется вполне правдоподобным, даже вероятным, что Аттила освободил самых выдающихся пленных, естественно за немалую сумму [82]. Другие, за которых никто не желал платить, были уведены в Гуннию. Ни один хронист не проявил интереса к их судьбе. Что с ними случилось, мы скоро узнаем.

Кампания Аттилы была не просто провальной. Он не сумел заставить римлян заключить с ним договор, выплатить ему дань или хотя бы назначить его военным магистром. Ненавистный Аэций остался фактическим правителем Западной империи. Добыча, конечно, оказалась значительной, но за нее заплатили слишком высокую цену, очень уж много гуннских всадников осталось в городах и на полях Италии. Годом позже царство Аттилы рухнуло.

Postscript

В марте 438 г. Никет, епископ Аквилеи, попросил у папы Льва помочь и совета. Его письмо не сохранилось, но может быть воссоздано по ответу Льва. Вначале папа рассуждает о ранах, нанесенных атаками врага: из-за военных катастроф и вражеских набегов оказались разрушенными семьи, мужчины были уведены в плен, их жены оказались брошенными на произвол судьбы. Теперь с Божьей помощью жизнь стала налаживаться. Некоторые из тех, кто считался погившим, вернулись. Лев решил, что женщины, успевшие повторно выйти замуж, должны вернуться к своим прежним мужьям. Он дал знать епископу, что делать с теми, кто во время пребывания в плену из-за страха и голода был вынужден есть запрещенную пищу, и теми, кого крестили еретики. В конце письма Лев просил ознакомить с ним братьев епископа и его коллег в провинциях.

Спустя полгода у епископа Равенны Неона снова появились вопросы. Некоторые из возвратившихся пленных страстно желали окреститься. Они были уведены в плен детьми и не могли вспомнить, крестились или нет. Следует ли их окрестить? Ведь это означает, что они могут быть крещены дважды.

Теологические и моральные проблемы не слишком интересны сегодняшним исследователям. Важно

лишь то, что мужчины и дети, которых несколькими годами ранее увезли в плен, вернулись в диоцез Аквилеи. Единственным врагом, который был там, являлись гунны. Обстоятельства, при которых гунны отпустили пленных, будут обсуждаться позже. Если подумать о том, как много людей умерло и как много вернулось, можно представить, сколько было тех, за кого никто не заплатил выкуп. Следует заметить, что папа ни словом не обмолвился о возвратившихся женщинах. Очевидно, они жили в гаремах гуннской знати и после краха царства Аттилы вернулись в северные Балканские провинции. Еретики, крестившие детей, – это, вероятно, готы-арианцы и, возможно, гепиды [83].

Крах и последствия

Аттила посвятил последние месяцы своей жизни подготовке кампании против Восточной империи. В начале осени 452 г. его послы угрожали императору Марциану, утверждая, что их „господин разорит провинции, поскольку то, что пообещал ему Феодосий, не выплачено. И судьба его врагов будет хуже, чем обычно“.

Текст Приска, который был источником Иордана, частично сохранился во фрагменте EL. 9. Аттила отправил послов в то время, когда они вернулись из Италии, но не произошли события, упомянутые во фрагменте EL. 11. Мир, заключенный Максимом с блеммиями и нобадами, обеспечивал варварам допуск в храм Исиды на острова Фила. Так как жрец блеммииев (племя, живущее на территории современного Судана) посвятил надпись Осирису и Исиде на Филе 19 декабря 452 г., мир не мог быть заключен позднее чем в октябре или ноябре. Император отверг требования гуннов даже тверже, чем в 450 г. В это время Аттила пребывал на вершине власти. После этого его слава стала меркнуть, миф о непобедимости развеялся, армии были разбиты, ресурсы истощились. Хотя сражение на Мавриакских полях, в строгом смысле, осталось нерешенным, для гуннов битва, которая стоила им нескольких тысяч всадников и не принесла ни пленных, ни добычи, была безнадежно проиграна. Вторжение в Италию окончилось провалом. Уже прошли годы с тех пор, как Аттила получал дань хотя бы от одной части империи. Хотя у нас нет свидетельств беспорядков среди его германских подданных или гуннской знати, мы можем предположить, что первые подвергались жестокой эксплуатации, а последние были недовольны правителем, не обеспечивавшим их ни добычей, ни золотом. Тем не менее Аттила оставался опасным противником. Марциан был „в тревоге из-за грозного врага“. К счастью для него, в начале 453 г. Аттила умер.

Проспер, которого копировал Кассиодор, хронист VI в. Виктор Тоннененсис и „Галльская хроника“ 511 г. единодушны. Согласно Ипатию, Аттила умер вскоре после возвращения из Италии. Дата 454 у Марцеллина Комита – это, безусловно, ошибка. Обстоятельства смерти Аттилы очень скоро были всячески приукрашены.

Если не считать не слишком информативной записи у Марцеллина Комита и нескольких строчек в Vita s. Severini, Иордан является единственным источником информации о событиях после смерти Аттилы. В Romana он упоминает о ней лишь вскользь. В „Гетике“ он опирается на Кассиодора, а также, или прямо, или через Кассиодора, на Ириска. Иногда он смотрит на карту. Но в основном черпает информацию из устных традиций. Результаты оставляют желать лучшего. История трансдунайских варваров после смерти Аттилы может быть реконструирована только с небольшой долей вероятности.

Сыновья Аттилы требовали, чтобы гуннские народы были разделены между ними поровну и чтобы воинственных царей вместе с населением распределили между ними как фамильное поместье [*instar familiae*]. Коалиция германских племен под предводительством Ардариха, короля гепидов, взбунтовалась [84]. После ряда столкновений они нанесли поражение гуннам в Паннонии на реке Недао. Среди якобы 30 тысяч убитых гуннов был Эллак, старший сын Аттилы.

Готы не сражались на Недао. Некоторые из них, разумеется, могли присоединиться к повстанцам, но большинство осталось лояльным гуннам. Готы мигрировали с последними до 468 г. Огромная масса людей осталась нейтральной – с этим согласны все. Есть только два вопроса: когда имела место битва при Недао и где именно.

Revocatio Pannonicarum

Согласно Марцеллину Комиту, война между дикими народами в 453 г. еще шла. До лета 455 г. гунны были разгромлены. Это следует из Сидония Аполлинария („Панегирик императору Авitu“). Осенью 455 г. Авitus вернул утраченную Паннонию обычным маршем. Эти два стиха ставят в тупик историков уже на протяжении 200 лет. Великий Тиллемон не знал, где правда. Судя по всему, мы недалеко от него ушли.

Первый вопрос – о дате. Авitus был провозглашен императором в Арле 9 июля 455 г.; 21 сентября он вошел в Италию, 11 января 456 г. он был в Риме, где Сидоний зачитал панегирик. Когда он был в Паннонии? Не между июлем и сентябрем, как думал Стивенс. Даже если бы Авitus покинул Галлию немедленно после того, как был возведен на трон, что представляется маловероятным, он не мог проделать такое длительное путешествие до сентября. Не мог он этого сделать и позже. Пересечь Италию от западной границы – Авitus ехал из Галлии – до Юлианских Альп, прибыть в Паннонию, провести там пусть даже несколько дней и вернуться зимой в Италию, чтобы быть в Риме в конце года, – для этого требовалось намного больше времени, чем было в распоряжении Авита в последней четверти 455 г. Не Авitus, а один из его приближенных был в Паннонии. А то, чего он там достиг, как водится, приписали императору.

Сидоний воздавал всяческие похвалы Авиту. Как и Клавдиан в подобных случаях до него, он устроил целое шоу, использовал небесных персонажей, чтобы представить собравшимся сенаторам нового императора как спасителя мира. Юпитер рассказывает богам и богиням, даже фавнам и сатирам, о деяниях императора. Хорошо проинформированный поэт, который оказался зятем императора, громовержец не только описывает во всех подробностях все то, что сделал Авitus для своей возлюбленной Галлии, он также приглашает слушателей вернуться вместе с ним в те годы, когда будущий Август, еще мальчик, подражая Гераклу, убил волчицу камнем. Он ничего не упускает. 40 строк посвящены дуэли между Авитом и гунном. Всего панегирик содержит 603 строки. И только в самом конце Сидоний намекает на то, что было самым полезным делом Авита – возвращение Паннонии: „Одного только марша оказалось достаточно, чтобы вернуть Паннонийские провинции“ („Cuius solum amissas post saecula mulla / Pannonias revocavit iter“). Несходство между словами Сидония и важностью события не может не удивлять. При варварах Западная империя теряла одну провинцию за другой. Только семью месяцами ранее вандалы разграбили Рим настолько основательно, что мы до сих пор говорим о вандализме. В такие времена возвращение двух давно утраченных провинций должно превозноситься Сидонием как начало новой эры. Он должен был сравнить Авита с Александром, Сципионом, божественным Юлием и всеми другими полководцами прошлого. Но вместо того чтобы громко петь хвалу герою, Сидоний шепчет, как будто опасается забыть, что Паннония снова римская.

Зеек (1920. 338) предположил, что Авitus отправился в Паннонию, чтобы отобрать территорию у гуннов и дождаться там, поближе к Константинополю, признания Марциана, а уж потом представляться сенаторам в Риме. На это Штейн обоснованно возразил, что для Авита вторгаться в Дунайские провинции – не лучший способ заручиться благосклонностью Марциана. Он считал, что действия Авита, по сути, лишили его признания восточного двора.

Revocatio Pannonicarum не упоминается в хрониках. Это правда, они краткие, но все же не настолько,

чтобы игнорировать столь значимое событие. Ни западные, ни восточные источники не содержат ничего, кроме мимолетного упоминания о якобы возвращенных провинциях. Между тем *Fasti Vindobonenses priores* содержит под заголовком „455“ любопытную запись: „И Сабария была уничтожена землетрясением за семь дней до сентябрьских ид в пятницу“ („Et Sabaria a terrae molu VII idus September, die Veneris“).

Пока Паннония была под римским правлением, Сабария (Штейнамангер) была самым важным городом провинции. Последняя косвенная ссылка на нее встречается в *Notitia Dignitatum* начала V в., где упомянуты *Ianciarii Sabarienses*. Как и другие римляне в Паннонии, население Сабарии в первой половине V в., вероятнее всего, вело невеселую жизнь, но как-то они держались, возможно, потому, что пришли к соглашению с германцами, осевшими по соседству, которым, как и гуннам, нужны были хорошие ремесленники. Когда власть гуннов рухнула, в Сабарии все еще жили римляне. Запись в хронике, в точности до дня недели, когда началось землетрясение, предполагает продолжение отношений с западными римлянами. Паннония не стала снова римской. Сидонию следовало говорить немного не так, она снова оказалась в орбите империи.

Офицеры Авита не сражались в Паннонии ни с гуннами, ни с другими варварами. Авиту нужны были все войска, включая вестготские, для войны с вандалами Гайзериха. Авит вернет Ливию Риму, восклицает Сидоний, перед тем как придет в Паннонию. Единственной вероятной причиной отправления в Паннонию для офицеров Авита, судя по всему, была та же, что для Марциана два года спустя, когда он послал своих людей на Дунай, чтобы набрать солдат для войны с вандалами. Авит не мог добиться успеха, пока Паннония была гуннской. Это, а также сообщение о землетрясении предполагает, что к времени сражения у Недао власть гуннов уже сильно ослабела. Таким образом, сражение у Недао имело место, самое позднее, летом 455 г.

Отрывок из Панегирика Антемию Сидония указывает на еще более раннюю дату. В 454 г. будущий император „пересек берега Дуная и всю длину обширной границы,” «убеждая, улаживая, осматривая, оснащая». Стих отражает ситуацию после сражения при Недао, когда потерпевшие поражение гунны, некоторые из аланских союзников и осколки германских племен, которые сражались на стороне гуннов, в нескольких местах переправились через Дунай и осели там. Сражение произошло в 454 г.

Река Недао

Название Недао встречается только у Иордана. Это не обязательно означает, что Недао был не имеющим важного значения ручейком. Наименование еще трех рек в Паннонии и двух в Дакии тоже встречается только у Иордана. Он – единственный автор, который называет Буг, вне всяких сомнений важную реку, загадочным именем Вагасола. С другой стороны, нередко традиции сохраняют названия и мелких речушек, как, например, Катцбах, где Блюхер разгромил Макдоналда осенью 1813 г.

Ни одна из попыток установить местонахождение Недао не была успешной. Это не может быть Нейтра, левый приток Дуная, потому что не расположен в Паннонии. Нато, однажды упомянутая у Марцеллина Комита, звучит немного похоже на Недао, но не имеет с ним ничего общего. Нато – это крепость возле Хорреум Марги, города не в Паннонии, а в Верхней Мёзии. Нетабио, согласно Анониму Равенны, *civitas* (гражданская община) в Паннонии, возможно, был назван в честь реки, но, к сожалению, местонахождение Нетабио тоже невозможно установить. Недао может быть ablativom от *Nedaus < *Nedavus. Это название представляется кельтским. Если так, оно указывает на Южную Паннонию, страну скордисков и тауринов; Невиодун, Мурса, Сопиана, Таурунум, Карнаунт и Сингидун – все эти города находятся в Южной Паннонии и первоначально являлись кельтскими поселениями. Недао также может быть иллирийским названием. В общем, форма названия не помогает установить местонахождение реки.

Нельзя прийти к заключению и на основании «Гетики» (260) Иордана, где встречается только одна Паннония [85]. Иордан использует и Pannonia, и Pannoniae, отдавая небольшое предпочтение первому варианту. Pannonia – это может быть название всей территории между Виндомина (Виндобона) и Сиримием, или одна из двух провинций – Паннония Прима и Паннония Секунда, или обе. Это может означать просто бывшие римские территории к востоку от Альп и к северу от Далмации.

Таким образом, лингвистика и филология не ведут никуда. Однако есть отрывок в «Римской истории» Иордана, указывающий на регион, где следует искать Недао.

В конце своего труда (386–387) Иордан поспешил сообщить последние новости – о победе лангобардов над гепидами в 552 г. Потери обеих сторон достигли 60 тысяч. О таких битвах, добавил он, никто не слышал «в этих местах в наше время после дней Аттилы, кроме той, что имела место до этой битвы под командованием военного магистра Каллука, тоже с гепидами, или сражения Мундона с готами» («In nostris temporibus a diebus attilae in illis locis, praeter illaqueae hanc contingereat cub calluce mag, mil. Idem cum Gepidis aut certe Mundonis cum Gothis»).

В 536 г. генерал Юстиниана Мундон сражался с остготами в Далмации, которая была «недалеко от границ Паннонии». Тремя годами позже, в 539 г., гепиды захватили римские провинции к югу от Дуная, в первую очередь Прибрежную Дакию. Они вышли с недавно завоеванной территории в Паннонию Секунде. Коллук отбросил их обратно, но гепиды сплотились, и римляне потерпели сокрушительное поражение. Война в 551 г. началась с нападения лангобардов на гепидов, имея целью Сирмий.

Две кампании велись в Далмации и между Моравой и Савой. Иордан сравнивает великие сражения «в этих местах» с той, что имела место здесь в дни Аттилы. Он, вероятно, имел в виду битву при Недао. В середине V в. никаких других великих сражений в Паннонии или рядом с ней не было. Итак, Недао – река в Южной Паннонии, возможно приток Савы.

Что касается событий, произошедших после 454 г., Иордан снова является нашим главным, хотя, к счастью, не единственным источником. Существует богатый материал в современных документах – поэмы, папские письма, церковные истории, переписка между императором Львом и епископами Восточной империи и, конечно, хотя и косвенно, фрагменты Приска. Вместе с «Гетикой» они позволяют с должной степенью точности реконструировать события последнего периода гуннской истории.

Иордан пишет: «Когда Эллак был убит, его братья обратились в бегство у берегов моря Понта, где, как мы сказали, сначала [prior] осели готы». Гепиды заняли Дакию, территорию гуннов. Другие народы, прежде подчинявшиеся Аттиле, получили от императора Марциана дома для проживания. После этого Иордан обращается к готам: «Теперь, когда готы увидели гепидов, отстаивающих для себя территорию гуннов, и народы гуннов, проживающие в древних жилищах, [suis antiquis sedibus], они предпочли попросить у Римской империи землю, а не вторгаться на чужие территории, подвергаясь опасности. Так они получили Паннонию».

Макартни (1934. 106–114), а вслед за ним Томпсон (1948б. 153) считал, что древние дома – это жилища гуннов, и помещал их в бассейн Дуная-Тисы по двум причинам. Во-первых, говорил он, Дакия была Трансильванией, во-вторых, готы были в Паннонии. Это оставляет географический пробел, поскольку Дакия никогда не простиралась к западу от Тисы. Гунны жили там раньше и теперь, после короткого бегства на восток, вернулись.

Между тем Дакия гепидов у Иордана не была идентична римской Дакии. В «Гетике» он ясно указал, что Тиса протекает через [discurrat] землю гепидов. Это правда, что многое из того, что Иордан написал о происходивших в последующие годы событиях, не имеет смысла, если бы гунны жили в регионе Понта. В этом отношении Макартни прав, но это не дает ему права искажать текст Иордана. То, что утверждает

Иордан, невозможно, но что он имеет в виду, ясно. Гунны бежали в Понт прибрежный, где в древности жили готы. Как мы увидим, большое количество гуннов надолго обосновались в Северо-Западных Балканах.

Альфёльди и Шмидт поместили готов в Южную Россию до того, как они «получили» Паннонию. Но как они, не только воины, но весь народ, с кибитками, стадами и отарами мигрировали оттуда в Венгрию? Неужели они попросили у гепидов *transit visum* через Трансильванию? Их «выгнали из норы», вслугнули гунны. Но гунны двинулись туда, где *сначала* жили готы, на *древние* места обитания народа, а вовсе не на те, которые они удерживали во время краха царства Аттилы. Это непонимание уходит корнями в пренебрежение к другим ранее упомянутым источникам. Прежде чем мы обратимся к ним, вернемся к Иордану.

Савроматы, которых мы называем сарматами, и кемандры и некоторые гунны жили в Кастра-Мартисе, городе, данном им в регионе Иллирик.

Сарматами Иордан, очевидно, называл племена, которые, как языги, жили в Венгрии до гуннов. Он продолжает: «Из этой расы [ex quo genere] был Бливила, герцог Пентаполя, и его брат Фроила, а также Бесса, в наше время патриций».

Бливила и Фроила – германские имена. Бесса был «готом по рождению, одним из тех, кто жил во Фракии со старых времен и не пошел за Теодерием, когда он повел готскую нацию оттуда в Италию».

Скиры, более того, и садагарии, и некоторые аланы с их лидером по имени Кандак получили Малую Скифию и Нижнюю Мёзию.

О садагариях поговорим позже. Браун исправил *certi Alanorum* на **ceteri Alanorum*, что сделало садагариев аланами, но *certi Alanorum* имеет параллель в предшествующем *quidam ex Hunnis*: «Руги, однако, и некоторые другие расы сказали, что они могли бы поселиться в Бизие и Аркадиополе».

Бизие – современный Визе, Аркадиополь – современный Люлебургаз, расположенный в 50 милях к северо-востоку от Константинополя.

Эрнак, младший сын Аттилы, вместе со своими сторонниками выбрал дом в самой удаленной части Малой Скифии. Эмнецир и Вициндур, его соплеменники, захватили [potiti sunt] Эскус (*Oescus*) и Втус (*Vtus*) и Альмус (*Almus*) в Дакии на берегу Дуная, и многие гунны, кои тогда были везде, удалились в Румынию; их потомков по сей день называют *Sacromontisi* и *Fossatisii*.

В «Гетике» *potiri* означает «захватить силой» (108, 138, 145, 250, 264, 288). Втус – город в устье реки Втус (Вит), Эскус, расположенный возле современного Гигена в устье Искера, и Альмус, современный Лом, находились в прибрежной Дакии.

В V–VI вв. *fossatum* означало «военный лагерь». *Fossatisii* на Востоке соответствовало *castriciani* и *castellani* на западе. Прокопий перечисляет четыре военных лагеря – *fossata*: в Мёзии, стране цаннов, Армении и *Gesila-fossatum* в Хеминонте. Гесила (имя остгота) – это готское *Gaisila*, значит, в лагере, вероятно, располагался готский гарнизон. *Fossatisii*, латинское слово с греческим окончанием, указывает на Мёзию, где встречались эти два языка. Гуннские *Fossatisii* – это, возможно, те, кто находился в лагере в Мёзии. *Sacromontisi* могли получить свое имя по названию «священной горы» во Фракии.

Хотя большая часть гуннов сохранила племенную организацию, многие не имели лидера. Это были сломленные люди, у которых был только один путь – сдаться римлянам. Иордан противопоставляет Эрнака, Эмнециру, Ульцидуре и их последователей гуннам, которые были везде и пошли в Румынию. Он также подчеркивает разницу между гуннскими лидерами и германскими и аланскими беженцами – гунны *захватили* землю, остальные ее *получили*. Кстати, список германских беженцев – скиры, руги и готы – в

Кастра-Мартисе весьма информативен. Если бы они воевали против гуннов, не бежали бы за Дунай. Иордан выразился на редкость туманно относительно происхождения Бливилы, Фроилы и Бессы, поскольку, скажи он открыто, что все они были готами, пришлось бы признать, что готы действительно воевали вместе с сыновьями Аттилы.

После 455 г. существовало два места скопления гуннов в империи: одна группа, которой правил Эрнак, жила в Добрудже, другая в прибрежной Дакии. О первой группе мы ничего не слышим до второй половины 460-х гг. Западные гунны, однако, преодолев первый шок, снова обрели активность. Это мы знаем от Иордана и из северной *Hervararsaga*.

Первая гото-гуннская война

Строки 119–122 старо-английской поэмы «Видсид» (*Widsith*), созданной предположительно во второй половине XI в., есть краткая ссылка на войну между готами и гуннами:

Другая, намного более поздняя версия этой же традиции сохранилась в *Lay of Angantyr*, самой древней части *Hervararsaga*. Хойслер и Раниш отводят ей первое место в их издании *Eddica minora* (р. 1–2). Отдельные строфы этого произведения звучат так архаично, что Хойслер и Генцмер датировали оригинал (от которого произошел *Lay* и из которого до сих пор содержит очень много) серединой 1-го тысячелетия. Когда эта часть была вставлена в *Hervararsaga*, исландские редакторы попытались видоизменить ее для большего соответствия остальным частям саги: некоторые стихи стали прозой. Но даже в такой искаженной форме *Lay of Angantyr* стоит ближе к героическим эпосам эпохи миграции, чем любая другая германская поэма.

Хейтрек (*Heithrek*), король готов, имел двоих сыновей, Ангантюра и, от гуннской жены, Хлёда. Последнего воспитал дедушка по материнской линии Хумли, царь гуннов. После смерти Хейтрека Хлёд потребовал раздела наследства поровну:

Половину буду я иметь / того, чем владел Хейтрек
Шила и лезвия, / всех сокровищ,
Коровы и теленка, / ручной мельницы,
Раба и рабыни, / и тех, кто от них родится,
Густого леса / высотой как в Мирквите,
Святой могилы, / которая в стране готов,
Блестящего камня, / который на берегах Днепра,
Половину военных доспехов, / которыми владел Хейтрек,
Земли и вассалов / и роскошных браслетов.

Ангантюр хотел пойти на компромисс, но его советник Гизур, лидер грифингов (*grything*), возразил, что это слишком много для сына рабыни. Разъяренный Хлёд вернулся к гуннам. Когда пришла весна, Хумли и Хлёд собрали такую большую армию, что была нехватка солдат в стране гуннов. Они ехали через Мирквит. Выйдя из леса, они увидели замок. Там правила Херфор, сестра Ангантюра и Хлёда, а с ней Ормар, ее приемный отец. В последовавшем сражении Херфор была убита. Ормар спасся и сообщил Ангантюру: «С юга я пришел, / чтобы сказать это: / сожжен знаменитый лес Мирквит, / земля готов пропитана / кровью павших». Ангантюр послал Гизура вызвать гуннов на бой. Место должно быть «В дилгиу (*dylgiu*) и на пустоши Дан И всех гор Иассар», где готы часто одерживали победы. Сражение длилось восемь дней. Наконец гунны были вынуждены отступить. Ангантюр убил и Хлёда, и Хумли. Гунны бежали, и готы убили так многих, что реки переполнились и вышли из берегов, а долины были завалены трупами людей и лошадей.

Widsith и *Lay of Angantyr* повествуют об одном и том же сражении: 1) готы воевали с гуннами; 2) они

защищали свои древние жилища, «святые могилы на земле готов»; 3) там они часто одерживали победы; 4) готы победили гуннов; 5) Вирмхер – это Ормар.

Читатель может подумать, что эта информация, являющаяся комбинацией личных имен и названий, позволит сравнительно легко определить, когда и где произошло сражение, если, конечно, Lay – не плод вымысла. Однако обширная литература показывает обратное. Еще недавно была общепринятой трактовка Хайнцеля – предполагалось, что это рассказ о победе союзнических сил – готов и римлян над гуннами в Галлии в 451 г. Потом эта точка зрения был забыта, и поле боя стали помещать в районе Валдайской возвышенности в России, в Южной Силезии, на Украине и в районе Мархфельда в Нижней Австрии. Предлагаемые даты варьировались от I до середины V в. Возник вопрос: можно ли вообще решить проблему? Или в получившемся уравнении слишком много неизвестных, и оно не имеет решения. Теперь большинство германских ученых склонны рассматривать сражение nicht als die dichterische Formung eines geschichtlichen Ereignisses, sondern als die Zuständigkeit (не как поэтическую форму исторического события, а как историческую принадлежность (нем.). – Пер.), что бы это ни значило. Но в общем-то не сложность проблемы и не двусмысленность поэтического языка не позволили определить время и место события. Если Дан и пустошь Дана идентифицировать с Доном, горы Исаар – с Ясениками (холмистый участок между Судетами и Карпатами), Гизура – с Гайзерихом вандалов и Хейтрека – с Ардарием гепидов, сражение становится географическим и историческим монстром[86].

* * *

Йоханнсон доказал, что имена Harwatha и Grafa в *Hervararsaga* не имеют ничего общего с первоначальным Lay. Arnheimár, «река дома» – не реальное название места, а значит, идентификации не подлежит. Dylgia (v. 11), Dilgia и Dyngia означает «борьба, враждебность». Мирквит – «темный лес» так же сложно найти на карте, как der Schwarze wald в Waffengefährten Стефана Георге: er zog mich heut aus manchen fesseln. Im schwarzen wald wo unheil haust war ich verstrickt im tiefen nesseln. Остается Danpar, Dun и Isaar. Несмотря на сомнения Хайнцеля, частично повторенные Шраммом, Danpar – это определенно Днепр, Duna – это Дунай, а что такое Isaar, поговорим чуть позже. Если не считать Grytingalithi, «лидера Grytings – Greutingu», личные имена остаются туманными.

Представляется, что единственный разумный подход к проблеме Гуннского сражения – поискать историческое событие, вписывающееся в географические декорации рассматриваемого произведения. Когда и где остготы одержали решающую победу над гуннами? Не в Южной России. Там в IV в. они подверглись нападению, потерпели поражение и, за исключением тех, кто сумел бежать, остались лояльными гуннским повелителям до конца. Тем не менее Безеке и Альтхайм стали увлеченно выдвигать самые дикие гипотезы относительно гор Исаар, которые они связывают с Осетией на Кавказе. Безеке, а вслед за ним и Альтхайм связывают названия Дилгия (Dylgia) и Коса Долгая, что на Украине – в районе Мариуполя. Но что такое коса? Как утверждает Большая советская энциклопедия, это длинная узкая полоска земли. Песчаная коса Долгая расположена на юго-восточном берегу Азовского моря и по ширине не превышает 500 м. Иными словами, она пригодна для масштабного конного сражения примерно так же, как вершина Маттерхорна. Гипотеза Шрамма, что до 375 г. готы схватились с кочевниками, которых впоследствии устное народное творчество превратило в гуннов, представляется необоснованной. Мэлоун, пренебрегая всеми остальными географическими названиями, сделал Vistula в Видсиде основой своеобразной гипотезы: после разгрома южной части остготского царства Германариха гунны якобы попытались покорить остготов в долине Вислы. Борьба, часто возобновлявшаяся, подошла к счастливому концу. Вряд ли есть смысл напоминать о том, что густые леса Вислы были непроходимыми для гуннских всадников.

Юнгандреас считает, что поэт локализовал сражение именно на Висле, поскольку в старой английской поэзии местами обитания готов традиционно считался северо-восток. Шрамм полагает, что Висла заняла место Днепра, потому что никто в Англии VIII в. не слышал о такой реке на юге России. Лендерски дает, на мой взгляд, лучшее объяснение. С древних карт взят *Wislelond* (район, заселенный племенем «вислян». – *Пер.*) короля Альфреда. И в *Divisio orbis terrarum*, и в *Dimensuratio provinciarum*, *Wislelond* располагается к востоку от Моравы и к западу от Дакии. Готы сражались с гуннами не в Силезии, а где-то на территории Карпатского региона. И пусть филологи решают, как Висла попала в Видсид или что означало это название.

Гуннское сражение – часть военных действий, которые готовы вели с гуннами *после* краха царства Аттилы. Об этих войнах нас информирует Иордан: «Итак, возвратимся к тому племени, о котором идет речь, то есть к остготам, которые жили в Паннонии под властью короля Валамира и его братьев, Тиудимера и Видимера; хотя области их были поделены, но цели объединены (ведь Валамир сидел между реками Скарниунгой и Аквой Нигра, Тиудимер – близ озера Пелсо, Видимер – между тем и другим). И вот случилось, что сыновья Аттилы пошли против готов, как против бежавших из-под их господства и как бы разыскивая беглых рабов; они напали на одного Валамира, тогда как другие братья ничего не подозревали. Но он, хотя и встретил их с малыми силами, долго изнурял их и разбил настолько, что от врагов едва осталась небольшая часть; обращенные в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра; на своем языке гунны называют его Вар. В то же время он послал к брату Тиудимеру гонца с радостной вестью, гонец же, в тот самый день, как прибыл, обрел в доме Тиудимера еще большую радость: в этот день родился сын Тиудимера Теодерих».

Этот фрагмент ставит ряд серьезных вопросов. Где, к примеру, расположены две реки, между которыми жил Валамир? Ни Скарниунга, ни Аквой Нигра больше нигде не упоминаются. Альфельди (1926. 103–104) идентифицирует Акву Нигру с притоком Дравы Карасика, предполагая, что Карасика восходит к Караку – по-турецки «черная вода». Это отверг Моор. Между Веной и Белградом так много «черных вод», что, если локализовать место жительства Валамира можно только по этому названию, оно может быть где угодно. Правда, Акву Нигру не может оказаться Рабом, как считалось довольно долго – некоторые авторы считают так и сейчас, – но в одной только Северо-Западной Венгрии есть Шварцбах, Ширницбах и Чернопатах (теперь забытое исконное славянское название верхней Херпеньи, притока Раба). Остальные Черные Воды можно найти в Паннонии Секунде. Озеро Пелсо – это Балатон (по-немецки Платтензее). Если Видимер жил между Тиудемиром на озере Балатон и Валамиром, который жил южнее, должно быть, Валамир обитал где-то в районе Дравы. Альфельди, хотя и ошибался в деталях, в основном был прав.

Готы жили в Паннонии, но они не занимали обе Паннонии от границы до границы. Это следует не только из приведенного выше рассказа – гунны напали на Валамира, когда его братья ничего об этом не знали, что исключает компактное проживание готов, – но также из повествования о втором гуннском нападении: часть внутренней Паннонии была занята садагами. Два отрывка из *Vita s. Severini* показывают, что восточная часть средиземноморского Норика была готовской. Маленькие остготские фибулы, найденные в Словакии к северу от Дуная, указывают на остготов, которые не последовали за принцессой Амалией.

Когда и при каких обстоятельствах готовы обустроились в Паннонии, тоже неизвестно. Почти все ученые едини во мнении: они перебрались туда не после смерти Аттилы. Хотя Иордан и утверждал, что готовы «получили» Паннонию у Марциана лишь для того, чтобы подчеркнуть связи между ними и Восточной Римской империей, он, вероятно, был прав. Авит действительно пытался прийти с ними к соглашению, но, очевидно, ничего не достиг. В то время как его финансы находились в таком плохом состоянии, что он был вынужден расплавить бронзовые статуи Рима и продать металл, чтобы заплатить солдатам; богатый Восток мог себе позволить платить готовам, не так много, как гепидам, но все же достаточно, чтобы успокоить их на несколько лет.

Когда гунны напади на готов? Энслин, который сначала датировал войну зимой 456/57 г., позже признал свою неправоту. Представляется, что дата рождения Теодериха определяет также дату готской победы. К сожалению, относительно года историки не могут прийти к единому мнению. Это может быть 454, 455 и даже 456 г. Кроме того, связь между готской победой и рождением Теодериха может быть результатом желания показать, что героическая жизнь великого короля началась с выдающегося события, предзнаменовавшего его последующее величие. В любом случае битва при Недао не могла произойти задолго до нападения гуннов на готов. Войну, вероятнее всего, следует датировать 455 г.

Откуда появились гунны и куда бежали? Возражения против предполагаемого маршрута готов от Понта к Паннонии так же относятся к маршруту гуннов от Черного моря в Венгрию. Как сумели гунны пройти по территориям, на которых жили другие народы, резонно спрашивает Макартни. Он несколько портит впечатление, привлекая для доказательства текст Гетики. Гунны, утверждает он, не только пришли с территории, расположенной в центре между Дунаем и Тисой, но и вернулись туда после нанесенного им готами поражения – на Дунай, а не на Днепр.

Текст у Иордана, переведенный ранее, гласит: «*Pars ostium... in fugaversa eas partes Scythiae petered quas Danabri amnis fluente praetermeant, quam lingua sua Hunni Var appellant*».

Variae lectiones названий рек сбивает с толку. *Danabri* в РВО – *Danubri*, в XYZ – *danapri*; *danubii* встречается только в codex Ambrosianus, который изобилует орфографическими ошибками. *Danubri* – это явно некий гибрид между *danapri* и *danubii*. Писцы не знали, что следует писать. И это неудивительно. Названия двух рек *Danubius* и *Danaper* звучат настолько похоже, что их вполне могли перепутать, как это, должно быть, нередко и бывало. Сам Иордан написал в *Getica* (54) *Hister = Danubius*, а должен был написать *Danaper*. *Tanais* и *Danubius* тоже путали. В рассказе о кампании Деция против готов в Зосима (1, 23) трижды писал *Tanais* вместо *Danubius = Hister*. Семь устьев Дуная много раз упоминались в греческой и латинской литературе, но у Горация (*Troades*, 8–9) семь устьев Танаиса. В комментарии к Горацию псевдо-Акрон (V в.?) пишет, что «река в Скифии называется Танаис и это то же самое, что Дунай» (*Tanais flumen Scythiae dicitur, qui et Danubius est*).

И все же Иордан должен был написать *Danabri*, а не *Danubii*. *Var* – это действительно Днепр. Все определительное придаточное предложение от *quas* до *appellant* не может быть и более поздним добавлением.

Когда гунны напали на готов в Паннонии во второй раз, они снова не могли проделать верхом весь путь от Днепра, расположенного на юге Украины до Венгрии. Есть только одно объяснение фрагмента о бегстве гуннов после первого нападения: Иордан поместил гуннов конца 450-х гг. туда, где они жили в его время. Он продемонстрировал то же самое бесцеремонное обращение с географией в рассказе о второй готской войне с гуннами. Но прежде чем мы рассмотрим его, давайте внимательно приглядимся к гуннам в Северо-Восточных Балканах. Именно оттуда они устремились на Валамира.

В конце 457 г. император Лев отправил *sacra* всем митрополитам и многим епископам, спрашивая их мнение относительно юридической силы расположения Тимофея Элура епископом Александрии и о поддержке Халкидонского собора. Список провинций, куда было отправлено письмо, а также перечень полученных ответов позволяет сделать некоторые выводы относительно ситуации на Балканском полуострове в первый год правления Льва.

Все провинции Фракийского диоцеза снова находились под твердым римским правлением. Если ни один из епископов Нижней Мёзии не присутствовал ни на «Разбойничьем синоде» 449 г., ни на Халкидонском соборе 451 г., то теперь не Марцианополь, Никополь и Одессос, но также Нова, Абритт, Аппиария и Дуросторум на Дунае могли свободно общаться с Константинополем. Даже епископ Томиса в

«скифском регионе» получил циркулярное письмо и ответил на него.

Иначе обстояли дела в Восточной Иллирии. Епископы Диррахия, Скампы, Ликнида, Бюллиса, Аполлонии и Авлона в Новом Эпире заверили императора в своей непоколебимой приверженности православию. Аналогичное письмо было послано из Дардании. Его подписали епископы Скупи, Ульпианы и Диоклетианы. Письмо Зосимы, митрополита Средиземноморской Дакии, не сохранилось, но сам факт, что Лев написал ему, показывает, что Сердика, которая восемь лет назад лежала в руинах, обрела до некоторой степени свою былую важность. Но император не отправлял писем в прибрежную Дакию, Верхнюю Мёзию и Превалитану. Очевидно, в тех провинциях не было епископов, которым он мог бы написать.

Можно предположить, что связь с Ратарией и Виминакием и с таким важным городом, как Ниш, была прервана, поскольку они находились в военной зоне. Но 457 г. был годом мира в Балканских провинциях. «Воинственные народы», «мятежники», неуловимые банды, которые «теперь так основательно разбиты, что не осталось даже их имен» – это, вероятно, лазские мародеры. В письмах из Нижней Мёзии, Дардана, Нового Эпира и «скифского региона» нет и намека на военные действия. Если бы речь шла о чем-то более масштабном, чем случайные стычки, епископы, уж наверное, не обошли бы это своим вниманием.

В 449 г., восемью годами раньше, в Нише все еще существовали христианские общины. Вскоре после этого гунны оставили часть территории к югу от Дуная, которую они занимали в 447 г. Можно было ожидать, что с тех пор римское население вернулось, а с ними и священнослужители. Но если и так, они снова бежали. Бежали от гуннов, которые после краха своего государства захватили не только три места в Прибрежной Дакии, которые назвал Иордан, но и вообще «кишели везде». Нет никакого другого объяснения полного прекращения церковной жизни в северо-западной части Балкан. Если маленькие христианские общины все еще существовали – это маловероятно, однако не невозможно, – они были отрезаны от церквей на Востоке. Они находились уже в Гуннии.

Это не обязательно означает, что вся большая территория удерживалась только гуннами. Между Тимоком и Арсером жили сарматы, кемандры и гунны. В конце 460-х гг. готы жили вместе с гуннами. Но политическая власть принадлежала гуннам, тем самым, которые в 455 г. попытались захватить Паннонию.

Самое позднее в 456 г. константинопольское правительство должно было понять, что ему не хватает сил, чтобы вернуть гуннские территории к югу от Дуная. Оно хранило мир, точнее, соблюдало перемирие, как и гунны. В 457 г. Гунния все еще оставалась недоступной для римлян. Перемены начались годом позже.

Тульдила

«Очень значительная» армия, которую в начале 458 г. собрал римский император Майориан (457–461) в процессе подготовки к кампании против вандалов, почти целиком состояла из варваров. В панегирике Сидония Аполлинария императору в Лионе в конце года он назвал племена, которые выступили под императорскими штандартами: «Ты повел на войну арктическую армию семиустного Дуная. Бесчисленные рати, рожденные ленивым севером в Сифонии под Паррасийским медведем... Бастарны, свевы, паннонийцы, невры, гунны, геты, дакийцы, аланы, белоноты, руги, бургунды, висалты, остготы, сарматы... весь Кавказ и Танайтский поглотитель скифской воды!».

Это еще один список, которые так любит Сидоний. Большинство имен он позаимствовал у ранних поэтов, некоторые были уже совсем забыты, но он использовал их, чтобы поразить слушателей эрудицией. Среди прочих он упоминает и гуннов: «Вокруг тебя толпились тысячи под разными штандартами. Только одна раса отказалась тебе подчиниться, раса, которая недавно, в настроении даже более свирепом, чем обычно, увела свои дикие орды с Дуная, потому что она потеряла своих полководцев в войне, и Тульдила

пробудил в этой неуправляемой толпе безумную жажду крови...»

Понятно, что речь идет о гуннах. Они потеряли Эллака и других лидеров, только несколькими годами раньше имела место битва при Недао, они ушли с Дуная, и теперь их жилища были заняты их прежними германскими подданными.

Хотя Сидоний не говорит, где жили гунны Тульдилы, понятно, что Майориан не мог набрать их на побережье Понта. Тульдила не мог прийти и с Днепра. Его гунны, должно быть, жили вблизи границы с Западной Римской империей. Приск утверждает, что Майориан «привлек народы, жившие рядом с его владениями, на свою сторону, одних силой оружия, других убеждениями». На границах Норика гуннов не было; в Паннонии жили готы, на большей части территории к востоку от Дуная – гепиды. Таким образом, мы вернулись к тем же районам, откуда гунны выступили против остготов, иными словами, к Верхней Мёзии и Прибрежной Дакии. А как Майориан привлек на свою сторону гуннов – оружием или словами – неизвестно.

Два фрагмента, до сих пор не использованные исследователями гуннов, проливают некоторый свет на ситуацию в 458 г. Годом раньше Верхняя Мёзия, Прибрежная Дакия и Средиземноморская Дакия были недоступны для посланников из Константинополя к епископам в Балканских провинциях. Но летом 458 г. мощи святой Анастасии были переправлены из Сирмия в Константинополь и похоронены там. Пути из столицы в Паннонию Секунду оказались снова открытыми. Этому предшествовало умиротворение северо-западных Балканских провинций, установление modus vivendi с жившими там варварами. Благодаря миру Восток получил мощи святой мученицы, а Запад – вспомогательные части и много женщин и детей. Весной 458 г. вернулись в Аквилею первые военнопленные, уведенные гуннами в 452 г. Их отпустили гунны, причем сегодня мы можем утверждать это с уверенностью, те самые, которые присоединились к армии Майориана и пропустили восточных римлян через свои земли в Сирмий.

Вторая гото-гуннская война (463/64-466)

В годы после умиротворения северо-западных Балканских провинций (до 458 г.), гунны пребывали в мире с Восточной Римской империей, но, как мы узнаем от Иордана, и только от него, около 455 г. они снова напали на готов в Паннонии:

Далее следует описание войны между готовами и скирами.

Каким был источник Иордана, сказать трудно, если вообще возможно. Моммзен (1882. XXXV) предположил, что это Приск. Окончания племенных имен гуннов действительно указывают на греческого автора, но зачем Иордану менять Денгизика у Ириска на Динтцика? Также Приск определенно не восхвалял «присущую готовам отвагу». Это больше похоже на Кассиодора. Если Иордан копировал последнего, то становится понятным странное предложение в конце его рассказа. В 551 г., когда была написана «Гетика», готовы были в Италии уже более 70 лет, и потому гунны не могли «до сего дня бояться готского оружия». К середине VI в. гуннов не было даже рядом с владениями Тотилы. Можно вспомнить об отрывке из написанного Сидонием Аполлинарием своему другу Лампидию в 476 г. письма, полного самых экстравагантных хвалебных речей королю вестготов Эриху в Галлии. К нему, arbiter mundi, прибывали посланники отовсюду, даже из Персии, и остготы с помощью Эриха успешно теснили гуннов. С 474 г. штаб-квартира Теодериха находилась в городе Нова в Мёзии Секунде. Письмо Сидония подтверждает наш тезис относительно продолжительного пребывания гуннов на Балканах, но ни Кассиодор, ни Иордан не могли упомянуть о 470 г. как о «сегодняшнем дне». Фраза имеет смысл, если гунны были булгарами 505 г., когда Питция и его готовы нанесли поражение армии Сабиниана, в которой было 10 тысяч болгарских всадников. Кассиодор писал Готскую историю в 520-х или в начале 530-х гг., да и

Эннодий систематически называет булгар гуннами. Создается впечатление, что Иордан скопировал текст Кассиодора, не меняя его, текст, который с некоторыми изменениями был основан на Приске.

Когда напали гунны? Ответ на этот вопрос дают первые два предложения из повествования Иордана. В 459 г. готы, которых возглавил Валамир, взяли Диррахзий. Римлянами командовал Антемий, будущий император. В 461 г. Валамир заключил договор с римлянами и получил ежегодную плату в 300 фунтов золотом. Маловероятно, что готы нарушили договор по прошествии только одного года.

Гото-гуннская война предшествовала войне между готами и скирами. Приск касается ее начала. Он писал о визите Гобаза, короля лазов. В предыдущем фрагменте он описал визит Гобаза в Константинополь после большого пожара. Император Лев, бежавший из горящего города, встретился с ним в Халкидоне. Вторая гото-гуннская война, таким образом, имела место между 463/64 и 466 гг.

Гунны пришли с юга. Первым укрепленным пунктом, оказавшимся на их пути, была Бассиана, находившаяся между Сирмием и Сингидуном. Судя по именам, гунны пришли из региона, расположенного к югу от Дуная. Ултзинзуры жили между реками Утус (ныне Вит) и Алмус (ныне Лом), обе в Прибрежной Дакии, а биттугуры присоединились к остготам на пути из Мёзии Секунды в Италию в 488 г. Театром обеих гото-гуннских войн была Паннония Секунда. Конечно, гунны не испытывали уважения к границам бывших римских провинций, и бои постепенно распространялись на провинцию Савия между реками Драва и Сава.

А теперь мы можем вернуться к Ангантюру. Была ли Южная Паннония древней землей готов (как упоминается в Видсиде), где прежние короли лежат в святой могиле? Ответ дают Кассиодор, надписи и древние географы.

Теодерих, который в 504 г. завоевал Сирмий у гепидов, послал туда Колоссея, который был *illistris* и *comes*. В сопроводительном письме, которое Кассиодор написал и включил в свое *Variae* (III, 23), мы читаем: «Ты послан с высокой должностью в Паннонию Секунду, бывшую резиденцию готов [quondam sedem Gothorum]. Защищай провинцию, доверенную тебе, с оружием, так чтобы она с радостью приняла своих старых защитников [antiquos defensores], как она с радостью подчинялась нашим отцам [quaesenostris parentibus feliciter paruisse cognovit]».

Сирмий, утверждает Эннодий, в древние времена был границей Италии, где *seniors domini* держали стражу против варваров.

Название иас (ясс) часто встречается на земле готов. К северу от горной страны между Савой и Дравой, которая вполне может быть Миркивитом, жили яссы Плиния. Яссы служили в римской армии. *Aquaes Iasaes*, ныне Вараждинске Топлице, в IV в. был процветающим городом. Константин приказал отстроить там бани, уничтоженные огнем. В то время, когда готы пришли в Паннонию, название Иас, вероятно, еще было на слуху. Оно непосредственно связано с горами Иассар (Ясские горы).

В германской традиции две войны слились. То, что в ней сохранилось так много действительных событий и географических названий, представляется воистину удивительным.

Конец

В 465 или, более вероятно, 466 г. Денгизик и его брат Эрнак посыпают в Константинополь послов. Они хотят заключить мир, если только будет обеспечено место для рыночной торговли на Дунае, где, «согласно древним традициям», римляне и гунны смогут обмениваться всем необходимым. Император отверг их требования.

После того как его последняя попытка вернуть хотя бы часть земель в Паннонии оказалась неудачной, Денгизик перебрался в Валахию. Биттугуры и, очевидно, другие племена покинули его и остались к югу от

Дуная. При каких обстоятельствах Эрнак отказался от Добруджи, никто не знает. В любом случае остатков гуннов Аттилы больше не было в пограничных провинциях, иначе их требование места для рыночной торговли не имело смысла.

Когда Эрнак, занятый разборками на собственной земле, по-видимому с сарагурами, отказался присоединиться к брату, Денгизик повел своих людей ближе к Дунаю, угрожая вторгнуться во Фракию, если не даст ему и его народу землю и субсидии. Посчитав неприемлемым предложение Анагаста, «которому была доверена оборона реки», вступить с ним в переговоры, Денгизик отправил послов прямо к императору. Лев ответил, что «готов сделать все это, если они подчинятся ему, поскольку он доволен, если в союз с ним вступают люди из числа его прежних врагов». На этом текст Приска обрывается.

Гордон считает, что готовность Константинополя к заключению договора, противоречащая его прежнему отношению, может быть отнесена на счет необходимости защищать северные границы империи в подготовке к приближающейся экспедиции против вандалов в Африку. Возможно, он прав. Но, по моему мнению, тому, что переговоры с гуннами со временем прервались, есть другая причина. Ситуация была повторением 376 г., но в меньшем масштабе и с одной существенной разницей: гуннам, в отличие от готов, нужны были обширные пастища для скота, а не земля для обработки. Чтобы принять их в империи, надо было переселить крестьян с большой территории, в том числе многих готов во Фракии, на поддержку которых Аспар, родственник готского лидера Теодериха Косого, опирался много лет.

Денгизик переправился через замерзший Дунай. Вероятно, он рассчитывал, что гунны, все еще остававшиеся к югу от реки, к нему присоединятся. Некоторые, вероятно, так и сделали, но большие группы варваров действовали сами по себе, используя шанс подкрепить свои требования силой оружия.

Анагаст, Басилиск, Острий и некоторые другие римские военачальники заперли готов в одном низменном месте и осадили их. Скифы, угнетаемые голодом вследствие недостатка продовольствия, отправили к римлянам посольство – передать, что они сдаются с тем, чтобы владеть землей. Военачальники отвечали, что донесут императору об их посольстве, но варвары сказали, что они желают достичь соглашения с ними из-за голода и не могут вынести большого промедления. Тогда римские военачальники, посоветовавшись между собой, обещали доставлять им продовольствие до разрешения дела императором, если они разъединятся подобно тому, как разъединено и римское войско. Таким образом, говорили они, легко будет заботиться о них. Скифы охотно приняли сообщенное им через послов предложение и разделились на столько частей, на сколько были разделены и римляне. Тогда Хелхал, родом из гуннов, служивший офицером у начальников аспаровых полков, пришел к доставшейся им по жребию варварской части. Он собрал выдающихся готов [logades], которых было в этой части больше других, начал говорить им такие речи, что император дает им землю, но не для их пользования, а для находящихся между ними гуннов. Ибо они не занимаются земледелием, а, подобно волкам, нападают и расхищают их пищу. Сами они, готы, состоя в положении рабов, трудятся для доставления гуннам продовольствия, хотя готское племя всегда было враждебно гуннам и еще предки клялись избегать союза с ними. Поэтому готы не только лишаются своего достояния, они еще оказывают презрение к клятвам предков. Сам же он хотя и гордится своим гуннским происхождением, но из любви к справедливости сообщил им это и дал совет, что следует делать.

Готы, взволнованные этими речами и полагавшие, что Хелхал сказал это из расположения к ним, сплотились и стали избивать находившихся между ними гуннов; это послужило сигналом к жестокой схватке между обоими народами. Узнав об этом, Аспар (Анагаст), а также и начальники прочих отрядов выстроили свои войска и стали убивать всех попадавшихся варваров. Скифы, поняв коварный обман, стали отзывать друг друга и двинулись против римлян. Люди Аспара успели раньше уничтожить доставшуюся им часть варваров; для остальных военачальников сражение оказалось не безопасным, так как варвары

бились до того мужественно, что уцелевшие из них прорвались сквозь римские полки и таким образом избежали осады.

Время – 467 г. Басилиск, брат императрицы Верины, все еще был военным магистром во Фракии. Весной следующего года он стал командующим экспедиционным корпусом в Африке. Весьма интересный свет на византийские армии конца V в. проливает тот факт, что Басилиск являлся единственным греком среди командиров. Анастас, сын Арнегискла, и Острий были, как показывают их имена, готами. Хелхал сохранил свое гуннское имя. Вероятно, он еще не был крещен. Судя по его высокому рангу, он долго служил в римской армии. Хелхал мог быть одним из тех гуннов, которые дезертировали к римлянам во времена Аттилы или присоединились к ним после 455 г.

То, что Аспар послал крупные силы против варваров, доказывает их могущество. Хотя римляне добились некоторого успеха, война тянулась еще два года. В 468 г. большую часть армии отправили в Африку.

Конец наступил в 469 г. Марцеллин Комит сделал по этому поводу короткую запись: «Голова Динзика (Денгизика), сына Аттилы, царя гуннов, была доставлена в Константинополь». *Chronicon Paschale* дает больше подробностей:

Немногочисленные гунны, жившие к югу от Дуная, которые пошли за остготами, такие как биттугурсы, постепенно утратили свои этнические особенности или присоединились к мародерам-булгарам.

Глава 3

Экономика

В письменных источниках содержится очень мало сведений об экономике гуннов до их контакта с римским миром. Она определенно изменилась за восемь или девять десятилетий, на протяжении которых мы можем проследить их историю, но эти перемены оказались сильно преувеличены. К середине V в. подавляющее большинство людей вело почти такой же кочевой образ жизни, главной отраслью их экономики было животноводство, вспомогательными занятиями – охота и рыболовство. Так же жили и их предки.

Осознаем мы это или нет, но, говоря о кочевниках, часто имеем в виду отца Авраама, прообраза бедуинских шейхов, ставивших свои палатки сегодня здесь, завтра там, постоянно находившихся в движении с пастбища на пастбище. Аммиан так описывал алланов: «Когда они попадают на место, богатое травой, они едят, как дикие звери. Как только корм для скота заканчивается», они переходят на другое место. Это китайский стереотип: «Они идут за водой и травой». Мобильность пастухов всегда считалась земледельцами – греческими, индийскими и китайскими – непонятной, необъяснимой и негуманной. Археологические свидетельства опровергают Аммиана.

В степях и на лесных пастбищах от Западного Казахстана до Карпатских гор раскопали много курганов и обнаружили тысячи захоронений всех сарматских периодов. Пока не было найдено следов поселений. Можно подумать, что строения, если у сарматов они имелись, строились из непрочного материала, но тогда сохранились бы очаги и мусорные ямы. Но их тоже не было. И все же два факта являются несовместимыми с идеей о находившихся в постоянном движении сарматах. Первый – это обширные территории, занятые кладбищами. Синицын (1932. 68) был впечатлен множеством курганов на сарматских кладбищах у реки Колышлей; на некоторых участках число курганов достигало пятидесяти и даже более. Но они находились в лесистых степях, вблизи леса, где нормальная мобильность овец, лошадей и скота, вероятно, ограничивалась естественными препятствиями. Между тем большие площади, занятые курганами, известны и в степях, где леса нет. В Бережновке II, что на левом берегу Волги, обнаружили больше двух сотен курганов, а сколько их перепахали, установить уже невозможно. Сарматы хоронили там своих усопших начиная с VI в. до н. э. до III или IV в. н. э. Из раскопанных захоронений 38 были савроматскими, 29 – раннего, 18 – среднего и 17 – позднего сарматского периодов. В двух курганных группах в Быкове, в этом же районе, было 20 савроматских захоронений и 60 – раннего и среднего сарматского периодов. В Калиновке Шилов раскопал 62 кургана с 253 захоронениями, из которых были савроматскими, 64 – раннего, 60 – среднего и 31 – позднего сарматского периодов. Это были не царские захоронения, не священные кладбища в Горном Алтае. Во многих могилах – очень мало вещей, или их нет совсем. То же самое было на западе. В низинной долине реки Молочной – множество сарматских курганов. Из 369 захоронений, раскопанных в 1950 и 1951 гг., 54 – сарматские. Это указывает, как правильно подчеркивает Вязьмитина, на полуоседлый образ жизни.

Кроме того, есть сарматские гончарные изделия. Истинные кочевники, такие как бедуины или монголы, имеют кожаные или деревянные, а не глиняные сосуды. Начиная с самых ранних времен глиняные сосуды использовались сарматами. Это доказывает, что они были пастухами (хотя многие археологи этого не видят). Даже если все сделанные на гончарном круге глиняные сосуды, найденные в захоронениях, были ввезены – крайне маловероятное предположение, – остается много горшков с плоскими днищами. Люди, часто переезжающие с места на место, обычно имеют горшки с круглыми

днищами, которые можно поставить на мягкую землю, нести на веревках или в сетке. У сарматов были сосуды обоих типов – очевидно, они использовались для разных целей. Но то, что они вообще изготавливали сосуды, приспособленные для долгих стоянок, говорит об их длительных задержках на одном месте.

Странствия древних, средневековых и современных кочевников Центральной и Восточной Азии могут временами и в зависимости от географических факторов быть очень длительными. Но, как правило, они повторялись: с одних и тех же зимних квартир на летние пастбища и обратно. Существовала определенная свобода в выборе летних пастбищ, но зимние квартиры оставались одними и теми же. «Истинно» кочевой образ жизни, как у бедуинов, был редким исключением: в Центральной Азии только казахи и туркмены Аральско-Каспийских степей и полупустынь постоянно перемещаются, или до недавнего времени перемещались, с пастбища на пастбище.

Полукочевой образ жизни гуннского племени подтверждает Иордан: «Летом альцигиры разбили лагеря в степях возле Херсона в Крыму, где скот имел хорошие пастбища, а зимой они перебирались через Понтийское море», предположительно к Сивашу, *Iacus putidus*^[87], где обилие тростника обеспечивало хороший корм для животных. Заявление Иордана, безусловно ценное, нельзя принимать буквально. Не было и нет кочевников, которые занимались бы единственным крупным рогатым скотом. В сравнении с лошадьми и скот всегда и везде играл второстепенную роль.

Согласно Аммиану, у гуннов имелись все виды домашних животных. Но если мы сравнительно неплохо информированы относительно их лошадей, то о домашнем скоте знаем очень мало. В версии легенды о священном мяче, которую Иордан взял у Приска, мы читаем о пастухе и телке, наступившей на меч. Приск также упоминает о быке, которого Аттила отправил римскому послу. В экономике евразийских кочевников козы играют небольшую роль. Кожа *haedus*, которой гунны защищали «свои волосатые ноги», – это, вероятно, кожа дикого горного козла – мотив, часто встречающийся в искусстве скифов и родственных им народов.

Ни один греческий или римский автор не упоминает овец, без которых гунны не могли жить. Мясо, которое они варили в больших котлах, было бараниной. Овцы давали им молоко и сыр. Палатки делались из овечьих шкур или войлока, который, в свою очередь, изготавливается из овечьей шерсти. Как и у сарматов, обувь гуннов делалась из овечьей кожи. Изогнутые шапки гуннов, несомненно, делали из войлока. Иероним исправил немного вульгарный термин Аммиана *galerus*. Он назвал одеяние гуннов тиарой, которую описал как «круглую шапку, похожую на изображенную в Одиссее, как будто мяч разрезали пополам и одну часть надели на голову». Но только *galeras incorvus* Аммиана – это почти наверняка не круглая, а изогнутая шапка, остроконечная, как фригийский колпак, – тип, известный повсеместно от Черного моря до границ с Китаем.

Гунны, утверждает Томпсон, не могли ткать, потому что у них не было на это времени. Как странно! Сарматы, судя по всему, имели много времени для досуга, потому что в их могилах найдено много сотен веретен, сделанных из камня, алебастра, вырезанных из донышек глиняных сосудов. Захоронения на Торгуни и Иловле открыли нам саржевую шерстяную ткань. Как сарматы, гунны пряли шерсть своих овец. Они также изготавливали льняное полотно. Аммиан упоминает о льняном платье. Навесы, под которыми девушки встречали Аттилу, когда он входил в резиденцию, были из белого льна, а в доме царицы Эрики льняная скатерть – вышита. Возможно, гунны ввозили лен? Маловероятно, поскольку готы в Южной России тоже носили льняные одежды, и куски льняного полотна были найдены в поздних сарматских захоронениях на нижней Волге.

Верблюды

В экономике гуннов на Венгерской равнине верблюды занимали скромное место или их не было вообще. Если бы Приск увидел хотя бы одного верблюда, он наверняка не преминул бы упомянуть об этом. Отступая из Персии в 395 г., гунны могли пригнать с собой нескольких верблюдов^[88]. Но на Дунае это животное не могло быть ничем, кроме экзотической диковины. Дальше к востоку, однако, в Румынии и на Украине, гунны, как и сарматы до них, вполне могли иметь двугорбых бактрийских верблюдов^[89]. В последних веках до и в первых столетиях нашей эры верблюд, уже давно одомашненный, служил варварам от Великой Китайской стены до Крыма в качестве вьючного и верхового животного.

В весьма познавательной статье Шафер (1950. 177–178) систематизировал литературные свидетельства присутствия верблюдов у хунну, тогонов (тююйхуней) и табгачей (тоба) в Шанышане, Куче, Карабаре и Согдиане. Археологические свидетельства не менее убедительны. Пластина с изображением двух верблюдов была найдена в захоронении хунну в Сичагоу в провинции Ляонин. Верблюжьи кости обнаружили в поселении хунну на Иволге возле Улан-Удэ. Бронзовый диск с изображением сидящего на верблюде человека и еще один, с двумя стоящими верблюдами, был раскопан в районе Минусинска. Среди наскальной живописи на Писаной горе мы видим дерущихся верблюдов. На золотом диске из сибирской коллекции Петра Великого изображен тигр, нападающий на верблюда.

Некоторые предметы с изображениями верблюдов, найденные на сарматских территориях, имели западное происхождение. Ажурный диск с реки Маныч с изображением верблюда датируется первой половиной II в. до н. э.; как и греческие чаши из того же захоронения, предмет, возможно, завезли извне. То же самое может быть справедливым для кольца с изображением двух опустившихся на колени верблюдов, найденного в Кургане Большой Дмитриевки в Саратовской области. По форме, технике исполнения и стилю кольцо родственно аналогичному предмету с изображением человеческой головы из Усть-Лабинской, датированному I в. н. э., и еще одному – с козлами, датированному примерно тем же периодом из станицы Тифлисской. Но существуют изображения верблюдов, имеющие сарматское происхождение. Одно – это бронзовый диск из Пятимары на реке Илек, другое – с барельефом верблюда из Актюбинска; оба относятся к сарматскому периоду (VII–IV вв. до н. э.). Пряжка из Веселого, к востоку от Ростова-на-Дону, с изображением лежащего верблюда относится к раннему сарматскому периоду (IV–II вв. до н. э.).

Верблюжьи кости были найдены в поселении на реке Юргамыш, недалеко от Челябинска, в Золотой Балке в низовьях Днепра (не позднее II в.), и в захоронениях IV в. в Некрополе Пантиканея. Более того, существует башлык из верблюжьей шерсти, обнаруженный в захоронении IV в. в районе Фанагории, датированном III в. Представляется маловероятным, что такой простой предмет ввозился издалека: он был сделан там, где его нашли, – в Боспорском царстве.

Поэтому мы имеем все основания полагать, что гуннские племена, жившие в районе Черного моря, завоеватели и преемники сарматов, имели верблюдов. Их стада, вероятно, были небольшими, но они не остались без внимания византийского писателя.

Гуннское земледелие?

Все наши источники единодушно отрицают наличие у гуннов земледелия. Аммиан утверждал, что никто из них не вспахивал поле и даже не прикасался к рукоятке плуга.

Клавдиан уверенно заявлял, что пищу им давала охота, а хлеба они не ели вовсе. Астерий Амасийский описывал гуннов на Черном море как народ, который не научился выращивать пшеницу и другие зерновые. «У них не было виноградников, и они не пахали землю», – говорил Хелхал, сам бывший гунном.

То же самое говорили об аланах. Они тоже отнюдь не стремились взяться на плуг. В буквальном смысле Аммиан прав: ни гунны, ни аланы, ни другие сарматы не пахали поля. Нигде между Волгой и средним течением Дуная не было найдено деталей плуга, которые можно было связать с гуннами или аланами. В 1925 г., когда раскопали довольно много курганов, Рыков заявил, что в сарматских находках в Поволжье не было ни мельниц, ни серпов. Теперь это не так.

В 1936 г. Синицын обнаружил в кургане над поздним сарматским захоронением недалеко от Элисты – в Калмыцких степях – две части примитивного приспособления для измельчения семян злаковых растений: длинную узкую мелкую каменную чашу и круглую каменную «ступку». В захоронениях среднего сарматского периода и раньше находили просо, а иногда и остатки обуглившейся пшеницы. Но такие находки только регистрировались, и все. Сарматская мельница не вписывалась в картину общества пастухов, ничего не знатых о земледелии. Как и П. Д. Степанов, автор исследования истории земледелия на нижней Волге, опубликованного в трудах Саратовского областного краеведческого музея, Синицын решил, что поволжские сарматы получали зерно с Кубани и из Приазовья. Иными словами, что они перемалывали его (в этом уже не было сомнений), но не выращивали. Почему они ввозили его, неясно. Представляется очевидным, что только небольшое количество зерна можно было перевезти на такое расстояние, поэтому возможно только два объяснения: или зерно использовалось в религиозных церемониях, или вожди племен считали зерно деликатесом. Ни одно предположение не является убедительным. Когда позднее были найдены фрагменты другой ручной мельницы в захоронении среднего сарматского периода в Бережновке, их даже не признали таковыми.

Обнаружение железного серпа в захоронении позднего сарматского периода в Калиновке – на левом берегу Волги к северу от Волгограда – доказало, что в I в. сарматы действительно выращивали пшено.

Серп длиной 16 см со сломанным острием лежал в ногах мужчины в нише узкой прямоугольной ямы. Другие находки: проволочная фибула с сохранившимся на ней обрывком ткани, железная пряжка, костяные пластины для лука, костяные наконечники стрел. Юго-западная ориентация указывает на раннюю стадию позднего сарматского периода.

Сельскохозяйственные инструменты в захоронениях находят редко. Даже удивительно, что в сарматских захоронениях вообще что-то нашли. В сотнях захоронений гепидских крестьян в Венгрии был найден один серп.

Относятся мельницы-дробилки для зерна, найденные в курганах Ново-Филипповки, что в долине реки Молочной между днепровскими быстринаами и Азовским морем, к среднему или позднему сарматскому периоду, установить невозможно. Они лишь единожды упоминаются в литературе, да и то вскользь. Преобладают захоронения среднего сарматского периода, но некоторые из них относят к III в.

В 1920-х гг. Рау нашел среднесарматское захоронение на реке Торгунь (относительно находки не было дано никаких комментариев). В нем находился железный инструмент, который он назвал шлифовальным топором. В течение многих лет не было обнаружено ничего похожего до тех пор, пока Шилов не вскрыл захоронение в кургане 8 в Калиновке, также относящееся к среднему сарматскому периоду. Там лежало орудие, обычно называемое резцом. Это было своего рода тесло, так хорошо сохранившееся, что появилось возможным установить его функцию. Гнездо, даже не замкнутое по окружности, и тупые края не оставляли сомнений в том, что материал, который входил в контакт с теслом, грубый и неплотный, то есть земля. На стенках ям часто видны следы узких резцов шириной 3–5 см. Их использовали для выкапывания ям еще в V в. до н. э. Представляется маловероятным, что использовали их только для этой цели. Тогда бы получилось, что такие инструменты лежали в стороне и ждали, когда кто-нибудь умрет. Скорее всего, их использовали с куда большей регулярностью. Иными словами, это были мотыги, орудия для рыхления почвы, в которую помещали семена. Остатки мягкой пищи, найденные в

сосудах, – это, как правило, каша из проса. *Panicum miliaceum* – самая быстрорастущая зерновая культура, что, должно быть, вполне устраивало пастухов. И действительно, согласно Плинию и Элиану, просо было пищей сарматов.

Будущие раскопки, несомненно, докажут, что на обширных пространствах Средней Азии земледелие играло большую роль в экономике кочевников и полукочевников, чем мы готовы признать. Оно было, безусловно, второстепенной отраслью экономики, но имевшей важное значение. Кадырбаев обнаружил дробилки для зерна в захоронениях кочевников центральной части Казахстана, некоторые из них были датированы Vb. дон. э., Литвинский – в курганах Карамазара (II и III вв.). Долгое знакомство с земледелием, хотя примитивным и ограниченным, упростило сарматам переход к оседлому образу жизни. Можно привести несколько примеров: в небольших укрепленных поселениях рядом с сегодняшними населенными пунктами Ивановка и Тарсунов на Керченском полуострове сарматские солдаты Боспорского царства обрабатывали свои поля, как и *limitanei* на Западе; об этом писал Блаватский в «Проблемах истории Северного Причерноморья». Капошина (1962) утверждает, что сарматы поселения Кобяково, что в устье Дона, стали земледельцами. В 442 г. аланам царя Гоара «была выделена земля Аэцием, чтобы разделить ее между жителями. Аланы подавили тех, кто сопротивлялся силой оружия, и, изгнав хозяев, овладели землей силой». Это, насколько мне известно, единственный случай сопротивления против варваров *hospites*^[90]. При системе *hospitalitas*^[91] варвары получали треть земли. Но очевидно, для аланов этого было недостаточно. Им требовалось больше земли. Они прибыли со своими женами и детьми, повозками и палатками. Они не могли привести с собой большие стада, но, вероятно, хотели жить как их отцы в Венгрии и предки в Южной России. Им нужны были пастбища, а не просто поля. Аэций совершил ошибку. Он думал, что аланы будут довольны полученным, а это значит, ожидал, что они будут обрабатывать землю.

Теперь, вернувшись к авторам, отрицавшим наличие земледелия у гуннов, мы, возможно, будем менее склонны принять их утверждения на веру. Мы понимаем, что характеристика гуннов Клавдиана, считавшего их охотниками, – чепуха. Аммиан перенес на гуннов то, что Трог сказал о скифах. Тем не менее он, вероятно, был прав – для своего времени. Во время войн и миграций гунны жили только благодаря своим овцам и скоту. Когда они стали хозяевами крестьянского населения, такого как осевшие сарматы или германские племена в Венгрии, они посчитали, что проще и приятнее грабить своих подданных, чем работать самим. Можно предположить, что только беднейшие гунны были вынуждены дополнять свое меню из мяса, молока и сыра зерном, выращенным самостоятельно. Хотя в прошлом все могло быть и по-другому.

Находки в городище Куня-Уаза, что недалеко от Хорезма, и на верхней Оби показали, что в прежние времена гунны обрабатывали землю. Смешанное в расовом отношении население Куня-Уаз – европеоиды с примесью монголоидной крови – люди, практиковавшие деформацию черепов, не могут быть отделены от гуннов. Они имели серпы. Можно утверждать, что к III и IV вв. гунноиды в Куня-Уазе ассимилировались с местным населением: серпы они могли перенять у хорезмийских крестьян. Но люди, жившие на верхней Оби (тоже европеоиды с примесью монголоидной крови, тоже практиковавшие искусственную деформацию черепов, и именно таким же образом, как в Куня-Уазе), встретили охотников и рыболовов, когда те пришли туда во II или III в. И все же их серпы были идентичны тем, что использовались в Куня-Уазе. Если гунноиды на Оби и к востоку от Аральского моря срезали колоски зерновых одинаковыми железными серпами, значит, вывод в том, что составные части великой гуннской орды, а не только аланы делали то же самое в прошлом, представляется очевидным.

Жилье

«Никогда они не укрываются, – писал Аммиан (XXXI. 2, 4), – в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного использования. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холода, голод и жажду. И на чужбине входят они под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под ней».

Создается впечатление, что гунны начитались Сенеки, который писал о счастье жить под ветвями деревьев, близко к природе, ничего не опасаясь. В действительности Аммиан снова перенес на гуннов примитивные черты «скифов», «благородных дикарей», так милых сердцу философов-стоиков, которые, правда, использовали их только как свидетельство жестокости ненавистных варваров. В его время страх северных народов перед жилищами стал традиционной литературной темой. Он говорит об алеманнах, которые избегали городов, «словно они были могилами, окруженными сетями». А готы якобы думали, что в городах люди живут не как люди, а как птицы в клетке. Гаинас бежал из Константинополя, который показался ему тесной и богатой гробницей.

В Южной России у гуннов не было постоянных жилищ, но они определенно имели укрытия – палатки из войлока или овечьих шкур. Эти материалы они, вероятнее всего, продолжали использовать и после того, как обосновались на Венгерской равнине. Приск один раз упоминает шатер Аттилы. Он, вероятно, был таким же, как большой шатер сарматизированного боспорца, изображенный на стене катакомбы Анфестерия. На рисунке внутренняя часть шатра синяя – представляется, что, таким образом, изображен шерстяной ковер, как в доме царицы Эрики. Кстати, и это знают все, кто жил в монгольских войлочных юртах, они довольно удобны, просторны, хорошо проветриваются, и в них легко поддерживать чистоту. Будучи пленником в китайской столице, тюркский каган Се-ли (Hsieh-li) отказался поселиться в доме и поставил свою палатку. Принц Ли Чэн-Цянь (Li Ch'eng-chien) предпочел тюркскую палатку дворцу, однако он был известным тюркофилом. Аттила при полном параде возлежал в шелковом шатре. Тот, который он использовал, когда находился за пределами своих резиденций, и палатки некоторых высокопоставленных гуннов могли быть сделаны из одного материала.

К середине V в. гуннская знать имела дома в деревнях, которыми они владели, лучше построенные, чем скромные хижины местного населения, возможно сходные с деревянными строениями в царских резиденциях, но в меньших масштабах. Стены последних были сделаны из хорошо подогнанных досок и панелей. «Дворец» Аттилы состоял из единственной квадратной или прямоугольной комнаты с сиденьями, отгороженной в одном конце комнаты gobelenами. Томпсон правильно указал, что «дворец», другие однокомнатные дома и два ограждения вокруг лагеря были построены не гуннами, а римлянами или готами. Клемменсен привел убедительные аргументы в пользу германской, что в нашем случае означает готской, техники деревянного строительства. Во второй половине IV в. в Готии существовали христианские церкви, мужские и женские монастыри – очевидно, деревянные строения. После открытия готских длинных домов в Черняховских поселениях существование готской деревянной архитектуры больше не нуждается в доказательствах. Сарматы-языги не имели домов на своих древних южнорусских стоянках, но после двухвековых близких контактов с германцами-квадами они стали жить в крытых соломой хижинах. Дома Аттилы и его людей, вероятнее всего, были построены готскими плотниками в готском стиле.

Доходы золотом

В 440-х гг. римляне платили гуннам около 13 тысяч фунтов золотом – более 900 тысяч солидов. Это была очень большая сумма. Выплата 6 тысяч фунтов золотом в 447 г., должно быть, нанесла тяжелый удар по имперской сокровищнице. Но действительно ли это привело к финансовому краху Восточной империи, как считал Моммзен (1906. 1, 539. П. 4)? Чтобы правильно оценить размер «субсидий», выплаченных

гуннам, следует дать краткий обзор сопоставимых общественных и личных расходов в V и VI вв.

В 408 г. Аларих шантажом заставил западных римлян выплатить ему 4 тысячи фунтов золотом. В том же году он осадил Рим, и сенат откупился от него 5 тысячами фунтами золота, 30 тысячами фунтами серебра и разными дарами. Эти цифры, взятые у Олимпиодора, может быть, не вполне надежны. Но нет никаких причин подвергать сомнению утверждение Малха, что в 473 г. лидер готских федераторов Теодерих Страбон получил годовой платеж в размере 2 тысяч фунтов золотом. Суммы, обещанные или действительно выплаченные готам, существенно варьировались, в зависимости от обстоятельств. Субсидия, получаемая Валамиром, составляла всего лишь 300 фунтов в год. В 479 г. его племяннику Теодериху, впоследствии великому царю, была предложена ежегодная выплата 10 тысяч солидов, то есть около 140 фунтов золотом, но немедленная выплата составила 1 тысячу фунтов золотом и 40 тысяч фунтов серебром. В 570 г. император Тиберий предложил лангобардам 3 тысячи фунтов золотом, если они прекратят свои набеги в Италию. Это было в том же году, когда Баян, каган аваров, получил годовую выплату 80 тысяч солидов, то есть более 1 тысячи фунтов золотом.

В 532 г. император Юстиниан заключил «бесконечный мир» с Хосровом. Одним из его условий стала уплата 20 годовых контрибуций на содержание фортификационных сооружений на Кавказе, которые римляне задолжали Их сумма достигла 11 тысяч фунтов золотом. В 540 г. персы получили 5 тысяч фунтов, в 545 г. – 2 тысячи фунтов, в 551 г. – 2600 фунтов и в 561 г. – 3 тысячи фунтов. В 484–492 гг. Зенон уплатил исаврийским разбойникам 1400 фунтов золотом.

Чтобы показать дань, выплаченную гуннам, в нужной перспективе, ее следует не только сравнить с аналогичными выплатами «союзникам». Если сравнить ее с расходами высокопоставленных лиц, она перестает казаться заоблачной. Приведу несколько примеров. Императрица Евдокия внесла 200 фунтов золотом на реставрацию общественных бань в Антиохии. Императрица Евдоксия дала такую же сумму на строительство церкви в Газе. Когда Павел, экс-консул 498 г., оказался на грани финансового краха, император Анастасий помог ему, выделив 2 тысячи фунтов золотом. В 514 г. Анастасий выкупил Ипатия у Виталиана за 5 тысяч фунтов золотом. В 526 или 527 г. император Юстин послал 4500 фунтов золотом в Антиохию, которая была сильно разрушена землетрясением. Чтобы отметить свое консульство, император Юстиниан потратил 4 тысячи фунтов золотом на игры и раздачу населению. В 532 г. он дал 4 тысячи фунтов золотом на строительство церкви Святой Софии. Суммы, истраченные в ожесточенных церковных сражениях, были огромными. В 430-х гг. епископ Кирилл Александрийский подкупил придворных 2 тысячи фунтов золотом. Между 444 и 450 гг. Флавий Ном, *magister officiorum*, консул 445 г. и патриций, отобрал у Анастасия и Павла, племянников Кирилла, 1400 фунтов золотом.

В V в. доходы Восточной империи в среднем составляли 270 тысяч фунтов золотом в год. Из этой суммы примерно 45 тысяч фунтов тратилось на армию. 16 тысяч фунтов золотом, выплаченные Аттиле в 447 г. – это чуть больше 2,2 процента от сумм, поступавших в сокровищницу в год.

Самая большая годовая дань составила около 4,7 процента от расходов на армию. Но все же, если это продолжалось на протяжении многих лет, финансовое бремя было бы тяжелым, но не невыносимым. Аттиле платили только в 448, 449 и, возможно, в 450 г. В последующие три года он находился в состоянии войны и с Восточной, и с Западной империей и потому не получал ничего.

Фрагмент из Иоанна Лида, ускользнувший от внимания Моммзена, показывает, как далека от предполагаемого банкротства была Восточная империя. Когда Лев в 457 г. сменил Марциана на троне, в сокровищнице было 100 тысяч фунтов золота, «которые Аттила, враг мира, хотел взять». Из всех византийских императоров после Марциана только Анастасий оставил после смерти более крупную сумму.

Дань была не единственным, так сказать, законным источником дохода гуннов. Гуннские лидеры получали плату золотом за вспомогательные войска, поставляемые римлянам. Аэций, вероятно, выплатил

очень большую сумму за всадников, полученных им в 430-х гг. Действительно ли Аттила в середине 440-х гг. заставил римлян посыпать ему золото для поддержания мира, неизвестно. Но в 449 г. он получил плату, как военный магистр, что, по словам Приска, было скрытой данью.

Гунны, вероятно, настаивали, чтобы часть средств давалась им в слитках. Они, должно быть, знали не хуже римлян, как много в обращении поврежденных, обесцененных и поддельных солидов. В 366 г. сборщикам налогов велели «привести солид к твердой и цельной массе золота». Годом позже эдикт повторили. Было сказано не использовать для расчетов солиды, потому что их часто заменяют монетами, качество которых ухудшено примесями. Солид необходимо было свести к золотому эквиваленту из расчета 72 солида за 1 фунт золота. Как показывают 16 слитков, найденных в 1887 г. в местечке Красна в Трансильвании, вестготы тоже старались не попасться на обман. Гунны вряд ли больше доверяли честности римлян. К тому же не все солиды весили одинаково, хотя отклонение от стандарта было, как правило, незначительным. Тем более удивительно, что в Кириленах (Молдова) нашли «тайник» варвара, датированный 400 г., в котором, среди прочих вещей, находился солид, весивший, вместо стандартных 4,54 г, только 3,9 г. Варвара явно обманули. Поскольку гунны не имели монет, они, вероятно, требовали в слитках только то количество золота, которое намеревались использовать для украшений. Для коммерческих сделок и участия в ярмарках им нужны были монеты.

Персидские цари часто снимали осаду города, как только осажденные собирали требуемую от них денежную сумму. В 540 г. Эдесса, к примеру, заплатила Хосрову 200 фунтов золота, а четырьмя годами позже – 500 фунтов. Нет никаких свидетельств того, что Аттила или цари до него предлагали городу откупиться. Они явно считали более выгодным взятие города ценой жизни нескольких сотен человек, в основном «расходного материала» – пехотинцев, чтобы разграбить его и увести с собой пленных, которых можно продать в рабство или получить за них выкуп.

После победы при Адрианополе готы предложили на продажу 10 тысяч пленных. Гунны, ставшие временными союзниками готов, определенно имели свою долю в этом прибыльном бизнесе. Святой Амвросий делал все от него зависящее, чтобы выкупить пленных христиан. В *De officiis* он писал: «Высшая степень терпимости – выкупить пленных, спасти из рук врагов, вырвать людей у смерти и, главное, вернуть родителям детей, а детям родителей, а также граждан своей страны. Это было признано, когда Фракия и Иллирия были так ужасно разорены. Сколько пленных продается во всем мире? Если собрать их вместе, их число, должно быть, превысит население целой провинции... Поэтому особая щедрость – выкуп пленных, особенно у варваров, у которых нет ни искры человеческих чувств, способных подтолкнуть их к проявлению милосердия. Ими руководит лишь алчность... Я однажды навлек бесчестье на себя, потому что сломал священные сосуды, чтобы выкупить пленных, – факт, который может вызвать недовольство ариан. Кто может быть настолько суровым, черствым и жестокосердным, чтобы выказать недовольство тем, что мужчина спасен от смерти или женщина – от непристойностей варваров, которые хуже смерти, а детей от осквернения идолов...»

В 395 г. гунны захватили тысячи пленных в азиатских провинциях и на Кавказе. Вдали от дома этих несчастных некому было выкупить, и они в основном были проданы в рабство на невольничих рынках Дуная. Хотя гуннским царям выплатили дань, пленных продавали люди, их захватившие, которые, по всей видимости, получали также выкуп за римских солдат, попавших в их руки: 8 солидов за голову до 435 г. и 12 солидов – после. Сколько золота таким образом «утекло» в Гуннию, сказать трудно. Представляется, что много. Выкуп за гражданских пленных мог быть довольно высоким. Когда Аттила желал продемонстрировать щедрость, он просил только 500 солидов за вдову богатого горожанина. Выкуп за Бигилу составил 50 фунтов золота, то есть 3600 солидов, но это был особый случай.

Сколько золота в слитках и монетах приносили гунны из набегов, трудно даже представить. После

победы над остготами они не стали преследовать вестготов, потому что были перегружены добычей, причем определенно не кухонной утварью и деревянными скамейками, а золотом, серебром и ценным оружием. То же самое случилось в Верхней Италии в 452 г.

В дополнение к дани римляне должны были посыпать гуннам «дары». В этом не было ничего необычного. Даже если по договору римляне должны были варварам только некую сумму, как правило, последние получали подарки, среди которых непременно имелись предметы из драгоценных металлов. Гунны не ждали подарков, а требовали их. Когда в 450 г. римские послы не передали Аттиле привезенные с собой подарки, царь пригрозил убить их.

Уезжая из Константинополя, иностранные послы получали дары. Это был акт любезности к высоким гостям. По оценке Прокопия, общая стоимость подарков Юстиниана персидскому послу составила 1 тысячу фунтов золотом. Аттила сделал из этого обычая прибыльный бизнес. Он посыпал к имперскому двору послов одного за другим, под самыми мелкими надуманными предлогами. Чтобы умиротворить дикаря, всех их одаривали богатыми подарками, за которые, вернувшись, они отчитывались перед царем.

Другой, весьма значительный источник поступления золота в казну – продажа лошадей римлянам. Кроме рабов и, возможно, шкур, гуннам больше нечего было предложить римским купцам. Отрывок из *Mulomedicina* Вегеция показывает, что временами экспорт лошадей из Гуннии становился процветающим бизнесом. Очевидно, он пришел в упадок в конце 440-х гг., когда гунны после двух жестоких войн потеряли не только людей, но и лошадей.

Малозаметный отрывок из Приска показывает, что в Гуннии золотые монеты были, хотя, вероятнее всего, в небольшой степени, средством обмена. В 449 г. Аттила запретил римским послам «покупать римского пленного или раба-варвара, или лошадь, или что-нибудь другое, за исключением того, что необходимо для еды, пока споры между римлянами и гуннами не будут урегулированы». У царя были все основания для такого запрета. Он хотел поймать Бигилу (Вигилу) с золотом, которое он должен заплатить Элекону за убийство своего господина. Когда впоследствии Бигилу поставили перед Аттилой и тот спросил, зачем у него при себе так много золота, тот никак не мог объяснить сумму 3600 солидов. Отрывок показывает, что не только на границе, но и в глубине территории Гуннии можно было купить и продать за римские золотые монеты рабов, лошадей и еду. Использовались ли во времена Аттилы эти монеты как средство платежа только в контактах с римлянами или между самими гуннами тоже, сказать невозможно. Но последнее исключить нельзя.

Торговля

Долгая, дорогостоящая и ничего не решившая война, которую император Валенс вел с вестготами, закончилась в 369 г. договором, сведшим к минимуму прежде довольно-таки тесные контакты между империей и задунайскими варварами. Римляне прекратили выплачивать ежегодные субсидии, получаемые готами с тех пор, как они стали федератами. Односторонний обмен «дарами» между императором и его «друзьями» подошел к концу. До войны римляне и готы вели активный бартер вдоль всего побережья, и многие офицеры пограничной армии были скорее купцами и работоговорцами, чем солдатами. Начиная с 369 г. торговля между Римской империей и Готией, ставшей такой же независимой, как Персия, была ограничена двумя ярмарками на левом берегу Дуная. Но и сюда можно было привозить свои товары и заключать сделки только в определенное время года.

Имперское правительство строго следило, чтобы коммерческие отношения между его подданными и варварами удерживались в жестких границах. Так, было только два места для торговли с квадами и маркоманнами. Чтобы контролировать торговлю с языгами, в 371 г. недалеко от Грана построили крепость

Commercium. Другие крепости, вероятно, были слишком заняты на протяжении всего года, чтобы следить за беспокойными варварами и предотвращать тайные переправы мародеров (*clandestinos latrunculorum transitus*). Закон 368 г. запрещал продажу вина и масла варварам. Спустя несколько лет купцам, которые платили золотом за рабов или другие товары, пригрозили смертью. То же самое наказание ожидало тех, кто продавал оружие и материалы для его изготовления любым варварам. Определяли или нет договоры с персами, какие именно товары можно экспортirовать, неизвестно, но мы можем быть уверены, что римляне не продавали оружие «царю царей». На персидской границе торговля велась тоже только в нескольких местах. В 409 г., «чтобы чужеземцы не выведали наши секреты, что было бы неправильно», римляне разрешили торговать с персами только в трех местах: Нисибий, Артаксата, Каллиник.

То, что повествует Приск, наш единственный авторитет, по вопросу торговых отношений между Восточной Римской империей и гуннами, вполне вписывается в эту картину. Ярмарки устраивались в установленные даты, один раз в год, вероятно поздней весной или в начале лета^[92]. Пока граница шла по Дунаю, место для ярмарки было на берегу, предположительно на северном. После 447 г. оно переместилось в Ниш (Найсус)^[93]. Когда Денгизих и Эрнак, сыновья Аттилы, попросили мира, они захотели, чтобы, среди всего прочего, ярмарка на Дунае была открыта, «как в прежние времена». Очевидно, имелось только одно место, где римляне и гунны встречались для бартера.

Но из этого вовсе не следует, что объем торговли с гуннами был ничтожным. В дополнение к легальной торговле римские грузы, вероятнее всего, ввозились в Гуннию контрабандой, так же как и гуннские рабы и лошади – на римские территории. Но все же, очевидно, общий объем торговли, легальной и нелегальной, являлся небольшим. Утверждение Томпсона, что вся буржуазия Восточной империи была кровно заинтересована в поддержании и расширении торговых отношений с гуннами, не подтверждается ни литературными, ни археологическими свидетельствами. Несомненно, некоторые люди на этом хорошо зарабатывали. Если на ярмарках в империи можно было получить 50-процентный доход, торговля с варварами, безусловно, оказывалась прибыльной, тем более что продавцы не испытывали никаких угрызений совести, обманывая гуннов. Святой Амвросий не считал грехом одолживать варварам деньги под ростовщические проценты: «Тому, кого нельзя легко победить на войне, можно отомстить стократ. Бери процент с того, для кого не является преступлением убить. Там, где есть право убивать, есть и право брать ростовщический процент».

Шелк

Как и варвары на китайской границе, ценившие шелк больше любых других продуктов своего соседа и врага, варвары на Западе очень высоко ценили римский шелк. В 408 г. Аларих потребовал и получил из города Рима 4 тысячи шелковых туник. Его преемник Атаульф подарил 50 молодых людей, одетых в шелк, на свадьбу Галле Плацидии. Среди одежды, которую восточные римляне регулярно отправляли вестготам, безусловно, были и шелковые туники.

Гунны получали шелк разными путями. Во-первых, они привозили его домой после набегов. Как и готы в Италии, гунны, пока находились на римской территории, покупали шелк и римских дилеров. «*Unde pellito serica vestimenta?*» – спросил Максим Туринский. Во-вторых, гунны приобретали шелк на ярмарках; в предшествующие века он попадал к варварам степей через города Эвксина. Шелк был найден в районе Керчи (Крым), позднесарматском захоронении в Мариентале (Советское) на реке Большой Караман и в Шилове. Наконец, император отправлял шелк в подарок гуннской знати и Аттиле, как позднее посыпал шелковые одежды аварским каганам. Аттила важно возлежал в шелковом шатре. Эдекон и Орест, должно быть, выглядели странно в римских шелковых одеждах, но они им, безусловно, нравились.

Вина

Если верить Астерию Амасийскому, гунны на Черном море не пили вина, возможно, не потому, что оно им не нравилось, – просто они не могли его достать. В Венгрии все было иначе. От Приска мы знаем, что при дворе Аттилы вино пили в больших количествах. Супруга Онегесия предложила Аттиле кубок вина. На большом пиршестве, прежде чем подали еду, Аттила произнес тост за всех знатных гостей, включая римских послов, они в свою очередь произнесли ответные тосты. Все пили вино. После первого блюда снова пили вино и после второго тоже, и, когда римляне поздно ночью ушли, гунны остались и продолжали пить. На обеде в доме Адамиса каждый гость получал небольшой бочонок вина от других и должен был ответить тем же. Поскольку ни гунны, ни их подданные, возможно за исключением немногочисленных римлян, не знали, как выращивать виноград и делать вино, ясно, что последнее ввозили в Гуннию в больших количествах. В VI в. массагеты – гунны в византийской армии – были неуемными пьяницами, даже худшими, чем готы.

Глава 4

Общество

Ни в одном из разделов изучения гуннов противоречия между немногочисленными фактами и построенными на них теориями не являются столь очевидными, как в исследовании гуннского общества. Искушение поместить гуннов в любимую социально-экономическую категорию исследователя, судя по всему, труднопреодолимо. Поздние византийские авторы часто транскрибируют титулы варваров. Они говорят χαγάνος об аварах, βοιλᾶς о булгарах и τοιδοῦος о хазарах. Приск использовал только греческие слова для обозначения рангов и титулов гуннов. Каким словом он перевел βασιλεύς, неизвестно. Но некоторые современные авторы называют Аттилу «каганом», как будто они были вместе с Приском при дворе и, зная язык гуннов, понимали, как к нему обращаются подданные. Другие, «свалив в одну кучу» всех евразийских кочевников и полукочевников, от скифов до казахов XIX в., построили то, что сами же назвали кочевническим обществом, разбрасываясь якобы техническими терминами, вроде *il* и *ordu*. Самым большим грешником в этом отношении был Т. Пейскер, у которого имеются последователи. Томпсон видит гуннов завывающей толпой полуобнаженных дикарей. В своем желании столкнуть не только гуннов, но и их союзников на нижние ступени лестницы эволюции Томпсон временами даже ошибочно переводит тексты. Он ссылается на Созомена (IX, 5): «Церковный историк увидел многих из них [скиров] у подножия и на склонах горы Олимп в Вифинии; предположительно, они работали пастухами в римских владениях».

В действительности Созомен видел их обрабатывающими землю. Советские историки нашли для гуннов место в линейной эволюции социальных функций, составленной Льюисом Морганом, которой более или менее точно следовал Ф. Энгельс. Гунны, по их словам, находились на последней стадии «варварства», когда «языческое общество» развивается в «военную демократию», которую Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» характеризовал следующим образом: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом...»

По Энгельсу, греки в героическом веке были типичными представителями военной демократии. Советские историки, неустанно повторяя, что гунны достигли той же стадии, конечно, даже не пытались это доказать. Имена Аттила и Агамемнона начинаются с одной и той же буквы – и это все. Если все народы, которые под руководством военачальников грабили своих соседей, жили при военной демократии, ассирийцы, скотоводы-зулузы, земледельцы-ацтеки и пираты-викинги входят в одну группу. После многих попыток точнее определить «военную демократию» она постепенно превратилась в пустую фразу. Теперь нам говорят, что это тип политической надстройки, который не отражает процессы, происходившие в экономической базе.

Единственным советским ученым, который отнесся к определению Энгельса серьезно, был А. Бернштам. Поскольку предполагается, что общество, которое следует за другим, представляет более высокую стадию развития человечества, молодая военная демократия гуннов в свое время сыграла

прогрессивную роль. Бернштам весьма оригинально повернул концепцию прогресса. Он не утверждал, что гунны сами по себе более развиты, чем народы, которые они покорили. Их вклад в прогресс был скорее косвенным: они помогли сломать «рабовладельческие» общества, в том числе Римскую империю, тем самым расчистив дорогу для более прогрессивного феодализма. Именно этот тезис Бернштам изложил в своих «Очерках по истории гуннов».

Он подвергся яростным нападкам. Это правда, Бернштам совершил ряд грубых ошибок. Вместо того чтобы обратиться к первоисточникам, он использовал цитаты из безнадежно устаревших компиляций. Но его главный грех в том, что он поставил гуннов на тот же уровень, что и молодые варварские народы – славянские и, хотя это было произнесено только шепотом, германские племена. Как и их последователи – авары, печенеги и монголы, – гунны были злейшими врагами миролюбивых наций Восточной Европы. Книга Бернштама была изъята из обращения.

Обязанность держаться в рамках марксизма ведет к странным результатам. Венгерский историк и филолог Харматта в 1951 и 1952 гг. опубликовал несколько статей о гуннском обществе с длинными цитатами из трудов индийских, аккадских, иранских и ряда других древних авторов. Тщательно взвесив все за и против, он пришел к выводу, что гуннское общество стало государством в 445 г., плюс-минус два года. Но непокорные гунны отказались умещаться в рамки, определенные Энгельсом. Гуннское общество, заключил Харматта, «не имело определенного собственного характера».

Значения терминов для социальных институтов гуннов приходится определять по контексту. Лоғáбес, утверждают словари, это «избранные люди». Таков ли смысл у Приска? Поскольку исследователи гуннов обычно читают ранних византийских авторов так, словно они написаны Фукидидом, их труды содержат ряд ошибок. Далее я лишь буду касаться взглядов на гуннское общество Томпсона и Харматты – только они отнеслись к вопросу с должной вдумчивостью.

Приск – единственный автор, писавший о гуннских logades. Пятерых он называет по именам:

1. Онегесий, «который обладал властью, уступавшей только Аттиле между скіфами».

2. Скотта, брат Онегесия, который хвастался, что может говорить или действовать «на равных с братом перед Аттилой».

3. Эдекон, знаменитый воин гуннского происхождения.

4. Берих, повелитель многих деревень.

5. Орест, римлянин из Паннонии, секретарь Аттилы.

Это слово также встречается еще в восьми отрывках.

6. Эдекон, и Орест, и Скотта, «и другие logades».

7. «Logades скіфов, как Аттила, брали пленных из числа зажиточных людей, потому что их можно было продать дороже».

8. Онегесий устроил совет «с logades».

9. Римские послы направились к дому Адамиса «с некоторыми из logades этого народа».

10. Аттила приказал «всем logades собраться вокруг него», чтобы показать дружбу Максимину.

11. Хризафий спросил, легко ли попасть к Аттиле Эдекону, который ответил, что является близким другом Аттилы, а также его телохранителем «вместе с другими logades, избранными для этого».

12. Хелхал собрал logades готов.

13. Кунха, царь кидаритов, желая наказать Пейроза за ложь, «притворился, что ведет войну с

соседями и ему нужны люди, но не солдаты, пригодные для войны, таких у него бесконечно много, а люди, которые могли бы служить военачальниками». Пейроз послал ему три сотни logades.

По мнению Томпсона, logades – это стержень всей администрации гуннской империи. Он идентифицировал их с аттиловским ἑπιτήδειοι и οἰνεῖοι иαὶ λοχαγοί Ульдина.

Предполагается, что они управляли определенными частями империи, следили за порядком, собирали дань и продовольствие. Во время военных кампаний они командовали не только специальными отрядами гуннов, но также контингентами, сформированными на территориях, которыми они владели. Томпсон не перевел слово, как будто logades – некий технический термин. Он даже упомянул о времени, когда появился институт logades.

Харматта первым подчеркнул факт, что logades, о которых писал Приск, имеют не гуннские, а германские и греческие имена. Предполагалось, что Аттила ликвидировал старую племенную организацию и правил, опираясь на помощь logades. Позднее Харматта отверг отождествление Томпсоном logades с ἑπιτήδειοι, что на самом деле означает «друзья», и также с οἰνεῖοι иαὶ λοχαγοί Ульдина, его соплеменниками и офицерами. Он также снизил зависимость logades от Аттилы. По его мнению, они были правящим классом, сравнимым с vazurgān иб āzābān – «великими и знатными» сасанидской Персии. Во всем остальном Харматта соглашался с Томпсоном. Его logades также правили территориями, собирали налоги и т. д.

Альтхайм (1962. 4) считает logades «новым закрытым сословием». Они так называются, утверждает он, поскольку в буквальном смысле выбирались Аттилой, который использовал их в разных кампаниях, для выполнения дипломатических поручений и сбора налогов.

Эти ученые читают у Приска больше, чем он написал. Он ничего не говорил о сборе налогов, только упоминал, что Берих являлся господином многих деревень, но из этого вовсе не следует, что все logades, включая секретаря Аттилы, были крупными землевладельцами. Несчастные готы, которые в конце 460-х гг. скитались по северным Балканам, тоже имели logades. Поскольку они не имели земли – им пришлось просить ее у римлян, – их logades не могли быть землевладельцами. Не было у готов и короля, чтобы этих logades выбрать. Загипнотизированные словом, которое они не смогли найти у других авторов – современников Приска, Томпсон, Харматта и Альтхайм превратили его в обозначение хорошо определенной социальной группы.

В действительности начиная с III в. logades означало «известный, знаменитый, заслуженный». Ритор (гл. III, Менандр) Περὶ ἐπιδεικτιῶν говорит, что их никто не выбирал, они не имели ни земли, ни лошадей, но были полны мудрости и добродетелей σοφίας иαὶ ἀρετῆς τροφίμης. Василий, старший брат Григория из Ниссы, был λογὰς ἀνὴρ иαὶ ὄνομαστὸς иατὰ φιλοσοφίαν. Оправдывая трактат Юлиана против галилейцев, Кирилл Александрийский, современник Приска, восхвалял греческих logades, которые снова не были ни землевладельцами, ни военачальниками; logades – Платон и Плутарх. В VIII в. Феофан, вероятно цитируя более раннего автора, писал о logades в Антиохии, приверженцах доктрины Нестория. Я узнал от профессора И. Севченко, что в русских летописях logades – это «лучшие люди». При переводе «Алексиад» Анны Комнины, Лейб (1945) назвал logades «элитой». Таково и значение в современном греческом языке – «элита нации».

Нет никаких оснований утверждать, что эти выдающиеся люди гуннов имели между собой что-то общее, кроме известности. Если бы Приск писал на латыни, он, вероятно, назвал бы их optimates. У Аммиана Марцеллина optimates очень близко к logades. Аммиан был хорошо информирован о рангах у алеманнов, против которых сражался Юлиан. Их возглавляли Хнодомар и Серапион, potestate excelsiores ante alios reges; далее следовало пять королей, potestate, потом regates, много optimates и только потом

шли простолюдины. Сарматы в Венгрии имели regales, subreguli, optimates. Может показаться, что optimates Марцеллина стоят лишь на одну ступеньку выше, чем простолюдины. Но, говоря об optimates армян и готов, Аммиан явно имел в виду не мелкую знать, а всех людей, кому есть что сказать. Император Валент отказывался говорить с послами, которых направлял к нему Фритигерн, поскольку они были низкого ранга. Он требовал, чтобы готы посыпали к нему только optimates, выдающихся людей. Хортар, один из двух алеманнских лидеров, которых Валентиниан назначил на командные посты в своей армии, находился в предательском контакте с королем Макрианом и optimates варваров: здесь снова optimates – просто выдающиеся люди, можно сказать, logades. Гуннскому logades соответствует иорифаῖοι готов.

Приск понимал, что не все выдающиеся люди при дворе Аттилы имеют одинаковый ранг. Он заметил, что Онегесий сидел справа от царя – с более почетной стороны, а другие, такие как Берих, – слева. Бигила сказал ему, что гунн Эдекон превосходит римлянина Ореста. Но Приска не слишком интересовали тонкости различий между выдающимися людьми. Римские послы должны были иметь дело с Аттилой – за ним было окончательное слово, так что к остальным можно было относиться без должной серьезности. Только то, что Приск рассказал об акацирах, дает некоторую информацию о структуре гуннского общества.

Акациры, гуннский народ ёθνος, были разделены на племена и кланы, во главе которых стояли многочисленные правители πολλῶν ιατά φῦλα ιαὶ γένη ἀρχόντων. Куридах обладал верховной властью πρεσβύτερον ἐν τῇ ἀρχῇ, остальные были соправителями συμβασιλεύοντες [94].

(В этом месте рукопись прерывается. – Ред.)

Это редчайший случай в ранней византийской литературе, когда контекст позволяет нам определить значение терминов, обозначающих подразделение варварских народов и их лидеров. Народ, ёθνος, состоит из племен, фῦла, и кланов, γένη. Куридах – (1) βασιλεύς акациров; (2) ἀρχων; (3) и как лидер фῦлов – φύλαρχος.

Например, Томпсон утверждает, что Олимпиодор различает военачальника конфедерации варварских племен и военачальника отдельного племени, называя первого φύλαρχος, а последнего ρήξ. Но он ошибается. Ρήξ – Это, конечно, латинское rex, какой бы ни была изначальная связь этого слова с кельтским rigs. Латинские писатели IV–V вв. не видели различия между reges за пределами границ. Аммиан Марцеллин называет правителя бургундов (XXVIII. 5, 10, 13, 14), квадов (XVII. 12, 21) и диких маврских племен (XXIX. 5, 51) reges, так же как семерых правителей алеманнов (XVI. 12, 25) и великого Шапура, равного звездам, брата солнца и луны (XVII. 5, 3). Слово в том же значении было взято на вооружение греками. В письме, написанном в 404 г., Иоанн Златоуст говорит о ρήξ готов в Крыму. В то же самое время Олимпиодор, которому нравились латинские слова, говорит о первом среди ρῆγες у гуннов. Гунны были в своем роде великими правителями, и перевод «царь» представляется весьма уместным. Но Олимпиодор так же называет и кондотьера Сара, dux небольшого отряда готов. У Малала Бренна – rhex Галлии, Одоакр – rhex варваров, правители вандалов – rheges Африки, остготов – rheges Италии, Стирах и Глон – rheges гуннов, а Боа – rhegissa. При желании можно перевести rhex как «царь, король». Но предпочтительнее транскрибировать слово. В любом случае rhex у Олимпиодора – это не больше военный лидер племени, чем готский правитель, который просит нового епископа для своего народа.

Βασιλεύς – слово с двумя значениями. В официальных документах, таких как дипломатические ноты, оно использовалось только применительно к римскому императору.

Западные римляне боялись, что однажды Аттила настоит на обращении basileus вместо magister militum. Интересно узнать, как восточные римляне обращались к нему. Они могли использовать такие нейтральные термины, как hegemon или hegoumenos гуннов. После смерти Бледы подходящим титулом признали monarchos. Приск назвал персидского царя monarchos, а Менандр не считал нужным объяснить, почему он писал о monarchos лангобардов. К Аттиле могли обращаться ιατάρχων τῶν Ούννων, а

Теодерих Страбон был *ιατάρχων των Γότθων*. Косой был также ἀρχηγός, и даже αὐτοκράτωρ – титул, которым обычно обращаются к императору.

Харматта считал, что Аттила стал первым варваром, которому восточные римляне пожаловали титул basileus, потому что его общественное положение, авторитет и абсолютная власть были аналогичны императорским. Впервые термин basileus стал использоваться в связи с Аттилой, то есть правителем варваров – прежние резкие различия между византийским монархом и царями варваров постепенно сгладились. Это объясняет, почему Приск применяет термин basileus то к королю франков, то к вождям акациров.

Это звучит вполне правдоподобно, но это неверно. Харматта не обратил внимания на то, как авторы, писавшие исторические труды, говорили о правителях варваров. Если бы Евнапий являлся послом при дворе вестготского властелина, он наверняка не стал бы обращаться к нему basileus. Но когда он писал об Атанарихе, то называл его basileus без каких-либо сомнений. Правитель племени чамави, врагов Юлиана, был basileus. Евнапий писал за много лет до Аттилы. А Приск щедро даровал этот титул гуннскому, так же как и другим варварским правителям. Аттила был не первым царем гуннов. Руга был тоже βασιλεύων. Вασιλεῖα гуннов перешла к Аттиле и Бледе. Руга и Бледа – basileus гуннов. Приск упоминает не только о царях франков и акациров. Он пишет и о царстве лазов на Кавказе. В трудах VI в. мы читаем о царях аксумитов и иберийцев, которые не признавались таковыми восточными римлянами, но это не смущало историков.

Третий неоднозначный термин, значение которого Томпсон и Харматта определили слишком узко, это φύλαρχος. По Томпсону, у Олимпиодора phylarchos – это военный лидер конфедерации племен. Термин встречается у Олимпиодора пять раз. Аларих и Валия – phylarchoi вестготов, Гуниарий – phylarchos бургундов, а блеммии имели phylarchoi и prophetae, жрецов Исиды. Нет никаких разумных оснований предполагать, что в V в. вестготы и бургунды являлись конфедерацией племен. И у блеммииев не было конфедераций, которые, в свою очередь, состояли из какого-то количества племен. Их phylarchoi определенно – вожди племен. Еще дальше от правды определение Харматты (1952. 292–293). «Слово phylarchos, – пишет он, – означает официальный титул, даваемый императором Восточной Римской или Византийской империи лидерам союзнических варварских народов, по крайней мере с конца IV века». Но это еще не все. Дальше он продолжает: «Этим лидерам варваров давались римские auxilia (помощь, поддержка (лат.). – Пер.), деньги, снабжение, римские советники и римские сановники – иными словами, делалось все, чтобы стабилизировать их авторитет и власть в отношении других членов племени». Харматта глубоко ошибается. Достаточно прочитать первый фрагмент об Аларихе. Харматта цитирует только часть фразы: Аларих – phylarchos вестготов. Но дальше Олимпиодор повествует, как этот «союзник» римян взял Рим, безжалостно его разграбил и взял в плен Галлу Плацидию, сестру императора.

Аристократия

Над простыми людьми, *qara budun* – так они называются в Орхонской надписи, стояла знать. И Аттила, и его отец являлись выходцами из родовитых семей. В 449 г., когда Приск встретил Аттилу, царская борода была посеребрена сединой. Он не мог родиться раньше чем около 400 г., его отец – около 370 г. или даже раньше. Это доказывает существование наследственной аристократии, причем задолго до того, как гунны вторглись на Украину. Насколько она была велика, мы не знаем. Приск упоминает о знати только дважды. Берих, выдающийся человек, владелец многих деревень, был человеком родовитым. Немного подробнее отрывок у Свиды: Бледа дал Зеркону «жену из числа родовитых женщин. Она была из числа приближенных к царице, но из-за какого-то проступка больше не входила в ее свиту». Таким образом, дочери знати тоже считались знатными, но могли быть выданы замуж за простолюдина, в данном случае за придурковатого

придворного шута, который не был даже гунном.

Если сказанное Эннодием о булгарах, которых он приравнивал к гуннам, может быть перенесено на последних, расстояние между знатью и простолюдинами не очень большое. В панегирике Теодериху Эннодий назвал булгар, с которыми остготы сражались в 486 г., нацией, в которой человек, убивший больше всех врагов, имеет самый высокий ранг; их лидеры не рождались знатными, а становились таковыми на поле брани. Таким виделось положение дел готскими глазами. Теодериха считали потомком полубожественных Амалунгов. Готы имели родовитые семьи, и относительная социальная мобильность булгар, должно быть, показалась им дикостью.

Рабы

Некоторые пленные, которых гунны увезли из Балканских провинций и Италии, были выкуплены своими родственниками и друзьями. Другие служили в гуннских армиях до тех пор, пока у них не появлялась возможность выкупить свободу за свою долю добычи. Но большинство пленных продавались римским работогорвцам или на ежегодных ярмарках, или, до того как они стали проводиться регулярно, там и тогда, когда гуннам удавалось вступить в контакт с римлянами, даже если захватчики находились еще на римской территории. В 408 г. римляне купили так много пленных у вестготов Алариха, что пришлось издать закон, определяющий условия, при которых эти несчастные могли вернуть себе свободу. Согласно проповеди Максима Туринского, варвары продавали римским работогорвцам деревенских юношей не из удаленных регионов, а из населенных пунктов возле Турина. Можно предположить, что подобные низкие сделки имели место и во время гуннских набегов к югу от Дуная.

Гунны продавали своих пленных не только потому, что были одержимы «бесконечной жаждой золота». Сами они рабским трудом почти не пользовались. В экономике пастухов-кочевников лишь небольшое число рабов могло быть действительно полезным. Да и предотвратить их бегство оказывалось довольно сложно. Этот тезис был справедливым и для монголов времен Чингисхана, и для казахов XVIII и XIX вв. Справедлив он и для гуннов. Они имели домашних рабов. Приск видел двух рабов, убивших своих хозяев и пойманных. Они были единственными слугами своих хозяев. При дворе Аттилы Приск узнавал пленных по лохмотьям и грязи. Вероятно, их держали в надежде на последующий выкуп. После того как они входили в домашнюю челядь гуннов, с ними обращались хорошо. Пленные из Аквилеи принимали участие в религиозных церемониях; тех, кто попадал к христианским подданным гуннов, крестили.

Глава 5

Военное искусство

За 70 лет, прошедших после первых столкновений мародеров с римскими пограничными войсками и сражения на Мавриакских полях, военное искусство гуннов осталось, по сути, прежним. Всадники Аттилы были все теми же конными лучниками, которые в 386 г. скакали по долине Вардара и следовали за флагами Феодосия. Их тактика определялась существующим оружием, и, поскольку оно не изменилось, гунны сражались при Меце и Орлеане так же, как в Полленции. Это правда, что в армии Аттилы были люди, которые могли строить и эксплуатировать осадные машины, однако это были не гунны, а римские пленные или дезертиры. В отличие от Алариха, который хвастался, что Фракия выковывала ему копья, мечи и шлемы, римские ремесленники не работали на Аттилу. Но некоторые гунны, как готы в 376 г., «грабили мертвых и вооружались римским оружием». У многих, вероятно, было персидское оружие. Если бы Приск в 470-х гг. описал оружие и тактику гуннов, его рассказ оказался бы более или менее похож на то, что Аммиан Марцеллин написал в 392 г.: «Будучи чем-нибудь обижены, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь^[95], производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, боятся с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком».

Готы, от которых Аммиан получал информацию, даже по прошествии стольких лет слышали громкие завывающие крики гуннов и ужасались невероятной скорости их атак. О социальной и политической структуре гуннов готы не знали практически ничего. Они не могли не заметить, что гунны атакуют клином, но состоял он из представителей одного племени, или формировался *ad hoc*, они не знали и, следовательно, не могли сказать Аммиану. От Прокопия нам известно, что в начальной фазе сражения какую-то роль у более поздних гуннов играли наследственные привилегии^[96]. То же самое вполне могло быть справедливым и для их предшественников. Некая должность, обязанность, передавалась из поколения в поколение^[97]. Странно, но Аммиан не упомянул об обманном бегстве, уловке гуннов, к которой нередко прибегали воины степей. Его описание неполное, но оно показывает, что тактика гуннов, по сути, ничем не отличалась от тактики других конных лучников Северной Евразии. Сначала на противника обрушивался град стрел, потом начинался близкий бой.

Я обойду молчанием «военные преступления», в которых так часто обвиняют гуннов. В апокалипсисе VII в. один сирийский клерк позволил своей фантазии излишне разыграться. По его информации, гунны (возможно, он имел в виду эфталитов) жарили беременных женщин, вырезали плод, помещали его в посуду, заливали водой и опускали оружие в это варево. Они ели детей и пили кровь женщин. Большинство германских племен эпохи Великого переселения вели себя ничуть не человечнее, чем гунны. В 406 г. германцы, вторгшиеся в Галлию, убили отшельников, живьем сожгли священнослужителей, изнасиловали монахинь, уничтожили виноградники и срубили оливковые деревья.

Лошади

Гунны «словно приросли к своим лошадям, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них, на женский манер, исполняют свои обычные занятия. День и ночь проводят они на коне... Когда же приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещания они ведут сидя на конях».

Гунны действительно вели переговоры с римскими дипломатами, сидя на лошадях. Сарматы юга России и лазы на Кавказе часто использовали боковые седла.

Уродливые – слишком общая характеристика для лошадей, чтобы сделать на ее основании какие-либо выводы. Для римлянина большинство степных лошадей, должно быть, выглядели такими же безобразными, как лошади скифов, с короткими ногами и большими головами (см. изображение из Чертомлыка), или сигиннов, косматые, курносые, кажущиеся слишком маленькими, чтобы на них можно было ездить верхом.

Единственным автором, который дал хорошее описание гуннских лошадей, был Вегеций. Долгое время, жалуется он в предисловии ко второй книге *Mulomedicina*, ветеринарная медицина неуклонно приходит в упадок. Лошадиным докторам так мало платят, что больше никто не хочет посвящать себя должностному изучению ветеринарии. Между тем в последнее время, следуя примеру, показанному гуннами и другими варварами, люди вообще перестали консультироваться с ветеринарами. Они оставляют лошадей на пастбищах весь год и не заботятся о них, не понимая, какой непоправимый вред они наносят самим себе. Эти люди упускают из виду, что кони варваров совсем другие, нежели кони римлян. Выносливые создания, привычные к холodu и морозу, лошади варваров не нуждаются ни в конюшнях, ни в медицинской помощи. Римская лошадь имеет более утонченную конституцию; если у нее нет теплой конюшни и хорошего укрытия, она будет подхватывать одну болезнь за другой. Хотя Вегеций подчеркивает превосходство римской лошади, ее ум, послушание и благородный характер, он соглашается, что и у гуннской лошади есть положительные качества. Как персидские и сицилийские лошади, она живет долго. В классификации разных пород по их пригодности к войне Вегеций отдает гуннской лошади первое место из-за ее терпения, настойчивости и способности долго переносить холод и голод. Как показывает описание, Вегеций, у которого, возможно, тоже было несколько гуннских лошадей, имел возможность наблюдать за ними. Они имеют, утверждает он, большие крюковатые головы, глаза навыкате, узкие ноздри, широкие челюсти, сильные и жесткие шеи, гривы, свисающие до колен, слишком крупные ребра, изогнутые спины, густые хвосты, очень крепкие берцовые кости, маленькие бабки, широкий размах копыт, вогнутую поясницу. Их тела угловаты, без жира на крестце и мускулов на спине, они скорее длинные, чем высокие, животы втянутые, кости крупные. Сама костяность этих лошадей приятна, и есть некая красота даже в их уродстве. В заключение Вегеций добавляет, что они спокойны, разумны и хорошо выносят раны.

Хотя это описание, несмотря на его точность, не позволяет определить тип гуннской лошади, оно определенно исключает лошадь Пржевальского, которая имеет прямую гриву и похожий на репу хвост с короткими волосками – только на конце они длинные. На бронзовом диске из показан воин в остроконечной шапке и маленьким луком на лошади с крюковатой головой и длинным пушистым хвостом. Представляется, что хунну имели лошадей разных пород, среди которых были с прямой «стоячей» гривой, в отличие от гуннских лошадей, у которых грива свисала ниже колен. Типичная гуннская лошадь, скорее всего, не слишком отличалась от лошадей хунну и скифов.

Гунны были великолепными наездниками. Сидоний сравнивал их с кентаврами: «Едва малыш начинает стоять без помощи матери, как его уже сажают на лошадь. Можно подумать, что они рождаются вместе, так твердо всадник сидит на своем скакуне. Другие народы ездят на лошадях. Эти люди на них

живут. В искусстве верховой езды гунны и аланы достигли непревзойденных высот».

Поскольку гунны не имели шпор, им приходилось погонять лошадей с помощью хлыстов, рукоятки которых часто находят в захоронениях. Пока не обнаружили стремян, которые можно было бы приписать гуннам. Если у гуннов они были, то, вероятно, делались из недолговечного материала, дерева или кожи. Мощный аргумент против предположения о наличии у гуннов стремян – тот факт, что германские всадники ездили без них еще несколько веков после падения царства Аттилы. В отличие от композитного лука кожаные или деревянные стремена могли быть легко скопированы. Но специфическим фактором, дававшим гуннским лучникам преимущество над самыми лучшими римскими войсками, могло быть именно использование стремян. Ласло (László) справедливо подчеркивает устойчивость, которую стремена дают конным лучникам.

«Солдаты Рима, – писал Иероним летом 396 г., – завоеватели и повелители мира, теперь завоеваны и дрожат от страха при виде тех, кто не умеет ходить на своих ногах и считает себя почти что мертвым, если приходится спуститься на землю». Странное описание Иеронимом гуннов было основано не на личных наблюдениях. Он никогда не видел гунна. Как и Евнапий, который тоже утверждал, что гунны не могут «твердо стоять на земле», Иероним копировал Аммиана, писавшего: «Их туфли сделаны без колодок, что не позволяет им свободно ходить. По этой причине они не приспособлены к пешим сражениям».

Объяснение своеобразности походки гуннских всадников, данное Аммианом, наивно. Все конные кочевники, проводящие большую часть жизни верхом, пешком передвигаются неуклюже. Но гуннская обувь, должно быть, показалась готским информаторам Аммиана странной, очень уж сильно она отличалась от того, что они носили сами. Очевидно, эти туфли были приспособлены для специфических нужд всадника, совсем как у мадьяр в X в. Подошвы таких туфель мягкие и гибкие, так что ногу в туфле было легко вставить в почти круглое деревянное или железное стремя, и она держалась там твердо. Стремена из корейских гробниц V и VI вв. были тоже круглыми. Некоторые из них делались из железа, но самые роскошные, украшенные золотом, были деревянными. Золотые туфли в таких гробницах, вероятно, являлись копиями кожаных. Увидь их Аммиан, наверное, назвал бы такую обувь *formulis nullis aptati*.

Вопрос происхождения металлических стремян пока остается без ответа. Если случайные находки миниатюрных металлических стремян в районе Минусинска действительно можно отнести к сырскому или уйбатскому периоду (I–II вв. н. э.) или даже точно к сырскому периоду (I–II вв. н. э.), тогда это самые ранние известные науке (на сегодняшний день) стремена. Но их датировка проблематична. Ни на одном изображении в китайском искусстве периода Хань не было найдено всадников со стременами. Всадники на золотых дисках из коллекции Петра I тоже без стремян.

Седла

После поражения на Мавриакских полях Аттила «закрылся вместе со своими людьми в лагере, который укрепил повозками. Но говорили, что царь вел себя очень храбро даже в такой ситуации и сложил погребальный костер из лошадиных седел [*equinis sellis construrisse pyram*], чтобы, если враг нападет, броситься в огонь. Он не желал никому доставить удовольствие – ранить его».

Этот фрагмент из «Гетики» часто приводят как доказательство того, что седла гуннов были деревянными. Но ведь чепрак тоже хорошо горит. Впрочем, история седел кочевых племен Евразии далека от ясности. В курганах 3 и 5 Пазырыка и в районе Шибе (Горный Алтай) были найдены довольно-таки примитивные седла. Они состояли из двух больших кожаных подушек, набитых оленьей шерстью и покрытых войлоком. Маленькие подушки впереди и сзади больших для жесткости и прочности крепились на деревянных рамках, предшественниках лук деревянных седел. Скифские седла были такие же, как у

алтайцев. То же самое справедливо для изображений двух бронзовых всадников из Западной Сибири (возможно, относящихся к той же дате, что и курганы Пазырыка) и на более поздней золотой пряжке из сокровищницы Петра Великого.

С другой стороны, то, что выглядит как деревянная передняя лука миниатюрного седла из Уйбатского чаатаса в районе Минусинска, датируемое началом нашей эры, может действительно оказаться частью настоящего деревянного седла. Фрагменты примерно того же периода с реки Каракол, недалеко от Шибе, могли быть частью седла с распоркой между двумя луками. В Кенколе Бернштам обнаружил изогнутый кусок дерева, который может быть лукой седла.

Китайцы периода Хань имели деревянные седла. Хотя большинство изображений всадников не позволяет определить, есть ли под ними седла и какие, лошади без седока на рельефах из провинции Шаньдун, несомненно, под седлами. Передняя и задняя луки и деревянная распорка между ними видны четко. Уже вошло в привычку относить происхождение всего кавалерийского оснащения китайских конников периода Хань к их соседям-варварам. Поэтому можно ожидать, что хунну и другие кочевники на границе с Китаем не просто имели седла, а имели их раньше, чем китайцы. Археологические свидетельства этого не доказывают. Охотники-варвары на изображениях из Lo-yang имеют только седельные подушки. В захоронениях хунну из Ноин Ула были найдены деревянные рамы передней и задней подушек. Несомненно, хунну в начале нашей эры имели чепраки, как люди из Пазырыка. Ездили ли позднее хунну на деревянных седлах, мы не знаем. Корейцы V в. ездили. При раскопках найдено несколько фрагментов передней и задней лук, сделанных из металла^[98].

Литературное свидетельство – один короткий фрагмент из Иордана – допускает разные толкования и почти не проливает света на гуннские седла. Между тем золотые, серебряные и бронзовые украшения на луках седел в захоронениях кочевников IV и V вв. не оставляют сомнений в том, что гуннские седла действительно состояли из деревянной полки с прямой вертикальной лукой впереди и имеющей немного большие размеры наклонной лукой сзади. Об этом говорят находки на родине гуннов – в Венгрии, где до появления гуннов седел не знали, – и в южнорусских степях. Серебряные пластины с передней лукой деревянного седла были найдены в захоронении германского воина недалеко от Брно в Моравии. Достойна внимания и находка в селе Боровое (Казахстан). Десять из тридцати пластин были украшены «чешуйчатым» рисунком. Гуннские седла, предположительно, были аналогичны найденному в Бородаевке (Саратовская область), на правом берегу реки Большой Караман. Оно лежало в могиле человека, имевшего искусственно деформированный череп. Погребальный обряд (лошадиный череп и четыре ноги, отрубленные над копытами) и мебель характерны для постгуннских захоронений в поволжских степях, сохранивших множество элементов поздней сарматской культуры. Все они датируются V–VII вв. Седло из Бородаевки аналогично некоторым сасанидским седлам^[99].

Клейма лошадей

Там, где лошадьми владеют несколько семейств, кланов или племен и они пасутся на общем пастбище, их необходимо помечать либо с помощью надреза на ушах, либо горячим клеймом в задней части крупса или на плече. Первый метод, более примитивный, использовался еще в IV в. до н. э., а может быть и раньше. Все лошади в курганах 3 и 5 Пазырыка имеют клейма на ушах. До последнего времени киргизы на полуострове Мангышлак в восточной части Каспийского моря вырезали треугольники в ушах своих овец и таким же образом помечали уши своих лошадей.

Марко Поло так писал о монголах: «Всякий старшина или у кого много скота метит своим знаком жеребцов и кобыл, верблюдов, быков и коров и всякий крупный скот; с меткой пускает их пасть без

всякой стражи в равнины и горы; если скотина смешается, отдают ее тому, чья метка; овец, баранов и козлов пасут люди. Скот у них крупный, жирный, славный».

У двух лошадей на картине Kuei имеют Tamgas в задней части крупа. Я использовал это тюркское слово, означающее «печать, клеймо», поскольку его позаимствовали не только монголы, но также таджики, персы и даже русские, хотя персы клеймили своих лошадей еще до контакта с тюрками, равно как и русские. T'ang hui yao, содержит перечень tamgas 37, в основном тюркских племен. Иностранные, опять-таки в основном тюркские, лошади на огромных пастбищах китайской династии Тан, дополнительно клеймились на разных частях крупа, чтобы указать владельца, возраст, тип, качество и состояние.

Тюркские племена клеймили своих лошадей до и после периода Тан. В Персии клейма можно проследить до III в. Граффити в Дура-Европос изображает ранние сасанидские клейма. У коня Пероза в Так-и-Бустане видно клеймо в правой задней части. Кони сасанидских царей на ткани в Наре имеют клейма на боках.

Хотя сасанидские tamga приближают нас к гуннам во времени и пространстве, конь охотника с мозаики из Бордж-Джедид в Карфагене (теперь она находится в Британском музее) приводит нас в среду, непосредственно связанную с гуннами. Человек, судя по его одежде, римлянин, вандал или алан. Странное крестовидное клеймо на лошади было принято за римское. Но, как заметил Jänichen, оно удивительно напоминает tamga с наскального рисунка в верховьях Енисея, датированного серединой 1-го тысячелетия. Это азиатское клеймо, а значит, охотник должен быть аланом.

Сарматские клейма II и III вв. известны хорошо. Есть, к примеру, могильная стела из Феодосий в Крыму. Аналогичные памятники известны во многих районах Боспорского царства. Стела была установлена религиозной общиной, к которой принадлежал покойный Атта, сын Трифона. Несмотря на греческое имя, мужчина одет как всадник-сармат. У него сарматский кинжал с кольцевой рукояткой, и его конь имеет сарматский знак, часто встречающийся на рельефах, зеркалах, котлах, пряжках, украшениях и монетах Боспорского царства и прилегающих к нему регионах в I–III вв. Кроме того, есть фрагмент стелы, найденный на хуторе Малая Козырка, к северу от Ольвии, со сценой охоты. Лошадь имеет клеймо на боку. Другое сарматское клеймо – между передней и задней ногами. Есть и третий пример – глиняная фигурка быка, игрушка из Глинища – недалеко от Керчи-Пантикопея, с сарматским клеймом на плече.

Монголы, кидани, тюрки до и после периода Тан и киргизы к северу от Саянских гор клеймили своих лошадей, как сарматы во 2-м и 3-м тысячелетиях и аланы в 5-м. У гуннов имелись большие табуны лошадей. Некоторые авторы утверждают, что в кампании 451 г. армия Аттилы насчитывала 500 тысяч человек, хотя в действительности она не могла быть больше 100 тысяч, а может быть, и еще меньше. Значительная часть армии состояла из германцев, многие из которых были пехотинцами. Но все же, считая резервных и тягловых лошадей, когда Аттила выступил в Галлию, его табуны должны были насчитывать 50–60 тысяч голов. Длинные границы разбросанного на большой территории царства следовало охранять и держать покоренные народы в подчинении, пока мобильная армия отсутствовала, поэтому весьма существенные силы оставались дома. К боевым коням следовало добавить кобыл и жеребят. Гунны не могли не иметь некого средства для идентификации владельцев лошадей. Я считаю определенным, что они клеймили своих лошадей клеймами, аналогичными сарматским.

Мерины

Все лошади в курганах Пазырыка были кастрированы. Принцы, похороненные там, ездили только на меринах. То же самое было справедливо и двумя тысячелетиями позже. Ни один обеспеченный алтайец не ездил на жеребце или кобыле. В 1860-х гг. их табуны состояли из 20–60 лошадей: жеребец, 8–25 кобыл, 5–

15 годовалых жеребят, 4-14 двух-и трехлеток, 5-10 меринов. Жеребят кастрировали на втором году жизни. В табунах киргизов соотношение между жеребцами и кобылами было один к девяти.

Знание процесса кастрации, писал Латтимор, очень важно для техники степного пасторализма. Иначе появилось бы большое число ненужных мужских особей, которые сражались бы друг с другом и пытались увести за собой кобыл, что сделало бы невозможным содержание больших табунов на открытых пастбищах. Скифы и сарматы на юге России кастрировали своих лошадей, «чтобы ими было проще управлять. Хотя их лошади малы, они очень быстрые и плохо управляемы».

Несмотря на отсутствие литературных свидетельств, можно не сомневаться, что гунны тоже ездили в основном на меринах.

Перевозки

Литературных свидетельств о повозках гуннов очень мало: несколько строк у Аммиана, предложение у Приска и придаточное предложение в «Гетике». Согласно Аммиану (XXX. 2, 10), «никто в их стране никогда не распахивал поля и не прикасался к рукоятке плуга. Все они без постоянного места жительства, без очага, закона, они не ведут оседлый образ жизни, а переезжают с места на место, словно беженцы, с повозками-кибитками [cum carpentis], в которых они живут». Это – пересказ описания скифов у Трога Помпея. Аммиан использует почти те же фразы, когда повествует о постоянных странствиях аланов (XXXI. 2, 18). В кибитках гуннские женщины сосуществуют со своими мужьями, рожают детей и воспитывают их до достижения половой зрелости; в кибитках аланов мужчины сожительствуют с женщинами, там рождаются и воспитываются их дети. Если верить Аммиану, гуннские женщины ткали в своих кибитках. Вот только верить ему нельзя. Он описывал повседневную жизнь гуннов так, как ему рассказывали информаторы о гуннской орде в движении. Кстати, он подражал грекам, которые были так впечатлены фургонами скифов, что считали транспортные средства, которые чаще всего использовались для перевозки палаток, жильем кочевников. Для греков скифы были и остались людьми, живущими на колесах, которые всегда везут свой дом с собой – эти выражения бесконечно повторялись и перефразировались самыми разными латинскими авторами – Горацием и другими.

Приск упоминает о повозках гуннов, на которых перевозились плоты или средства для переправы через болотистые места[\[100\]](#).

Третья ссылка на гуннские кибитки встречается в рассказе Иордана о сражении на Мавриакских полях: «Вечером первого дня Аттила отступил и укрылся вместе со своими товарищами в лагере, который укрепил барьером из кибиток [plaustris vallatum]» (Гетика, 210).

Хотя Приск ничего не говорит о количестве плотов, погруженных на повозку, их размере и материале, из которого они сделаны – это может быть дерево, плетение из ивняка или шкуры, – повозки, вероятнее всего, были четырехколесными, тяжелыми и неповоротливыми. Гунны не могли отягощать свою быструю мобильную кавалерию таким обозом. Повозки в армии Аттилы должны были быть легкими, возможно двухколесными. В IV и V вв. в лагерях с оборонительным барьером из повозок не было ничего собственно гуннского. «Все варвары, – писал Вегеций, – располагали свои телеги вокруг себя и проводили ночи в безопасности от возможных неожиданностей». Как и другие германцы этого периода и раньше, готы формировали *carragines* с большим искусством.

Хотя не существует археологических свидетельств, касающихся кибиток гуннов, мы можем примерно представить себе, как они выглядели, судя по находкам в захоронениях других северных варваров, которые складывали разобранные или сломанные повозки или их части в ямы в подземных пещерах. Фрагменты таких повозок были найдены в скифских курганах VI–III вв. до н. э. на Кубани и Тамани, на

Днепре и в Полтаве, а также в четырех или пяти курганах Пазырыка, в сарматских захоронениях IV—I вв. до н. э. и в могилах хунну в Ноин-Ула. Некоторые сарматские повозки были легкими с двумя или четырьмя колесами. Колеса в кургане 12, захоронение 9 в Политотдельском имели диаметр 1,2 м и имели не менее 20 спиц. Колеса впечатляющей четырехколесной повозки в кургане 5 Пазырыка, каждой с 34 спицами, имели диаметр более 1,5 м. В повозке были приподнятое место для кучера и надстройка, покрытая черным войлоком, украшенным войлочными лебедями. Отсутствие металлических частей указывает на местное происхождение большой повозки, хотя, возможно, при ее изготовлении имитировались китайские модели. Предки уйголов – племена каочи имели повозки с очень высокими колесами. Китайцы назвали в их честь целый народ: сао чү означает «высокие колесницы». Разные названия, под которыми раньше были известны каочи, – это, возможно, разные варианты тюркского слова «колесо».

Существует несколько изображений повозок восточных варваров: двухколесная тележка на бронзовом диске из захоронения ухуань и еще одно, имеющее китайское происхождение, датируемое концом Чжоу или началом Хань. Бронзовый диск из Суйюань с изображением человека в длинном одеянии и широких штанах, держащего меч с кольцевой рукояткой перед повозкой, запряженной тремя лошадьми. Две головы на тележке – это вовсе не отрубленные головы врагов, а показаны люди в маленькой палатке. Миниатюры в манускрипте Радзивилла показывают кибитки куманов с такими же головами в палатках, установленных на повозку.

Даже без процитированных выше фрагментов можно было с уверенностью предположить, что гунны имели повозки. Они прервали преследование готов, потому что были перегружены добычей. У гуннов, должно быть, имелись повозки, как у вестготов Алариха в Италии, которые они нагрузили ценными грузами – чашами из Аргоса и статуями из Коринфа. Мигрируя к Дону, а потом от Дона к Дунаю, гунны, вероятно, везли на повозках стариков, женщин и маленьких детей. Игрушечные повозки, найденные в Керчи, показывают, как выглядели эти транспортные средства в позднем сарматском периоде. Некоторые из них имели пирамидальные надстройки – несомненно, съемные палатки, другие были тяжелыми четырехколесными повозками. Полагаю, повозки гуннов походили на игрушку из Пантиканея.

Лошади играли выдающуюся роль в экономике гуннов. Хотя наши авторитеты не упоминают о том, что гунны ели конское мясо – возможно, потому, что это считается само собой разумеющимся, – они определенно делали это, так же как скифы, сарматы [101] и другие степные народы. Мясо варили в больших котлах [102] и доставали оттуда крюками. Скифы были мясоедами, аланы «жили на изобилии молока». Нет никаких сомнений в том, что гунны тоже пили кобылье молоко, делали кумыс и сыр.

Клавдиан и Сидоний иногда называли гелонов там, где мы ожидали услышать о гуннах. Помимо других причин, эти авторы могли думать о некоторых эпитетах, применимых к гелонам, таких как sagittiferi и volucres, также подходящие новым варварам, ненавистные имена которых, таким образом, можно заменить на другие, почти что освященные великими поэтами прошлого. Сидоний мог помнить о стихе Вергилия, когда связывал equimulgae Geloni с сигамбri и аланами его времени. Утверждали, что гелоны, как массагеты, смешивали лошадиное молоко и кровь. Возможно, заменив гуннов гелонами, поэты обозначили, что первые тоже пили конскую кровь. Когда Эннодий приписал этот обычай булгарам, он, вероятно, следовал традиционной формуле. Но ни Марко Поло, ни Ганс Шильтбергер не думали о Вергилии, когда описывали монголов и татар Золотой Орды, которые пускали кровь своим лошадям, варили и ели кровь, когда больше нечего было есть.

Луки и стрелы

«В связи со смертью Аттилы, – писал Иордан (Гетика. 255), – произошло такое чудо: Маркиану, императору Востока, обеспокоенному столь свирепым врагом, предстало во сне божество и показало – как

раз в ту самую ночь – сломанный лук Аттилы, именно потому, что племя это много употребляет такое оружие [quasi quod gens ipsa eo lelo multum praesumat]».

Лук был оружием гуннов. В описании Аммианом их вооружения лук и стрелы заняли первое место. Олимпиодор восхвалял искусство гуннских лучников. Аэций, получивший военное образование у гуннов, был «очень хорошим всадником и опытным лучником». Красивые луки и стрелы, утверждал Сидоний Аполлинарий, были гордостью гуннов, которые считались лучшими лучниками. Он не смог найти лучшей похвалы для искусства Авита, чем заявить, что в стрельбе из лука он превзошел даже гуннов. В «Гетике» сказано, что в сражении при Недао гунны использовали луки и стрелы.

Веком позже, когда восточные римляне переняли так много оружия и тактики варваров, они стали «опытными всадниками и умели без труда на полном ходу посыпать свои стрелы в противника, преследуя его или убегая». И все же массагеты Велизария, то есть гунны, оставались лучшими лучниками. Даже спешившись и убегая, они знали, как стрелять с большой точностью.

Хотя Аммиан испытывал величайшее уважение к гуннскому луку, он был не слишком хорошо информирован о нем. Гунны могли, утверждал он, получить звание самых свирепых из всех воинов, потому что они наносили удары с большого расстояния летящими стрелами, имевшими острые костяные наконечники вместо обычных, которые с чудесным умением крепились к древкам. Почему костяные наконечники стрел превратили гуннов в непревзойденных лучников, неясно. Из утверждения Аммиана (XXII. 8, 32) о том, что только парфянские и скифские луки^[103] имеют сведенные вместе рога, соединенные прямой круглой тетивой, следует, что гуннский лук согнут в продолжительную непрерывную кривую, что противоречит археологическим свидетельствам. Как это часто бывает, единственная находка способна сказать больше, чем все письменные источники.

Еще в 1932 г., когда было известно лишь несколько археологических находок, Альфельди и Вернер сумели воссоздать гуннский лук. Сейчас результаты их работы признаны всеми, но за прошедшие 30 лет число найденного увеличилось многократно и возникли новые проблемы. Неожиданные находки вновь поставили вопросы, уже считавшиеся закрытыми. В некотором смысле история журнала *Eurasia septentrionalis antiqua* развивалась параллельно истории гуннского лука.

Это изогнутый композитный лук длиной 140–160 см. Его деревянная сердцевина подкрепляется сухожилиями и рогом. От других композитных луков его отличает семь костяных пластинок, которые делают жестче уши и рукоятку: пара на каждое ухо и три – на рукоятку, две по бокам и одна – сверху. Тетива перманентно закреплена на конце лука, который усилен для наибольшей длины. Выемка для тетивы квадратная или почти квадратная. В археологических находках не было замечено следов потертости. Выемка на ухе короткой, более гибкой части лука, круглая. Тетива вставляется в нее, когда лук – в напряженном состоянии. В находках видны следы износа. Такой лук распространился с Британских островов в Северный Китай. Самые ранние известные находки костяных пластинок – в захоронениях IV–III вв. до н. э. Русские использовали такой лук в XII в.

Прежде чем перейти к весьма специфическим проблемам, возникающим в связи с гуннским луком, необходимо дать несколько предварительных замечаний и высказать некоторые общие положения. Отсутствие общепринятой терминологии иногда приводит к досадной путанице. Я буду использовать следующие термины:

сплошной (однородный) лук: простой цельный деревянный лук;

сложный лук: изготовленный путем объединения двух или более элементов аналогичных материалов;

усиленный лук: со слоем продольно расположенных сухожилий для укрепления^[104].

Композитный лук: его древко включает пластинчатую конструкцию с использованием более чем одного типа материалов, таких как дерево, сухожилия, рог. Как правило, деревянная сердцевина поддерживается сухожилиями и рогом [105];

рукоятка: место, на котором лежит рука, держащая лук;

плечи: расстояние между рукояткой и кончиками;

выемки: углубления или зарубки на ухе, сделанные, чтобы тетива не проскальзывала;

ухо: часть плеча с зарубкой;

спина: сторона лука, которая расположена дальше от тетивы;

живот: сторона лука, находящаяся ближе к тетиве;

длина: расстояние от кончика до кончика до того, как тетива натянута;

пролет: расстояние от кончика до кончика после того, как тетива натянута.

Существуют луки, к которым эти определения неприменимы. Английский длинный лук, к примеру, это сплошной (однородный) лук, но также разновидность сложного лука. При изготовлении тисового лука используется дерево, которое ближе всего к наружной стороне бревна, то есть практически вся светлая мягкая заболонь, лежащая сразу под корой, и лишь столько более темной сердцевины, сколько необходимо. Такая комбинация заболони и сердцевины в тисе обеспечивает два необходимых качества, поскольку заболонь устойчива к растягиванию и потому подходит для спины, а сердцевина сопротивляется сжатию и потому хороша для живота.

Изображения

Изображения луков на картинах, рельефах, металле и монетах обычно имеют весьма ограниченную ценность, поскольку определить по ним «анатомию» лука невозможно. Двояковыгнутые луки не обязательно являются композитными. Те, что представлены в аттическом геометрическом искусстве, к примеру, являются однородными луками, сделанными полностью из дерева. Исследование Брауна (1937), в некоторых отношениях чрезвычайно ценное, в других – вводит в заблуждение, поскольку опирается исключительно на изображения. Установив форму усиленного костью лука в Ирзи, некрополе на Евфрате, расположенном примерно в 40 км к юго-востоку от Дура-Европоса, Браун стал искать аналогичные луки. Как и можно было ожидать, он нашел их почти везде. Луки царской стражи на рельефах в Сузах и на китайских вазах периода Хань тоже показались ему луками «ирзи» и по этой причине *стали таковыми*. Но находки из эпохи Ахеменидов, в первую очередь арсенал в Персеполе, где их должны были быть сотни, не дали нам ни одной костяной платины. То же самое справедливо для гробниц периода Хань. Эмено (Emeneau) собрал впечатляющее количество изображений в раннем индийском искусстве. Аналогичную работу выполнил Обойе (Auboyer). Но там, где он просто классифицировал их по кривизне, поступив, по моему мнению, очень мудро, Эмено стал делать выводы относительно структуры луков. В некоторых случаях он мог оказаться прав, но археологических свидетельств, подтверждающих это, не существует.

Если бы лук, который Штейн нашел в Тибетской крепости, встретился на изображении, в нем можно было бы легко узнать усиленный костью лук. Плавно изогнутые уши с зарубками выглядели в точности такими же, как усиленные костью луки с китайской границы. Хазанов включил его в свой список. Очевидно, он не прочитал текст. В сухой пустыне костяные пластинки сохранились бы в лучшем виде. Штейн не обнаружил ни одной. Уши, выполненные из тамариска, не имели следов клея. Костяные пластинки на ушах иногда красили или оборачивали цветными шнурями – тогда на изображениях они не видны.

Тем не менее встречаются изображения, которые могут оказать помощь в определении деталей анатомии лука. Сильно изогнутые концы скифского лука препятствуют использованию костяных пластинок на ушах. Более того, существует тип сасанидского лука с очень длинными ушами. Они, должно быть, все же были укреплены костяными пластинками, иначе не смогли бы выдержать напряжения при стрельбе. Уши из обычного дерева сломались бы очень быстро. Справедливо и обратное: очень длинные костяные полоски, найденные в захоронениях, говорят о том, что лук, на котором они находились, был сасанидского типа.

Существование разных типов

Гуннский лук был боевым луком, как и, предположительно, большинство других, найденных в захоронениях. Они лежали в могилах воинов. Об охотничьих луках гуннов у нас нет информации, но в том, что они отличались от боевых, можно не сомневаться. Гунны не могли стрелять уток или зайцев, используя ценные композитные луки. Военные и охотничьи луки часто отличались друг от друга так же, как винтовки от дробовиков. На стеле в сильно сарматизированном Паникапее изображен молодой человек, натягивающий длинный лук типа [\[106\]](#), за ним – грум и неоседланная лошадь – вполне мирная сцена. Это охотничий лук. В боевых сценах в Стасовских катакомбах в Пантике и стеле, где усопший похож на воина, луки короткие и двояковыгнутые – скифского типа. Если не помнить об этом, имея односторонние свидетельства, легко можно прийти к неверным выводам. На изображениях из округа Лоян, вероятно сделанных по образцам III в. до н. э., мы видим охотников, хунну или их близких родственников. Луки на этих изображениях ничего нам не говорят о военных луках кочевников.

Необходимое мастерство

Композитные боевые луки, технически столь совершенные, как гуннские, могли быть изготовлены только профессиональными мастерами. У них, должно быть, имелись мастерские, как в римском форте в Карлеоне и в Парфянском Мерве. Изготовление даже такого простого лука, как английский длинный лук, требовало большого мастерства. Следовало убрать или учесть все возможные дефекты дерева, чтобы не было слабых мест. Тому, кого интересует подробное описание, рекомендую прочитать главу «изготовление лука» в классическом труде Поупа «Охота с луком и стрелами» (*Hunting with Bow and Arrows*); «если процесс изготовления лука занимает в среднем восемь дней, уходят месяцы на то, чтобы сделать его по-настоящему хорошим». В тюркских руководствах по стрельбе из лука есть перечень выдающихся мастеров-лучников. Существует также список японских мастеров, которые писали дату и свое имя на сделанных ими луках. Я знаю только трех человек нашей расы, которые добились успеха в изготовлении одного или нескольких композитных луков, хотя ни один из них не создал оружие, которое могло бы соперничать в качестве с лучшими творениями Древнего Востока. Все начинали с лозунга: «Белый человек может сделать все, что умеет человек с коричневой кожей», но ни один из них не выполнил то, в чем похвастался. Лушан (*Luschan*) оценил, что для изготовления хорошего тюркского лука, включая время на высушивание и выдерживание древесины между операциями, требуется от 5 до 10 лет. Речь, конечно, идет об особенных луках, в основном боевых. Но изготовление обычных луков тоже требует мастерства и глубоких знаний. В 1929 г. старики в Западной Туве рассказали мне, что во времена их молодости, в 70-80-х гг. XIX столетия, только два человека в их краях умели делать луки. Найти подходящие материалы, придать дереву, рогу и кости нужную форму, сформировать сухожилия для спины, определить лучшие пропорции между гибкими и жесткими частями – все это требовало длительного обучения. Идея, что каждый гуннский лучник мог сам изготовить свой лук, могла прийти в голову только кабинетным ученым, никогда в жизни не державшим в руках лук.

Такие луки было совсем не просто заменить, если они ломались. Ремонту они не подлежали. Это объясняет характер находок, один только перечень которых дает искаженную картину. Следует очень внимательно прочитать отчеты, чтобы осознать, что значили луки для их хозяев. Если отчет достаточно подробен, всегда получается, что набор костяных пластин не полон; одна, две или три вместо четырех – с ушай, одна вместо трех – с рукоятки. Единственный известный мне полный набор – все девять пластин лука позднего сарматского периода были найдены Синицыным на ферме Авишова – с поврежденного лука. Сурки разрушили череп усопшего, повредили колчан из березовой коры. Лук лежал *in situ* (на своем месте. – *Пер.*), но не осталось ни одной неповрежденной костяной пластины. Более интересны случаи, когда пластины не подходят друг к другу.

Вернер упомянул о пластинах в богатом захоронении в Моравии, где был погребен представитель германской знати после краха царства Аттилы. Хазанов ссылается на Вернера, и Тихелка уделяет ему несколько строк в своем отчете. К счастью, он также приводит рисунки, которые дают более наглядное представление. Пластины не подходят к одному луку. Два фрагмента концов имеют разную ширину и выемки с одной стороны. Они не могут быть парой. Две длинные полоски также не являются парными: одна почти прямая, другая заметно изогнута. Могила не была разорена. Странный набор допускает только одно толкование: это сломанные части двух или даже трех луков.

Находка в Актобе, что недалеко от Ташкента, проливает больше света на нежелание помещать в могилу неповрежденные луки. В захоронении, датированном концом IV столетия, археологи нашли то, что посчитали луком *in situ*. Но две длинные костяные пластинки являлись частями двух луков. Одна имеет круглую выемку, другая – треугольную, они также по-разному изогнуты. Иными словами, усопшего воина похоронили с фальшивым мечом.

Трудность изготовления лука, такого как гуннский, косвенно подтверждается неспособностью германцев к этому делу. Гепиды много лет жили с гуннами в Венгрии. Они хоронили своих умерших с оружием, даже после обращения в христианство. В захоронениях встречаются мечи и кинжалы, доспехи и шлемы, умбоны и наконечники стрел, но – ни одной костяной полоски. Хотя готы имели лучников, они не были конными. «Практически все римляне и их союзники, гунны, – писал Прокопий, – были хорошиими конными лучниками, но никто из готов не отличался этим умением. Их лучники вступали в бой пешими, под прикрытием тяжеловооруженных бойцов». Готы в Италии являлись отличными всадниками, но не могли следовать примеру гуннов, потому что не имели таких луков, как у гуннов.

Альфельди первым понял, что гуннский лук имеет неровные «конечности». Об этом не стоило бы говорить снова, если бы не упорство некоторых ученых, с которым они настаивают на неполноценности такого лука. Я не стану перечислять народы, использовавшие такие луки. Достаточно указать на японцев. Маловероятно – и это еще мягко сказано, – что эти люди, делавшие лучшие в мире мечи, оказались неспособными изготовить «конечности» одинаковой длины.

Эксплуатационные качества

Благодаря проведенному Маклеодом тщательному анализу греческих и латинских источников была установлена дальность стрельбы древних композитных луков. Лучники могли вести точный огонь на расстоянии 50–60 м, при этом эффективная дальность достигала 160–175 м, но все же не 350–450 м.

Костяные полоски, найденные в римских лагерях и вокруг них от Шотландии до Виндониссы и Египта, показывают, что восточные *sagittarii* использовали луки, усиленные и укрепленные, как гуннские. Если подумать, насколько сильно оказалось парфянское влияние на вооружение жителей Пальмиры и других

сирийцев и что костяные пластинки начали появляться только в конце I в. до н.э., парфянское происхождение луков восточных лучников представляется в высшей степени вероятным. Возможно, некоторые луки или, скорее, фрагменты костяных пластинок, найденных вдоль границы, были действительно парфянскими: среди лучников, которых Александр Север послал с Востока в Германию, были парфянские дезертиры. Национальность лучников, оставивших костяные пластинки в разрушенном здании в Карнунтуме, установить, к сожалению, невозможно. «Ухо» было прикреплено к деревянной сердцевине так же, как в лагере Бар-Хилл, где стояла когорта лучников из Эмессы в Финикии, следовательно, войска в Карнунтуме, вероятнее всего, были с Востока. Но такой же, весьма необычный, способ крепления полоски встречается у авар и хунну. Альфельди склонен считать лучников Карнунтума гуннами. Фрагмент гуннского котла в Аквинкуме (Будапешт) вроде бы подтверждает его гипотезу, но рядом с фрагментом лежали восточные офицерские шлемы.

Сасанидские луки

Сасанидские луки известны только по репродукциям. Самый распространенный их тип, изображенный на множестве серебряных пластин, имеет длинные резко отогнутые «ухи», такие как на настенном рисунке из Дура-Европоса. Сасаниды позаимствовали его у парфян. Считая, что размер рукоятки 15–16 см (ширина руки плюс 1–2 см с каждой стороны), длина охотничьего лука, измеренная вдоль дуги, варьируется от 70 до 110–115 см. Последнее изображение, вероятно, является преувеличенным: большой размер лука соответствует сверхъестественному росту царского охотника. Если царь не сидит верхом на коне, а стоит в лодке, как на рельефах из Тақ-i-Бустан, его лук тоже очень длинен.

На некоторых изображениях отчетливо виден желобок на «ухе», на других – тетива просто касается лука – признак небрежности изготовителя. Как известно, немало изображений является копиями более старых оригиналов, причем не очень точными. Иногда серебряных дел мастер, который вполне мог никогда не держать в руке лука, совершал еще более странные ошибки. На пластине из Кулагыша (Урал, бывший Кунгарский уезд) два героя несут луки, привязанные тетивой к петле на животе. В большинстве случаев нельзя решить, прорезан желобок в дереве или в костяной накладке. Есть, однако, серебряные пластины, на которых тетива обвязана вокруг «уха». Это избыточно, если желобок прорезан в дереве, но имеет смысл как средство держать костяные полоски и дерево между ними плотно вместе. Из того факта, что некоторые костяные накладки из Карнунтума имеют шероховатую поверхность, Вернер сделал вывод, что они были обмотаны тетивой. Как и в других подобных случаях, тетива, вероятно, цветная. Между прочим, это показывает, что лучник держал лук длинным концом вверх, тем, на котором тетива закреплена постоянно.

Длинные «ухи» являются дополнительным подтверждением того, что лукам придавали жесткость с помощью кости или рога. Если бы «ухи» не были окружены костяными пластинками, возможно, они бы не были такими жесткими. Сидоний Аполлинарий имел в виду именно такой лук, когда в «Панегирике императору Антемию» писал: «В детстве он с удовольствием перебирал стрелы, захваченные у врага, и играл луками, натягивая тетиву». Прокопий, отец молодого Антемия, в 422 г. сражался против персов.

Если серебряные пластины будут датированы точнее, появится возможность проследить развитие сасанидского лука, вернее, луков, поскольку маловероятно, что все они были одного типа, от Египта до Афганистана. Пластина из Кулагыша имеет согдианское происхождение. Изображение этой пластины часто появляется в разных изданиях. На нем мы видим охотника на льва, и его стремена указывают на постсарматский период. Жители Согдианы сражались с использованием оружия, идентичного или, по крайней мере, очень похожего на оружие сасанидских персов. Глядя на боевые луки, изображенные на согдианских пластинах, можно сделать вывод, что сасанидские боевые луки были такими же, правда,

вероятно, немного отличались в размерах, как укрепленные костяными накладками охотничьи луки.

Были и другие. На пластине из Акинова у воинов, защищавших их крепость, луки М, такие же, как изображенные на вазе из Мерва, датированной V в. В сцене сражения с ткани из Арсиное (Египет, примерно V в.) и пехотинцы, и конные лучники имели луки с сильно загнутыми концами, очень похожие на скифские, и скифский тип парфянских луков.

Термин «сасанидский лук», строго говоря, является неправильным. Такой же тип лука с длинными «ушами», установленными под углом, встречался и за пределами сасанидской Персии, и до Сасанидов. И все же термин настолько широко используется и так удобен, что я сохраню его, понимая, что «сасанидский» лук не обязательно принадлежал Сасанидам или был изготовлен при них, а просто обозначает отдельный тип. Если рассматривать все сасанидские луки от Индии до Южной Сибири и Китайского Туркестана, это уведет нас слишком далеко от гуннов. Почему, к примеру, Вирудхака на рельефе из царства Силла (Корея) держит сасанидский лук – это вопрос, на который историкам Дальнего Востока еще предстоит ответить.

Меч из Альтлусхайма

Кончик ножен меча из Альтлусхайма, что недалеко от Майнца, о котором по сей день много говорят [107], был, как доказал Вернер, первоначально присоединяющейся гардой меча, сравнимой с гардами китайских мечей периода Хань. Из-за формы и материала Вернер считает, что она имеет сасанидское или эфталитское происхождение.

Он ссылается на изображение меча на рельефе из Пальмиры; нижний край его гарды имеет такой же тупой угол, как фрагмент из Альтлусхайма. Как и многое другое оружие, которым пользовались пальмирцы, меч имеет или персидское происхождение, или изготовлен как имитация персидского меча. Гарда, такая неуместная в сочетании с формой меча с Рейна, вырезана из куска лазурита. Утверждают, что этот полудрагоценный камень добывали только в Афганистане – в горах Бадахшана. Этот район до середины V в. являлся частью империи Сасанидов, которую они впоследствии были вынуждены уступить эфталитам.

Аргументация Вернера оригинальна, но неубедительна. Тому есть несколько причин. Во-первых, пальмирский меч, имел он персидское происхождение, восходил бы не к сасанидскому, а к парфянскому прототипу. Маккай, в триклинии которого представлен меч, умер в 229 г., только через год после краха Парфянского царства. Во-вторых, неизвестно, чтобы гарды такого типа существовали в сасанидской или, в сущности, парфянской Персии. В-третьих, если мы пропорционально увеличим соотношение между размером гарды и руки или шеи воина на парфянском рельефе, чтобы получить натуральную величину, получится, что гарда имеет ширину не меньше 30 см, что в три раза больше, чем ширина гарды меча из Альтлусхайма. Почти наверняка гарда такого размера, как на пальмирском рельефе, не могла быть отделяемой, а должна была составлять неотъемлемую часть меча, отлитую или выкованную вместе с клинком и рукояткой. В-четвертых, нет никакого намека на седловину между плечами, которая на лазуритовой гарде, хотя и весьма потрепанной, видна вполне отчетливо. В-пятых, верно, что лазурит долгое время добывался в горах Бадахшана, но это был не единственный источник. Дарий I получал лазурит для строительства в Сузах из Согдианы, где камень добывали и в дни Марко Поло. С лазуритом работали ремесленники от Египта до Китая. Китайцы ввозили его через Кашгар и Хотан еще во II в. до н. э. Они могли получать sê-sê (лазурит) прямо из Афганистана или из Персии, где его широко использовали парфяне.

Хотя кусок лазурита, из которого была высечена гарда, мог прибыть из удаленных провинций

Сасанидского царства, сама гарда показывает китайское влияние. Подобные гарды мечей с характерными седловинами между плечами, отлитые из бронзы, вырезанные из нефрита, сделанные из стекла или отлитые вместе с рукояткой и клинком, часто инкрустированные бирюзой, находятся среди самых обычных предметов из гробниц периода Хань. Агат – другой материал, используемый для украшения мечей. Китайцы вырезали яблоки из голубоватого и красноватого агата еще до периода Хань. Гарда меча из агата в точности такой же формы и размера, как гарда с Рейна, была найдена в Херсонесе. Она датирована тем же периодом, что и маленький кролик из горного хрусталя, найденный вместе с ней, – III в. Поскольку скользящие части японских ножен из нефрита и халцедона находили повсюду от Волги до Пантикопея, и на севере, даже в Перми, находка китайской гарды в Херсонесе вовсе не является удивительной. Фрагмент из Крыма является китайским, как и гарда из Альтлусхайма.

Хотя остготские мечи и их изображения не сохранились, равно как и их описания, мы знаем, что это было тяжелое режущее оружие. В сражении при Ад-Салицесе в 376 г. остготская кавалерия «с большой силой рубила головы и спины» бегущих римлян. Несколько более информативен Иоанн Антиохийский: «Теодерик нанес Одоакру удар мечом по ключице. Оружие рассекло его тело до бедра. Говорят, Теодерик воскликнул: „Похоже, у негодяя нет костей“».

Не существует прямых доказательств того, что в Южной России готы имели мечи того же типа, что меч из Альтлусхайма, Пуана и из захоронения франкского короля Хильдерика. Это роскошное оружие, блестящее золотом и драгоценными камнями, было сделано в понтских мастерских, и его происхождение никогда не подвергалось серьезному сомнению. Два аналогичных меча нашли на Тамани в районе Дмитриевки. Судя по всему, знатные готы любили подобные драгоценности. Мечи находили на Пьетросе, хотя и не так великолепно украшенные. Так что, думаю, вполне можно предположить, что, по крайней мере, некоторые готские мечи были шикарными и дорогостоящими.

Копья

Длинные и тяжелые копья южнорусских сарматов хорошо известны с настенной росписи и рельефов I и II вв. Художники временами преувеличивали их длину. На фресках гробницы Анфестерия в Керчи, датируемой I в., они изображаются длиной 15–20 футов (приблизительно 4,5–6 м). Копье на посвящении Трифона с Танаиса, должно быть, в натуральную величину имело длину 10 футов (3 м): скачущий галопом всадник держит его двумя руками (копье, обнаруженное в савроматском захоронении в Октябрьском, что на правом берегу реки Аксай, имеет длину 3,4 м). Роксоланы, насколько нам известно от Тацита, делали то же самое, однако на древнего автора явно не произвело впечатления это нескладное оружие. Другие римляне считали иначе. «Вытянувшееся над головой лошади и плечами, твердо опирающееся на колени еловое копье отбрасывает длинную тень на вражеское поле боя, – читаем мы у Валерия Флакка, – и прокладывает себе путь, благодаря совместной силе коня и всадника». Во II в. римские всадники в легких или тяжелых доспехах и с копьями атаковали, как аланы или савроматы. *Hasta longiores* (длинный шест (*лат.*). – *Пер.*) трансдунайских сарматов – метательные копья, в то время как *conti* (шест, багор (*лат.*). – *Пер.*) аланов и сарматов, упомянутых Клавдианом, – те же колющие копья, которые были на вооружении у племен еще в VI в. до н. э. Они считаются савроматскими, относятся к раннему и среднему сарматскому периоду, в особенности последние (наконечники копий из станиц Казанская и Усть-Лабинская на Кубани, Тарки в Дагестане, Калиновка и Ляпишев в Волгоградской области). Наконечник копья в женском захоронении в могильнике «Три брата» в районе Элисты в Калмыкии, возможно, следует датировать I в., и наконечник из кургана 28/2 в Калиновке длиной 22 см не могли изготовить позднее. Наконечник из речного захоронения Покровск-Восход показывает, что наполовину аланизированные гунны на Волге были вооружены, как сарматы в предшествующие века.

Априори известно, что тяжелобронированные гуннские кавалеристы, как аланские и римские воины, носили длинные колющие копья. Авиты и гунны носили одно и то же: кирасу и копье.

В одном из захоронений в районе Хоберсдорфа (Нижняя Австрия) был обнаружен наконечник копья длиной 28 см. Вернер и Мича-Мархейм датировали находку первой половиной V в., что, по-моему, слишком рано. В любом случае похороненные там люди были гуннами или их близкими родственниками. Неприметный наконечник копья из Pecs-Uszog, вероятно, принадлежал гунну, входившему в царскую свиту (comitatus, дружина).

Лассо

Аммиан писал: «Пока враг защищался от ран, наносимых мечами, гунны бросали полоски ткани с петлями в своих противников и так запутывали их, что у них оказывались связанными конечности, и они лишились возможности ездить верхом и даже ходить». Его заявление подтверждает Созомен: «Гунн поднял правую руку, чтобы бросить веревку на Феотимия, епископа Томиса, потому что гунн намеревался утащить епископа в свою страну; но в этой попытке рука гунна застыла в воздухе, и варвар не был избавлен от ужасных уз, пока его спутники не умолили Феотимия вступиться от имени Господа»[\[108\]](#).

Готы, единственные германцы, использовавшие лассо, переняли эту привычку у гуннов или у аланов. Аланы едва не поймали царя Тиридата своими метательными веревками; в IV в. лассо стало их обычным оружием. Лассо использовалось на такой обширной территории, что его невозможно приписать к какой-то конкретной культуре. Оно было известно скифам и сарматам, саргатианам, людям «персидского происхождения и языка», народам между Боспорским царством и Доном, парфянам, персам сасанидских времен и множеству других племен. В Индии бросание лассо являлось одним из военных искусств, изучаемых принцами. Это было оружие индийских богов. В IV в. Kuai Ni, к западу от Kucha использовали сыромятные веревки, которыми они хлестали своих лошадей и бросали в людей.

Доспехи, броня

Для тех историков, которые отрицают способность гуннов ковать мечи, вопрос, умели ли они изготавливать доспехи, звучит по меньшей мере странно. Описывая гуннов, Аммиан Марцеллин ничего не говорит о доспехах. Пластины из железа или кости не нашли в гуннских захоронениях или вместе с предметами, безусловно гуннскими. Цепная кольчуга из Федоровки в районе Бузулука (Челябинская область) и захоронения Покровск-Восход, вероятно, имеют персидское происхождение.

Носить доспехи, и особенно металлические, везде и во все времена было привилегией немногих. Из-за трудности, большой трудоемкости технологических операций и высокой квалификации персонала изготовление кольчуг во все времена было великой ценностью. А. Ф. Медведев приводит свидетельства того, с каким почтением относились к кольчуге в средневековой России. Значительно более простые чешуйчатые доспехи тоже, должно быть, передавались от отца к сыну, а потом к внуку, а не хоронились вместе с усопшим. Картина сарматской цивилизации в Венгрии, которую можно составить по археологическим находкам, не будет включать доспехи. Однако мы знаем от Аммиана, что кирасы трансдунайских сарматов были сделаны из гладких и отшлифованных кусочков рога, закрепленных, как чешуйки, на тканевых или кожаных рубашках.

Существует убедительное, хотя и непрямое археологическое подтверждение того, что гуннская знать, и, возможно, не только она, задолго до первых столкновений с облаченными в доспехи римскими воинами, защищала соответствующими облачениями свои тела в бою.

Недавние находки существенно расширили материал, на котором Тордеман и Арвидсон базировали

свои исследования истории брони. Я понимаю, что мой обзор далеко не полон и через несколько лет устареет, но для наших целей, надеюсь, его будет достаточно.

Костяные пластинчатые доспехи известны на значительно большей территории и из более древних слоев, чем это предполагалось ранее. Они были найдены в захоронениях глазковской культуры (XVIII–XIII вв. до н. э.) в Усть-Илге на Лене, Байкале и в Перевозной (Красноярский край). Костяные доспехи и великолепная с точки зрения техники исполнения и художественного оформления нагрудная пластина из китового уса, найденные в городищах в Усть-Полуе (район Салехарда), датируются V–III вв. до н. э. Костяные доспехи, отнесенные к поздней ананьинской культуре, найдены в городищах на Каме.

Костяные и роговые доспехи вовсе не обязательно хуже или изготовлены раньше, чем металлические. Судя по другим вещам в могильнике Морквашки, что возле Казани, найденным там бронзовым чешуйкам примерно на два века больше, чем самым ранним обнаруженным в этом районе костяным чешуйкам. Павсаний восхищался доспехами сарматов и писал, что они собирают копыта своих лошадей, очищают их и, разрезав на части, делают из них пластинки, похожие на чешую драконов. Если кто никогда не видел дракона, то, конечно, видел зеленую шишку сосны. Хотя ткань, которую они делают из копыт, было бы неуместно уподобить поверхности сосновых шишек. Пробуравив их и связав жилами лошадей и быков, они пользуются этими панцирями, ничуть не менее красивыми, чем эллинские, и ничуть не менее прочными; они хорошо выдерживают удары мечами и стрелами в бою.

Кирасы конников в эллинских армиях иногда делали из рога, и если автор *Sylloge Tacticorum* не копирует более древних авторов, а описывает вооружение византийской армии его времени, *clibanaria* всадников даже в X в. была из металла или рога.

В течение последних веков до нашей эры и в I в. на севере Евразии широко использовались доспехи того или иного типа. Я обойду молчанием хорошо известные и часто обсуждаемые изображения воинов в латах в парфянском и гандхаранском искусстве, но хотел бы привлечь внимание к двум металлическим фигуркам с Алтая и из Западной Сибири.

Бронзовая подвеска. Колчан человека в чешуйчатых доспехах и коническом шлеме сделан в форме песочных часов, которая встречается везде – от Китая до Каспийского моря. Делать какие-либо выводы о стиле подвески – если, конечно, рисунок правильный – было бы рискованно. Первый колчан, выполненный в форме песочных часов, датирован IV в.

Есть еще два всадника на золотых подвесках из Западной Сибири. На них также чешуйчатые доспехи. Их сходство с известным настенным украшением из Пазырыка (IV в. до н. э.) указывает на раннюю дату. Короткая куртка, сапоги, конская сбруя одинаковы там и здесь.

Самым обычным и, вероятно, ранним типом доспехов в степях был чешуйчатый. Несмотря на сильное влияние, оказанное государством Урарту на скифское искусство обработки металла, скифы не переняли пластинчатые доспехи. На протяжении веков они носили чешуйчатые доспехи. Чешуйки, иногда позолоченные, были из кости, бронзы, железа или из двух металлов. Как показывают находки из Кобыловки (к западу от Саратова), Тонкушоровки (Мариенталь) и Астраханской области, сарматы савроматского периода также имели бронзовые чешуйчатые и пластинчатые доспехи. Бронзовые пластинчатые доспехи раннего савроматского периода встречаются редко. Бронзовые, железные и костяные чешуйки были найдены в могильниках среднего сарматского периода в трансуральских степях на нижней Волге (Калиновка, Погромное, Усатово в районе Ерусслана) и на Кубани, а также на юге Украины. Чешуйки в могильнике в Ворьби демонстрируют сарматское влияние на пьяноборскую культуру. Сарматы и сарматизированные жители Боспорского царства, кони и люди, покрытые чешуйчатыми доспехами, изображены на настенных рисунках в Пантикапее.

Что касается позднего сарматского периода (II–IV вв.), мы располагаем свидетельством Павсания (около 175 г). Сарматы из личной гвардии императора Галерия на арке в Фессалониках носят такую же чешуйчатую броню, как всадник на рельефе с Танаиса, датированном III в. (см. также фигуру роксолана, или боспорских царей Котиса II и Савромата II на монетах). И наконец, следует упомянуть о каменном рельефе из Честера в Гросвенорском музее. Он изображает сармата, всадника в плаще, с высоким коническим шлемом, держащего двумя руками штандарт. Поверхность камня износилась, но, судя по остаткам, и человек, и конь были защищены чешуйчатой броней.

Относительно племен в восточной части Евразии нам приходится в основном полагаться на китайские источники. Из них мы знаем, что примитивные тунгусы, жужане (*shushen*) в Маньчжурии имели кожаные и костяные доспехи. Вопреки предположению Лауфера, что жужане периодически изготавливали железные доспехи, эта запись в хрониках почти наверняка неверна. Мы читаем о доспехах в Фую и Йо-Чианге (Йо-Chiang). В армиях хунну были всадники в кирасах. Их доспехи назывались *chia*, что, согласно Лауферу, означает «броня из шкур». Но в 1956 г. Доржсурен раскопал в одном из захоронений хунну в Ноин-Ула железную чешуйку с обрывком ткани, на которой она была закреплена. Железные чешуйки встречались в Туве в захоронениях шурмакской культуры (II–I вв. до н. э.). Как и китайцы периода Хань, хунну, вероятно, имели бронзовые и кожаные чешуйчатые доспехи.

В степях редко находят металлические пластинчатые доспехи. Доспехи из Кустаная и Томиловки (на Тоболе) имеют, вероятно, персидское происхождение (Талицкая датирует их III–IV вв., не позднее). Грязнов считает, что железная пластина, обнаруженная при раскопках в Ближних Еланах к северу от Барнаула, когда-то была частью доспехов.

В начале нашей эры или, возможно, даже раньше цепная кольчуга начала занимать место у сарматов на Кубани, наряду с чешуйчатыми доспехами. В I в. Валерий Флакк описывает сарматских *catafractarii*: «Их доспехи изобилуют гибкими цепями, и их кони тоже имеют такое защитное покрытие». Цепная кольчуга в Карабудахкенте (Дагестан) определенно имеет сарматское происхождение (могильник 3, 1а). Думаю, то же самое можно сказать о кольчугах, найденных в бассейне Камы и ее притоков: Вичмар, Атамановы Кости, Гайны и др.

Фигура, вырезанная на астрагале, найденном в Кубадиянском районе Таджикистана (III–II вв. до н. э.), – воин в длинном одеянии, на голове шлем. Дьяконов считает перекрещающиеся линии на его одеянии цепной кольчугой, но они могут быть просто стежками или чем-то другим. То же самое может касаться и другой фигуры воина, вырезанной на кости, найденной в могильнике Кую-Мазар возле Ташкента (II–I вв. до н. э.). В IV в. броня *kuai hu* – к западу от Кучи была похожа на соединенные цепи, непроницаемые для лука и стрел.

Учитывая литературные и археологические свидетельства распространения доспехов в первых веках нашей эры от Украины до Маньчжурии, в высшей степени вероятно, что воинственные гуннские племена тоже воевали, защищенные доспехами. Дополнительно мы имеем свидетельства греческих и латинских источников.

Гунны, аланы и готы в 388 г. были не постоянными римскими солдатами, а свободными варварами, нанятыми на одну кампанию. Римляне не снабжали их оружием. Все, что надо, они приносили с собой, в том числе железные кирасы.

Спустя 50 лет некие гунны под командованием Литория в Галлии были одеты в такие же доспехи, они тоже являлись не кадровыми солдатами, а вспомогательными войсками. Сидоний Аполлинарий описывает дуэль между Авитом и гунном из контингента Литория: «Вот они в первый раз сошлись, во второй, в третий. Поднялось копье и пронзило этого кровожадного человека; его грудь была пробита, а панцирь расколот надвое, треснув даже там, где он прикрывал спину [post et confinia dorsi cedit transfosso ruptus bis

pectore thorax]; и когда кровь забила ключом из двух отверстий, две раны по отдельности исторгли из тела жизнь, которую могла забрать каждая из них»[\[109\]](#).

Thorax – это явно не нагрудная пластина, а броня, защищающая тело воина со всех сторон, причем не кожаная, а железная. Возможно, такую же носил гунн Бохас из личной стражи Велизария: «Он был окружен двенадцатью врагами, вооруженными копьями. И все они напали на него одновременно. Но его Thorax выдержал все удары, которые он ощутил не сильно. Но один из готов ударил его сзади, в то место, где его тело не было прикрыто, над правой подмышкой, близко к плечу, и ранил молодца, хотя и не смертельным ударом».

Пакат в IV, Сидоний в V и Прокопий в VI в. удостоверили, что гунны были «людьми с железными кирасами». Есть еще три источника, которые пока не привлекли всеобщего внимания. Первый – проповедь о святом Фоке Астерия Амасийского. Святой почитался по всему свету, даже «самые дикие скифы, жившие на другой стороне Эвксина до самого Фасиса», были глубоко преданы ему. Один из их правителей «снял корону, искрящуюся золотом и драгоценными камнями, и отложил свои военные доспехи из драгоценного металла (потому что броня варваров богата и роскошна) и отправил все это церкви Святого Фоки в Синопе». Проповедь (это один из аутентичных трудов Астерия) была написана около 400 г., когда значительная часть территории, описанной Астерием, находилась под властью гуннов, так что «один из правителей», возможно, был гунном. В благочестивой набожности Астерий мог произвести обычного вождя в цари.

Другой источник – панегирик Меробавда на третье консульство Аэция. В стихах 79–83[\[110\]](#) поэт описывает оснащение гуннов.

* fulgentes i]n tela runt: gravis ardeat auro
* balteus, a][\[111\]](#) uratae circumdent tela pharetrae
* aurea crijspatis insidat lamna lupatis;
* incendant] gemmas chalybe ferroque micantes
* cassidis[\[112\]](#) a]uratis facibus lux induit enses.

Ремни, колчаны, конские мундштуки, шлемы и доспехи, украшенные драгоценными камнями, – все было позолоченным. От гекзаметров невозможно просто отмахнуться, посчитав повторением того, что Меробавд читал у Клавдиана и Стация. Они явно составлены по образцу *In Rufinum II* (352–377) и других фрагментов, касающихся роскошного оснащения элитной римской кавалерии. Более того, правда то, что почти все золотое или позолоченное оружие гуннов имеет римские аналоги. Кое-что действительно может иметь римское происхождение[\[113\]](#), некоторые гунны могли носить персидскую позолоченную броню[\[114\]](#). Но все это не умаляет ценности описания гуннского оружия Меробавдом. Поэт не мог нарисовать такую картину, если бы она не соответствовала действительности. Его публика, и прежде всего Аэций, знала гуннов. Если бы Меробавд назвал меховые шапки шлемами, а кожаные куртки доспехами, над ним стали бы смеяться. Так что некоторые гунны действительно носили дорогостоящую броню.

И наконец, есть короткий отрывок у Приска, сохраненный у Свиды: мавританский шут Зеркон сопровождал в военной кампании Бледу в полных доспехах.

Таким образом, шесть авторов, независимо друг от друга, говорят о доспехах гуннов. Это никоим образом не доказывает, что все гунны носили броню. Большинство из них, как отметил Аммиан, имели легкое снаряжение, и такое положение сохранялось до конца царства Аттилы. Но многие представители гуннской знати имели тяжелую броню, и количество доспехов увеличивалось с ростом благосостояния гуннов.

Шлемы

Гунны в армии Феодосия, вероятно, носили металлические шлемы. Их тела защищали железные доспехи, и трудно представить, что при этом они оставались с непокрытыми головами или носили мягкие кожаные или меховые шапки. Как нам известно от Меробавда, в 440-х гг. шлемы гуннской знати были позолоченными. На что они походили, можно узнать у Сидония Аполлинария. В «Панегирике Авitu» (253–255) он описал, как выравнивались черепа гуннских мальчиков.

«Круглая повязка придавливала еще нежные ноздри, чтобы нос не выдавался вперед и не мешал шлему. Материнская любовь обезображивает рожденных для битв, поскольку при отсутствии носа поверхность щек делается еще шире», – на основании этих строк Арендт сделал вывод, что гуннские шлемы имели носовые стрелки.

Понятно, что шлемов нет в гуннских могильниках. Как и доспехи, шлемы были настолько дорогостоящими, что передавались из поколения в поколение. Каркасному шлему из Гаммертингена было более 100 лет, когда он был помещен в могилу. Возможно, свою роль сыграло и широко распространенное убеждение, что на мертвых уже никто не нападет.

Гуннский шлем, вероятнее всего, был каркасным. Если, как утверждает Пост, каркасные шлемы с медным остовом следует отделять от аналогичных с железным остовом, гуннские шлемы не могут принадлежать к первой группе, у которых носовые стрелки встречаются вrudиментарной форме или их нет вообще. Они, однако, могут напоминать железный каркасный шлем из Дейр-эль-Медины в Египте, который Вернер датировал V в. По его мнению, шлем принадлежал римскому офицеру. Сарматские шлемы на арке Галерия в Фессалониках имеют защиту носа, хотя каркасные они или нет, установить невозможно.

Более того, существует любопытный шлем из Керчи, снабженный кожаными ремешками. Его обнаружил Кулаковский в керченских катакомбах. Он лежал вместе с пластинами от пластинчатых доспехов, наконечником копья, 20 наконечниками стрел, кусками расшитой золотом ткани, позолоченными пряжками с ремня и монетой императора Льва. Поскольку в монете было отверстие, находку датировали VI в. Но гробница была разграблена ранее, и потому монета могла быть утеряна, считал Кулаковский, грабителями. Франксай датирует шлем V в. и считает ее аварской, хотя в V в. аварцы и близко не подходили к Крыму. Если человека похоронили в подземном помещении, построенном специально для него, он мог быть гунном. Таких катакомб после V в. не строили, но гробница могла быть вторичным захоронением.

В последнее время стало модным приписывать Сасанидам заслугу в любом прогрессе военной техники позднего имперского периода. Несколько сохранившихся сасанидских шлемов не имеют носовых стрелок. Лицо всадника на скульптуре в Так-и-Бустане закрыто все, кроме глаз, а кольчуга прикреплена к ободу шлема. Вокруг сасанидского шлема в нью-йоркском Метрополитен-музее заметно несколько отверстий, вероятно тоже для крепления кольчуги.

Что касается упомянутых конических сарматских шлемов на арке Галерия, на Востоке таких имеется несколько типов. Среди них железные конические шлемы, раскопанные в Западной Сибири на реке Вагай – между Тобольском и Омском. Один из них позолоченный, на другом имеются инкрустированные золотом фигурки дракона и птицы, похожей на грифона. Вместе с ними нашли два китайских зеркала периода Хань и серебряный диск с изображением Артемиды (?), возможно изготовленный в Бактрии в первой половине II в. до н. э. Представляется очевидным, что шлемы были изготовлены не там, где их нашли, но ни их конструкция, ни украшения не помогают установить их происхождение. Выгравированные фигурки всадников на дисках, найденных вместе со шлемами, показывают, что последние, конической

формы, носили племена в низовьях Оби в начале нашей эры.

Возможно, у гуннской знати были шлемы разных форм и конструкций: каркасные, такие как у сарматов на арке Галерия, такие как на Вагае и др.

Щиты

Если бы гуннские щиты имели умбон – металлическую полусферическую накладку в центре для защиты кисти руки воина, такие щиты были бы найдены в гуннских захоронениях. Их отсутствие доказывает, что гуннские щиты, как и у скифов, персидской пехоты и некоторых римских армий были плетеными, возможно покрытыми кожей.

О сарматских щитах известно очень мало. Согласно Страбону (VII. 3,7), сарматы имели щиты, плетенные из ивовых прутьев. Медный умбон в кургане 10 меотийско-сарматского захоронения в станице Елизаветинской, судя по всему, имеет греческое происхождение. Два умбона в сарматском могильнике Малаешты (Молдавия), вероятнее всего, попали туда из Боспорского царства. Остается умбон в гепидском могильнике Кизомбор (Kiszombor, Венгрия). Он выполнен в форме высокой шишки и отличается от обычных низких полусферических типов. В Чонграде (Csongrad) был найден аналогичный умбон вместе с трехгранным наконечником стрелы, возможно гуннским или сарматским. Некоторые авторы считают это захоронение вандалским. Другой умбон такого же типа находился в захоронении, возможно сарматском, рядом с сидящим скелетом в Ньиредъхазе. Как мы видим, существуют слабые доказательства того, что западные сарматы использовали деревянные щиты с умбонами, и ни одного, что их имели восточные сарматы.

Фрагмент у Созомена (VII. 6, 8) дает некоторую информацию о гуннских щитах IV в.: беседуя с Феотимием, епископом Томиса, гунн оперся на свой щит, как «вошло у него в привычку при разговоре с врагами». Поскольку гунн стоял, его щит должен был иметь, по крайней мере, такие же размеры, как некоторые скифские продолговатые щиты на вазе Куль-Оба или щиты сарматизированных боспорских пехотинцев на настенных рисунках Пантикея. Если применить соотношения, установленные по терракотовым фигуркам сарматов из Керчи с длинными щитами, к гунну, предположив, что его рост 5 футов и 5 или 6 дюймов (175–178 см), его щит имел длину 2,5–3 фута (приблизительно 76–90 см). Такой большой щит оказался бы неудобен для всадника. Кавалерия Нарса, в которой, по всей видимости, имелось много гуннов, была вооружена дротиками, луками, длинными копьями и небольшими щитами.

Гунны в римской армии

В списках *Natitia Dignitatum* перечислены франки, алеманы, готы, вандалы, герулы, маркоманы, квады и аланы, которые служили в разного рода вспомогательных частях, но гуннские подразделения не упоминаются. Очевидно, гунны, перешедшие к римлянам, были распределены между разными частями. Только при исключительных обстоятельствах гунны оставались вместе. Таким формированием, по моему мнению, было *Unnigardae*.

Из частей, которые в первом десятилетии V в. служили в ливийском Пентаполе, только балагриты были африканцами. Кавалерия состояла в основном из фракийцев, пехота – из маркоманов и жителей Далмации. Лучшие солдаты – *Unnigardae*. Епископ Синезий восхвалял их как спасителей возлюбленного города. Правда, они иногда выходили из-под контроля, «как молодые щенки», но «их лидер брал их за горло и призывал к порядку» раньше, чем они успевали натворить бед. *Unnigardae* – небольшой корпус всадников, великолепных в молниеносных атаках и неожиданных набегах. Эти люди были также хороши в роли разведчиков; «им нужен арьергард и армия, стянутая в боевом порядке». Из письма Синезия его

другу в Константинополь мы знаем, что Unnigardae – независимый отряд, получавший лошадей, оснащение и плату непосредственно от императора. Их статус, тактика и свирепость сравнима с массагетскими (массагеты сражались в Африке и Италии в VI в. под командованием Велизария).

Unni – несомненно этническое имя. Ученым-германистам еще предстоит решить, может ли являться gardae латинским произношением германского слова, от которого образовались старо-итальянское *guarda* и французское *garde*.

Другое гуннское формирование, вероятно, находилось в Британии. Одним из командиров *per lineam valli*, Адрианова вала, был *praefectus alae Sabiniana*, Hunno. Может быть, Hunnum – это «форт гуннов»? Ала сабинян, находившаяся в Британии со II в., была, конечно, не гуннским подразделением, но *Natitia Dignitatum* – в той форме, в которой этот документ до нас дошел, – это мешаница, состоящая из «отчетов» разных времен. Название Hunno могло быть заменено более старым. Это был бы не единственный случай, когда составители полностью или частично «осовременивали» устаревшие данные.

При Стилихоне защитниками вала были в основном местные федераты. Не исключено, что гарнизон того или иного форта составляли вспомогательные части. Но представляется маловероятным, что Стилихон, у которого, как нам известно, действительно были в войсках гуннские части, использовал их для защиты уже наполовину брошенной провинции. Если гунны действительно стояли в Hunnum, они могли быть там только в последние годы правления Грациана, который привечал гуннов у себя на службе.

Был еще форт Оүннүн на правом берегу Дуная. Это место было названо из-за гуннского гарнизона так, *Васти́рун* – из-за бастарнов. *Сарматы* в Гемимонте назвали благодаря сарматам.

Между тем слово Hunnum может быть кельтским.

Уннигарда и гунны в Британии, если, конечно, они действительно там были, служили далеко от дома. Но были гунны и в гарнизонах римских лагерей вдоль Дуная – в Паннонии и Балканских провинциях, причем как до Аттилы, так и после него. На кого указывают костяные пластинки композитных луков, найденные в Карнунтуре, – на гуннов или аланов, установить невозможно. Фрагменты бронзовых котлов в Интерсизе и Сукидаве не оставляют сомнений в том, что гунны когда-то там жили. Вернер считает, что сломанные котлы и зеркала кочевников были оставлены там гуннами и другими варварами, которые селились в покинутых лагерях, где они, помимо всего прочего, могли найти металл. Обстоятельства находок не благоприятствуют такой трактовке.

Фрагмент из Интерсизы был обнаружен в сожженном позднем римском строении; в соседней комнате находились фрагменты 15–20 железных шлемов. Маловероятно, что гунны, которым не нравилось жить в домах, стали бы устраиваться на руинах римского лагеря. Еще менее вероятно то, что они, которым так не хватало металла, не заметили шлемы в соседней комнате. В Сукидаве четыре фрагмента гуннских котлов нашли в слое пепла, покрывавшего всю территорию *castellum*. Два фрагмента лежали у очагов, очевидно ожидая переплавки для изготовления бронзовых изделий. *Millites riparensis* были очень бедными. Не нашли ни золота, ни серебряных монет. Неудивительно, что использовались даже небольшие куски бронзы. Котлы определенно не принадлежали гуннам, которые находились в бывшем лагере. От него ничего не осталось. Казармы сгорели дотла; от амфор, в которых дунайская флотилия привозила масло, даже когда оба берега реки удерживались варварами, были найдены только мелкие кусочки. В золе оказалось человеческих костей. Несомненно, лагерь поспешно эвакуировали. Не исключено, что гарнизон сам его поджег. Как туда попали гуннские котлы? Они не могли быть добычей. Ни в первой, ни во второй гуннской войне 440-х гг. римляне не наносили поражение гуннам. Также трудно предположить, что на ежегодной Дунайской ярмарке некий римлянин купил гуннские котлы. Есть только одно правдоподобное объяснение присутствию последних в Сукидаве – вероятнее всего, они принадлежали гуннам, служившим в римской армии.

Археологические свидетельства дополняются несколькими строчками из Приска. В переговорах с послами Восточной Римской империи в 449 г. Аттила «не позволил своим же слугам идти на войну против него, хотя они не могли помочь тем, кто передал им защиту их родной земли. Он сказал, какой город или какая крепость, которую он решит захватить, будет спасена этими перебежчиками?». Сукидава являлась одной из таких крепостей. На нижнем Дунае таковых было немало.

Как и Уннигарда, гуннские вспомогательные части Аэция были великолепными бойцами, но недостаток дисциплины делал их скорее кошмаром для провинций, которые они должны были защищать, чем для врага. Снова и снова они вырывались на волю и «набегами, огнем и мечом уничтожали все вокруг». В Галлии римлянам приходилось держать гарнизоны в городах, чтобы защитить их от собственных вспомогательных частей. Много лет спустя жестокости, творимые гуннами, еще были живы в памяти. В биографии святого Мартина Полен из Перига писал: «Охваченная внезапным страхом Галлия допустила гуннов как вспомогательные части. Вряд ли можно терпеть союзниками тех, кто ведет себя более жестоко, чем противник, и в своей дикости отбрасывает прочь договор».

Глава 6

Религия

Гунны, писал Аммиан Марцеллин, были людьми без религии. Словно неразумные звери, они оказались совершенно невежественны в том, что такое хорошо и что такое плохо, лживы в речах, ненадежны, nullius religionis vei superstitionis reverential aliquando districti (XXXI. 2, 11).

Вряд ли найдется варварский народ, который обладал большим набором добродетелей, чем римляне. Парфяне держали слово, только когда им было выгодно. Герулы не были связаны никакими условиями. Мавры, как и гунны, не считали нужным исполнять клятвы, поэтому среди них «не было ни страха перед Богом, ни уважения к людям». Авары, преемники гуннов, были самыми вероломными из всех кочевников. Перечень можно продолжить.

Заявление Аммиана относительно отсутствия религиозных чувств у гуннов основано не на информации из первых рук: это был вывод, сделанный им на основании их поведения, точнее, сведений, которые сообщили ему люди, имеющие неприятный опыт общения с гуннами. В действительности он немало узнал о религиозных традициях дикарей от своих информаторов, хотя и не признавал этого.

Если они один раз надевают на тело тунику грязного цвета, она снимается или заменяется другой не раньше, чем она расплзется в лохмотья от долговременного гниения.

Аммиана трудно винить за то, что он принял нежелание гуннов стирать свою одежду за очередной признак их дикости. Ибн Фадлан (1939. 29–30; 1956. 126), проницательный наблюдатель, всегда готовый задавать вопросы, заметил одну и ту же отвратительную привычку среди огузов, не подозревая, что она может иметь религиозный характер. Предмет тюркских и монгольских традиций – избегать оскорблений водных духов. Возможно, нечто подобное было и у гуннов и совпадало с их естественными склонностями. Приск отметил, как нечто удивительное, что платье Аттилы было чистым. Массагеты = гунны были грязными, как славяне.

Гунны и христианство

К середине IV в. римское и романизированное население Паннонии по большей части было христианским. Арианство укрепилось, епископы Мурсы и Сирмия стойко поддерживали еретические традиции. В 380-х и 390-х гг., благодаря религиозному рвению святого Амвросия, которого поддерживала светская знать, Дунайские провинции были приведены в лоно православной церкви. Во времена Аттилы Паннония и та часть, которую уступили ему, и не слишком определенно очерченная территория к востоку от Норика, очевидно, уже были католическими. В Паннонии Секунде христианская община Сиримия пережила гуннов, остготов и гепидов. Сопиана в Валерии, откуда христианство распространилось на север и запад, выдержала все невзгоды периода миграций. В Паннонии Приме, когда пришли гунны, городская жизнь практически замерла, но ее маленькие христианские общины, судя по всему, уцелели.

Отрезанные от римских церквей католики в Паннонии не создавали политических проблем гуннам. Крупные землевладельцы бежали, оставшиеся небольшие группы людей не могли организовать эффективное сопротивление. Опасности, что католики могут стать для римлян пятой колонной – временами эта опасность была очень велика в Персии и являлась постоянной угрозой для вандалов в Африке, – в Романии не существовало. Аттила мог себе позволить быть терпимым. Он разрешал своим подданным-католикам молиться и поститься, пока они работали на него.

Большинство христиан-германцев при гуннах были арианами^[115]. Сомнительно, что Аттила понимал разницу между арианской ересью и православием. Трудно представить себе гуннского царя, слушающего дискуссию о единосущности Отца и Сына. Но он, вероятно, осознавал, что его подданные германцы исповедуют не ту же религию, что императоры в Равенне и Константинополе. Сам факт, что арианское духовенство при гуннах не преследовалось, как в империи – и в Восточной, и в Западной, – обеспечивал его преданность гуннским царям.

Гунны имели христианских слуг. То, что сказал Проспер относительно путей, по которым Евангелие доходит до варваров за границами, может быть в какой-то степени справедливым и для гуннов: «Некоторые сыновья церкви, став пленниками врага, превращали своих хозяев в слуг Евангелия, и, научив их вере, они стали выше своих собственных военных предводителей. Опять же, некоторые чужеземные варвары, служа в римской армии, смогли научиться вере нашей страны, когда на своих землях не знали ее; они вернулись домой, приняв христианскую религию».

Тот или иной гуннский наемник в римской армии мог принять крещение. Особенно благочестивый раб мог обратить в христианство своего хозяина или, что вероятнее, супругу хозяина. Но крайне маловероятно, что такие люди, как Онегесий, премьер-министр Аттилы, могли отказаться от веры отцов, потому что банщик регулярно читал им Библию.

Если бы гуннское царство не рухнуло так неожиданно, гунны рано или поздно, безусловно, приняли бы арианство. Готы-ариане были им ближе, чем римляне. В сравнении с несчастными католиками в умирающих городах Паннонии, не говоря уже о военнопленных, готские вожди были почти что равными гуннской знати. Но два поколения медленно растущего симбиоза между верхними слоями гуннского и германского общества – слишком короткий срок, чтобы привести гуннов к религии готов.

Сальвиан, писавший около 440 г., так классифицировал гуннов среди язычников: «Я скажу сначала о варвалах, поскольку их заблуждения старше: саксонские люди жестоки, франки коварны, гепиды безжалостны, гунны бесстыдны – иными словами, мы видим, что жизнь всех варваров полна порока... Но столь ли предосудительны их пороки, как наши? Так ли предосудительно бесстыдство гуннов, как наше? Заслуживает ли коварство франков такой же хулы, как коварство христиан? Достоин ли жадный алан такого же порицания, как скопой христианин? Удивителен ли обман гунна или гепида, если они не знают, что это грех? Что поразительно в ложной клятве франка, если он считает это обычным делом? Посмотрите, что за люди те, кого называют христианами?»

Единственными гуннами, которых знал Сальвиан, были те, кто служил при римлянах в Галлии. Но гуннские цари определенно не набирали только язычников во вспомогательные войска, которые посылали своим римским «друзьям». Гунны, как народ, оставались такими же язычниками в середине V в., как и были, когда переправились через Дон.

Мнение Сальвиана отличается от заявлений Иеронима и Орозия. Более того, оно противоречит часто цитируемому фрагменту из Феодорита об успехах духовенства, которое Иоанн Златоуст якобы послал к гуннам. Никета (Никита) из Ремезианы тоже, как утверждают, вел миссионерскую деятельность за Дунаем в стране гуннов. Таким образом, ближайшее рассмотрение свидетельства приводит к выводу, что оно или ненадежно, или неправильно понято.

В 399 г. Иероним назвал гуннов «дикими зверями». Но, описывая в письме вскоре после этого триумфальную победу христианства над демонами, он сообщал: «Из Индии, из Персии, из Эфиопии мы каждый час приветствуем толпы монахов. Армяне отложили свои колчаны, гунны учат Псалтырь, холод Скифии согревает огонь веры». Примерно в это же время Иероним объяснял Псалтырь двум готам по имени Сунния и Фретела. Возможно, он объединил гуннов и готов, оба скифских народа, но, вероятнее всего, он просто придумал поющим псалмы гуннов, как изобрел толпы монахов из Индии.

Гунны, писал Орозий в 418 г., заполняли церкви Запада и Востока. Это заявление теолога. Ранняя вера христиан в неминуемый конец света подразумевала уверенность в том, что Евангелие будет доведено до всех народов. Что Тертуллиан и другие поборники христианства III в. говорили о распространении христианства скифам, парфянам и индийцам, было выводами, сделанными на основании Священного Писания. Знали бы они гуннов, непременно включили бы их в число крещеных варваров. Если списки обращенных варваров у Тертуллиана и Арнобия были продуктами экзегезы, постникоевые отцы увлекались риторикой. Поэтам и теологам нравились экзотические названия. Скифы, массагеты, савроматы, гелоны, мавры, эфиопы, бактрийцы и кимбры теперь стали христианами. Орозий был учеником святого Августина, который радовался тому, что «все, что пока закрыто для тех, кто сражается с железом в руках, теперь открылось ему, кто сражается с деревяным крестом». В каком-то смысле Орозий был прав: гунны действительно заполняли церкви, но только для того, чтобы их грабить. На востоке, во Фракии, они убивали монахов, насиловали монахинь и жгли церкви, но сначала, разумеется, выносили все ценное. Они занимались тем же самым на западе, в Галлии.

Об отношениях между гуннами и христианскими священнослужителями в пограничных провинциях только у Созомена (VII. 26, 6–8) есть для нас информация: «...Церковью Томиса и прочей Скифии управлял Феотим, родом скиф, человек, воспитанный в любомудрии, которого придумайские варвары, гунны, дивясь его добродетели, называли римским Богом, потому что и в самом деле видели от него опыты дел божественных. Рассказывают, например, что однажды он путешествовал по тамошней стране варваров и встретил несколько туземцев, шедших в Томис. Бывшие с ним стали плакать, полагая, что они будут убиты; но он, сошедши с лошади, начал молиться, – и варвары миновали их, не заметив ни его самого, ни спутников его, ни лошадей, с которых они сошли».

Отрывок, который касается последних лет правления Феодосия I, не только бросает свет на неэффективность пограничной обороны, но также показывает, что император не мог иметь такого успеха с гуннами, как утверждалось. Миссионер, который должен сделался невидимым, встречая того, кого обязан обращать, не сможет окрестить многих. Если бы Феотим (Феотимий)[\[116\]](#), его преемники или любой другой епископ в Восточной империи сумели обратить в христианство больше, чем единичных гуннов, историки византийской церкви не преминули бы доложить об этом успехе.

Некоторые ученые приводят поэму, в которой Полен из Нолы восхваляет рвение своего друга Никеты из Ремезианы за распространение Евангелия среди скифов, гетов и даков, как еще одно доказательство обращения в христианство гуннских племен к северу от Дуная. Но ведь скифы, геты и даки – всего лишь устаревшие названия бессов и других племен, живших в Балканских горах и Родопах.

Остается Феодорит. Иоанн Златоуст, константинопольский епископ, говорит Феодорит в своей «Церковной истории» (V. 31), знал, что некие скифы-кочевники, ставившие свои палатки вдоль берегов Истра, жаждали спасения, но некому было дать его им. Иоанн стал искать людей, которые смогли бы повторить труд апостолов, и послал их к этим людям. Феодорит сам видел письмо, которое Иоанн написал Леонтию, епископу Анкиры в Галатии. В нем Златоуст сообщал об обращении скифов, просил отправить к ним людей, способных направить их на путь истинный.

Скифы-кочевники – это, предположительно, гунны. Правда, в другом отрывке Феодорит называет кочевых скифов гуннами (V. 37), но из этого вовсе не следует, что все скифы-кочевники обязательно были гуннами. Астерий Амасийский, современник Иоанна Златоуста, писал о скифах-кочевниках Киммерийского Боспора и Рейна. Перечисляя народы, среди которых распространилась слава Симеона Столпника, Феодорит назвал, помимо персов, индийцев и эфиопов, также кочевых скифов. Ясно, что это собирательный термин, лишенный четкого этнического или лингвистического деления. В *Vita Athonitae* (Житие святого Афанасия Афонского) мадьяры были названы скифами-кочевниками. В одной из речей об

Иоанне Златоусте Феодорит снова упомянул скифов, которых обратил епископ, ставший святым. Там он их назвал жителями кибиток – еще одним стереотипом, касающимся скифов, который переходил от одного автора к другому. В «Церковной истории» Феодорит писал о руководстве, в котором скифы продолжают нуждаться. В речи они уже примерные христиане: «Варвар слез с лошади, научился преклонять колени, и он, кого не трогали слезы пленников, научился плакать над грехами». Феодорит не удовлетворился всего лишь одним народом, обращенным в христианство его героям. Он позволил ему принести Евангелие еще и к персам, и они тоже стали поклоняться Христу.

Но рассказ Феодорита нельзя просто отбросить, посчитав выдумкой. Он, конечно, приукрасил то немногое, что знал, но у него имеется по крайней мере один достоверный источник информации – письмо Иоанна к Леонтию. Его Феодорит придумать не мог. Содержание письма представляется странным, а получатель – непригодным для такого допущения. Таким образом, Иоанн писал письмо в Константинополь между февралем 398 г. и июнем 404 г., вероятнее всего ближе к последней дате, поскольку в первые годы своего епископства он был слишком занят реформами в столице. Леонтий играл важную роль в интригах, результатом которых стало падение Иоанна. Ненависть коварного негодяя едва не стоила Иоанну жизни во время путешествия в Кукус. Значит, должны были существовать веские причины, заставившие константинопольского епископа просить епископа Галатии послать священников к варварам на Дунай. Почему люди этой провинции в Малой Азии были лучше приспособлены для такой работы, чем духовенство диоцеза самого Иоанна?

На мой взгляд, существует только один возможный ответ на такой вопрос. Иоанн, должно быть, считал, что из всей Восточной империи только галаты могли проповедовать «кочевникам-скифам» Евангелие на их собственном языке. Миссионеры, которых Иоанн посыпал к готам, говорили на том же языке, что и они.

Помимо греческого, в конце IV столетия не так уж мало галатов говорило на кельтском языке. Иероним признавал тесную связь языка гагатов и кельтского диалекта, который он слышал в Трире. Был всего лишь один народ на Дунае, говоривший на языке гагатов, – это бастарны. За исключением Страбона, у которого имелись некоторые сомнения, все греческие авторы считали их кельтами. Плутарх говорил о «гагатах на Истре, которых еще называют бастарнами».

За несколько лет до того, как Иоанн написал Леонтию, бастарны, готы и аланы переправились через Дунай и разграбили Фракию^[117]. После 400 г. бастарны нигде не упоминаются, но Ваотернас – название крепости, построенной Юстинианом II в Мёзии на Дунае, показывает, что они пребывали на Северных Балканах, сохраняя свою этническую индивидуальность, до VI в.

Более поздние авторы были озадачены «кельтами», обращенными Иоанном Златоустом. Они отождествляли их с арианскими готами, хотя, конечно, ни один автор V в. не спутал бы готов и кельтов. На границах Восточной империи не жили другие кельты, кроме галатов, «говоривших на языке скифов-кочевников», бастарнов.

В Apocritus (IV 13) Макария Магнузийского содержится список народов, которым Евангелие еще не проповедовалось: семь рас индийцев, живущих в пустыне на юго-востоке, эфиопы, макробианы (macrobians – кенийцы и некоторые другие народы Центральной Африки??? – Пер.), маврузианы (maurusians – западные ливийцы. – Пер.), «и те, кто живет за великой северной рекой Истр, которая отделяет страну скифов, где живет двенадцать кочевых племен, о дикости которых нам поведал Геродот; свои дурные обычай они получили от предков».

Пророки и шаманы

Литорий, один из полководцев Аэция, был, предположительно, последним римским военачальником, который выполнял перед сражением древние языческие обряды. В 439 г. под стенами Тулузы его армию уничтожили вестготы, самого его ранили, взяли в плен и казнили. Римляне, утверждал Проспер, потерпели поражение, потому что Литорий отказывался слушать советы своих офицеров. Вместо этого он доверял прорицателям-гарусникам и предупреждениям демонов. Можно ли верить Просперу?

Возможно, не является принципиально важным то, что Идатий в своей хронике ничего не сказал о пророчествах. Он едва упомянул о войне 439 г. Кроме того, он мог думать, что, если один из самых доверенных военачальников Аэция, к которому он испытывал глубочайшее уважение, окажется язычником, это повредит имиджу великого *ductor*. Молчание Сальвиана представляется более важным. Он жил в Галлии и, должно быть, знал Литория. Всегда готовый обвинить своих соотечественников во всех возможных грехах, Сальвиан ни за что не обошел бы молчанием «преступление» Литория, если бы полководец его совершил. По словам Сальвиана, римляне проиграли войну, потому что, в отличие от готов, они возлагали надежды не на Бога, а на гуннские вспомогательные части.

Наличие у Литория в армии профессиональных римских предсказателей маловероятно по другой причине. В тяжелые времена христианское правительство было вынуждено терпеть упрямое язычество исключительно способных полководцев. Так, например, в 409 г. антиязыческий закон временно отменили из-за Генерида. Но после этого эдикты, грозившие смертной казнью тем, кто рискнет прибегнуть к совету пророка, оглашались один за другим. Маловероятно, что в 438 г. римский генерал стал бы рассматривать внутренности жертвенных животных, прежде чем вступить в бой с врагом.

И все же обвинения Проспера должны иметь хотя бы крупицу правды. Если мы примем во внимание, что войска под командованием Литория были гуннскими, объяснение становится очевидным. Не Литорий, а его гунны хотели узнать исход сражения, в котором они собирались участвовать. Языческий обряд выполнили не римские, а гуннские пророки. Гунны Литория сделали перед Тулузой то, что 12 годами позже Аттила, «человек, который искал знаки и пророчества во всех военных действиях», сделал накануне сражения на Мавриакских полях: он решил заглянуть в будущее с помощью гарусников. В IX в. булгары перед сражением «обычно практиковали магию, ритуалы, заговоры и гадания» («*exercere incantations et ioca et carmina et nonnulla auguria*»).

Гуннские предсказатели упоминаются и у Приска. На банкете при дворе Аттилы он заметил, что царь щиплет Эрнака за щеки и смотрит на него спокойными глазами. Приск был удивлен, что Аттила уделяет мало внимания другим сыновьям – только этому. Он узнал от говорившего на его языке гунна о следующем: пророки предрекли Аттиле, что его *genos* (народ) потерпит неудачу, но будет восстановлен этим сыном. Можно предположить, что эти пророки и были гарусниками Приска и Иордана.

Гуннские пророки в то же время могли быть шаманами. Шаманы тюрksких племен на Алтае, проинформированные своими духами, иногда предсказывали будущее. Они также имели опыт в интерпретации всевозможных знамений, но они не обладали монополией в том, что Боден (Bawden) назвал «нечаянными предсказаниями». То же самое справедливо для бурятских шаманов. Монголы, как правило, делали различие между пророками и шаманами. Но, как это часто бывает, нам следует воспротивиться искушению – на основании обычаем и практик более поздних степных народов делать вывод о том, как обстояли дела у гуннов. То, что последние имели шаманов, не подлежит сомнению. Каш в именах Атакам и Эскам – это *qat*, тюркское слово, обозначающее шамана. Судя по именам двух высокопоставленных гуннов, шаманы, вероятно, принадлежали к высшему классу гуннского общества. Йерейс у Малалы – это, должно быть, шаманы.

Гуннский метод узнавания будущего – гадание на лопатке [118]. Прорицатели Аттилы «исследовали внутренности скота и определенные полоски на костях, которые были предварительно отчищены». Из

блестящей монографии Айзенбергера (1938. 49-116) мы узнаем о разнице между двумя формами этого метода прогнозирования. Азиатская по форме кость, в основном это лопаточная кость овцы, очищается и подвергается воздействию огня. Трешины, вызванные нагреванием, «читаются». В европейской форме, по всей видимости более примитивной, кости «читаются» такими, как они есть.

Поскольку Иордан не упоминает, подвергались кости тепловой обработке или нет, Айзенбергер не решается сделать окончательный вывод относительно того, какую форму метода использовали гунны. Последнюю он проследил до охотничьей культуры каменного века. Возможно, он прав. В любом случае «европейская» форма документально подтверждается только через много веков после Аттилы. Ни один древний автор о ней не знает. Она была неизвестна алланам [119]. Ничто в захоронениях раннего сарматского периода не указывает на знакомство с такой практикой. Только в сарматоидных могильниках в районе Ташкента и Бухары, датированных последними веками до нашей эры, нашли плечевые кости овец, причем одна из них была сожжена. Если их использовали для предсказаний, они указывают на восточный неиранский элемент.

Гунны не могли позаимствовать практику гадания на костях у соседей и подданных в Венгрии и западных степях. В Китае она существовала еще до Шан. Тюркское слово, обозначающее предсказание, уғқ (угуq). Его первоначальное значение – «трещина». Монгольское түлge, «знамение», восходит к түle, түli – «жечь». Нет никаких оснований сомневаться в том, что практика гадания на костях у гуннов имеет восточное происхождение.

Обожествление царя?

За ужином, который римский посол дал Эдекону и его свите, гунны славили Аттилу, а римляне – императора. Бигила, типичный назойливый левантийский драгоман, «заметил, что несправедливо сравнивать человека и бога, имея в виду, что Аттила – человек, а римский император – бог. Гунны, услышав это, разгорячились и разволновались».

Этот фрагмент из Приска часто приводился в доказательство того, что гунны считали Аттилу богом. Однако такая трактовка не принимает во внимание римское значение слова «бог» применительно к императору. Как dominus totius mundi он был «Богом на земле» (deus in terra), а не настоящим божеством. Deus в V в. понимали, как квазибожество, tamquam deus. «Когда император принял имя Август, ему необходима искренняя преданность, как будто он – воплощение бога на земле», – писал Вегеций. В VI в. Агапет писал: «Хотя император телесно выглядит как все остальные люди, по силе и могуществу он как Бог». Пакат назвал хорошего христианина Феодосия божеством, а уже в XI в. византийский император стал «Богом на земле». Беженец Атанарих, потрясенный видом Константинополя, признался, что император действительно «истинный Бог на земле», deus terrenus. Признать его в таком качестве – значило принять его претензию на мировое господство, domitor omnium gentium barbarorum. Именно этот аспект вызвал гнев гуннов при ремарке Бигилы.

Римским послам не позволялось ставить свои шатры на возвышенностях, которые были выше, чем пригород, на котором стоял шатер Аттилы. Повествование Г. Стэнтона (G. Staunton) о первом английском посольстве ко двору Цяньлуна предлагает поучительную параллель. Когда великолепная колесница, предназначенная в подарок императору, была распакована и собрана, ничто не могло восхитить больше. Но пришлось дать инструкции относительно уборки ящика из-под сиденья кучера, поскольку, когда мандарины узнали, что столь поднятое сиденье предназначено для кучера, который правит лошадьми, они были крайне удивлены и шокированы тем, что предполагается поместить простого человека выше императора. Чувствительность этих людей во всем, что касается их обожаемого суверена, очень легко задеть.

Цяньлун был «сыном небес», но не богом. Не был им и Аттила. В отношениях с простыми гуннами Аттила вел себя вовсе не как божественное существо. Не было никаких сложных церемоний, подчеркивающих дистанцию между божественным сувереном и его подданными, и уж тем более не велась речь о бездне между Сасанидами – царями царей – и простыми смертными. Аттила не носил ни диадемы, ни короны, его платье было простым, пряжки на обуви и упряжь коня не были украшены золотом и драгоценными камнями, как у гуннской знати. Он пил из деревянного кубка и ел из деревянной тарелки. С одним только телохранителем, стоявшим рядом, Аттила перед своим домом выслушивал споры гуннов и выносил суждение. Аттила утверждал, что является всего лишь родовитым человеком, не более того. В погребальной песне, спетой на его похоронах, усопший царь назывался великим завоевателем, а вовсе не богом.

С другой стороны, Куридах, вождь акациров (хазаров. – Пер.) в гуннских войсках, отказался явиться ко двору Аттилы, потому что ему было трудно предстать перед лицом бога: «Если невозможно смотреть на диск солнца, как можно созерцать величайшего из богов без ущерба для себя?» Конечно, Куридах мог прибегнуть к такой аргументации только потому, что боялся ловушки и рассчитывал спастись, пользуясь великому и ужасному Аттиле. Однако это все же недостаточное объяснение столь гиперболизированному сравнению с солнцем.

В поздней Римской империи правитель часто сравнивался и даже уподоблялся солнцу. Надпись на конной статуе Феодосия I гласит: «Ты пришел с востока, еще одно солнце, несущее свет. О Феодосий, для смертных ты царишь на небесах. О добросердечный, с океаном у ног твоих и бескрайней землей».

Но император был мягким, а не яростным ослепляющим солнцем. Сравнение Куридаха напоминает одно из индийских выражений. Великий лучник Бхишма сам был похож на все пожирающее солнце, и на него невозможно было смотреть, так же как и на солнце, которое приближается к зениту и сжигает все, что внизу. Правда, нет больше ничего, связывающего акациров с Индией.

Титулы и эпитеты царей хунну и правителей орхонов не предлагают никаких параллелей со словами Куридаха. Титул царя хунну – Ch'eng li ku t'u – авторами объяснялся, как täŋri qut, «небесное величество». Ch'eng li – d'ong lji – это, несомненно, tänri, «небо, бог». Ран Ку уверенно заявляет, что таково значение слова на языке хунну. Ku t'u, говорит он, означает «сын». Этимология ku t'u Ширатори – он считает это тунгусским словом «сын» – может быть и неубедительна, но она согласуется с текстом. Мюллер и Габайн отвергают перевод Пан Ку, убежденные, что хунну говорили на тюркском языке. Мюллер не сомневается, что ku t'u может быть только тюркским qut. И он, конечно, не прав. Почему китайцы транскрибировали qut не так, как делали это в период Тан, – ku или kuət? Если же старая форма qut была двухсложной, это было, возможно, *qawut. Приняв китайский титул tien tzü, шаньюй провозглашал себя равным императору. Не существует дороги от «сына небес» до «величайшего из богов» Куридаха.

В орхонской надписи каган получает силу от Täŋri. Он, если можно так сказать, получает мандат от Täŋri, однако сам им не является, и его никогда не сравнивают с солнцем. В последующие века эпитет täŋri стал вполне обычным. В VIII в. правитель восточных тюрков, а в IX в. царь уйгуров называли себя täŋri qayan; atun – җatun – это täŋri qunčuu – «божественная принцесса», täŋrim, мой бог, означает «принцесса». Уйгурский царь – это täŋri qan или täŋri ilig, божественный царь. Но он также может называть себя täŋri без каких-либо добавлений. В источниках также встречаются taixan җan, kumsä, җatun täŋrim, mišan, җan, čaiši wang bäg и другие täŋri. Во всех этих титулах значение täŋri колеблется между «богом» и «величеством», в точности так же, как в bağān в среднеперсидском. Между тем Будда – это «täŋri of the täŋri» (бог богов), а Мани – «величайший täŋri», что в точности соответствует мéүістөс түн Өмөт Куридаха. Судя по всему, уйгуры и другие тюрки позаимствовали, хотя и в ослабленной форме, концепцию обожествления царя от персов.

Слова Куридаха имеют отчетливое персидское звучание. Обожествление персидского монарха началось еще при Дарии I и продолжалось весь парфянский и сасанидский периоды. Шапур Θιόс имел «божественное происхождение». Бахрам II был божеством. Хосров называл себя «божеством, взявшим облик от богов». Сасанидский царь с головой, увенчанной лучами, появляется под видом солнца, *radiato capite solis in figura*. Усаживаясь на трон, правитель закрывал лицо. Согласно церемониалу нового персидского двора, было очень важно, появляясь перед шахом, прикрыть лицо руками и одновременно воскликнуть: «*Misuzam, я обожжен!*»

Хотя для гуннов Аттила определенно не был небожителем, акациры, особенно после того, как вынуждены были признать его повелителем, взирали на царя гуннов так же, как персы на своего властелина.

Strava

Когда Аттила умер, гунны, как это было в обычаях у их народа, «отрезали часть своих волос и обезобразили свои лица ужасными ранами, так чтобы храбрый воин был оплакан не слезами женщин, а кровью мужчин». Сидоний имел в виду гуннов, когда писал о народах, «для которых траур означает нанесение себе ран, разрывание щек железом и оставление красных шрамов на угрожающем лице». Стока в поэме Калидасы «Рагхувамша» (*Raghuvamśa*) упоминает о том же обычай среди гуннов на Оксусе (Амударья); «Подвиги Рагху, чье мужество прославилось среди мужей женщин гуннов, проявилось в алоей окраске их щек».

Нанесение себе ран на лице как выражение скорби было так широко распространено, что можно привести в качестве доказательств всего лишь несколько параллелей этому гуннскому обычаяю. Кутригурь резали щеки кинжалами, тюрки вырывали волосы, делали разрезы на ушах и щеках, то же самое делали мадьяры и славяне на настенном изображении в Панджикенте, копирующим сцены Паринирваны. Скорбящие резали свои щеки ножами. До сравнительно недавнего времени этот обычай соблюдался сербами и албанцами, а также в некоторых регионах Таджикистана. Линии на золотой маске, найденной в долине Чу и датированной IV или V в., – возможно, шрамы.

В «Гетике» рассказывается о похоронах Аттилы. Источник Иордана – Приск.

Его тело положили в шелковый шатер посреди степи, чтобы воины могли ему поклоняться. Лучшие всадники гуннского племени обезжали шатер, в котором лежало мертвое тело, чтобы порадовать сердце умершего вождя. В погребальных песнопениях они поминали подвиги Аттилы:

Аттила, великий царь гуннов, сын Мундзука, властелин сильнейших племен.
Обладая неслыханным дотоле могуществом,
Он один овладел скифским и германским королевствами,
а также поверг в ужас обе империи римского мира
захватом их городов и
умилостивленный мольбами, чтобы не было отдано и остальное на
разграбление,
он принял ежегодную дань.
И, совершив все это с большим успехом,
он скончался не от вражеской раны, не преданный друзьями своими,
а когда племя пребывало целым и невредимым,
в радости и наслаждении,
не чувствуя боли.
Кто же примет это за кончину,
когда никто не считает ее требующей отмщения?

(Praecipuus Hunnorum rex Attila,
patre genitus Mimduco,
fortissimarum gentium dominus,
qui inaudita ante se potential
solus Scythica et Germanica regna possedit
nec non utraque Romani orbis imperia
captis civitatibus terruit, et
ne praedae reliqua subderentur,
Placatus praecibus annum vectigal accepit:
cumque haec omnia proventu felicitates egerit,
non vulnere hostium, non fraude suorum,
sed gente incolumi
inter gaudia laetus
sine sensu doloris
occubuit.
Quis ergo hunc exitum putet,
quem nullus aestimat vindicandum?)

Когда его оплакали, над его могилой гунны провели strava – так они это называли – и веселое пиршество. Они сочетали противоположные чувства, выражали похоронную скорбь, смешанную с ликованием. Затем в таинстве ночи они похоронили тело в земле. Они обшили гроб золотом, серебром и железом, показав таким образом, что эти три металла годились для могущественнейшего из царей: железо – потому что он покорил многие племена, золото и серебро – потому что получал дань с двух империй. Они также добавили оружие, которое он отнял у врагов, наряды редкостной ценности, блестящие драгоценными камнями, всевозможные украшения, соответствовавшие его положению. А чтобы предотвратить человеческое любопытство к таким великим богатствам, тех, кто выполнил эту работу, убили – ужасная плата за труд. Таким образом, мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного.

Источник Приска неизвестен. Если, как я склонен думать, strava – славянское слово, его информатором мог быть спасшийся военнопленный или один из тех «гуннов», которые после 453 г. служили в армии Восточной империи. Приск мог слышать песню от гота, которому она была переведена с гуннского и который передал ее на греческом языке. Песню перевели не меньше одного раза, скорее – два, возможно, и три – до того как Кассиодор или Иордан придали ей нынешнюю форму. «Реконструкции» предположительно готского текста из версии довольно-таки далекой от оригинала столь же причудливы, как попытки отыскать его в мировоззрении древних тюрков.

Моммзен говорил о красоте песни. В пустыне прозы Иордана она, несомненно, является оазисом, но небольшим. Хвастливая похвальба гуннов тем, что их царь «выжал» много денег из римлян, вполне может быть искренней. Она звучит, mutatis mutandis^[120], как эпитафия американскому гангстеру времен сухого закона, остальное – банальности. Не гуннский поэт, а Кассиодор и Иордан назвали Аттилу царем царей, rex omnium regum. Конечно, сразу приходит в голову аналогия с персидскими царями, однако еще в I в. до н. э. Фарнак, правитель Боспорского царства, назвал себя так же. Аттила являлся «повелителем гуннов и племен почти всей Скифии, единственным правителем мира» («Hunnorum omnis dominus et paenotius Scytiae gentium solus in mundo regnator»). Однако Германарих веком раньше уже был правителем «всех народов Скифии и Германии». Non fraude suorum звучит так, словно взято у Аммиана (XXV. 3, 20), где император Юлиан благодарит божество за то, что не умер clandestinis insidiis. Subdere вместо subcere и написание имени Mundzuco говорят о том, что Иордан внес некоторые изменения в текст Кассиодора. Короче говоря,

песня проливает довольно-таки тусклый свет на поэзию гуннов.

Аутентичность повествования Приска о похоронных обрядах не может быть подвергнута сомнениям, хотя в сокращенной версии «Гетики» многие темы представлены сжатыми. Сомнительно, правда, как всадники могли ездить кругами вокруг шатра и одновременно петь. В оригинале речь могла идти о скачках, которые так часто и у самых разных народов связаны с погребальными обрядами. То здесь, то там некая черта представляется неправильно понятой или истолкованной. Немного странно, что гроб Аттилы покрывали золотом, серебром и железом, как стены внутреннего святилища Серапеума в Александрии. Убить тех, кто непосредственно занимался погребением, – весьма неэффективная мера для предотвращения расхищения сокровищ гробницы, поскольку о ее местонахождении должны были знать тысячи людей. Кстати, а кто убил киллеров? Убийство, вероятно, было актом жертвоприношения, сравнимым с убийством пленных после смерти Силзибула.

Гуннские ритуалы, должно быть, напомнили Приску об аналогичных ритуалах, известных ему от Гомера. Фракийцы, сообщил Геродот (V. 8), подготавливали тело к погребению в течение трех дней, потом, убив всех жертв и оплакав усопшего, устраивали пиршество. После этого они или предавали тело огню, или закапывали его в землю и, соорудив холм, устраивали разные состязания. Приск мог слышать о запоях и скачках, которыми *othtrysae* чествовали мертвых. Ассоциация похорон и игр известна от Греции до Никобарских островов, от бедуинов Синайского полуострова до волжских башкир.

В гуннских обрядах нет ничего, чему нельзя было бы найти аналогию в других частях Евразии. Утверждение, что гунны хоронили своих усопших, как готы, так же необоснованно, как обратное – что ни один из обрядов на похоронах Аттилы не может считаться германским. Смешение горя и радости свойственно и германцам, и негерманцам. Поиск параллелей бесполезен, и гипотезы, что гунны хоронили своих умерших царей по готским, сарматским, славянским или любым другим негуннским обычаям, несостоятельны. Тень Аттилы, пишет Иордан, почтилась «его племенем» (*a sua gente*), как тому и было свойственно (*ut gentis illius mos est*). *Strava* – обычай гуннов, который они провели над его могилой с большим почтением.

Священный меч

Утверждают, что гунны поклонялись священному мечу. Римским послам при дворе Аттилы рассказывали следующую историю.

Некий пастух заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах.

Иордан прочитал эту историю у Кассиодора, источником которого был Приск. Кассиодор укоротил отрывок, но все же не до такой степени, каким мы имеем его сейчас в выборках Константина. Там он фактически сжат до безликого («найден при посредстве коровы»), но сам меч описан точнее, чем в «Гетике». Он был «священным и почтился среди скифских царей, преданных покровителю войн. И канул в неизвестность еще в древние времена».

Все это представляется комбинацией народных преданий, перенесенных на Аттилу. Геродот (IV. 62) писал: «Скифы поклоняются Аресу в виде ятагана, установленного на платформе из пучков хвороста». Заявление Геродота повторялось довольно часто в разных источниках. Оно встречается у Евдоксия Книдского, Аполлодора, Мелы, Лукиана, Солина и как процитированное из вторичных источников – даже в

трудах церковных историков.

Постепенно скифов сменили новые племена. Хикесий приписал поклонение священному мечу савроматам, Дионисий – меотийцам, а Аммиан – алланам. По его словам (XXXI. 2, 23), «они втыкают обнаженный меч в землю и почтительно поклоняются ему, как Марсу, главному божеству земель, на которых они живут». Если бы, однако, Аммиан действительно ссыпался на алланов своего времени, можно было бы предположить, что гунны переняли старый иранский культ.

С другой стороны, хунну периода Хань тоже поклонялись мечу. Ching-lu – это одновременно меч, тао, и бог, shen, которому приносились в жертву военнопленные. Кроме того, еще по меньшей мере три «алтайских» народа считали меч настолько святым, что клялись на нем. Аварский каган делал это на манер его народа – на обнаженном мече, так же как и булгары и даже сам великий Сулейман, безусловно следя древнему обычью.

Но были и другие, не алтайские и не иранские народы, которые, и это установлено, поклонялись мечу. Квады, «вытащив мечи, которым они поклонялись, как богам, давали клятву верности». Франки клялись на мечах. Своим мечам поклонялись воины Древней Индии.

Несмотря на литературный подтекст, мы можем поверить Приску: как и многие народы от Монголии до Галлии, гунны поклонялись богу войны в форме меча. Происхождение этого культа установить невозможно.

Маски и амулеты

Как германцы и кельты на западе, кочевые племена восточных степей имели склонность к изображению голов. Это старый и широко распространенный мотив в более развитых цивилизациях юга, находившихся в прямом или косвенном контакте с варварами^[121]. Головы и маски встречаются на конской сбруе, изображения выбиты на серебряных и бронзовых пластинах. Их нередко находят в захоронениях гуннов, а также в тех, где в той или иной степени заметно их влияние, – в Венгрии, на юге Украины и на нижней Волге.

Деревянные и кожаные маски в курганах Пазырыка на Алате, датированные IV в. до н. э., обнаруживают свои иностранные прототипы. Моделью для одних послужила голова Бес, в других отчетливо заметно влияние греческого искусства. Постепенное упрощение голов, их огрубление привели на Востоке и на Западе к одинаковым результатам. На ранних кельтских масках волосы показаны вертикальными штрихами и прикрывают лоб до самых бровей, как на масках из Интерсизы, Венгрии и могильника «Покровск-Восход». Маски могли считаться переносчиками апотропических сил, заменять богов или демонов или выполнять чисто декоративную функцию. Непосредственное соседство и наложение масок, возможно, не имело особого смысла. Важна, вероятно, была техника штамповки тонких металлических листов.

Возможно, гуннские маски имеют иранское происхождение. Гунны, утверждает Аммиан Марцеллин, выглядели как евнухи. Он, как обычно, преувеличивает. Но их тонкие бородки привлекли внимание и наблюдательного Приска. Маски из Récs-Üzog, «Покровска-17» и «Покровск-Восход» с роскошными окладистыми бородами не могут быть изображениями гуннов и их богов.

Хотя большинство масок варваров являются механическими и в высшей степени низкокачественными имитациями мотивов, непонятных их авторам, иногда в них можно найти новые и неожиданные черты. Очевидно, предпринимались попытки сделать их больше похожими на людей, их использовавших. Упомянутые выше маски с гладкой верхней губой и бородой веером отражают моду, некогда бытовавшую среди евразийских кочевников. Голова «скифа» в Историческом музее в Москве, найденная в Закавказье,

наводит на мысль, что изначально это была мода иранских племен.

На Иран также указывают интересные бронзовые детали с деревянной шкатулки из Интерсизы на Дунае, южнее Будапешта. Иногда их считают гуннскими. Radnoti, с другой стороны, сравнил головы или маски фигур с аналогичными предметами на германских пряжках и посчитал эти детали германскими, датировав их серединой V в. Это правда, что германцы в то или иное время были вблизи Интерсизы, однако маски на остготских пряжках, которые, кстати, датируются концом III – началом V в., сильно отличаются от тех, которые мы видим на шкатулке из Интерсизы. Помимо всего прочего, детали шкатулки технически идентичны с многими более поздними римскими предметами, найденными и на Дунае, и на Рейне. Человек, который их сделал, мог быть римлянином или варварам, использовавшим римские техники. Но это не очень важно, поскольку фигуры на шкатулке выглядят настолько неримскими, насколько это возможно. Головы отдаленно напоминают маски-головы из гуннских захоронений, но впечатляющих усов ни на одной нет. Есть некоторое сходство с тюркскими каменными фигурами в Южной Сибири и Монголии или с сасанидскими серебряными дисками, но ни тюркские, ни персидские головы не имеют объемных бород фигур из Интерсизы – черта, исключающая и гуннов. Все сказанное оставляет только одну возможность: фигуры, очевидно, сарматские.

Их значение остается туманным. Но вероятно, мы можем выдвинуть гипотезу. Две стоящие фигуры не могут быть изображениями смертных женщин. Найдены в сарматских захоронениях, с самых ранних до последних, доказывают, что сарматские женщины не обнажали грудь. Они носили рубашки, оставлявшие открытой только шею. Кроме того, ромбы на фигурах странным образом подчеркивают места гениталий. В своей *Aletheia* (III. 192) Клавдий Марий Виктор (Викторин) из Марселя, умерший около 425 г., утверждает, что алланы поклонялись своим предкам. Я склонен предположить, что на шкатулке из Интерсизы изображены праматери алланов.

К сарматам ведут плоские бронзовые амулеты, угловатые фигуры мужчин и женщин, которые Кругликова (1957. 253–257) посчитала гуннскими. Женщины с выделяющимися грудями и итифаллические мужчины, очевидно, должны были отвращать зло. Такие амулеты находили в Крыму, на Кубани и Северном Кавказе. Захоронение ребенка в районе Сююрташа на Азовском море, в котором был найден такой амулет, содержало обрывок ткани с цитатой из Нового Завета и датой: 602 г. Боспорской эры = 305 г. Иными словами, амулет догуннский.

Хотя маски практически ничего не сообщают нам о религии гуннов, некоторые из них указывают на, очевидно, ранние контакты между гуннами и иранскими племенами, предположительно сарматами.

Eidola

Между 452 и 458 гг. «голод и страх» заставил некоторых римских военнопленных в стране гуннов есть жертвенную пищу. Кто их вынудил? Готы. Это правда, что Атанарих, iudex вестготов, приказал это людям, которые были заподозрены в христианском поклонении деревянной фигуре и жертвоприношениям ей[122]. Но это произошло в 370-х гг. К середине V столетия большинство вестготов и остготов уже были христианами, не всегда очень набожными, но определенно уже не являлись фанатичными язычниками. Дата обращения гепидов пока обсуждается. Томпсон считает невозможным их крещение в то время, когда ими правили гунны. Он даже подозревает, что их «самые дикие ритуалы», о которых в 440-х гг. писал Сальвиан, – это человеческие жертвоприношения. Гипотеза Шмидта, что гепиды приняли христианство при Ардарихе, не имеет документального подтверждения. Высокопоставленный гепид, умерший около 480 г., имел на пальце кольцо с крестом, но был похоронен по языческим обрядам. В 580 г., когда лангобарды уже давно стали арианскими христианами, 40 итальянских крестьян, которые отказались есть жертвенное

мясо, вполне могли быть убиты. Между тем после битвы при Недао гепиды, христиане, варвары и гунны больше не жили вместе.

Остаются аланы и гунны. Мы кое-что знаем о гуннских жертвоприношениях из короткого отрывка из «Гетики» (125), который, вероятнее всего, восходит к Приску. Когда гунны впервые вошли в Скифию, они принесли жертвы во имя победы, убив всех пленных. Это единственный документ, обвиняющий гуннов в принесении в жертву пленных. Во времена Аттилы и до него те пленные, которых невозможно было продать или получить за них выкуп, становились рабами. Приск, вероятно, перенес германский обычай, о котором знал из литературы, на гуннов [123], но те могли приносить в жертву своим богам животных. Они поклонялись богам в человеческом облике или в облике животных?

По всей Северной Евразии, от Лапландии до Кореи, находят представленные в самых разных формах фигуры шаманского пантеона, особенно «помощников» шаманов: они нарисованы на барабанах, вырезаны из войлока, отлиты из бронзы и железа (прикреплялись к одежде шамана), вырезаны из дерева (ставились в палатке или крепились на барабане). Шаманистские гунны тоже могли иметь eidola (я стараюсь избегать миссионерского термина «идолы»). Существуют и литературные, и археологические, хотя и косвенные, свидетельства их существования.

Если верить Малале (432), Гордас, правитель гуннов в Крыму, был крещен в Константинополе в первый год правления Юстиниана (527–528). После возвращения в свою страну он приказал, чтобы фигуры из золота и электрума были расплавлены; металл обменяли на византийские монеты в Боспоре. Разгневанные святотатством, жрецы, сговорившись с братом Гордоса, убили новоявленного христианина.

Нет никаких оснований подвергать сомнению рассказ Малалы. Помимо всего прочего, утверждение, что фигуры были из золота и электрума, а несведущие люди воспользовались бы клише – «из золота и серебра», говорит в пользу рассказа. Это, разумеется, не доказывает, что гунны Аттилы тоже имели фигурки богов, отлитые из драгоценных металлов. Но такую возможность исключить нельзя, и определенно не из-за того, что у гуннов были проблемы с металлообработкой. Впечатляющий бронзовый всадник из Иссыка, Казахстан, датированный V или IV в. до н. э., наглядно демонстрирует высокие навыки металлообработки ранних кочевых племен Евразии. У хунну были свои «металлурги», а серебряные фигуры при дворе Сильзибула произвели сильное впечатление на византийского посла. Обычные гуннские eidola, если они, конечно, существовали, вероятно, были близки к сарматским образцам, о которых мы неплохо информированы.

Самый ранний известный пример – фигура из песчаника высотой около метра – столб, прямоугольный в поперечном сечении, за исключением верхней части, скругленной, чтобы придать форму головы. Она была обнаружена в кургане 18 могильника «Три брата» в районе Элисты. По найденным в том же захоронении наконечникам стрел захоронение было датировано V в. до н. э. Смирнов называет аналогичную каменную фигуру из Берлинской горы, что недалеко от Оренбурга, и еще две из заволжских степей, которые, однако, ближе к знаменитым «каменным бабам». Две eidola с нижнего Дона – каменные плиты с силуэтами человеческих фигур, вероятно, несколько «моложе».

Смирнов предположил, что эти сарматские фигуры ставились на или рядом с погребальными курганами как воплощение местных богов или обожествленных предков. Их сходство с силуэтными каменными плитами из Боспорского царства, датированными от эллинистических до римских времен, говорит в пользу последней трактовки. Боспорские фигуры, на некоторых из них написано имя усопшего, несомненно, являются могильными камнями.

Известны две меловые eidola раннего сарматского периода, обе высотой около 13 см, то есть слишком маленькие, чтобы их возводили на курганах или на земле. Одна – из могильника «Близнецы» в Оренбургской области – является выпуклой человеческой фигурой, но сделанной настолько грубо, что

невозможно определить даже пол, другая из села Заплавного, расположенного между Волгоградом и Элистой, старше на одно или два столетия и представляет собой плиту, на которой слабо обозначена голова.

Во время среднего сарматского периода *eidola* изготавливали на обширной территории. В захоронении молодой женщины в кургане 5/3 могильника Быково в Волгоградской области обнаружили грубую меловую фигуру высотой 8 см, причем ее голова, плечи и ноги были едва обозначены. Четыре фигуры, выполненные еще грубее (с Кубани), датированы началом I в., одна была найдена в Краснодаре, другая в станице Елизаветинская.

В жертвенной яме в районе Неаполиса (Симферополя) находились несожженные глиняные фигуры: голова и шея барана, фрагмент человеческого торса и две грубо вылепленных головы. Строение, имевшееся рядом с ямой, было уничтожено около 200 г., в начале позднего сарматского периода, когда в поздней скифской культуре Неаполиса начали появляться многочисленные элементы сарматской цивилизации. Датированная примерно этим же временем глиняная фигура сидящей женщины высотой около 7 см обнаружена в Золотой Балке на Нижнем Днепре. Глиняные фигуры позднего сарматского периода были найдены в мелких сельских поселениях на периферии Боспорского царства. Речь идет о терракотовых женских фигурках из Семеновки, ряде фрагментов – торсе и голове женской фигурки из Мысовки и еще одной голове (Тасуново). Известняковую фигуру высотой 9,5 см, шириной плеч 3,5 см нашли в кургане в Екатеринославской губернии. Она изображает женщину, которая держит в руках, судя по всему, сосуд: тело обнажено, голова покрыта. Веселовский посчитал, что она была изготовлена до микенского периода, Городцов отнес ее к II или III в.

Две меловые фигуры были найдены в аланских захоронениях V в. в урочищах Байтал-Чапкан. Одна круглая в поперечном сечении, но вырезанная только с одной стороны, плечи показаны круглыми выступающими частями, другая представляет собой конус, расширенный вверху.

Список неполный. Многие сарматские *eidola*, упомянутые в отчетах о раскопках, не описаны и не проиллюстрированы должным образом. Приведу несколько примеров: кусок дерева с человеческой головой в кургане в Суслах – на Волге, две каменные «стелы» в могильнике «Земетное» рядом с Бахчисараем, деревянные статуи высотой 56 дюймов юго-восточнее Ростова, антропоморфическая медная фигура в кургане между населенными пунктами Капустино и Погромное на границе Астраханской и Волгоградской областей.

Некоторые небольшие терракотовые и металлические фигуры, найденные в сарматских захоронениях на Кубани Веселовским, но никогда не публиковавшиеся, могли быть куклами. Маленькая бронзовая фигурка из позднего сарматского захоронения в районе Усть-Каменки, недалеко от Днепропетровска, тоже может быть куклой. Ее кожаный поясок с бантом на спине хорошо сохранился, а отсутствие петли означает, что статуэтку не носили на поясе, как амулет. Серебряная фигура усатого мужчины в коротком одеянии найдена недалеко от Уфы. Она датирована IV или V в. и имеет сзади петельку.

Минаева сравнила аланские *eidola* из Черкесии с меловыми изделиями из поздних сарматских захоронений, которые давно привлекали внимание советских археологов. Рыков и Рау приписывали им ритуальное значение, не пытаясь охарактеризовать его. Граков и Смирнов полагают, что белый мел символизирует чистоту. Предметы из мела предназначены для очищения тела усопшего. Это привлекательная гипотеза, которая может быть верной в некоторых случаях, но не во всех. В ранних сарматских могильниках в Бережновке и Молчановке не нашли предметы из мела, зато были – из реальгара. То же самое справедливо для могильников на Дону. Думается, что оранжево-красный реальгар никак не связан с чистотой. Судя по большинству отчетов о раскопках, создается впечатление, что комья глины просто бросали в могильную яму. Но есть исключения. В Суслах, курган 35, в захоронении женщины

с деформированным черепом мел лежал в маленьком глиняном сосуде с отверстием в боку. В позднем сарматском захоронении в районе Усть-Лабинской куски были аккуратно сложены рядом с глиняными сосудами: один находился в чаше, шесть – в кувшинах, причем их намеренно поместили далеко от тел, которые якобы должны были очищать. Представляется, что имела значения форма кусков, а не их цвет. Многие из них являлись конусами и пирамидами неправильной формы, но имелись и тщательно обработанные. Кусок мела в кургане 8/3 в Суслах выглядел в точности как кокон шелкопряда. В позднесарматском захоронении женщины в Фокшанах (Румыния) находился весьма примечательный «кусок мела». Имея высоту почти 12 см, он изображает человеческое существо. Круглая линия подбородка отделяет голову от туловища; брови, зрачки, нос и рот намечены грубо, но вполне узнаваемы.

Пока eidola из песчаника и мела не находили в Венгрии. Ввиду очень небольшого числа аланских захоронений в бассейне Дуная это неудивительно. Любопытная находка доказала идентичность религии аланов в гуннской Венгрии и Черкесии. В Фюзесбонибане нашли впадину, выложенную гладкой глиной, в которой находился конский череп. Вблизи не было ни одного могильника, ничего похожего в Венгрии нет. Но в Черкесии – в Балтай-Чапкане и Ациюхе обнаружили три такие «могилы» с черепом и ногами лошади. Никакой связи с другими захоронениями не было. Если аланы в Черкесии помещали eidola в захоронения, те, что в Венгрии, определенно делали то же самое.

Аланы в Венгрии оставались варварами до конца гуннского царства, как и те, кто в начале V в. перебрался в Галлию. Около 440 г. Сальвиан из Марселя говорил об алчных варварах аланах. В VI в. лишь немногие аланы в Галлии стали христианами. Нам известно о святом Гоаре из Аквитании, родители которого, Георгий и Валерия, уже были крещены. Очевидно, они покинули своих соплеменников и перебрались к римлянам, что, впрочем, не помешало им дать сыну языческое аланскоe имя Гоар. Во второй половине VI в. Венанций Фортунат назвал аланов среди народов, поклонявшихся Святой Деве, однако список (эфиопы, фракийцы, арабы, дакийцы, аланы, персы и бритты) является старым клише и не имеет ценности. В надписи, найденной в Испании, воздается хвала святому Мартину за то, что он обратил аланов. Там они находятся в таком же экзотическом списке, что и Венанций Фортунат. В любом случае к середине V в. аланы в Галии все еще оставались язычниками. Их царь Гоахар (Гоар) был idolorum minister. Вероятно, eidola Гоахара не отличались по форме от тех, что находили в сарматских захоронениях на Востоке, но, скорее всего, были больше размером.

В своем великолепном исследовании предметов культа у савроматов Смирнов предполагает, что маленькие меловые eidola в могильниках были копиями больших каменных статуй, как в кургане 16 могильника «Три брата». Он перечисляет подобные находки, к сожалению по большей части не поддающиеся датировке. Но достаточно всего лишь сравнить меловую фигурку из Фокшан с каменной фигурой из «Трех братьев», чтобы стало ясно: единственная разница между ними – размер. То же самое справедливо для каменной фигуры, найденной в районе хутора Карнаухов на нижнем Дону, и маленькой глиняной статуэтки, пирамиды с круглой головой из Знаменки на нижнем Днепре. Если бы eidola, которые расплавил Муагер, были маленького размера, он получил бы только несколько солидов, обменяв металл на византийские монеты. Все это говорит в пользу гипотезы, что по аналогии с сарматскими традициями гунны в Крыму и не только там также имели маленькие eidola. В качестве примера можно привести eidola из Алтын-Азара в Древнем Хорезме. Они сделаны из необожженной глины и имеют высоту одна – 8 см, другая – 4. Верхние слои нижнего горизонта «Большого дома» датируются III–IV вв. Eidola является продуктом той же гунноидной цивилизации, что и костяные пластинки и глиняные котлы из Алтын-Азара. Очень грубо выполненные глаза, нос и рот едва намечены точками и штрихами. Маленькие глиняные котлы из Алтын-Азара являются, как мы видели, копиями более крупных медных котлов. По аналогии мы делаем вывод, что eidola из Алтын-Азара являются также копиями больших фигур, которым поклонялось гунноидное население в Хорезме в III–IV вв.

В своем анализе гончарных изделий из Алтын-Азара Левина нашла многочисленные параллели с поздней сарматской культурой на нижней Волге и к западу от реки, но ни она, ни Толстов не заметили, что один eidolon имеет типичное сарматские клеймо. Точно такое же клеймо вырезано на боковой стороне каменной плиты из Задрости. На передней стороне мы видим множество клейм, также типично сарматских. Плита имеет высоту не менее 5,5 м и ширину более 1 м. Как она попала на Северо-Западную Украину, где никогда не жили сарматы, остается только гадать. Одни польские археологи приняли ее за готский памятник, другие увидели в ней каменную бабу с руническими письменами. Драчук, писавший о ней сравнительно недавно, посчитал ее символом сарматской власти. В действительности же это eidolon, самый большой из известных в наше время. Верхняя часть тщательно вырезана и обработана, нижняя – намного грубее. Это голова и шея фигуры. Ее уменьшенная копия – глиняный eidolon из Быкова. Аналогичные каменные плиты, также с клеймами на них, находили в Крыму. Я не могу решить, являются ли eidola из Алтын-Азара гуннскими предметами, на которые оказали влияние сарматы, или наоборот. Из-за гуннских котла и костяных пластинок первое представляется более вероятным.

Металлические, каменные, глиняные и деревянные антропоморфические скульптуры в древней Северной Евразии должны быть оставлены ученым, имеющим доступ во все музеи Советского Союза, а не только Москвы и Ленинграда. Первая и довольно-таки удачная попытка была сделана Давидовичем и Литвинским. Представленный ими материал дал возможность выдвинуть гипотезу, что гунны Аттилы и их союзники-аланы поклонялись, помимо священного меча, еще и eidola в человеческом образе.

Глава 7

Искусство

Золотые диадемы

Около 400 г. н. э. «лидер и царь тех самых свирепых скифов, которые занимали другой берег Эвксинского моря, живя на Меотиде и Танайсе, а также на Босфоре до реки Фасис», говорят, послал «корону, покрытую золотом и камнями» в церковь Святого Фоки в Синопе. «Скифы» были гуннскими племенами, среди которых на Фасисе жили оногуры (Агафий) и, возможно, их аланские союзники. Астерий действительно мог видеть корону. Примечательно, что он говорит о короне, не сделанной из золота, а покрытой золотом. Подобные роскошные головные украшения обычно, хотя и не вполне правильно, называют диадемами. В труде *Beiträge* Вернер обсуждает их в отдельной главе. Недавно появилась информация еще о трех диадемах, а также фрагменте четвертой и, возможно, пятой. Также был опубликован отчет о шестой, к сожалению теперь утраченной. Теперь их изучение может опираться на широкую базу. Отмечу, что в настоящее время стали лучше известны обстоятельства, при которых все они были найдены, что имеет немаловажное значение.

Прежде чем перейти к подробностям, исключим два фрагмента золотого декоративного диска, обнаруженные в Каргалы (Узун-Агач), что недалеко от Алма-Аты в Казахстане, которые опубликовал Бернштам. Во-первых, потому, что они не являются частью диадемы. Их длина более 35 см, они прямые, а не изогнутые, и их невозможно носить вокруг головы. Во-вторых, их украшения не имеют ничего общего с гуннскими или аланскими диадемами. Бернштам и вслед за ним Вернер признали сильное китайское влияние в этих изделиях, но настаивали, что в них отражены шаманские узоры их владельцев-варваров. Бернштам думал, что видит в диадеме возрождение скифского искусства, которое вело «подпольное» существование в консервативной шаманской обстановке и выдвинулось на первый план примерно в начале нашей эры. На самом деле узор чисто китайский. Лошадь на колонне – разновидность четвероногих, ее ноги поставлены вместе на столбе – известный сюжет не только из скифских захоронений в Южной России, но и в Перми и Казахстане, на Алтае, в Южной Сибири и Ордосе. В Китае мотив встречается еще в эпоху династии Чжоу. Крылатый конь – также популярный китайский мотив, очень привлекательный для северных варваров; золотой диск из Ноин-Ула часто воспроизводился; позолоченные бронзовые диски с изображениями крылатых коней недавно были обнаружены во Внутренней Монголии. Длинноволосые genii часто представлены на каменных изображениях, металлических изделиях, черепице, изделиях, покрытых лаком, вазах, цилинках и текстиле. Они изображают шаманистических богов кочевников Тянь-Шаня, как нереиды на греческом цилиндре, обнаруженном в Южной Сибири, – богинь скифов.

Список диадем, известных Вернеру

1. Ксарна в Западной Венгрии. Найдена на черепе скелета, ориентированного на север. Золотое полотно в нескольких местах сломано; длина 26,5 (первоначально около 29) см, ширина 4 см, края загнуты вокруг бронзового диска, который до нас не дошел. Следы окиси меди на черепе означают, что диадему носили без кожаной «подкладки». Гранаты и красное стекло в клуазоне.

2. Керчь. Говорят, что диадему нашли на горе Митридат в захоронении, рядом со скелетом человека с

искусственно деформированным черепом. Золотое покрытие на бронзе. Кроме двух больших круглых ячеек и ромба в верхней части орнамента, в который вделаны кусочки зеленого стекла, клуазоне содержат плоские альмандины.

3. Шипово, западнее Уральска (Северо-Западный Казахстан). Найден на лбу ориентированного на север скелета в широкой прямоугольной яме под курганом. Длина 25,2 см, ширина 3,6 см. Тонкая бронзовая «обшивка» на бронзе с выпуклым стеклом. Бронзовые пластинки первоначально имели кожаную «подкладку» с тонким шелком поверх нее. На последней маленькие ромбики из позолоченной кожи. Отсутствие оружия и наличие глиняной прялки говорят о том, что захоронение женское. За исключением выполненной в форме полумесяца золотой сережки, все остальные металлические предметы в захоронении бронзовые: пряжки, позолоченное ожерелье из крученої проволоки, еще одна сережка. Бронзовое зеркало с длинной рукояткой, сохранившееся только фрагментарно, типично для среднего сарматского периода (I в. до н. э. – I в.).

4. Березовка в районе Покровска, нижняя Волга. Диадема была на черепе скелета. Бронзовые пластины, покрытые позолотой, украшенные выпуклыми альмандинами. Из других сокровищ могильника сохранились только крупные янтарные бусы и зеркало. Зеркала такого типа встречаются на Кавказе начиная с V в. На западе они появились примерно в то же время. Диадема была изготовлена около 400 г. или немного позже.

5. Тилигул. Раньше находилась в коллекции Диергардта, теперь в Римско-германском центральном музее (Майнц). Похожа на диадему из Дехлера, но техника исполнения ниже. Бронзовое основание утрачено. В передней части выпуклые альмандины, по бокам – плоские треугольные и прямоугольные. Тилигул – название не могильника, а реки между Прутом и Днестром и лимана в устье.

6. Кара-Агач, южнее Акмолинска (Центральный Казахстан). Обнаружено рядом с черепом скелета в каменной гробнице под курганом. Бронзовый ободок шириной 4 см, в окружности 49 см, покрыт пластиной очень светлого золота, украшен чеканными треугольниками – имитация зернения. 15 конических «колокольчиков» (без язычков) висят на бронзовых крюках. Среди других находок можно отметить двух золотых драконов, части браслета, богато украшенные гранатом, янтарем и перламутром в клуазоне, а также зернением в треугольниках и между ними. Скалон опубликовала изображение очень похожего дракона, найденного в Ставрополе, а также многих украшений, типичных для сарматско-аланских захоронений IV и V вв. на Северном Кавказе. Комбинация граната и перламутра встречается в Концешти в начале V в. Подчеркивая сходство, во многих деталях доходящее до полной идентичности, драконов из Ставрополя и Кара-Агача, Скалон обоснованно предполагает, что они были сделаны в одних мастерских, возможно в Боспоре. В Кара-Агаче также представлена серьга. Такие серьги носили на очень большой территории. Их простейшая, хотя не обязательно первоначальная форма, без колец из зерен вокруг вставок, встречается уже во II и III вв. Одна подобная серьга со вставками из стекла была обнаружена в богатом захоронении в Усатове на нижней Волге. Серьга из захоронения в Котове (Можары) Камышинского района Волгоградской области, относящаяся к этому же или чуть более позднему периоду, имеет клуазоне в окружении зерен. Грубая версия из серебра найдена в кургане Покровска. Две золотые серьги с небольшой трубкой и гроздьями зерен на конце находились в кувшине в захоронении Калагия, Кавказская Албания. Подобные серьги находятся среди сокровищ сибирской коллекции Петра Великого; к ним крепятся золотые шарики и пирамиды зерен. Пряжки, по форме напоминающие серьги, из Кара-Агача, украшенные полудрагоценными камнями, так что явно напоминают лицо, были найдены в сарматском захоронении в Чечено-Ингушетии, Северный Кавказ. Все эти украшения по форме и технике исполнения очень тесно связаны и, должно быть, были изготовлены высококлассным золотых дел мастером, в семье которого ремесло передавалось из поколения в поколение.

Котлы

Гуннские котлы давно требовали внимание археологов. В 1896 г. Рейнеке отделил небольшую группу цилиндрических (в форме колокола) бронзовых сосудов, которые до тех пор классифицировались как скифские, от полукруглых котлов юга России. Его предположение, что они относятся к западным прототипам, которое разделяли Поста и Эберт, оказалось неверным, но он правильно их датировал. Поскольку колоколовидный котел из Хёкрихта был найден вместе с украшениями периода Великого переселения, Рейнеке датировал его и, соответственно, все похожие котлы I в. В 1913 г. Золтан Такач опубликовал первую из серии статей, в которой отстаивал гуннское происхождение котлов. Хотя Такач временами позволял себе ничем не обоснованные спекуляции, в основном он был прав, и его взгляды одержали верх. Нет никакого сомнения, что они были отлиты гуннами для гуннов.

После обсуждения этого вопроса Вернером в 1956 г. было найдено еще много котлов, и появилось так много археологических свидетельств, касающихся котлов кочевников в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, что проблема, какие из котлов были гуннскими, требует пересмотра.

Места находок

В следующем списке были исправлены многочисленные орфографические ошибки и искажения названий мест находок. Я не ставил перед собой цель добиться библиографической полноты: ссылаться на старые венгерские публикации с плохими иллюстрациями все равно бессмысленно. Описания японских находок взяты из западных публикаций.

Чехословакия

1. Бенешов (Бенниш), недалеко от Опавы (Троппау). Фрагмент ручки: высота 29 см, ширина 22 см, толщина 1 см. Говорят, что найден в торфянике или на старой дороге, идущей через лес. Отсутствует патина, что характерно для старых бронзовых предметов, найденных в торфяниках. Котел подвергался сильному воздействию огня.

Karger V. Neues zu den Fund- und Erwerbsumständen des Bronzekessels von Bennisch-Raase. Altschlesien 9. 1940, 112–114. Pl 14. G. Raschke (Zum Bronzekessel von Raase-Bennish) принял сосуд за плохую местную имитацию, и определенно был не прав.

Польша

2. Хёкрихт, Верхняя Силезия. Высота 55 см.

Krause E. Der Fund von Höckricht, Kreis Ohlau // Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. N. F. 3. 1904. 47.

Венгрия

3. Тертель, Пешт. Высота 89 см, диаметр 50 см. Найден под курганом.

Alföldi, 1932. Pl 18:2; Fettich, 1940. Pl 10; 1953. Pl 36:1; Archäologische Funde in Ungarn, 293.

4. Курджибрак между Хёдьесом и Регёли (Regöly), река Капос (Kapos), Тольна. Высота 52 см, диаметр 33 см, толщина стенки 0,8 см, вес 16 кг. Найден в торфянике.

Fettich, 1931. 523; Alföldi, 1932. Pl 18:1; Fettich, 1940. P. 11; 1953. Pl 36:2.

5. Бантапушта, недалеко от Варпалота, Мушпрем. Говорят, был найден в болоте. Размеры не указаны.

Насколько я понял, котел больше, чем тот, что из Курджибрака.

Takats Z. Neuen Denkmäler der Hunnen in Ungarn // Acta Orientalia (Budapest) 9. 1959. 80.

6. Дунауйварош, Фехер. Фрагмент стенки, найденной в позднеримском здании; там же были найдены фрагменты железных шлемов [124].

Fettich, 1931, 524; Alföldi, 1932, 33.

Румыния

7. Десса, район Калафат, Крайова, Олтения. Высота 54,1 см, диаметр 29,6 см, максимальная длина ручек 11,4 см, высота подставки 9,8 см. Найден в озере.

Nestor & Nicolaescu-Plopsor. 1937. 178. Pl. 3a, b; Fettich, 1953. Pl. 36:3.

8. Хоторани, район Винжу-Маре, Крайова, Олтения. Фрагмент ручки высотой 16,2 см, шириной 19,7 см. Найдена в тине озера.

Nestor & Nicolaescu-Plopsor, 1937. 178–179. Pl. 39:1; Werner J., 1956. 58. N 8. Pl. 28:1.

9. Вероятно, из Западной Олтении. Фрагмент ручки высотой 8,4 см.

Nestor & Nicolaescu-Plopsor, 1937. 178–179. Pl. 39:2; Takats, 1955; Werner, 1956. 58. N 11.

10. Бошнягу, Доробанту, Кэлэраши, Бухарест, Мунтения. Два фрагмента ручек. Та, что больше, – высотой 18 см, шириной 12,7 см.

Nestor, 1960. 703; Mitrea B., Anghelescu N. Fragments de Casan Hunic descoperite in sud-estul Munteniei. SCIV II, 1960; Mitrea, 1961, 549–558.

11. Сукидава, Бухарест, Мунтения. Четыре фрагмента стенок и ручка. Найдены в слое золы.

Tudor D. Dacia 7–8, 1937–1940, 1945–1947, 189. Takats, 1955. 166. Tudor D. 1548. 161–162; Werner, 1956. 58. N 8. Pl. 64:18–21.

Советский Союз

12. Шестачи, Молдова.

Полевой Л. Л. История Молдавской ССР, 53; Nudelman G. A. SA 4, 1967. 306–308.

13. Соликамский район Пермской области. Высота 9 см.

Alföldi, 1932, 32; Fettich, 1940. Pl. 13:3, 1953. Pl. 26:11; Werner, 1956, 58. N 2. Низкокачественная фотография в: SA 10. 1948. 201.

14. Осока Ульяновской области. Высота 53,2 см, диаметр 31,2 см, вес 17,7 кг. Найден в ручье возле села Осока.

15. Верхний Конец, недалеко от Сыктывкара, Коми.

Hampel J. Skythische Denkmäler aus Ungarn // Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn. 1897. 14, по рисунку князя Павла Путятиного всеми более поздними авторами.

16. Ивановка Екатеринославской губернии.

Fettich, 1940. Pl. 8-10 (фотография сделана А. Salmony в Новочеркасском музее), 1953. Pl 36:4;. рисунок

(вид сбоку) в: *Takats*, 1955. 166.

17. Бронзовый котел с озера Телецкое в Горном Алатае. Высота 27 см, диаметр 25–27 см. Аспелин, который впервые опубликовал изображение котла, назвал место его обнаружения Телецкое, более поздние авторы изменили название на Бийское. Но Бийск, расположенный почти в 200 км от озера, был всего лишь местом, где котел передали великому князю Владимиру Александровичу, который даровал его Историческому музею в Москве.

18. Наринджан-баба, Турткульский район, Кара-Калпакия, фрагмент ручки.

Толстов С. П. Древний Хорезм. 130.

19. Предположительно, найден на Каталаунских полях. Фрагмент ручки. Высота 12 см. Ширина 18 см.

Takats, 1955. 143. *Salin E.* Academie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendues des Séances de l'année. 1967. 389.

Гуннские котлы – от простых и до самых замысловато украшенных – имеют четыре общие черты: их цилиндрические или колоколовидные «тела» поддерживаются подставкой в виде усеченного конуса, поверхность которого слегка вогнута; прямоугольные ручки тянутся вертикально вверх от ободка, они литые и, за исключением одного или двух, в техническом отношении являются сосудами низкого качества.

Материал

Котел из Тертеля был отлит в четырех формах, из Хёкрихта, Курджибраха и Осоки – в двух, что, вероятно, справедливо и для других сосудов. «Тело» и подставка отливались отдельно, вешались на крюки и спаивались. Подставка, которая легко отламывается, в археологических находках часто отсутствует.

Гунны не были умельцами в отливке сравнительно крупных изделий. Следы соединений отдельных частей отливок редко устраивались, горизонтальные ребра, идущие вокруг верхней части котла, почти никогда не встречались в одной точке. Даже на самом простейшем китайском ритуальном бронзовом сосуде не могло остаться такого пятна, как то, что мы видим в треугольнике на котле с озера Телецкое. Вероятно, у литейщиков не было инструментов, чтобы его спилить.

Очень жаль, что только один фрагмент из Бошнягу и еще один – из Сукидавы подверглись тщательному анализу. Результаты могут иметь историческое значение. Как показал химический и спектрографический анализ 20 котлов из Семиречья, медь соответствует местной медной руде, что позволяет с уверенностью утверждать, что они были отлиты именно там, где обнаружены. Металл евразийских «бронзовых» котлов – это обычно медь, смешанная с разными примесями. Металл скифского котла из Карагодеуша почти чистый – 99 процента меди. Сплав – если это можно назвать сплавом – семиреченских котлов состоит из 95,4–99 процентов меди. Два фрагмента из Румынии относятся не к бронзовым, а к медным котлам. Материал одного из них – 75 процентов меди, 25 процентов красного оксида меди (красная медная руда – куприт, Cu_2O) и ничтожное количество свинца. Материал другого котла – 71 процент меди, 25 процентов красного оксида меди и 4 процента свинца. «Бронза» котлов из Дессы называется «красноватой»: материал того котла, что найден в Бенешове, – «бронза с большим содержанием меди». Если верить Поливановой, металл котла из Осоки – чистая медь. В котле из Хёкрихта «ингредиенты так неравномерно смешаны, что в одних местах медь почти чистая, в других преобладает олово». Распределение металлов в сплаве ручки из Сукидавы «в высшей степени неравномерное».

Как гунны добывали медь, неизвестно [125]. Ее низкое качество, судя по всему, означает, что кузнецы сами нагревали и выплавляли руду, используя уголь и древесину, с помощью искусственного потока воздуха в печах. Время от времени они грабили захоронения. Если бы они расплавляли римские

бронзовые шлемы и перерабатывали их, результат был бы намного лучше. Котлы во всех отношениях варварские.

Тем не менее, несмотря на все ошибки и несовершенства, гуннские котлы своим существованием решительно опровергают взгляды тех историков, которые, как Томпсон, утверждали, что гунны не знали металлообработки. Сарматские котлы отливались профессиональными металлургами. Гуннские тоже.

Форма

Как и вестготы Алариха, которые пили из греческих чаш для перемешивания, если не готовили в них, гунны, вероятно, использовали все виды железных, бронзовых, медных и серебряных сосудов. Переселенцы и кочевники не могут соблюдать стилистическое единство. Три из четырех котлов, найденных к северо-востоку от Минусинска, относятся к обычному южно-сибирскому типу, но четвертый является близким родственником семиреченских котлов. В Истяцком котлы на трех ногах встречаются рядом с котлами на конической подставке. Хунну тоже имели бронзовые сосуды разной формы, которые они принесли из набегов в Китай или выменяли на коней. Но те, которые они отливали для себя, тоже отличались по форме и размерам. Один котел, обнаруженный в Ноин-Ула экспедицией Козлова, и высокие бронзовые сосуды, которые Доржурен раскопал в 1954 г., имеют единственную общую черту – украшения выпуклыми линиями. Германские и аланские вожди V в. также имели металлические емкости разного происхождения. Достаточно упомянуть о серебряных кувшинах из Кончешти и Апахиды. В Хёкрихте гуннский котел был найден вместе с римской бронзовой чашей. Гость на банкете у Аттилы мог бы увидеть на столе священные христианские сосуды, как те, что епископ Маргус передал гуннам, обычную мирскую посуду, свозившуюся в Венгрию отовсюду – от Луары до Дарданелл, и гуннские котлы.

Вернер утверждает, что бронзовая чаша на ножках из Мюнстермайфельда, что в горах Айфель, является гуннской. По его мнению, она такая же, как бронзовый котел из Бригетио (Сёнья) в Венгрии, и еще один, из поселка Боровое в Северном Казахстане. Поскольку он считает другие находки из Борового гуннскими, то думает, что такой должна быть и чаша с Айфеля. А в действительности три предмета принадлежат к совершенно разным типам.

Сосуд из Бригетио, вероятно, имеет позднее скифское происхождение. В любом случае фигуры на его поверхности ставят его поодаль от двух других. Находки из Борового играют большую роль в гипотезах и допущениях о гуннах в Центральной Азии. Вернер думает, что эти находки означают экспансию империи Аттилы в глубь территории современного Казахстана, хотя другая, предположительно, гуннская находка – в Кара-Агаче – располагается восточнее.

Для Бернштама найденное имеет еще большую важность. По его мнению, это подтверждает, что полихроматический стиль украшений – продукт «творческой встречи» местной центральноазиатской культуры и политического возвышения гуннов. То, что буржуазные «фальсификаторы» называют готическим искусством, на самом деле есть искусство гуннов, перенесенное ими до самой Венгрии.

Боровое, расположенное недалеко от Kokчетава, находится в археологически не изученном районе. Захоронение имеет несколько уникальных черт, к примеру гранитную плиту на вершине длиной 4,5 м, шириной 1,5 м и толщиной 0,7 м; весит 4 т. Под ней было еще две плиты, каждая толщиной 0,12 м, и слой булыжника и гальки, в котором и находился котел. Глубже располагалась яма. Из скелета «более или менее» сохранился только череп. Все-таки интересно знать, как именно располагался скелет: был вытянут или согнут, лежал в нише или подземной пещере? Тяжелые каменные плиты указывают на то, что захоронение не гуннское. Среди могил, которые Вернер приписывает гуннам, и среди тех, которые гуннскими считает Бернштам, ничего похожего на захоронение в Боровом нет.

Мебель в гробнице представляет собой странную мешанину. Наконечники стрел были трех разных типов: трехгранные, с тремя фланцами и ромбовидные в поперечном сечении. С превосходно выполненными украшениями соседствуют такие примитивные вещи, как маленькие окрашенные костяные бусы, медная пряжка и бронзовые проволочные сережки. Как заметил Вернер, у меча есть нечто общее с найденным на Таманском полуострове. В этом же направлении на Боспорское царство, указывают золотые предметы с комбинацией треугольных гроздей гранул и клуазоне с красными камнями. Намного вероятнее, что клуазоне в форме груши с обрамлением из зерен из Борового были произведены мастерами Восточной Римской империи, а не гуннами.

Некоторые вещи, найденные в Боровом, встречаются и в гуннских захоронениях. Но это еще не делает котел гуннским. Почти такой же котел нашли недалеко от Ташкента.

Нет практически никакого сходства между чашей на ножках из Мюнстермайфельда и котлом из Борового. В Мюнстермайфельде был найден элегантный сосуд с двумя простыми круглыми ручками, а в Боровом – грубое изделие с четырьмя фестончатыми ручками. В Мюнстермайфельдской чаше находились обуглившиеся кости очень молодого человека – такая форма погребения была чужда гуннам. Возможно, не является совпадением то, что чашу обнаружили в поле, рядом с которым имелись многочисленные следы римской усадьбы. В IV в. сарматы селились в районе реки Мозель.

Функции

В сравнении с большими скифскими котлами, такими как, например, из Чертомлыка, высотой почти метр, из Казахстана и Киргизии, некоторые из которых вмещают 140 л, гуннские котлы, как правило, имеют средние размеры. Это сосуды для приготовления пищи. Массивная коническая подставка была не слишком эффективной для максимальной утилизации топлива, которого в степях всегда не хватало; лучше – тренога или перфорированная подставка. Как скифы и сарматы, гунны варили в котлах мясо, которое потом вытаскивали крюками – их находили в Верхнем Колышлее и Харьковке. Подобные крюки до сих пор используют казахи и абхазцы на Кавказе.

Обычное предположение, что почти все евразийские котлы являлись сакральными сосудами, было обоснованно подвергнуто сомнению Вернером и Спасской. Это правда, что в больших котлах готовили пищу больше чем на одного человека, но это вовсе не доказывает, что мясо всегда являлось жертвенным. Наскальные рисунки с Писаной горы в Минусинском районе часто интерпретируются как изображение религиозной церемонии. Многие ученые считали, что такие большие котлы не могли быть обычной кухонной утварью. Однако, на мой взгляд, размер рисунка говорит только о неумении художника.

Ковшик, чтобы вычерпывать похлебку, который держит в руке человек слева, имеет такие же гигантские пропорции, как крюк в руке у человека справа. Конечно, были котлы выше человеческого роста. На большой боярской писанице (в том же регионе) изображены 16 котлов и 21 здание. Совершенно очевидно, что такое маленькое поселение не могло иметь столь большого количества жертвенных сосудов; кстати, все они имеют умеренные размеры.

Другой аргумент в пользу сакральных котлов из Южной Сибири, Казахстана и Киргизии – это обстоятельства, при которых они были найдены. Ни одного из многочисленных котлов из Минусинского района – а я видел их несколько дюжин в музее города – не нашли в захоронениях. В них находились только два из 33 котлов, найденных в Казахстане и Киргизии. Они не были захоронены с умершими, значит, предположительно, принадлежали не одному человеку, а большой группе, иными словами, не использовались для ежедневного приготовления пищи. Эти сосуды были найдены в местах, где, вероятно, осуществлялись жертвоприношения.

В отношении гуннских котлов мы столкнулись с аналогичной ситуацией. Из 18 находок только котел из Хёкрихта был якобы обнаружен в захоронении.

Альфельди и Вернер пришли к согласию в том, что в Хёкрихте похоронен знатный гунн. В захоронении были обнаружены следующие предметы: 1) котел; 2) римская бронзовая чаша; 3) две железные пряжки; 4) золотая пряжка: ее прямоугольная пластина украшена красными камнями в клуазоне; 5) две накладки для ремня, подвязки; 6) шесть тонких золотых пластин с прямоугольными и треугольными красными камнями в клуазоне; 7) золотая цепь. Гетце решил, что золотые платины первоначально были частью диадемы, которая была разрезана, чтобы украсить кожаный ремень и пряжку. Ремни и пряжки напоминают те, что находили в гуннских захоронениях, хотя и не только в них. Котел, безусловно, является гуннским. Короче говоря, был сделан вывод, что в Хёкрихте действительно гуннское захоронение.

На мой взгляд, вопрос остается открытым. В статье об этой находке Краузе перепечатал оригинальный отчет в каталоге 1838 г. Крестьянин, распахивавший картофельное поле, задел плужным лемехом ручку котла. Сосуд находился в мелком белом песке, был наполнен песком и землей. На той же глубине, в 60 см, к западу находилась бронзовая чаша. К северу от котла располагалась полоса белого песка шириной 25–30 см, длиной чуть меньше 6 м, в которой была обнаружена темно-коричневая связка шириной в ладонь и высотой 2–2,5 см, а в ней – обломки костей, маленькие деревянные щепки разной формы, в основном в серебре, золотые пластинки и пряжка для обуви. В конце полосы находился квадрат со стороной около 8 см темно-коричневой земли, в которой была золотая цепь.

Насколько мне известно, на это описание обратил внимание только Такач. Он посчитал, что белый песок – русло небольшого ручья, но не сделал никакого вывода из такого странного выбора места для захоронения. Он лишь стал утверждать, что tiefernst (торжественный – нем.) жертвенный сосуд не имеет ничего общего с хрупкими безделушками из мастерских Восточной Римской империи.

Есть еще одна неясность с этим предполагаемым захоронением. Я спросил у профессора Пола Лезера (Paul Leser) из Хартфордской семинарии, ведущего авторитета в области ранних сельскохозяйственных приспособлений, какой глубины мог достичь плуг силезского крестьянина в 1830 г. 28 августа 1964 г. он любезно направил мне ответ, выдержку из которого я приведу далее: «По моему мнению, ни один плуг из использовавшихся в Верхней Силезии в 1830-х гг. не мог пропахать землю на глубину около метра. Средний плуг в то время достигал глубины 10–25 см. Самый хороший плуг в Центральной Европе того времени мог достичь глубины 40 см».

Однако не только этим обращает выделается данное «захоронение». Вернер заметил, что золотая обшивка накладок на концы ремня и золотые пластинки были прикреплены к коже так слабо – одной или двумя заклепками, что ремень и подвязки вряд ли использовались. Пластины, вероятнее всего, сняли с диадемы и прикрепили на пояс уже *мертвого* человека, а золотую обшивку специально сделали для пряжек обуви, в которой его положили в могилу. Наблюдения Вернера абсолютно правильны. Но что из них следует? Неужели всадник возил с собой золотые листы для пряжек и концов ремня и диадему – целую или разрезанную на части для ремня, на случай если он умрет далеко от дома? И его сопровождал золотых дел мастер, чтобы сделать на месте заклепки? Или его уцелевшие спутники отправляли гонца из Силезии в Венгрию за золотыми вещами для погребения? В высшей степени надуманные объяснения. Их следует отвергнуть все, поскольку, если верить отчету о раскопках, в «могиле» не было скелета. Как минимум череп должен был сохраниться. Фрагменты костей, вероятно, находились в котле и выпали, когда из негосыпали песок и землю.

С какой стороны ни рассматривай эту любопытную находку в русле ручья, «могила» без ямы и скелета в метре под землей представляется странной. Более правдоподобным выглядит предположение, что это некий древний склад, тайник, но, с другой стороны, бронзовые пряжки – не та вещь, которую стоит

тщательно прятать.

Однако не может не удивлять сходство с находками в Осоке. Там тоже нашли котел – в песке у ручья. Это могло бы быть совпадением, если бы не третья аналогичная находка, немного восточнее, которая натолкнула на мысль, что котлы намеренно поместили туда, где их нашли. Котел с круглыми ручками, поверхность украшена выпуклыми линиями по тому же образцу, как котел из Ноин-Ула и многие котлы из района Ордоса, найденные в русле реки Киран в северной части Монголии. Хотя связь сосуда из Хёкрихта с другими археологическими находками представляется весьма смутной, но нельзя отрицать, что он, как и другие котлы, располагался в или возле проточной воды. Аналогичную связь, хотя, может быть, чуть слабее, указывают Нестор и Такач для котлов номер 4 (болото), 5 (топь), 7 (озеро) и 10 (рядом с озером), а мы можем добавить к этому списку номер 17 (рядом с озером).

Такое расположение характерно не только для гуннов и хунну. Хунну никогда не были в Байкальских лесах, но большой котел нашли на берегу реки Кутулак в Иркутской губернии, и очень похожий котел, только меньших размеров, обнаружили на острове Щукин в Ангаре, в 13 км к северу от Иркутска. Котлы на треногах были типичными для Семиречья задолго до того, как гунны пришли на побережье Иссык-Куля. В Минусинском районе котлы находили и на левом, и на правом берегу Енисея, и на берегу реки Шушь.

Обсуждая котлы из Казахстана и Киргизии, Спасская предлагает весьма привлекательное объяснение их размещения. Она думает, что кочевники весной на реках выполняли некие обряды, ставили сосуды возле воды, переходя на летние пастбища, и использовали их снова, вернувшись осенью. Эта гипотеза вроде бы подтверждается скоплениями котлов – иногда их больше чем один – с другими бронзовыми предметами. Если котел сам по себе имеет сакральный характер, можно понять такие находки. Как в Бошнягу, где на глубине полтора метра была найдена ручка от котла: ее нельзя осквернять. Можно предположить, что самой священной частью более широких гуннских котлов считались именно ручки. Вернер двигался другим путем, но пришел к тому же заключению. Хотя на равнинах Венгрии и Румынии не было специальных летних пастбищ, располагая котлы у рек, озер или болот, гунны могли сохранять старые обычай в изменившихся обстоятельствах. В любом случае расположение целого ряда котлов у воды указывает на их использование в каких-то церемониях^[126]. С другой стороны, нет никаких причин утверждать, что другие котлы могли быть обычной посудой для приготовления пищи, как те, что найдены в поздних сарматских захоронениях.

Развитие

Те или иные черты котлов время от времени появляются в докуннские времена, и это вовсе не является удивительным. Их функция объединяет все эти сосуды вместе: они имеют круглое «тело» и ручки. Савроматский котел из Оренбургской области, например, имеет почти цилиндрическое «тело», но ручки круглые, с шишкой наверху. В целом, однако, разница между скифскими, сарматскими, семиреченскими и дальневосточными котлами выражена четко. Вернер возвел «грибы» на гуннских котлах к трем выпуклостям на рукоятках поздних сарматских сосудов. Само по себе это вполне возможно, но сарматские яйцеобразные котлы не имели поставок и к началу III в. вышли из употребления. Круглые, низкие, плоскодонные «импортные» римские котелки – в основном их находили на нижней Волге – не имеют с нашими ничего общего.

Гунны изобрели свои котлы не на пустом месте. Их родство с такими же сосудами I в. из Китая, Монголии и района Ордоса давно признавалось японскими и западными учеными. Это правда, что котлы из захоронений хунну в Ноин-Ула и на реке Киран. имеют почти полуциркульные «тела», украшенные выпуклыми линиями – широкими волнистыми кривыми, не имеющими параллелей с гуннскими котлами. Рукоятки круглые или прямоугольные, фестончатый верхний ободок – все это в наших котлах тоже не

встречается. Между тем простые прямоугольные рукоятки, сравнимые с тем, что на котлах из Хёкрихта и Осоки, также есть на котлах из района Ордоса. На сосуде без подставки с продолговатым «телом», найденным в 1950 г. в богатом захоронении хунну во Внутренней Монголии, одна ручка была круглой, другая – прямоугольной. Судя по всему, прямоугольная ручка с фестончатым верхним ободком – вариант простой прямоугольной ручки. Есть много ручек с такими мелкими фестонами, что верхний ободок выглядит почти гладким.

Такач, я думаю, был прав, сравнивая фестончатый ободок из Ноин-Ула с ободком котла, найденного на озере Телецкое. Если представить себе скругленные треугольники котлов с Алтая поставленными на ножку, получится нечто похожее на «грибы». Это правда, что котлы из Северного Китая немного меньше, чем гуннские, и еще они, как правило, более низкие и широкие. Рукоятки в основном круглые, а подставки почти всегда перфорированные. Существуют еще и котлы из Ордоса – с вытянутыми «телами» и сплошными подставками. Гуннские не могли произойти от скифских или сарматских, не говоря уже о трехногих котлах из Семиречья. Если они и не являются прямыми потомками котлов из Ордоса, то определенно являются их родственниками. Часть ордосских котлов была отлита хунну специально для себя [127]. Но не вся ордосская бронза – ножи, кинжалы, пряжки, подвески и т. д. – имела хуннское происхождение. Ордосские котлы были связаны с мелкими ордосскими украшениями. Во Внутренней Монголии ордосские котлы находили в захоронениях, которые китайские археологи, возможно обоснованно, относят к 424–534 гг.

Чем дальше на запад, чем больше отличаются котлы от своих прототипов. Создается впечатление, что они попали под влияние по сути родственных, но богаче украшенных бронзовых и медных сосудов. На котлах с озера Телецкое (№ 16) и из Соликамска (№ 15) две выпуклые линии ленты начинаются под ручками и тянутся вниз по «телу» котла, резко изгибаясь наружу в нижних концах. Этот шаблон, не похожий на ордосскую бронзу, встречается на скифских котлах IV в. с Дона и I в. с Кубани. Те же два гуннских котла имеют вдоль ободка квадратные отсеки, образованные выпуклыми линиями, с одной или двумя линиями между противоположными углами. Этот образец, тоже отличный от ордосского, связан с одним из котлов из Чертомлыка.

Происхождение «висячих орнаментов» на котлах из Тертеля, Дессы, Шестачей, Осоки и Верхнего Конца остается туманным. Такач отметил, что аналогичные «подвески» встречаются на китайских сосудах неолитического периода, и вывел предыдущее из последующего. Учитывая, что глиняные «подвески» от медных отделяет более двух тысячелетий, такая связь исключена. Но параллель может дать намек на происхождение гуннских «подвесок»: они могут быть точной копией шнурков или бахромы. В раннем искусстве варваров, живших на границе с Китаем, равно как и в самом Китае, изображение шнурков на бронзе вполнеично. Они могли выполнять и практические функции. Корейский сосуд из раскопок «гробницы золотого колокола» в Кёнджу (Корея) показывает, как кочевники перевозили котлы на большие расстояния.

Распределить все гуннские котлы по типологическим сериям представляется невозможным. Верхний край и стороны ручки котла из Ивановки вырезаны, как на фрагменте из Бошнягу, что вроде бы означает, что два сосуда были отлиты примерно в одно время. Фрагмент № 19 имеет такие же, как на котле из Шестачей, круги на «грибах». Представляется разумным выдвинуть гипотезу, что котлы с простыми гладкими ручками изготовлены раньше, чем те, что с «грибами». Но гунны вполне могли одновременно отливать и простые, и сложно украшенные котлы, возможно предназначая их для различных целей. Если когда-нибудь будет возможно точное датирование, то это практически ничего не изменит, поскольку сосудами пользовались несколько поколений. На некоторых заметны следы ремонта. «Срок жизни человека пятьдесят лет, – гласит казахская пословица, – а котел можно использовать и сто лет».

Разбросанные от китайской границы до Восточной Европы котлы, конечно, не показывают путь, каким они распространялись на запад. Пока их нет из Тувы и Минусинского района[128], не найдены они и в Казахстане, хотя есть в Хорезме.

Некоторое количество глиняных сосудов высотой 40 см, найденное в верхнем горизонте при раскопках «большого дома» в Алтын-Асаре, являются копиями гуннских котлов такого же типа, что обнаружен в Верхнем Конце. На них не только видны швы в тех местах, где соединились части отливки, но также одинаковые рукоятки, а кольца висячего орнамента в верхней части «тела» медного котла показаны точками на глиняной копии. Фрагмент ручки с «грибом» обнаружен примерно в том же районе. Толстов датирует находки III–VII, а Левина – IV–VIII вв.

В верхнем слое нижнего горизонта, то есть не намного раньше, чем глиняные котлы, и в курганах Джеты-Азара обнаружены костяные фрагменты сложных луков. Некоторые люди, захороненные в курганах, принадлежали к европеоидной расе с примесью монголоидной; попадались имевшие деформированные головы. У гуннского (или гунноидного) населения в дельте Сырдарьи имелись котлы такого же типа, как в Верхнем Конце.

Имитации гуннских металлических котлов в Хорезме так же близко связаны с другими элементами гуннской цивилизации, как котлы, имеющие рукоятки с «грибами» в Венгрии и Румынии, районах, которыми правили гунны в V в. Гуннские солдаты в Сукидаве разбили свои котлы в 440-х гг. Если, как показывают фрагменты украшений на обломках из Интерсызы, котел имел рукоятки с «грибами», тип, должно быть, существовал в конце IV в., когда лагерь на Дунае еще был римским. Остается еще три котла с такими же рукоятками: Ивановка, Бенешов, Наринджан-Баба. Сосуд из Ивановки, как сказали бы русские, не имеет «паспорта». Как он попал в музей Ростова, неизвестно. Фрагмент из Наринджан-Бабы может быть связан с находками из Алтын-Асара. А как насчет Бенешова? Утверждали, что последние владельцы котла, так же как человек, перевезший котел в силезские Энджиховицы (Хёкрихт), были гуннами, подданными Аттилы или одного из его предшественников. Альфельди, Вернер и Сулимурский убеждены, что Бенешов и Энджиховицы – гуннские лагеря. В соответствии с такими же умозаключениями гунны должны были иметь гарнизоны в Осоке, Соликамске и Верхнем Конце. Вернер, очевидно почувствовав, что слишком сильно раздвигает границы гуннской «империи», стал несколько туманно говорить о Fundmilieu östlicher Reiterkrieger (восточных конных воинах).

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы исключить возможность приближения гуннов или любых других восточных конных воинов к Соликамску или Верхнему Концу. Не могли они перебраться через леса и болота, чтобы вторгнуться в землю коми. Верхний Конец расположен на широте Хельсинки. Котел из Соликамска является не более убедительным доказательством присутствия гуннов в северной части Пермской области, чем наличие римских, сасанидских и византийских бронзовых и серебряных сосудов подтверждает присутствие иностранных войск на северо-востоке России. Примитивные охотники на Вычегде не были подданными базилевса или «царя царей» в Ктесифоне. Они никогда не слышали об Аттиле. Так же как сасанидские и византийские роскошные сосуды и монеты свидетельствуют о торговле мехами через множество посредников между пермскими землями и более высокоразвитыми цивилизациями юга, гуннские котлы, вероятнее всего, указывают на аналогичные отношения между северными племенами и предками гуннов. Я говорю *предками*, потому что, должно быть, прошло много времени, прежде чем котлы с озера Телецкое, из Соликамска, Осоки и Верхнего Конца преобразились в сосуды IV и V вв.

Надо полагать, будущие раскопки помогут заполнить многие пробелы в наших знаниях. Но даже сейчас не может быть сомнений в том, что гуннские котлы возникли на северной и северо-западной китайской границе. Грубые, можно сказать, варварские медные котлы соединяют гуннов с районом

обитания конфедерации хунну.

Зеркала

Предметы центральноазиатского происхождения были обнаружены в разных местах Восточной Европы: бактрийские серебряные фанеры II в. до н. э. – в Новоузенске Куйбышевской области, бактрийская тетрадрахма – в Херсонесе, кушанские монеты – на Волге и в Киеве[129]. Это, конечно, из ряда вон выходящие случаи, но все же не такие странные, как бронза династии Шан в Анцио, поздней династии Чжоу – в Риме и Кентербери и китайские монеты III в. до н. э. в Южной Франции. Китайские предметы, найденные в Восточной Европе, относятся к другой категории. Их действительно использовали варвары. Нефритовые детали ножен из сарматских захоронений, к примеру, были изготовлены в Китае; кочевники не имели доступа к драгоценным и полудрагоценным камням, да и драконы, вырезанные на этих деталях, можно безошибочно считать китайскими. Сарматы устанавливали их на своих ножнах так же, как деревянные, которыми они пользовались чаще. Обрывки китайского шелка были найдены в позднем сарматском захоронении в Мариентале (Советское) на реке Большой Караман и в захоронении Шипово. Гуннское зеркало в кургане Е 26, погребение 19 на реке Торгун в низовьях Волги, могло считаться магическим, но это также был предмет обихода.

Поскольку не существовало прямых торговых отношений между Китаем и сарматами на Волге, китайские предметы попадали в восточноевропейские степи через Центральную Азию. Удивительное сходство сарматских золотых и серебряных сосудов с ручками в виде животных с китайским ритуальным бронзовым сосудом с ручкой в виде тигра в Британском музее объясняется центральноазиатским, возможно ферганским, происхождением мотива, откуда он распространился и на восток, и на запад. Западное распространение китайских зеркал через Центральную Азию и их постепенную трансформацию можно относительно легко проследить.

Самые ранние китайские зеркала, найденные за пределами Китая, – это два зеркала Хуай в Эрмитаже. Одно – из Томска – идентично зеркалу из коллекции Лагрелиуса, которое Карлгрен датирует V в. до н. э., другое – из кургана 6 в Пазырыке, Горный Алтай, изготовлено веком позже. За последние 40 лет в Южной и Западной Сибири больше не находили зеркал Хуай, и маловероятно, что в будущем они в большом количестве будут обнаружены. Но зеркала династии Хань довольно часто находили и находят в Северной Евразии – от Внешней Монголии до реки Обь и низовьев Волги.

Некоторые находки, обнаруженные у границы, такие, к примеру, как в гробницах принцев хунну в Ноин-Ула, возможно, были подарками императора, другие подтверждают наличие торговых отношений с Китаем. В варварском мире китайские зеркала являлись предметом бартера. Даже их фрагменты ценились высоко. Края разбитого зеркала Хань, найденного недалеко от Минусинска, оказались гладкими, а не острыми, какими должны были быть, если бы зеркало намеренно разбили, прежде чем положить в гробницу. Это доказывает, что подобные фрагменты проходили через множество рук.

Составление списка зеркал Хань, найденных на территориях варваров, предоставим ученым, имеющим доступ к музеям Внутренней и Внешней Монголии и Советского Союза. Очень немногие из них были опубликованы, остальные до сих пор остаются «старинными китайскими зеркалами».

Как и следовало ожидать, зеркала Хань нашли в захоронениях варваров за северной и северо-восточной границами Китая, в гробницах Ноин-Улы, Ильмовой Пади, Бурдуна и в большом могильнике в Lo-shan-hsiang в Маньчжурии. Из многочисленных отдельных находок в районе Минусинска лишь немногие опубликованы. Это зеркала типа i tzu и TLV. В могильнике Кенкол в долине Таласа были найдены зеркала chang i tzu sun и «hundred nipples». Если не считать зеркало TLV из Кайрагача, все зеркала из

Ферганы – типа *chang i tzu sun*. Фрагмент такого же зеркала был обнаружен на северо-западе Ленинабадской области и целое зеркало – в могильнике Вревский, к юго-западу от Ташкента.

Как и большинство предметов в Истяцком, на реке Вагай – между Тобольском и Омском в Западной Сибири – зеркала типа *chang i tzu sun*, вероятнее всего, были привезены с юга. То же самое справедливо для гуннского зеркала из кургана в районе Тобольска. В кургане в Заревщине – Астраханская область – было найдено зеркало вместе с турецким стременем. Как к турецким кочевникам попало китайское зеркало, можно только догадываться. Они не останавливались перед расхищением гробниц, чему пример – сарматский курган в Политотдельском в низовьях Волги. Он был разграблен как раз при Золотой Орде. Зеркала обычно использовались очень долго, прежде чем отправлялись вместе со своим хозяином в мир иной. Так в кургане, расположенному в 120 км к юго-западу от Улан-Батора, было найдено зеркало Хань с обрывком китайского шелка, датированного VI или VII в.

Из захоронений среднего сарматского периода на нижней Волге известно два зеркала Хань: фрагмент, некогда бывший зеркалом *four nipples* из могильника в Бережновке II, курган 3, и зеркало с Торгуном, о котором уже упоминалось. Самая западная точка, где было найдено зеркало Хань с длинной надписью [130], к сожалению без даты, – Кубань.

Приведенный список зеркал Хань далеко не полон, но уже по нему видно, насколько популярными они были среди племен и народов, живших к западу от Великой стены. Отсутствие зеркал периода шести династий объясняется крахом китайского могущества в западных регионах. Китайские зеркала снова появились в Центральной Азии только в период династии Тан.

Когда поставка с больших государственных предприятий во второй половине II в. прекратилась (а временами и раньше), варвары стали пытаться делать собственные зеркала по образу и подобию полюбившихся им китайских бронзовых дисков. Во многих случаях такие имитации, *hō sei kubō* японцев, легко распознаются, хотя далеко не все грубые версии известных типов обязательно являются имитациями. Существует много маленьких зеркал, сделанных в конце периода Хань и Троецарствия, отлитых так плохо и с такими грубыми украшениями, что о них редко пишут и почти никогда не показывают на иллюстрациях. Они были очень дешевыми и, вероятно, охотно покупались варварами. Я назвал зеркало из Кенкола принадлежащим к типу *chang i tzu sun*, хотя оно несколько отличается от него, имея маленькие окружности между лепестками четырехлистника вместо четырех символов *chang i tzu sun*. Можно предположить, что варвары, не понимая символов, переделали их в украшения. Но аналогичные зеркала находили и в китайских захоронениях.

Имитация зеркал Хань была разного качества. В Японии, как правило, зеркала хорошо отливали, а их украшения, в большей или меньшей степени отличающиеся от оригинала, демонстрировали национальную самобытность. В Корее ранние имитации можно было отличить от оригинала только с большим трудом, но вскоре они стали толще и грубее, а украшения – проще и уже совсем не походили на прототип. Самые близкие имитации – из города Хсин-Чианга; их выдает только некоторое упрощение украшений. Три указанные выше группы, особенно японские зеркала, более или менее хорошо изучены, зато имитации с Запада почти неизвестны. Впрочем, возможно, упомянутые выше выглядят китайскими только на плохих иллюстрациях. Иногда ученый, ведущий раскопки, не узнавал имитацию. Зеркало из кургана Кокель, Тува, как показывают странные украшения, вероятнее всего, это *hō sei kubō*.

Во II и III вв. украшения китайских зеркал были перенесены на сарматские подвесные зеркала, очень широко распространенные в степях между Волгой и нижним Дунаем с I до IV в. Маленькие бронзовые диски, иногда посеребренные с гладкой стороны, временами с высоким содержанием олова, носили подвешенными на шнурок, который пропускали через перфорированный квадрат или прямоугольник – на краю. Некоторые зеркала имели вместо прямоугольника острый зубчик, который вставлялся в деревянную,

костяную или роговую рукоятку. Украшения выпуклыми линиями одинаковы в обоих вариантах.

Происхождение подвесных зеркал неоднозначно. Рау считал, что они попали в степи с Кавказа, но в обоих районах они появились примерно в одно и то же время. Хазанов прослеживает эти зеркала в Сибири; однако те образцы, на которые он ссылается, имеют рукоятки в форме животных. Самые ранние неукрашенные подвесные зеркала были найдены в захоронениях усуней III-II вв. до н. э. Но нас не так интересует происхождение подвесных зеркал, как их украшения, в особенности в группе с нижней Волги и Северо-Западного Кавказа.

Места их находок следующие.

- 1, 2. Кладбище в Суслах.
3. Альт-Веймар (сейчас Старая Иванцовка), курган D 12.
4. Курган 40 в Бережновке в низовье Еруслана, левого притока Волги.
5. Курган 23 на кладбище «Три брата» возле Элисты, Калмыкия.
6. Нижняя Волга.
7. Захоронение в селе Алхасты, Чечено-Ингушетия.

Зеркала различаются прежде всего краем, «лентой», украшенной расходящимися или иными линиями. Рау установил, что этот мотив возник на Кавказе, где встречается на медальоне раннего железного века, и проследил его до микенских времен. Такой простой мотив мог появиться где угодно и в любое время, так что его обнаружение на сарматских и китайских бронзовых зеркалах может быть простым совпадением. Подобные кромки, окружающие центральное поле, имелись на китайских зеркалах до, в течение и после периода Хань. Однако примечательно то, что существуют имитации, украшение которых состоит из двух лент, одна – с исходящими линиями, другая – с зубчатым орнаментом. Зеркало из Бережновки имеет две концентрированные ленты. В этом не было бы ничего особенного, если бы штрихи на внешней ленте не являлись наклонными, что чуждо всем сарматским зеркалам. Ни техника отливки зеркала, ни его форма, ни иные мыслимые причины не объясняют комбинацию квадрата в центральном поле и полосатой ленты вокруг него, как на этих сарматских зеркалах. Шансы на то, что эта идентичность с квадратами и таким же окаймлением на сотнях китайских зеркалах TLV является случайным совпадением, очень малы. Они становятся нулевыми, когда мы замечаем, что сарматские ремесленники помещают маленькую выпуклость в центре квадрата. Она не имеет функций и эстетической ценности. Это имитация соответствующего аксессуара на зеркалах Хань.

Зеркала TLV имитировали в Японии, Корее и западных регионах Китая. На зеркале из Лоу-Лана остались только частички от Т, L и V исчезли. На некоторых японских имитациях TLV вообще отбросили. Ремесленники Японии, для которых надписи на китайских зеркалах ничего не значили, заменили их причудливыми линиями, но сохранили зубцы, зигзаги и радиальные линии окаймления. Сарматы сделали китайские образцы более грубыми, довольно-таки радикально, но не до неузнаваемости. Было бы несправедливо помещать сарматские зеркала рядом с китайскими зеркалами TLV, отличающимися тончайшей работой. Лучше уж сравнивать их с маленькими китайскими зеркалами, в которых украшения тоже были максимально упрощены. Например, два зеркала, недавно найденные в Ло-Янге, оба лишились центрального квадрата, L и V. На одном из них Т состоит только из штрихов, а сотня и более радиальных линий каймы на хороших зеркалах TLV так широко расположены, что приближаются к соответствующей детали на сарматских зеркалах.

Сарматы не только перенесли китайские модели на подвесные зеркала, они также отливали зеркала, являвшиеся прямой имитацией бронзовых зеркал периода Хань. Вернер первым признал важность того,

что он назвал *östliche Nomadenspiegel* (восточные зеркала кочевников) для изучения гуннов. Это диски из белой бронзы с петлей или перфорированной выпуклостью с задней стороны, чтобы продеть шнурок. Украшение – разные узоры из выпуклых линий. За исключением нескольких и в противоположность разнообразным и часто изящным украшениям на подвесных зеркалах, здесь декор монотонен: две или более концентрические окружности, разделенные линиями, исходящими из центра, иногда с точками в образованных ими отсеках. На более поздних зеркалах между окружностями проходит зигзагообразная линия. Рау назвал группу сибирско-китайской, Хазанов отнес ее к группе X сарматских зеркал. Из соображений краткости я буду называть их зеркалами с петлей.

Вернер различал четыре типа украшений. Самый ранний, предположительно, найден на четырех зеркалах из пунктов Можары, Суслы, Аткарск и с Танаиса. На самом деле группа «Можары» состоит только из двух зеркал. То, что из Аткарска, принадлежит к другому типу, а зеркало из села Суслы не существует. Ни Быков, который раскопал могильник, ни Берац, ведший раскопки в трех курганах, ничего не знал о таком зеркале. На рисунке из статьи Мерперта изображено зеркало из Можар. Мерперт попросту перепутал свои записи. В 1963 г. Хазанов опубликовал описание других зеркал «можарского» типа, но лучшим и самым важным зеркалом группы все равно остается то, что найдено в Можарах. Оно имеет диаметр 7,4 см, часто воспроизводится в разной литературе и датируется I–IV вв. Оно было найдено крестьянином, который раскалывал курган в надежде найти что-нибудь ценное на горе Можары в Камышинском районе Саратовской губернии. Только после того, как И. Берхин опубликовал описание всего найденного – находки сейчас в Эрмитаже, – зеркало было должным образом оценено. С Берхином можно не согласиться по ряду второстепенных вопросов, но датировка, которую он произвел после тщательного изучения, не оставляет сомнений: можарское зеркало относится к III в. Его, по всей вероятности, долго использовали, поэтому оно было отлито около 200 г.

Вернер отрицал возможность того, что рисунки на зеркалах с петлей могли иметь что-то общее с «художественными орнаментами» китайских зеркал. Хазанов же не исключал такой возможности полностью. Как и Рау до них, оба археолога думали, что рисунки на зеркалах с петлей мастера переняли с подвесных зеркал. В некоторых случаях это могло быть верным; в целом, однако, две группы имеют очень мало общего. Ни одно зеркало с петлей не имеет танги, свастики или своеобразных сочетаний узоров подвесных зеркал.

Берхин и Соломоник попытались интерпретировать рисунок на можарском зеркале. Берхин (1961) посчитал «деревья» на квадрате возможным отражением культа Древа жизни, что не очень убедительно. Соломоник говорила о «птичьих коготках», что, судя по кавычкам, было чисто описательным термином. Она ссылалась на зеркало из Краснодара и еще одно – из Косина в Словакии. В краснодарском зеркале она увидела комбинацию свастики с «птичьими коготками»; то же самое на подвесных зеркалах с Днепра и Волги. Сходство между «птичьими коготками» на зеркале из Косина и «деревьями» на можарском зеркале невозможно отрицать. Между тем разница между словацким и кубанским зеркалами, с одной стороны, и зеркалом из Можар, с другой, значительно перевешивает сходство. Первые два зеркала не имеют ни окаймления с радиальными линиями, ни квадрата в центральном поле[\[131\]](#).

Украшения на можарском зеркале остаются загадкой для западных археологов. Японские археологи разгадали ее давним-давно. Еще в 1925 г. Умехара писал: «Любой, кто посмотрит на эти украшения, определенно сделает вывод, что это в высшей степени грубая имитация популярного зеркала TLV». Мизуно и Егами (через несколько лет Егами снова) перечислили можарское зеркало среди имитаций зеркал Запада. Сарматский ремесленник, возможно, трансформировал линии на зеркале, как на том, что из Ло-Янга, в «птичьи коготки», но в остальном он скопировал китайский дизайн, как смог.

Даже более упрощенная имитация зеркал этого типа без «дерева» была найдена в Блюменфельде и

Харьковке на нижней Волге. На зеркалах из села Норка и Калиновка остался только ободок с радиальными линиями.

Влияние дизайна китайских зеркал на некитайские аналоги до и после интересующего нас периода заслуживает специального исследования. Зубцы на зеркале с длинной ручкой, найденном в деревне Тюковая, недалеко от Тобольска, к примеру, несомненно, скопированы с зеркал Хань, тип к по Карлгрену. Даже украшения на других металлических предметах выдают их связь с китайскими зеркалами. Штампованный бронзовый декоративный диск в позднем кочевническом захоронении в Аккермене (Аккерменка?) выглядит в точности как зеркало «*hundred nipples*».

Хотя современные исследования не связаны с происхождением скифских и сарматских зеркал с петлей, замечу, что, по моему мнению, они в конечном счете восходят к китайским зеркалам. Самые ранние китайские зеркала с петлей были изготовлены не менее чем на половину тысячелетия раньше, чем аналогичные скифские предметы. Вряд ли является совпадением то, что самое раннее датированное сарматское зеркало с петлей – можарское – является имитацией. Неукрашенные зеркала с петлей, которые, вероятно, являются предшественниками сарматских зеркал с петлей, обнаружили в Центральной Азии. Вернер ссылается на одно из таких зеркал, раскопанное на Тянь-Шане А. М. Бернштамом, который датировал захоронение IV–III вв. до н. э. Другие были найдены в верховьях Иртыша – недалеко от Павлодара, в Киргизии – недалеко от Фрунзе и в Западной Сибири – в Томске. Датированные VI или VI–IV вв. до н. э., они вполне могут оказаться более поздними, хотя и не намного. Но есть еще простые зеркала, изготовленные до периода Хань, правда, они малоизвестны. Коллекционеры, заинтересованные в красивых украшениях и надписях, не обращают на них внимания. Те, что из провинции Хунань, датированы VII–IV вв. до н. э. Их связь с простыми зеркалами западных варваров требует дополнительного исследования.

Приведенный выше обзор показывает, насколько сильным оказалось влияние цивилизаций Центральной Азии, в свою очередь контактировавших с Китаем, на сарматов. Зеркала такого типа, как можарское, были обычными на нижней Волге в поздний сарматский период. Они представляют самую раннюю стадию в развитии зеркал с петлей у сарматов, предками типа, который Вернер назвал Чми – Бригетио по названиям самого восточного (Чми на Кавказе) и самого западного (Бригетио на Дунае) мест их находок. Украшения – круг в центре и радиальные линии между ним и ободком. Тип Березовка-Карнунтум является типологически более развитым, но в целом относится к той же эпохе, что и Чми-Бригетио. Позднее, хотя и не намного, появился тип Карповка-Сен-Сюльпис.

На основании богатых свидетельств, собранных из разных, часто не имевших отношения друг к другу публикаций, Вернер показал, что зеркала с петлей всех трех типов распространялись с Востока на Запад, как гунны. Ни одно из зеркал, по его мнению, не относится к периоду более раннему чем 400 г. Хозяевами зеркал являлись предположительно гунны, от которых они перешли к их германским подданным.

Недавние находки не согласуются с тезисом Вернера. Зеркала типа Чми-Бригетио встречаются в сарматских захоронениях III в. Одно было найдено у станицы Вороженской на Кубани. По мебели и другим предметам (среди них находилась амфора), найденным в захоронении, оно датировано III в. Сарматы в некрополях Фанагории и Танаиса были похоронены вместе со своими зеркалами типа Чми-Бригетио и простыми зеркалами с петлей еще до 370-х гг. Гунны уничтожили Черняховскую цивилизацию, так что зеркало типа Чми-Бригетио, найденное на Черняховском кладбище, недалеко от Киева, было отлито до нашествия гуннов. «Плоское», то есть неукрашенное, зеркало диаметром 7,5 см, первоначально имевшее с обратной стороны петлю, обнаружили в городище Топрак-Кала, в Хорезме. Оно датируется, самое позднее, серединой III в. Вернер прав: зеркала с петлей пришли на Запад вместе с гуннами, но это не их зеркала. Это зеркала сарматов, которые пользовались ими задолго до гуннов. Мы можем сказать еще

точнее: это были зеркала восточных сарматов, которых гунны вынудили присоединиться к ним к востоку от Дона, и тех, с которыми они заключили союз на Дону.

Маленькие бронзовые зеркала позволяют получить ответ на вопрос, который задают довольно редко. Где гунны перешли Карпатские горы в Венгрию? Некоторые группы могли пройти по перевалам Южных Карпат в Трансильванию, а оттуда уже в Венгрию. Однако это возможно для всадников, но очень трудно для повозок, обычно их сопровождавших. За свою историю Венгрия неоднократно подвергалась вторжениям с северо-востока, через долину верхней Тисы (приток Дуная): перевал Коломыя – Яблуницийский перевал – Сигет – Хуст. Гунны и их союзники аланы выбрали именно этот маршрут. Изучая распределение зеркал Чми-Бригетио и Березовка-Карнутум южнее и западнее Карпат, Илона Ковриг (1959. 222–223) заметила, что оно почти совпадает с распределением искусственно деформированных черепов. Зеркала с петлей были найдены в ряде захоронений вместе с деформированными черепами. Одна группа зеркал, связанная с серебряными фибулами, часто встречается в долине верхней Тисы, другая – к северу от Дуная на участке от излучины в Вайцене до Вены. По сравнению с этими группами количество зеркал с петлей в долине Дуная и на Венгерской равнине незначительно. Из этого распределения Ковриг сделала вывод, что большинство этнических групп, которые принесли зеркала в Венгрию, прибыли, возможно, несколькими волнами, через перевалы Северо-Восточных Карпат. Этот аргумент подкрепляется отсутствием подвесных зеркал в Венгрии. Они, с другой стороны, характерны для захоронений позднего сарматского периода в Румынии, где зеркала с петлей не встречаются. Если бы гунны, их союзники и подданные пришли с юго-востока, сарматы на румынских равнинах, вынужденно или добровольно, присоединились бы к ним. Но ни в одном захоронении V в. в Венгрии не найдено подвесных зеркал.

Теперь мы можем продвинуться еще на один шаг. В III в. зеркала с петлей были сарматскими. В Венгрии они все еще практически отсутствовали – в «сердце» гуннов к востоку от Дуная. Иными словами, даже в то время, когда гунны и аланы жили рядом, первые не переняли сарматские зеркала. Это, разумеется, не значит, что их имели только сарматы. Маловероятно, что все гуннские женщины, исключительно из соображений национальной гордости, отказывались смотреться в зеркала с петлей. То, что найдено в Страже (Словакия), находилось в захоронении индивида смешанной монголоидно-европеоидной расы. Много захоронений V в. с зеркалами с петлей были германскими. Если готы и гепиды в Венгрии переняли сарматские традиции, гунны тоже не могли их отвергать вечно. Однако все же остаются шансы, что захоронения с зеркалами с петлей не гуннские. Необходим еще один критерий для разделения гуннских и негуннских находок.

Наблюдение, что многие зеркала с петлей намеренно разбивали, прежде чем похоронить вместе с усопшим, заставило археологов выдвигать самые разные предположения, каждое из которых имеет право на существование, но убедительным не является.

Личные украшения

Золотые декоративные диски на одежде

Во времена Аттилы и задолго до него у варваров был широко распространен обычай нашивать на одежду маленькие чеканные золотые диски. Проследить их происхождение – не наша задача, как и устанавливать, в каком народе они возникли и кто их перенял, – необходимости нет. Вандалы в Словакии могли перенять моду от языгов и завезти ее в Африку, хотя некоторые из найденных там дисков могут быть аланскими. Кушаны, которые пришивали на одежду розетки и колечки, возможно, подражали парфянам. Маленькие диски на парфянской одежде знати в Хатре, несомненно, золотые, а в Сиркапе золотые розетки обнаружены в парфянском слое. Но и кушаны, и парфяне, независимо друг от друга, могли следовать

более древней центральноазиатской моде. В захоронении Кызыл-Кыр в Бухаре, датируемом III–II вв. до н. э., было найдено 90 маленьких полукруглых золотых дисков, лежавших на груди у женщины.

Обычай существовал и у сарматов в сарматском периоде, у скифов (см. для примера диски в кургане Часты) и в Хорезме. В среднем сарматском периоде одежду украшали золотыми дисками от Волги (Калиновка, Березовка) до Украины (Сватова Лучка и Селимовка). Одежда женщины в захоронении позднего сарматского периода в Визенмюллере (Луговое) в Еруслане была богато украшена золотыми и серебряными дисками. Такие диски также известны из, возможно, гуннских захоронений в Шилове и Новогригорьевке.

В несомненно гуннской находке в Сегед-Нагисексосе обнаружено 26 дисков и 17 фрагментов, они квадратные, углы с отверстиями. Гуннские диски идентичны тем, что найдены в Пуштабакоде (Pusztabakod) и в Карфагене. Поскольку сходство, временами доходящее до полной идентичности, золотых дисков во всех концах мира варварства представляется очевидным, всех их произвели в римских мастерских, использовавших одинаковую технологию и шаблоны. Среди дисков на платье германской или аланской дамы из Нормандии есть абсолютно такие же, как были обнаружены в Новогригорьевке, у других есть аналоги в Венгрии и Пантике. Иными словами, гунны в V в. следовали «международной» моде.

Вышивание

«В доме королевы Эрики девушки-служанки, сидя на полу у ее ног, вышивали, а вышивки потом использовались для украшения одежды варваров»; сферические, цилиндрические и плоские стеклянные бисерины для вышивания известны из женских захоронений большей части среднего и позднего сарматского периода, даже самых бедных. Весь бисер ввозился, его нашивали на обувь, нижнюю часть штанов, рукава, воротники туник. В захоронении Ф16 на хуторе Шульц (совхоз «Красный Октябрь») на Торгуне у ног женщины лежало почти 700 бусин, в основном зеленых и синих. В таком же положении они лежали в могиле II или III в. на кладбище Бельбек в Крыму. Иногда вышивались бисером даже подошвы туфель, как в Пазырыке, где женщина сидела на полу, скрестив ноги.

Гунны и сарматы разделяли любовь к разноцветным предметам одежды с многими северными варварами. На шелковой одежде в захоронениях хунну (сюнну) в Дырестуйском могильнике были нашиты узоры из сердолика, яшмы, позолоченного стекла, известняка и др. В Ноин-Ула обнаружили очень маленькие перфорированные кристаллы пирита, изначально закрепленные на ткани или коже.

Бусы

Как и их сарматские сестры, гуннские женщины носили ожерелья и браслеты, возможно ножные, из самых разных материалов: кораллов, сердолика, перламутра, кварца, пирита, лазурита, янтаря, лигнита, но также из камня и глины. Только последние были самодельными, остальные поступали со всех частей Римской империи, Хорезма, Индии, а также из отдаленных уголков мира варварства. К V в. значительная часть янтаря в бусах или пластинах для инкрустаций привозилась с Украины. Лигнит, вероятно, поступал с Кавказа, где лигнитовые бусы встречаются чаще всего. Браслеты и ожерелья из янтаря, стекла и полудрагоценных камней носили женщины по всем северным степям – до самой Тувы и Внешней Монголии.

Глава 8

Раса

Следующее исследование в основном основано на палеоантропологических свидетельствах [132]. Для читателя, которому так долго пришлось терпеть догадки, точные измерения должны показаться чрезвычайно привлекательными. Дата сражения может быть сомнительной, однако назо-маярный угол и симотическая высота черепа – величины, которые можно измерить точно. Однако сотни страниц научных трудов и десятки тысяч цифр, которые палеоантропологи обрушаивают на нас, имеют ничтожную ценность для исторических исследований, если не дополняются литературными и историческими свидетельствами. Даже если бы, к примеру, количество черепов из захоронений XIII в. между Керуленом и Волгой было в 20 раз больше, это не помогло бы реконструировать кампании Чингисхана и Суботая. Монголоидные черепа палеосибирского типа в аварских захоронениях Венгрии доказывают, что одна группа многонациональных орд прибыла из Северо-Восточной Азии, но они не могут нам поведать, когда эти монголоиды-авары покинули свои пастища и каким маршрутом попали на Дунай. Это – само собой разумеющиеся ограничения. Но историку предстоит столкнуться и с другими трудностями, о которых ему лучше знать заранее, чтобы не возлагать несбыточных надежд на палеоантропологические исследования.

Палеоантропология – относительно новая наука, и ее терминология еще до конца не определилась. Иногда это сбивает с толку. Приведу примеры, непосредственно касающиеся наших проблем. Немешкери (1952) считает «урало-алтайский» или «субуральский» тип монголоидным, а другие антропологи относят его к промежуточной позиции между монголоидным и европеоидным. Различия Дебеца (1948. 311–312) между палеосибирским и байкальским типом игнорируются всеми остальными специалистами. Южносибирский и тураинанский тип – это одно и то же, но в советской систематике нет эквивалента тунгидскому типу венгерских ученых, хотя при этом «коротколицый» монголоидный тип один и тот же. Предложение Дебеца именовать его катангским принято далеко не всеми.

В настоящем исследовании будет рассматриваться в основном палеоантропологический материал из Советского Союза, поэтому я придерживаюсь терминологии из «Основ антропологии» Рогинского и Левина и «Этнических истоков народов Северо-Восточной Азии» Левина.

Великими называют три основные расы, на которые делится человечество, – негроидную, европеоидную и монголоидную. Каждая из них, в свою очередь, делится на расы. Так, монголоидная великкая раса состоит, помимо прочих, из северо-азиатской, арктической и дальневосточной (синид) рас. Внутри рас различают типы. К примеру, внутри северо-азиатской расы существует байкальский и центральноазиатский тип [133].

Палеоантропологические находки позволяют только частично реконструировать физическую внешность людей. Они молчат о многом, что хотелось бы знать: о цвете кожи, глаз и волос, форме губ и век, распределении подкожного жира и ряде других факторов, по которым, даже не измеряя череп, можно отличить жителя Вологды и Мадрида.

По причинам, мне не вполне понятным, советские палеоантропологи интересуются исключительно, или почти исключительно, черепами. Это не может не вызывать недоумение, поскольку для постановки «расового диагноза» нередко очень важны телосложение и рост. Например, захоронения в курганах Шилова имеют очень большое значение для исследования гуннов. Мебель в курганах 2 и 3 лишь вскользь описана Минаевой (1929). Масловский (ESA 4. 1929, 209–210) тщательнейшим образом измерил череп из

кургана 3. Но только Рыков привел длину скелетов. Женщина в кургане 2 имела рост 176 см, мужчина в кургане 3-170 см; мужчина в кургане 2 имел внушительный рост 185 см. Эти люди не могли быть гуннами, которые были *exigua forma*, малого роста, как утверждает Иордан.

Более того, в оценке палеоантропологических свидетельств нельзя забывать о том, что реконструкция расовой истории евразийских степей опирается на узкую базу. Согласно Ханьшу, усуни насчитывали 630 тысяч человек. Это, разумеется, слишком точная цифра. Кто их считал? Тем не менее цифра, должно быть, составляла около полумиллиона. За пять веков, в течение которых мы можем проследить историю народа, на земле жили несколько миллионов усуней. Но на сегодняшний день обнаружено не более двух сотен их черепов. В 71 г. до н. э. усуни взяли 39 тысяч пленных хунну. Где их черепа? Около 150 г. до н. э. китайская принцесса Сюцюнь по политическим мотивам вышла замуж за царя усуней. Она прибыла к нему в сопровождении нескольких сотен слуг и евнухов. Но если в захоронениях усуней будет найден хотя бы один китайский череп, то лишь по чистой случайности.

И наконец, следует помнить, что захоронения довольно редко можно датировать так точно, как хотелось бы историкам. Череп в кургане Кургак в Алайской долине подвергся искусственной деформации. Бернштам датировал захоронение III в. до н. э., что озадачило Гинзбурга, поскольку считалось, что искусственная деформация черепа появилась с приходом гуннов в I в. до н. э. Поэтому он назвал раннее появление этой практики отголоском связи людей Кургака с гуннами. Позднее Бернштам изменил свое мнение и датировал захоронение началом новой эры. Возможно, на этот раз он был прав. Или нет. Я не хочу, чтобы меня неправильно поняли. Вклад палеоантропологии в изучение гуннов переоценить невозможно, но связанные с ним неопределенности следуют всегда иметь в виду. Они могут несколько уменьшиться, если на помощь приходят письменные источники. Давайте обратимся к ним.

Существует четыре описания внешности гуннов. Первое и самое раннее написано Аммианом Марцеллином зимой 392/393 г. Оно было пересказано Иеронимом и Клавдианом. Автором второго стал галльский автор Сидоний Аполлинарий; хотя некоторые выражения были явно заимствованы у Клавдiana, его описание гуннов основано на аутопсии. Третью картину нам нарисовал Иордан, который, вероятно, видел гуннов в восточно-римской армии. Однако его портрет Аттилы восходит через Кассиодора к Ириску, нашему четвертому источнику. Поскольку царь «выказывал свидетельства своего происхождения», мы будем считать, что сказанное Приском о нем есть расовые характеристики гуннов.

Описание Аммиана начинается со странного непонимания. Он пишет: гунны «при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать рост волос на зарубцевавшихся надрезах. В результате мужчины вырастают без бород и без красоты, как евнухи». То же самое повторил Клавдиан и истолковал Кассиодор. Объяснение жидких бороденок гуннов, данное Аммианом, неверно. Как и многие другие народы, гунны наносили раны на живую плоть в знак горя, когда умирали соплеменники.

Аммиан не только неправильно истолковал обычай гуннов, его описание безбородых гуннов противоречит Приску. Аммиан, конечно, мог случайно увидеть гуннского наемника, но в основном ему приходилось полагаться на готских информаторов. А Приск был лично знаком с Аттилой, его сыновьями и многочисленными родственниками, с гуннской знатью. У Аттилы, писал Приск, была маленькая тонкая бородка, *rarus barba*. Римлянину V в., когда борода считалась знаком мужественности, *indicium virilitatis*, как сказал Иероним, бороды гуннов могли показаться жидкими. Но Аттила вовсе не был похож на евнуха. Его жидкая борода совсем не обязательно являлась расовой характеристикой, монголоидной чертой. Не был же монголоидом имевший жидкую бородку мингер Пепперкорн из «Волшебной горы» Томаса Манна. Определенно европеоидные скифы часто изображались с тонкими бородками. Кстати, Аммиан упоминает о волосатых ногах гуннов, *hirsula crura*.

То, что в глазах римлян и германцев гунны были уродами, не слишком важно, и, когда Аммиан заявляет, что они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов, очевидно, он хочет подчеркнуть грубые черты гуннов. Только крайне неохотно Аммиан сказал два хороших слова о ненавистных дикарях: у них компактные сильные конечности и, как у его возлюбленного императора Юлиана, сильные шеи.

Широкие плечи и грудь, *scapulis latis* (Иордан), *lato pectore* (Приск), *insignes umeri, pectora vasta* (Сидоний) для «расовой диагностики» имеют так же мало значения, как узкая талия, *succinct sub ilibus alvus* (Сидоний). Большой рост сидя может быть важнее: «Пешие, они представляются среднего роста; но если видишь их на коне, то они кажутся высокими; такими же часто являются они, когда сидят» (*Forma quidem pediti media est, procera sed extat, si cernas equites; sic longi seape putantur, si sedeant, Sidonius*). Как и гунны, башкиры с изрядной примесью монголоидной крови имеют длинные тела, мускулистые и сильные, с широкими плечами. Но бельгийские Флеминги и валлоны тоже описываются как невысокие, широкоплечие, кажущиеся выше, когда сидят.

Иордан подчеркивал маленький рост, *exigui forma*, и смуглое лицо гуннов, *species pavenda nigridinis*; Приск описывал Аттилу как смуглого, *teter color*, невысокого человека, *forma brevis*; Althias, командир гуннского вспомогательного отряда в армии Белисария, был худым и невысоким человеком. Асторий Амасийский назвал гуннов шустрыми и худощавыми. Но император Аркадий тоже был невысоким, щуплым и смуглым. Аммиан назвал персов *subnigri*. Император Валенс был *nigri coloris*, как и египетский философ Пампрепий, которого Ходжкин посчитал негром. Если рост и цвет кожи не слишком отличал гуннов от многих римлян, разница между ними, германцами и алланами – высокими и белокожими, видимо, бросалась в глаза. Аланы были высокими и светловолосыми. В захоронениях среднего и позднего сарматского периодов на Волге находили останки людей ростом 182–189 см.

Интерес представляют только заявления о головах и чертах лица гуннов. Головы были круглые и бесформенные («*informis offa*», Iordanes), «круглая масса заканчивалась узкой головой» («*consurgit artum [или arcum] massa rotunda caput*», Sidonius). Глаза были маленькими и глубоко посаженными: «маленькие глаза, скорее отверстие, чем свет» («*minutis oculis, havens magis puncta quam lumina*» Iordanes); «органы зрения располагались в двух впадинах подо лбом, самих глаз видно не было, свет не достигал глазниц» («*geminis sub fronte cavernis visus adest, oculis absentibus acta cerebri in cameram vix ad refugos pervenit orbes*», Sidonius). Нос был плоским, это следует из описания Сидонием метода деформации черепов детей. Иордан, цитируя Приска, сообщил, что у Аттилы был плоский нос, *semo nasu*.

Слабо подчеркнутый профиль и маленькие глаза указывают на монголоидные черты гуннов. Насколько эти черты были сильны, установить невозможно – в наших источниках содержится всего несколько слов. Наиболее выраженные расовые черты смешанного населения всегда привлекают особое внимание. Мовзес Дасхуранци проигнорировал европеоидные признаки хазаров и описал их как «уродливую толпу широколицых людей без ресниц». Если верить Истахри, существовало два типа хазар, одни темноволосые и очень смуглые, другие белокожие и красивые. Чем меньше были носы у женщин в орде Кипчака, писал Вильгельм Рубрук, тем добросовестнее они почтались; он был настолько впечатлен плоскими монгольскими лицами, что не заметил немонголов, составлявших большинство населения. Также нельзя забывать, что Аммиан и Иордан так сильно ненавидели гуннов, что, как бы привлекательно ни выглядели дикари, они могли изобразить их не похожими на людей монстрами. Сравнение между описаниями гуннов Аммиана и Иордана и тем, что западные хронисты писали о мадьярах, представляется весьма поучительным. Германцы и итальянцы считали мадьяров «нацией чудовищ, ужасным племенем, более жестоким, чем дикие звери. Проезжая Венгрию на пути в Святую землю, Отто фон Фрайзинг отметил, что „Господь дал такую красивую землю не человеческим существам, а сущим чудовищам“». Но Гардизи,

незаинтересованный наблюдатель, назвал мадьяр красивыми и приятными взгляду.

Аммиана и Иордана можно простить, но какие оправдания есть у современных авторов, которые приписывают гуннам раздутые губы, глаза-бусинки и кривые ноги? А ошибки в переводе латинских текстов Эйкштедта просто фантастичны. Оказывается, Аттила имел *auseinanderstehende Zahne* (стоящие далеко друг от друга зубы. – *Пер.*). Перевод «*canis asperus*» – «подернутый серым», и сказано это о бороде.

Описания дают несколько искаженный образ гуннов. Судя по тому, что известно о других степных народах северной части Евразии в 1-м тысячелетии, маловероятно, что гунны были такими же монголоидами, как, скажем, современные якуты или тунгусы. Многие гунны являлись полукровками. Баламбер женился на готской принцессе, последняя жена Аттилы имела германское имя Ильдико, предком гепида Мундо был Аттила. Хотя мы ничего не слышим об алано-гуннских браках, монголоидные наследственные черты в аланах Сапаудии показывают, что такие браки считались обычными. Лидером аланских вспомогательных частей Стилихона являлся маленький человек, среди его предков, вероятно, были гунны.

В большинстве крупные могильники постгуннских веков в степях показывают нам смешение рас. Гепидский могильник в Кизомборе – это целый расовый конгломерат, в котором присутствуют элементы северной, средиземноморской, восточноевропейской рас. В своем скандинавском доме гепиды могли и не быть чистыми северянами, но монголоидов среди них не было. В Венгрии они смешались с гуннами. В аварских могильниках, помимо европеоидов, присутствует по меньшей мере четыре монголоидных типа: Синид, Байкал, Тунгид, Енисей. В могильнике в долине Кызыл-Алая, датированном VI–VII вв., монголоиды и с широкими, и с узкими лицами были захоронены рядом с европеоидами андроново-протосредиземноморского типа с разной степенью монголоидной примеси, свидетельствуя о сложном составе некоторых групп западного тюркского каганата.

Палеантропологические свидетельства показывают, что гунны тоже принадлежали к смешанной расе. В 1939 г., когда Бартуц опубликовал свое фундаментальное исследование рас в Венгрии, он не знал о существовании «ни одного черепа, который, вне всяких сомнений, мог бы считаться гуннским». Сейчас ничего не изменилось. Шансы, что когда-нибудь будет найден могильный камень с надписью «*Hic iacet... genere Hunus*», под которым будет находиться хорошо сохранившийся скелет, мягко говоря, невелики. Но все-таки ситуация не так плоха, как кажется. Приведенный ниже список неевропеоидных черепов в захоронениях гуннского периода, возможно, не полон, поскольку не все публикации провинциальных музеев были для меня доступны, но для наших целей он вполне достаточен:

Вена-Зиммеринг: череп зрелого мужчины; все указывает на то, что перед нами монгол или монголид.

Страже I, Пьештаны, Словакия: женщина. E(вропеоид) + M(онголоид).

Бешенев V, район Шураны, Словакия: мужчина. E + M.

Адони, Венгрия. Один искусственно деформированный череп ребенка, судя по всему принадлежащий к европеоидному типу. Еще 21 череп не подвергся деформации. Из них десять относятся к долихократии, шесть – к мезократии, четыре – к брахиократии. В одном случае определить черепной указатель не представилось возможным. Что касается распределения видов, европеоидный тип представлен северным, средиземноморским и восточноевропейским видами. Четыре черепа относятся к так называемому субуральскому виду монголидного типа. Черепа, принадлежащие к нему, характеризуются длинным и относительно широким мозговым отделом *cranium cerebrale* (мезократия), низким лицевым отделом *cranium viscerale*, умеренно выпуклым лбом и выраженными надбровными дугами.

Гиёр, Венгрия: 23 черепа из могильника, расположенного внутри и за пределами римского лагеря.

Один искусственно деформированный череп ребенка. Черепа принадлежат к европеоидному и монголоидному типам, представленным по шесть единиц каждый. В остальных случаях точная классификация оказалась невозможной. В монголидных видах доминируют тунгидские характеристики. Особая важность придается черепам в захоронениях 9 и 21: они принадлежат к долихокраническому монголоидному типу. Самая близкая параллель – классический тип, найденный в аварском могильнике в Мошонсентяноше.

Дульцеанка в Мунтении, Румыния: деформированный череп мужчины в возрасте около 50 лет. Е + М.

Хотя ни одна из этих находок не может быть датирована точно, их можно отнести не раньше чем к последней четверти IV в. Но монголоиды жили между Веной и Дульцеанкой до прихода гуннов. С другой стороны, местонахождение мест находок и состав вещей в захоронениях исключают возможность датировки черепов позднее чем V в. Они принадлежат гуннам или людям, которые пришли с гуннами.

Описания и расовые диагнозы требуют некоторых комментариев. Во-первых, есть черепа, демонстрирующие и европеоидные и монголоидные черты. Некоторые антропологи отказываются идти дальше заявления о том, что в данном черепе можно различить характеристики двух главных рас. Искусственная и, в особенности, круговая деформация влияет на все черепные индексы в такой степени, что зачастую невозможно установить даже основные расы. Если к тому же деформированный череп показывает черты обеих главных рас, диагноз становится очень сложной задачей. Большинство советских антропологов довольствуются тем, что относят подобные черепа к европеоидно-монголоидным.

В перечень черепов гуннского периода я не включил деформированные черепа из Сексарда, Мохача, Gyöngyösapati и Szirmabesenyö. Немешкери считал, что установил в них монголоидные черты. Вернер согласился с его диагнозами и сделал из них далекоидущие выводы. Однако диагнозы представляются ошибочными. Липтак измерил черепа еще раз, и его результаты оказались отличными от Немешкери. Если верить Липтаку, ни в одном из черепов нет монголоидных черт. Из черепов, найденных в Страже и Бешеневе, которые Влчек посчитал монголоидными, Липтак принял только два, как Е + М.

Историк оказался в затруднении. Какому суждению верить? Советские антропологи, к которым я обращался, были склонны стать на сторону Липтака. К счастью, ситуация не безнадежна. Ведь даже после исключения черепов, вызывающих противоречивые суждения, остается целый ряд монголоидных и Е + М черепов, датированных гуннским периодом. Конечно, нельзя исключить возможность того, что тот или иной из якобы монголоидных черепов может в конечном счете оказаться Е + М или даже европеоидным. Однако маловероятно, что все диагнозы окажутся ошибочными. Немешкери не мог ошибиться, обнаружив ближайшие параллели между двумя черепами из Дьёра и аварскими черепами из Mosonszentjános. В настоящее время мнение едино: последние принадлежат к байкальскому типу.

Материал из Венгрии, Словакии и Румынии слишком мал, чтобы установить численные пропорции различных рас у гуннов. Кстати, большинство черепов – из захоронений бедных людей. Выдающиеся гунны, точнее, немногие из них кремировали своих усопших. Некоторые черепа Е + М могут также быть аланскими. Индивиды южно-сибирского типа имелись среди сарматов в Калиновке – в Поволжье. Черепа в захоронениях Saint Prex, Canton Vaud с отчетливо выраженной монголоидной примесью были, скорее всего, черепами аланов или их потомков. Такой полукровкой являлся также мужчина, в захоронении которого в Вене-Зиммеринг нашли разные предметы, которые могли быть гуннскими. Сам мужчина, рост которого достигал 180 см, определенно не был гунном.

Хунну

До 1940 г. идентичность европейских гуннов и народа хунну, жившего на границе с Китаем, редко

подвергалась сомнению. И поскольку никто не возражал против того, что хунну были монголоидами, гунны тоже считались монголоидами. Но есть ли палеоантропологические находки, с помощью которых можно реконструировать пути их миграции в Восточную Европу?

Ответ, данный Бернштамом в 1926 г., долгое время считался общепринятым: в последнем столетии до нашей эры хунну якобы перешли в восточную часть Средней Азии и оттуда распространились на запад. Тезис Бернштама основывался на захоронениях в катакомбах на реке Кенкол – в верховьях Таласа. Бернштам раскопал курган 10. «В подземной пещере, – писал он, – лежало два монголоидных скелета с деформированными черепами; скелеты в дромосе были европеоидами – вероятно, слуги из числа местного населения памиро-ферганской расы».

Бернштам являлся великолепным, не знаяшим усталости исследователем, который продолжал раскопки даже тогда, когда уже почти не мог ходить. Он умер от рака в возрасте всего лишь 46 лет. Бернштам был еще и очень смелым человеком. Он всячески защищал взгляды выдающегося, но часто высказывавшего безумные взгляды лингвиста Н. Марра в то время, когда многие советские ученые, ранее превозносившие последнего до небес, добивали уже мертвого льва после того, как Сталин заклеймил его, назвав антимарксистом. Но Бернштам продолжал писать, хотя и слишком спешно, реконструируя целые периоды мировой истории на слишком узкой базе. Его интерпретация находок на Кенколе – яркий тому пример. Два монголоида мгновенно стали тюркоговорящими хунну, а европеоиды в дромосе – слугами из усуней. А поскольку монголоиды были захоронены в катакомбах, все подобные кладбища в Средней Азии объявили захоронениями хунну. Пастухи с Кенкола стали недостающим звеном между хунну в Монголии и гуннами в Венгрии.

Жиров еще в 1940 г. подверг сомнению трактовку Бернштама, но она уже была широко принята и в Советском Союзе, и на Западе. Сейчас она практически забыта. Более внимательное изучение китайских хроник заставило С. Сорокина и Н. Негматова усомниться в том, что монголоиды в долине Таласа имели что-то общее с хунну недолговечного государства Chih-Chih, как считал Бернштам. Датировка находок, предложенная им, тоже была поставлена под сомнение. Грязнов доказал, что «слуги» в дромосе – вторичное захоронение. И наконец, предполагаемая разница между «господами» и «слугами» оказалась несуществующей. Дебец произвел измерения горизонтальных профилей двоих мужчин из дромоса. Получилось следующее:

	Назо-малярный угол	Зиго-максиллярный угол	Дакриальная высота	Димотическая высота
Катакомбы, мужчина	141	129	13,3	4,4
Катакомбы, женщина	133	132	13,9	4,0
Дромос, мужчина	140	139	12,3	2,8
Дромос, мужчина	140	132	11,1	3,2

Угол назального выступа черепов в катакомбах – 26, в дромосе – 26 и 25. Другими словами, реальной разницы между «господами» и «слугами» в горизонтальном профиле лица нет. Одни не более

монголоиды, чем другие. Все четыре черепа европеоиды с монголоидной примесью.

Почти негодящее опровержение Дебецем тезиса Бернштама, разумеется, не решило проблему находок на Кенколе. Откуда взялась монголоидная примесь? Остался и более широкий вопрос: существует ли связь между монголоидами в захоронениях Венгрии и монголоидами хунну?

Количество черепов хунну невелико, но все же оно является достаточным, чтобы сделать на его основе важные выводы. Дебец измерил 16 черепов из курганов в долине Селенги, что недалеко от Усть-Кяхты, которые в 1897–1903 гг. раскопал польский антрополог Талько-Гринцевич, и женский череп из Ноин-Ула, найденный экспедицией Козлова в 1925 г. Череп мужчины, найденный Венгерско-монгольской экспедицией в Ноин-Ула в 1961 г., был измерен и описан Т. Тотом (1962). Он обнаружил в нем черты байкальского (палеосибирского типа): долихоцефальный низкий череп, челюсть не выдается вперед, очень слабо выраженный горизонтальный профиль, то есть плоское лицо и широкий плоский нос, покатый лоб, сильные надбровные дуги. Другой череп из Ноин-Ула такого же типа, равно как и черепа из долины Селенги, хотя один из них имеет смягченные монголоидные черты (как и, возможно, вся серия). Череп из Иволгинского городища, который изучил Гохман, тоже байкальского типа.

Самый ранний байкальский череп был найден в 1952 г. в пещере недалеко от реки Шилка. Окладников отнес его к глазковской культуре (1700–1300 до н. э.), хотя он может быть и более поздним. Черепа из забайкальских захоронений начала железного века (IV–II вв. до н. э.) для нас важнее. Эти черепа с низкими лицами принадлежат народам, жившим в этом регионе до хунну. Когда пришли хунну, черепа с низкими лицами сменились черепами с высокими лицами. В период ранней Ханьской династии и в начале позднего периода Хань ядро конфедерации хунну состояло из монголоидов байкальского типа. Но это не делает всех монголоидов байкальского типа хунну, равно как и не доказывает, что все члены конфедерации принадлежали к байкальскому типу. Между прочим, то, что было справедливо для последних двух веков до нашей эры и начала нашей эры, не обязательно справедливо и для III–IV вв. Обратимся к документальным источникам и археологическим памятникам.

Европеоиды в Восточной Азии

Каменная лошадь из захоронения в долине реки Вэй в Шэнъси топчет копытами варвара. Это захоронение Но Ч'ю-пинг, великого полководца, знаменитого своими победами над хунну, который умер в 117 г. до н. э. Хотя в точности датировки скульптуры уверенности нет, она, вне всяких сомнений, относится к периоду Хань. Военачальник, похороненный под земляным курганом, возможно, был вовсе не Но Ч'ю-пинг, но наверняка – выдающимся человеком, а его враги – хунну. Он имеет плоское лицо и высокие выступающие скулы, но роскошную, совершенно немонголоидную бороду. В этом отношении он напоминает всадника с маленькой бронзовой пластины, найденной П. С. Михно в Забайкалье. На бронзе, хранящейся в Британском музее, принадлежавшей хунну, изображен европеоид. Обратите внимание на широко открытые глаза и густые усы.

Монголоидные элементы в хунну существенно укреплялись китайскими перебежчиками и военнопленными. Из рабов хунну – цяны, дахи и динлины – цяны почти наверняка были монголоидами. Но из своих рейдов в оазисные города Синьцзяна хунну, должно быть, приводили и много европеоидов. Полезным является двойное захоронение к северу от Миньфэн-Сянь. Разноцветный шелк, одежда и обувь такие же, как в Ноин-Ула. Но на полотне изображен человек с отчетливо выраженными европейскими чертами. Пара в захоронении также была европеоидной.

Здесь мы не будем заниматься первым появлением европеоидов на границе с Китаем. Двух ссылок достаточно, чтобы обозначить проблему. Карлгрен указал, что бронзовая фигура преклонившего колени

человека из одного из захоронений Цзинь Цунь, датированного 450–230 гг. до н. э., представляет не монголоида. Я бы сказал, что плоское лицо все же принадлежит монголоиду, но широко открытые глаза европеоидные. Охотник на часто воспроизведенном золотом диске из Сибирской коллекции Петра Великого, несомненно, является европеоидом. Диск датирован III–I вв. до н. э., если не раньше.

Как показывает рассказ о массовом убийстве хунну цзе в Чжао в 349 г., большая часть представителей этого народа были европеоидами. Когда Jan Min захватил власть в Чжао на севере провинции Хэнань, где до этого правили цзе, он приказал уничтожить их всех. Всего были убиты больше 200 тысяч человек. Солдат цзе узнавали по высоким носам и густым бородам.

Uchida Gimpu и я, независимо друг от друга, привели характеристику цзе как доказательство существования европеоидной группы среди хунну в IV в. Это было отвергнуто Tsunoda Bumie (1954. 197–200), который заявил, что цзе не хунну. Потом возражения выдвинул S. Klyashtornyj со ссылкой на Yao Wei-yüan, который попытался доказать, что цзе – это юэджи. Pulleyblank^[134] сделал еще шаг вперед и заявил, что цзе – это тохары.

Возможно, цзе отличались в этническом отношении от других хунну, но это не меняет того факта, что они были одним из 19 племен хунну. Когда они присоединились к их конфедерации, неизвестно. В любом случае к середине IV в. среди хунну были европеоиды.

Лю Юань, хунну-завоеватель Лояна в 311 г., имел рост 184 см и рыжие пряди в длинной бороде. Хунну Хэлянь Бобо, основатель недолговечной династии Ся, современник Аттилы, имел рост 195 см. Некоторые принцы туйхуней тоже были очень высокими^[135]. Мужун Туйхунь – ветвь сяньби. Анекдот в Shih-shuo hsin-yü, труде, составленном Лю И-цином в первой половине V в., показывает, что сяньби, которые, предположительно, говорили на монгольском языке, что касается расы, были кем угодно, только не монголоидами. Когда в 324 г. император Минг, чья мать, урожденная Сюнь, прибыла из царства сяньби Янь, услышал о мятеже Ван Дуня, он направился к лагерю мятежников, чтобы выяснить их силу. Он галопом проскасал через весь лагерь. Озадаченные противники решили, что он сяньби, из-за его желтой бороды. Хотелось бы знать, из какого племени был «китайский» предок Саканоуэ-но Тамурарамо, которого звали Ати-но Оми; он имел красноватое лицо и желтую бороду.

Период Тан выходит за рамки настоящего исследования. Я только вскользь упомянул европеоидных «тохаров», изображенных на фреске в Северном Синьцзяне с рыжими волосами и зелеными глазами. К. И. Петров («Очерки происхождения киргизского народа») считает, что китайцы ошибочно истолковали этническое имя (которое, по его убеждению, означает «красные» из-за красного цвета земли) и приписали народу рыжие волосы. Варвары-всадники из Юй-Чжоу в поэме Ли По, возможно тюрки, имели зеленые глаза. Даже позже китайцы знали о народе хуантоу шивей, «шивеях с желтыми головами». Чингисхан и его потомки имели светлые или рыжеватые волосы и синие глаза.

Можно предположить, что европеоиды хунну первоначально были членами покоренных племен, военнопленными или рабами. Некоторые, вероятно, да, но Цзинь Жиди, имевший рост 191 см, современник Но Ch'u-ping, являлся принцем крови сюту, царской ветви хунну. После покорения хунну современной Тувы во II в. до н. э. население, и ранее расово смешанное с преобладанием европеоидных черт, стало не меньше, а больше европеоидным.

Часто цитируемое описание Янь Шигуянь Шигу усуней, соседей и наследственных врагов хунну вроде бы доказывает, что когда-то усуни были в основном европеоидами: «Из всех жуней западных земель усуни самые необычные. Современные Ни, имеющие небесно-голубые глаза и рыжие бороды, выглядят как мартышки Mi^[136], – их потомки». Янь Шигу (579–645), очевидно, полагался на некий более ранний источник. Но является ли такой источник надежным?

Уже в то время, когда было известно лишь небольшое количество черепов с территории, занимаемой усунями, их признавали европеоидными. Дебец отметил легкую монголоидную примесь. Усуней не считали такими чистыми европеоидами, как предшествовавших им саков, которые выглядели как афганцы или жители северной части Индии, но «психологически усуни напоминали сегодняшних безродных узбеков или ферганских таджиков, то есть европеоидные черты были в них явно выраженным». По мере накопления материала местные различия стали более значительными, чем казалось вначале. Да и развитие шло не в одном и том же направлении. В III в. некоторые усуни были почти чистыми европеоидами, в то время как другие приблизились к южно-сибирскому типу, то есть приобрели отчетливые монголоидные черты. И все же ничто в материале не подтверждало заявление Янь Шигу, пока молодой казахский антрополог О. Исмагулов не опубликовал результаты своих исследований. Из 87 черепов из захоронений в Семиречье шесть, датированных приблизительно началом нашей эры, были или европейскими, или близкими к этому. Эти усуни не напоминали узбеков или таджиков, а были людьми с синими глазами и красными бородами.

Палеоантропологическая работа в Синьцзяне едва началась. Тем более примечательно, что некоторые черепа, найденные китайско-шведской экспедицией в 1928 и 1934 гг., указывают на существование в древнем населении европеоидов северного типа. Из трех черепов из Мирана, датированных I в. до н. э. – III в., возможно, один китайский, другой – тибетский с сильной северной примесью, а третий, вероятнее всего северный, с индоидными или монголоидными чертами. В III в. Миран считался тибетской крепостью, так что монголоиды вполне могли быть солдатами гарнизона. Присутствие индоидных черт вполне ожидаемо. Люди на фреске III в. – индийцы, надписи – на карости. Однако нордические черты явились неожиданностью. Череп из Черчен, к сожалению недатированный, является нордическим с индоидными и монголоидными примесями. Один из ранних черепов из района Лопнор, датированный I–III вв., – монголоидный с некоторыми нордическими чертами. В могильнике того же региона, только приблизительно после 200 г., нашли череп монголоида с отдельными нордическими чертами, и еще один – индоидный с нордической и слабой монголоидной примесью. Таким образом, в начале нашей эры европеоиды нордического типа жили в Семиречье и Синьцзяне.

Глава 9

Язык

Размышления о языке гуннов

Германцы в царстве Аттилы определенно не использовали письменность, которую ввел Вульфил, чтобы перевести Библию на язык готов. Они вырезали свои руны на мечах, наконечниках копий, брошах и пряжках, как это делали их далекие предки. Гунны, которых считали варварами даже остальные варварские народы, жившие вокруг [137], письменности не имели. Писцами Аттилы были не гунны, а римляне: галл Констанций [138], итальянец, носивший такое же имя, паннониец Орест [139] и Рустиций из Верхней Мёзии. В середине VI в. Прокопий описал гуннов, живших к западу от Меотиды, назвав их «абсолютно незнакомыми с письмом и несведущими в нем до сегодняшнего дня. У них нет писцов, и дети среди них не трудятся над буквами, когда растут» [140].

Все, что мы знаем о языке гуннов, – это имена. Причем наши источники не сообщают их значений. Эти имена изучаются уже полтора века. Их отнесли к разным группам языков, от славянского до проточувашского. Задача историка, имеющего лингвистические навыки, или филолога, знающего историю, не может состоять в выделении того или иного имени и в сравнении их с тем, что он знает. Она должна заключаться в изучении всего комплекса материала.

Это было сделано только однажды. Вамбери составил список не только имен, которые, по его мнению, он мог объяснить, но и всего, что он мог найти. Его список не полон, многие из его этимологий представляются нам фантастичными, однако с точки зрения методологии он находился на правильном пути.

Хотя настоящее исследование касается аттильских гуннов (используя, возможно, не вполне корректный, но удобный термин, введенный Б. фон Арнимом), списки на следующих страницах включают имена и других гуннов. Часто утверждали, и я тоже это отмечал, что византийцы говорили о гуннах так же неопределенно, как и о скифах. Это справедливо для более поздних авторов, но в V и VI вв. византийские авторы определенно отличали гуннов от всех прочих северных варваров.

Приск, интересовавшийся иностранными языками, выделял гуннский из других языков, которые слышал при дворе Аттилы. Во время своего пребывания с гуннами и, возможно, раньше он достаточно узнал гуннский и готский языки, чтобы различать их. Он описал, как шут Зеркон вызывал смех у гостей на царском пиршестве своими гримасами, одеждой, голосом и беспорядочным смешением слов – латинских, гуннских и готских. Называя Эдекона гунном, Приск имел в виду, что тот говорил на гуннском языке.

Хотя определение этнической группы Прокопия не сможет удовлетворить сегодняшних антропологов, оно не так туманно, как о нем иногда говорят. Он писал: «В прежнее время готских племен было много, и много их и теперь, но самыми большими и значительными из них были готы, вандалы, вестготы и гепиды. Все эти народы, как было сказано, отличаются друг от друга только именами, но во всем же остальном они сходны. Все они белы телом, имеют русые волосы, рослые и хороши на вид; у них одни и те же законы и исповедуют они одну и ту же веру. Все они ариане и говорят на одном языке, так называемом готском; и, как мне кажется, в древности они были одного племени, но впоследствии стали называться по-разному: по именам тех, кто были их вождями».

Прокопий применил к гуннам два из четырех критериев, которые, по его мнению, определяют народ.

Как и готы, Оύνниά ёθνη характеризовались своим расовым типом – были уродливыми и имели темную кожу; и по образу жизни – являлись кочевниками. То, что Прокопий обошел молчанием их религию, вполне понятно: в отличие от антагонизма между арианством и православием она не играла никакой роли в отношениях с римлянами. Не было у Прокопия оснований и обращать внимание на язык гуннов. Как советник Велизария, он имел возможность изучить язык готов и, возможно, вандалов: это были языки великих королей и воинов. Но вовсе не стоило изучать тарабарщину, на которой говорили странные телохранители – массагеты. Для благородного уха Прокопия их говор, должно быть, звучал, используя китайское сравнение, словно «карканье сорокопута». Но все же он упоминал о гуннах, как и о готах. Если последние говорили на одном языке, то же самое должно было быть справедливо и для первых. В одном случае нам ясно указывают, что кутригуры и утригуры, названные гуннами Прокопием, Агафием и Менандром, были того же рода, одевались таким же образом и имели такой же язык. «Такой же» не значит идентичный. Язык вандалов, безусловно, был близок к готскому, но не более. Могли существовать выраженные диалектические различия в речи разных гуннских народов и племен, но они, очевидно, понимали друг друга.

Небольшой фрагмент у Иоанна Антиохийского проливает больше света на раннюю византийскую концепцию этнического имени «гунн». В 513 г. Ипатий, племянник императора Анастасия, попал в плен к гуннским федератам Виталиана. Полихрония и Мартирия, которым по должности было положено общаться с гуннскими послами, отправили к гуннам с 1100 фунтами золота, чтобы выкупить Ипатия. Иными словами, среди *interpretes diversarum gentium*, которые подчинялись *magister officirum*, были специальные люди, в обязанности которых входило общение с гуннскими послами. Не с тем или другим племенем, а с народом гуннов, который, очевидно, имел единый язык.

Настоящее исследование было бы невозможно без бесценного труда Дьюлы Моравчика «Византинотуркика», содержащего сведения византийских авторов о венгерских племенах. Только тщательным изучением литературных контекстов, в которых появляются имена, мы можем приблизить решение проблемы гуннского языка. И для нас бесполезны предполагаемые византийские правила транскрибирования иностранных имен. Они меняются от автора к автору и от века к веку. До XII в. β могла передавать и b, и v. У Созомена Βαρδοσάνης Бар-Дайсан, и Βίτωρ, Ἀρδαβούριος Приска – Ардавур в латинских источниках, и Βαλάμερος – Валамир Mp вместо начального b впервые появилось в XII в.[\[141\]](#) Традиционная транскрипция Βούλγαροι сохранилась намного дольше. Только собрав все транскрипции, от самых ранних до последних, и независимо от языка автора, от классического чистого греческого до вульгарных разговорных форм, можно сказать, что a представляет а, о, и, е, ё, і и ї в тюркских именах[\[142\]](#). Имеет значение специфика стиля автора, его зависимость от ранних работ, традиции и ряд других факторов, которые нам еще предстоит обсудить. Именно они ответственны за форму имени в тексте.

Транскрипции

Априори ясно, что фонетическая система гуннского языка, какой бы она ни была, отличается от греческой и латинской. Даже если автор хочет передать гуннское имя таким, каково оно есть, сам факт, что он использует для этого свой алфавит, искачет звучание. Некоторые имена могли пройти процедуру транскрибирования более или менее благополучно, но многие сильно пострадали. Какое имя, предположим, пишется как Ἀδαμῖς? Имя слуги царицы Эрекан встречается только у Приска и в дательном падеже: Ἀδαμεὶ, и – ίς не является греческим окончанием слова. Не знаю, был ли Приск хорошим христианином, но он должен был слышать о працарителе. Будь гуннское имя Адам, Приск написал бы Ἀδάμ. Грек, не имея букв для надзубной ş и небной š, транскрибирует эти согласные сигмой. Ἀδαμῖς может быть Adamis или Adamiš (ş, š). Но поскольку в транскрипции германских имен окончание – iþ иногда

передается как – іс, Ἀδαμίς может быть еще и Adamīþ.

Иностранные имена не только адаптировались к греческой и латинской фонетике, но также к морфологии языка автора. Византийцы часто считали окончания имена – ап и – ін окончаниями винительного падежа. Если бы у нас были только формы Οὐλδῆς и Οὐλδῖς, было бы невозможно установить, как в действительности звали гуннского царя – Улдис или Улдин. К счастью, Орозий назвал его в именительном падеже, и мы знаем, что царя звали Улдин. В некоторых транскрипциях греческие и латинские окончания можно отличить сравнительно просто, но в других это не представляется возможным, и мы остаемся в неведении относительно имени того или иного варвара. Прокопий настолько восхищался Велизарием, что даже описал коня своего героя: «Его тело было темно-серым, и только лицо от лба до ноздрей было белоснежным. Такую лошадь греки называют фалιός, варвары назвали ее βάλαν. Но было ли это Балас, Балан или Бал? Balas – германское слово, OHG *balas*, *equus maculosus*, английское *blaze*, немецкое *bless*. Слово узнаваемо, потому что встречается в хорошо известных языках. Что, если значение имени неизвестно, как неизвестен и язык? Гуннские имена в латинских и греческих источниках могут быть воссозданы в определенных границах, но эти границы широки. "Нôлаç – это может быть транскрипция следующих имен: Esl, Esla, Eslas, Ešl, Ešla, Ešlas, Eslaš, Ešlaš, Eslan и Ešlan. А на какой слог падает ударение – на первый или на второй? И какое в окончании s – надзубное или небное, если это вообще s? Этого мы не знаем.

Пытаясь «ретранскрибировать» гуннские имена, помимо орфографии автора и возможности морфологического изменения, следует учесть еще три фактора. Во-первых, имена в наших источниках совершенно не обязательно те, которыми гунны называли себя. До того как восточные римляне вступили в контакт с гуннами, они слышали о них от готов. Они, должно быть, слышали много имен, произносимых готовами и другими негуннами. Octar (Октар) – имя дяди Аттилы по отцовской линии – хороший пример модификаций, которые претерпело гуннское имя в ходе передачи с гуннского через латинский на греческий. У Иордана – Октар, у Сократа Οὔπταρος. Эти формы имеют параллель с Accila (Аксила) и Optila (Оптила). Восточные писатели называют остгота, убившего Валентиниана III, Accila (Аксила) или Occila (Оксила), Марцеллин Комит, Иордан и Иоанн Антиохийский – Optila^[143]. Переход от – ст– к – pt– характерен для балканской латыни^[144]. Возможно, Октар стал Оптаром-Уптаром.

Второй фактор, который следует иметь в виду, это тенденция поздних римских и византийских авторов изменять иностранные имена до тех пор, пока они не станут звучать как латинские и греческие. Таким образом Bagrat (Баграт) стал Pancratios (Панкратием). Имя лангобарда Дроктульфа появляется в латинской эпитафии в виде Дроктон. Временами имена переводились. Аммиан Марцеллин упоминает иберийского принца со странным именем Ультра. На самом деле принца звали Pîrān. Аммиан сделал из него πέραν, после чего перевел последнее слово на латынь.

Третья причина крайне осторожного отношения к транскрибированным гуннским именам заключается в обстоятельствах, при которых они дошли до нас. Собственные имена особенно подвержены искажению в манускриптах. В манускриптах Прокопия Ούρβιβέντος вместо Урбс Ветус и Ούρβισαλία вместо Урбс Сальвия. Маловероятно, что сам Прокопий ответствен за такие формы. Большинство фрагментов Приска находятся в собрании отрывков, составленном Константином Багрянородным (Порфиородным) в X в.

Все существующие кодексы не старше 1500 г. скопированы с одного, сгоревшего при пожаре 1671 г., уничтожившем большую часть библиотеки в Эскориале. Приск, например, называет шесть гуннских имен – это *нарах legomena*: Adamis, Basich, Eskam, Mamas, Kursich, Oebarsius. Последнее имя во всех манускриптах изображается как ὥηβάροιον. Во фрагменте Приска, касающемся осады Ниша гуннами, который сохранился в единственном манускрипте X в., сказано, что город расположен ἐπὶ Δάουβα. Ниш не был

глухой деревней. Он был крупным городом, в котором сходилось несколько дорог. Приск не мог назвать реку «Дунай». Δάνουβα – вероятно, ошибка писца. Но какая это было река? Как правило, если название встречается в одном фрагменте труда одного автора, оно берется таким, какое есть. Но ведь идентичные названия во всех кодексах вовсе не обязательно правильные. Если бы персидский язык был столь же неизвестен, как гуннский, Αρταβίδης в Феофане Симокатта (так у автора. На самом деле Феофан – компилятор Феофилакта Симокатта. – Пер.) III, 18, 9 никогда не было бы признано канцелярской ошибкой. *Αργαβίδης = Arghabād.

Полезны, хотя и не всегда, разные транскрипции одного имени. Так, имя командующего войсками во Фракии в 447 г. у Приска – Ὄρνιγίσιλος, у Феофана – Ἀγάροισιλος, а в Chronicon Paschale – Ἀνάργυρισιλος. Какая из этих форм правильная? Ни одна, поскольку все они – искажение имени Арнегискл, Арнегискл и Αρνύγισιλος, германское Арнегисл.

Этимология

В царстве Аттилы говорили на многих языках. Его «скифские» подданные были выходцами из разных народов. Они говорили, писал Приск, помимо своих варварских языков, на гуннском или готском или, поскольку многие имели дело с западными римлянами, на латыни. Но никто не умел свободно объясняться по-гречески, кроме пленных из пограничных регионов с Фракией и Иллирией. Поэтому мы должны быть готовы встретить среди гуннских имен германские, латинские и, благодаря длительным и близким контактам с алантами, также иранские. Попытки определить все гуннские имена в одну лингвистическую группу заранее обречены на неудачу.

«Пусть ни один невежественный субъект, – писал Иордан, – не придирается к тому факту, что в племенах люди используют много имен, сарматы – из германских, а готы из гуннских». Тутизар был готов, а Рагнар – гунном, но первое имя – не готское, а второе – германское. Византийских генералов, которые в 493 г. сражались против исаврийцев, звали Апсикал, Гот, Сигизан и Золбан – они были командирами гуннских вспомогательных частей. Апсикал – не готское, а гуннское имя, Сигизан – возможно, германское. Мундий – человек, ведущий свой род от Аттилы, имел сына по имени Мауриций, его внук Теудимунд носил германское имя. Патриций, Ардавур и Герминирихи были не римлянином, аланом и германцем, на что указывают их имена, а братьями, сыновьями Аспара и его готской супруги. В V–VI вв. таких случаев имелось великое множество. Иногда человек был известен под двумя именами на разных языках. Или его имя могло состоять из разноязычных элементов. Есть примеры того, что на первый взгляд представляется двойными именами, но на деле одна часть – это имя, другая – титул. Среди гуннских имен некоторые вполне могут быть обозначением титула. Полагаю, сейчас уже все согласны с тем, что титулы представителей степных народов не отражают национальность их носителей. Кан, каган или багатур – это мог быть представитель монголов, тюрков, булгар – кто угодно.

Имена дунайских булгар – наглядная иллюстрация ловушек, в которые может попасть исследователь, когда подходит к комплексным проблемам периода миграции, думая лишь об этимологии. Несмотря на непрекращающиеся попытки объяснить булгарские имена, предпринимаемые начиная с 30-х гг. XIX в., вряд ли найдется хотя бы одно, этимология которого установлена точно. И первый тому пример – само название Булгар – Bulgar. Что оно означает? Возможно, булгары – «смешанные люди»? Или «мятежники»? Пеллио был склонен к последней интерпретации, но считал возможным, что bulgar означает «les trouvers» (изобретатели). Тюркская этимология была решительно отвергнута Дечевым. Он предположил, что bulgar – это имя, данное аттильским гуннам гепидами и остготами, и счел его германским, означающим *hoto ruplax* (человек воинственный. – Пер.). Другую нетюркскую этимологию предложил Керамопулос. Он считает, что Bulgarii – это burgaroi, римские наемники, размещенные в burgi вдоль limes. Не принимая эту

этимологию, я бы хотел подчеркнуть, что во второй половине VI в. группа гуннов, нашедшая убежище в империи, была известна под именем *fossatisii*. *Fossum* – военный лагерь.

В дополнение к объективным трудностям присутствуют и субъективные. Ученые, занимающиеся тюрками, склонны находить их везде. А германисты находят германцев в самых невероятных местах. Убежденный, что все протобулгары говорили по-туркски, Немет предложил довольно-таки привлекательную тюркскую этимологию имени *Asparuch*. Другие тюркологи объясняют имя иначе, возможно не так убедительно. Теперь оказывается, что *Asparuch* – иранское имя. Валиди Тоган, очень эрудированный человек, правда иногда склонный к пантуркизму, произвел *shogun*, сино-японское *chiang chün*, «генерал», от *Quarluq* титула *sagun*. Прогерманские наклонности привели Шёнфельда к утверждению, вопреки хронологии, что мавры взяли имена вандалов.

Ввиду трудностей, связанных с изучением гуннских имен, – неточность, свойственная транскрипциям, морфологические изменения, которые должны были претерпеть многие имена, всегда присутствующая возможность готизаций имен, ошибки в манускриптах, – нельзя не удивляться смелости, с которой ученые снова и снова пытаются решить проблему гуннского языка.

Хотя для историков, знакомых с трудами Франца Альтхайма, следующие строки могут показаться излишними, я бы хотел отметить, почему решил воздержаться от обсуждения этимологий гуннских имен, которые он предлагал в десятках книг и статей.

Альтхайм считал, что в остраконах парфян и Пехлеви из Дура-Европоса нашел пять тюркских, а *potiori* гуннских имен. В 1953 г. он написал о своем открытии отдельную книгу (*Das erste Auftreten der Hunnen*), главу в другой книге, а также в венгерских и аргентинских периодических изданиях. Хеннинг показал, что эти гуннские имена обязаны своим существованием только невежеству Альтхайма, его незнанию языков, которые он пытался расшифровать. Чудесные гуннские имена *Ärk Qarhan*, *Qumratyl* или *Kirtäl*, *Silil*, *Tarqānbäg* и *Topčak*, в действительности *Wrwd Msynk*, «*Orodes* старший», *kṛškly*, «обувщик», *swlkly*, «сапожник», *tlkçunu*, «охотник», и *sap'n*, «хозяин собак».

В «Истории гуннов» Альтхайм воспроизводит камень с надписью, утверждая, что он найден на Кубани, и посвящает ему целую главу. Разглядев в надписи греческое предложение, аланское прилагательное и тюркское слово, он делает далеконидущие выводы, касающиеся истории алфавита в царстве кидаритов и раннего распространения христианства среди гуннов. На самом деле надпись – это обычная галиматья, как и все остальные подделки, которые производил некий человек в Севастополе в начале этого века. Не зная языков, он копировал, всегда с небольшими искажениями, греческие предложения или стихи Гомера из какого-то элементарного учебника.

Хорошо известно, что в ходе неоднократных переводов с одного языка на другой имена искажаются. Альтхайм в «Истории гуннов» выбрал искаженную форму и этимологизировал *ěstērā*, как тюркское **öz-tura*, *der selbst ein Setzschild ist* (который сам поставленный щит (нем.) – Пер.). Можно подумать, что отвергает *Styrax*, но он сохраняет его и объясняет как тюркское **öz-turač*. Каппу, как возможную транскрипцию Č, он взял в: *Moravcsik*, BT (2, 3). Что касается суффикса Č, Альтхайм обращается к *Gabain*, 1950a, 59, пар. 22 (читайте 44), не отмечая, что это Č – уменьшительно-ласкательный суффикс. Габайн приводит два примера: *ögütüm*, *mein Mütterchen*, и *atačım*, *mein Vätterchen*. Представляется, что **öz-turač*, *der selbst ein Setzschild ist* (который сам – поставленный... щитенок) – не вполне подходящее имя для гунна. Полагаю, этих примеров достаточно.

Германизированные и германские имена

Аттила – Attila

Имя вроде бы не представляет ни фонетических, ни семантических трудностей. Аттила образовано от готского или гепидского *atta*, «отец», прибавлением уменьшительного суффикса – *ila*. Его часто сравнивают со словом «батюшка» – так русские крестьяне обращались к царю. В 1962 г. узбекский поэт Камал Нугман Ясин назвал Никиту Хрущева «дорогим батюшкой узбекского народа».

Аттила – имя не редкое. Венанций Фортунат этим именем упоминает о *regulus aulae domesticus. Tla*, епископ Дорчестера, определенно не был назван в честь гуннского царя. *Tla* также присутствует в некоторых английских географических названиях – *Attleford, Attlefield, Attleborough, Attlebridge*. Аттила – имя монаха в Швейцарии XII в.

Некоторые ученые, впечатленные сходством имени Аттила и *Ätil* – тюркским названием Волги, ставят знак равенства между этими словами, не обращая внимания на их фонетические и семантические связи. Rásónyi был слегка обеспокоен конечной – а в имени Аттила, но считал, что может избавиться от окончания, вернувшись к тому, что он считал самой ранней формой. Он рассматривал – ас в *Ἄττηλας* Приска греческим окончанием и – а в *Ethela* (автор – Кезаи) как старый мадьярский диминутив. Таким образом, он пришел к *Atil* = *Ätil*, Волга, или, возможно, просто «большая вода». Между тем тезис о том, что Кезаи, который посвятил *Gesta Hungarorum* Ладиславу IV (1272–1290), сохранил исконные мадьярские традиции, касающиеся гуннов, долгое время считался несостоятельным. 80 лет назад Ходжкин писал: «Венгерские традиции иллюстрируют историю Аттилы не больше, чем Книга мормонов – историю евреев». Объяснение Rásónyi имени у Приска неубедительно. Как *Attila* на латыни, имя заканчивается на – а, а не на – I. Сравните: *Ἀνσίλας* = Ансила, *Ούνιλας* = Гунила, *Τωτίλας* = Тотила, *Ούλφιλας* = Вульфил и т. д.

Прицак [145] предложил этимологию и имени царя, и названия реки. По его утверждению, *Atil, Adil* и т. д. означает то же самое, что *Attila*. Он заявляет, например: что:

1. В византийских источниках название Волга появляется как *Ἄττιλαν^(acc)*, *Tíl*, *Ἄστιλ* и *Ἄτιλ*.
2. Эти формы показывают, что алтайское название Волга состоит из двух слов: ас и тил, тел, тел, причем второе слово может иметь расширенную форму тил + а.
3. Есть две реки, носящие имя *Тал* (*Таль*). Одна впадает в озеро Балхаш, другая находится в бассейне Сырдарьи.
4. Обычное тюркское а/ä изменилось на чувашское i/i еще в ранние времена.
5. Чувашское *as сохранилось только в форме суффиксов и означает «великий, большой».
6. В гуннском языке, который развелся в булгаро-чувашский, *äs-tíl, *äs-tíl-a, должно быть, означало большая вода, большая река, большое море.
7. По аналогии с *Čingis qa'an* и *dalai-in qa'an* «океанский = всеобщий религиозный властелин, Аттила, *ättíla < *äs-tíla означает «океанский > всеобъемлющий > всеобщий (властелин)».

Это оригинальная, однако по многим причинам неприемлемая этимология. Для начала коснусь аргументов, основанных на чувашских словах и формах. Согласно Бензингу, нашему ведущему авторитету по чувашам, тюркское а/ä изменилось на чувашское i/i не раньше XI или XII в. Даже если существовало чувашское слово *as, означающее «великий, большой», как мы можем утверждать, что в языке гуннов в V в. то же слово имело то же самое значение?

Бледа

Старший брат Аттилы, в греческих источниках Влήδαс и Влίдас, в латинских источниках – Bleda. Арианский епископ, которого Марциан (Маркиан) сделал своим послом у Гайзериха, и один из военачальников Тотилы носили такое же имя. Принято считать, что это германское имя, краткая форма таких имен, как OHG Bladardus, Bladgildus, Blatgisus. Бледа Марцеллина Комита (442) появляется в «Хронике» Беды Достопочтенного в странной форме – Blædla. Английские писцы «исправили» имя; они знали его как Blædla из устных традиций, где имя изменилось на Tla.

Ἐδέκων

Эдекон – один из советников Аттилы, гунн по рождению. Эдекон – греч. *Edika, гипокористическая форма, применяемая к человеку, настоящее имя которого начинается с Эд-, например Эдивульф.

Laudaricus

Лаударик (Лаударих), убит в сражении на Мавриакских полях. «Галльская хроника» 511 г. называет его cognatus Attilae Лаударик – германское *Laudaeiks.

Ὀνηγῆσιος

Онегесий – «премьер-министр» Аттилы. Онегесий, очевидно, не греческая, а «грецализированная» форма варварского имени. Ходжкин (1898. 2, 74. П. 1) смело «гунницировал» его в имя Onegesh – Онегеш. *Oneges – это, вероятно, Hunigis – так звали оруженосца Теодериха Великого. Hun – в восточно-германских именах, по всей видимости, то же самое, что hun в именах OHG, OE и ON, а именно ON hūnn, «медвежонок, молодой человек», или протогерманское hūn, «высокий»[\[146\]](#). Гунила (Hunila) – готский епископ примерно 400 г.[\[147\]](#), родился и получил имя до того, как гунны переправились через Дон.

Я полагаю, Томпсон прав, идентифицируя Онегесия и Унигасия, переводчика и оратора Аттилы в Vita s. Lupi. Расоньи, считая – sios греческим окончанием, предлагает тюркскую этимологию: oneki, «двенадцать». Между тем среди сотен транскрипций иностранных имен, перечисленных Моравчиком, нет ни одного, заканчивающегося на – esios. Oneki следовало бы транскрибировать *Onekios. Онегесий пишется Ὀνὴσιμος, Ὀνησιμάτης и т. д.

Ράγναρις

Рагнар – лидер остготов в последней кампании против Восточной Римской империи в 552–554 гг. Он был не ὄμόφυλος с ними, а гунном из Βίττορες. Рагнар – германское имя.

Руга

Западные источники называют дядю Аттилы Ρούγας, Ροῦνας, Ρωίλας Руга, Роа и Ругила. Эти формы ведут к Ruga > Rua и с суффиксом – ila – Rugila > Ruila. Сравните такие имена, как Ругемир (Rugemirus), Ругольф (Rugolf) и т. д. Связь с тюркским ırıq, которую заметил Маркварт, фонетически ошибочна.

За исключением, возможно, Лаудариха и Рагнара, эти имена – не настоящие имена гуннских принцев и знати, скорее с германской окраской, измененные, чтобы соответствовать готскому языку или популярным германским этимологиям. Или и тому и другому. Миккола (Mikkola) считал, что Аттила, вероятно, восходит к тюркскому atlīy, «известный», Пуча (Poucha) находит в этом имени Tokharian atär, «герой». Первая этимология слишком надуманная, чтобы к ней относиться серьезно, вторая – чепуха.

Иранские имена

Αἰσχιάνος

«Массагет», дорифор в Византийской армии около 540 г. – manos – иранское – manī или – manah, которое также транскрибируется: manus, manes, menes. Для первого элемента ни одной удовлетворительной этимологии не предложено.

Αμβαζούης

Гуннский вождь на Кавказе около 500 г. «Имеющие оружие с силой». Староиранское *ama-bāzuka.

Βάλας

Балас – вместе с Синнионом был командиром шести сотен массагетских вспомогательных частей, конных лучников, в армии Велизария в 533 г. Балас – обычное персидское имя.

Хормидақ (Ормидақ)

Так называли лидера гуннских (в основном) орд, которые зимой 465/66 г. разорили Прибрежную и Средиземноморскую Дакию. Если учесть, что поэты часто слегка изменяли иностранные имена, чтобы они соответствовали стихотворному размеру – у Валерия Флакка в Argonautica. VI, 96 есть Батарна вместо Бастарна и т. д., представляется вероятным, что Хормидақ – это Хормиздак, обычное среднеперсидское имя во времена Сасанидов.

Χορσομάνος

«Массагет», телохранитель Велизария. По версии Абаева, осетинское xorz-aman, «имеющий хорошие намерения».

Χορσομάντις

«Массагет», телохранитель Велизария. По версии Абаева, осетинское xorz-amond, «имеющий удачу».

Στύραξ и Γλώνης

Единственным нашим источником о войне между сабирами и кавказскими гуннами является «Хронография Малала» (Chronography of Malalas), сохранившаяся в единственном манускрипте, codex of Baroccianus, который изобилует искажениями. Некоторые из них можно устранить с помощью цитат из более поздних трудов. У Феофана, к примеру, часто содержатся правильные формы, подтвержденные славянским переводом Малалы, и, хотя и в умеренной степени, Иоанном Никиусским. В кодексе Бароксиана имена двух гуннов Τύραξ, Γλώνης у Феофана Στύραξ, Γλώνης в славянском переводе Стуракс и Эглон, у Иоанна Никиусского – Astērā и Aglānōs. Эти формы показывают, что в оригинальном тексте Малалы были Стиракс (Styrax) и Глон (Glones).

Глон (Glones) – греческая форма персидского имени. Полководец Глώνης, командир гарнизона Амиды

в 503 г., был персом. Гλωνάζης был mōbadhan mōbadh, который «доказал несостоятельность» маздакитов в великой религиозной дискуссии, которая означала начало конца ереси [148]. Также нет сомнений в том, что имя верховного зороастриского священнослужителя также было персидским.

Как мне сказал профессор Хенниг, Глона можно сравнить с Голон-Михраном, персидским военачальником в Армении, упомянутым Себеосом. В другом армянском источнике – Влон-Михран. Хенниг посчитал Влон-Голон-Гλών поздней формой Vrthraghna (Varhrān, Bahrām и т. д.).

Стиракс – обычное греческое имя. Малала изменил варварское имя гунна на то, что было ему знакомо и звучало, на его взгляд, лучше. Я уверен, что Стиракс – то же самое, что Στύρακος в надписи из Горгиппии, транскрипцией *starak, которую В. Миллер связал с оргорским stur-, «большой».

Zaþerγaν

Лидер гуннов-кутригуров в 550-560-х гг. Юстин сравнил имя с Záþarγoς в двух надписях с Танаиса, имея в виду, что – an – суффикс, указывающий на происхождение – ana, – an. Заберган – персидское имя. В надписи Шапура I, 261 г, оно встречается как Pahlavi zplk'n, парфянское zbrkn и греческое Zaþerγaν. Хотя Zaþerγaν – военачальник, который в 586 г. защищал крепость Хломарон от римлян, мог быть командиром вспомогательных частей варваров, а значит, мог и сам быть варваром, Zaþerγaνης, министр Хосрова I, определенно был персом.

Zaptēr

«Массагет», служил в византийской армии около 549 г. Этимология найдена профессором Хеннигом. Вторая половина – персидское божество Tīr. Zar-tīr – брат-близнец Zar-mihr – имя того же периода. Zaptēr относится к Zar-mihr так же как Тηριδάτης к Μιθριδάτης.

Тюркские имена

В тюркских «рунических» надписях встречается много имен с приложением čur (или čor), например: Alči čur kuč bars; Qan čur; Tadiqin čur; Köl čur Tardu; Unagan čur; Yigän čur; Isbara tamyan čur; Sabra tamyan čur; ...t čur; Bag čur.

Давно считалось, что čur – титул или ранг, однако его значение пока точно не установлено. Хотя все мужчины, в имени которых имелось čur, являлись представителями аристократии, их статус был неодинаковым. Čur, который представлял киргизского кагана на похоронах Köl Tegin, и Isbara bilgä köl(i) čur с монумента в Ikhe-khushotu, оба являлись высокопоставленными сановниками; Bögü čur, судя по простому камню, на котором была выбита эпиграфия, занимал скромное положение. Разные čur, перечисленные в арабских источниках, – все, как представляется, тюрки – были господами, но означало ли слово čur ранг в военной или административной структуре, и если да, то наследственный или нет, выше или ниже, чем bāg или tarqan, остается неясным. То же самое справедливо для chari и chara – čur в хотанских документах. Čor (hjor) в тибетских именах Drugu čor, 'Bug čhur, Khri-skugs-hjor в Старом царстве Шаньшань и Западном Кансу это тюркские čur, но что они означают, неизвестно.

Китайские источники тоже не могут помочь. В династических хрониках названо довольно много čur среди тюркоговорящих групп: как в надписях, ch'o (=čur) часто добавляется к другому титулу, например A ch'o, Mo ch'o, P'ei-lo ch'o или Shih-chien ch'o. Часто встречается в именах каганов и другой высокопоставленной знати, иногда ему предшествуют или за ним следуют другие титулы, как в чудовищном Hsieh to teng-li ku ch'o mi-shih ho chü-lu ying yi chien li pi-ch'ieh k'o-han = El töbär täjri qut čur

toymis alp chü-lu ying yi chien li bilgä qayan. Но только никто из хронистов не указал точно, что значит čur.

Чем тщательнее изучаешь титулы степных народов в китайских хрониках, тем более непонятными становятся постоянные противоречия. Причем они лишь частично объясняются неправильным пониманием переписчиков. Хотя китайцы, сбитые с толку сложностями социальной и политической систем, так не похожих на их собственные, должно быть, испытывали непреодолимое искушение изменить титулы и ранги, подогнав их под собственные идеи о государстве, пусть даже варварском. Кочевнические общества, особенно находившиеся недалеко от Китая, а значит, более подверженные его влиянию, не были неизменными единицами. Как показывают многочисленные китайские титулы в тюркских надписях, варвары считали себя вынужденными перенять ряд институтов у ненавистной и, одновременно, достойной всяческого восхищения империи. Это означало не просто добавление набора китайских титулов, а существенное изменение в политической структуре. Старые титулы, насколько их можно проследить, не были единообразными. Одни уходили корнями в шамансскую олигархию раннего периода, становясь нестабильными по мере отмирания функций, другие были тесно связаны с расцветом каганатов. Если картины, которыми китайцы рисовали данное кочевническое общество, отличались друг от друга временами в пределах одной главы летописи, причину этого следует, прежде всего, искать в постоянном, иногда медленном, а временами ускоренном перемещении значимости и власти от одной группе к другой. Имея описания, противоречащие друг другу, поскольку они относились к разным периодам, не обязательно разделенным большим временным промежутком, хронисты часто не видели другого выхода, кроме как свалить все в кучу, предоставив читателю разбираться. Один из титулов, который, должно быть, изрядно озадачил китайцев, – čur.

Около 635 г. Sha-po-lo tieh-li-shih qayan разделил западных тюрков на десять племен. Пять племен Tu-lu, образующих левую группу, были под властью пяти «великих čur», племена Nu-shih-pi правой группы находились под властью пяти «великих ch'i-chin». Титулы вождей следующие:

Tu-lu (тулу)	Nu-shih-pi (нушепи)
Lü čur (племя Ch'u-mu-k'un)	Ch'üeh ch'i-chin (A-hsi-chieh)
Ch'üeh čur (Hu-lu-wu)	Ch'üeh ch'i-chin (Ko-shu)
T'un čur (She-she-t'i)	T'un sha-po (Pa-sai-kan)
Ho-lo-shih čur (Tu-ch'i shih)	Ni-shu ch'i-chin (A-hsi-chieh)
Ch'u-pan čur (Shu-ni-shih)	Ch'u pan ch'i-chin (Kushu)

Великий čur, очевидно, имел тот же ранг, что великий ch'i-chin. Однако мы располагаем списком высокопоставленных сановников западных тюрков, в котором ранги расположены совсем иначе: yi-chin, ch'ü-li čur, yen-hung-ta, hsieh-li-fa, t'u-t'un, ch'i-chin. Ch'u-lu čur также располагается вторым в списке высокопоставленных сановников тюрков в T'ang shu (215a, 36), но возглавляет список официальных чиновников северных тюрков. Оба списка заканчиваются ch'i-chin.

Представляется, что Sha-po-lo повысил ch'i-chin с нижнего ранга до čur. Вся система являлась инновационной и нестабильной. В соответствии с ней не должно было быть čur в правой группе. Но два ch'üeh čur, которых Mi-she, лидер Tu-lü, убил в 659 г., являлись вождями Nu-shi-pi. Киргизы, судя по всему, не были поделены на левую и правую группы. И тем не менее у них имелись свои külög čur, как, например, Bain Sajun, похороненный на реке Барлук в Туве.

Может создаться впечатление, что čur – некий общий термин, особое значение которого определяется предшествующим прилагательным: великий čur, младший čur, мудрый čur и т. д. Тем не менее čur западных и северных тюрков все были людьми важными. В VIII в. об уйгурох этого сказать уже нельзя.

В Mahrnāmag перечислено 11 манихейских auditors, имена которых оканчиваются на čur. Ни один из них не был высокопоставленным чиновником. Принцев называют tegin, «правители» имеют или китайские титулы, или к ним обращаются tiräk и il ügäsi. Далее следуют чиновники с титулом ügä. Из следующих «повелителей» городов только два čur. Остальные čur – лекарь, писец и официальные лица невысокого ранга. Последним в длинном списке значится kül čur.

Имена уйгурских čur следующие:

kwrtl' čwr = körtlä, «красивый», čur.

bgr'k čwr = bägräk, «царственный», čur.

үбдүү чwr = yduq, «священный», čur.

lywl'ng xwm'r čwr. Liu-lang – очевидно, китайский. Бенвенисте считает, что xwm'r – буддистское согдианское үwm'r, *humār, «утешение, ободрение».

xr'kwl l" čwr. Одно это имя или два – неясно. xr'kwl = qara qul. L" может быть китайским.

'wn čwr. Возможно, on, «десять».

by'mnwrz čwr – согдианское имя.

twnk whmn čwr – еще одно такое же имя.

sp'r xr čwr = išbara qara čur.

'lp čwr = alp, «герой», čur.

qwyl čwr = köl čur.

В Mahrnāmag čur не является обозначением функции. Это был наследственный титул, в лучшем случае – почетное определение к имени. Мы слишком мало знаем об уйгурском обществе, чтобы установить причины такого «обесценивания» čur. Жизнь при дворе манихейского кагана была не такой же, как в степи. Перемены, распад старого порядка, сделавшего čur пустым титулом, возможно, стали результатом сильного влияния согдианской цивилизации. Вместе с новой религией в жизнь скотоводов пришли новые искусства, ремесла и разделение труда. Mahrnāmag отражает городскую цивилизацию. Те уйгуры, которые после краха их царства вернулись к более примитивной жизни, сохранили čur, как титул, например: Na hsie cch'o t'e-le = Nahid («Venus») čur tägin. Последнее датированное уйгурское имя типа x-čur – это īnal, встречающееся в надписи X в.

Значение čur, как и любого другого титула, не могло не измениться с течением времени. Более близкое изучение тюрков и нетюрков после периода Тан может дать много примеров ограниченного или модифицированного использования čur. Но представляется сомнительным, что из китайских источников можно узнать намного больше. Они определенно не могут поведать нам, каким было первоначальное значение этого слова.

Пеллио был склонен думать, что čur – аварское слово; он даже считал, что изначально оно могло иметь индоевропейское происхождение. Но только такого аварского слова не существует. Я не знаю такого в словаре хунну, тобгачей, равно как и любых других предположительно алтайских народов, которое может считаться ранней формой čur или хотя бы иметь к нему отношение. Мы почти ничего не знаем об индоевропейских языках, на которых говорили в ранние времена народы, живущие на границе с

Китаем. Хотя существует ряд документов, дающих больше информации, чем рассмотренная ранее.

Рамштедт произвел čur от sura (сильный, героический) – из Авесты. Это одна из этимологий, которые ничего не дают, кроме смутной аналогии и неограниченного воображения.

В письме от 10 апреля 1967 г., адресованном мне, профессор О. Прицак утверждал, что čor не может иметь тюркские корни из-за č, которое никогда не встречается в оригинальных тюркских словах. Однако Прицак включил č в Handbuch der Orientalistik, Altaistic, Turkologie (1963. 33), в число старотюркских начальных согласных, а Г. Дерфер – в список начальных согласных, свойственных всем алтайским языкам.

Даты тюркских надписей из долины Таласа и с берегов Иссык-Куля – VI–VII вв. Это эпитафии воинам, которые по культурному уровню стояли гораздо ниже, чем тюрки в Орхонском регионе, не говоря уже об уйгурах. Буквы не имеют более или менее стандартизированной формы, как на Орхоне, и строчки расположены настолько неровно, что их трудно читать. Можно надеяться, что из Таласских надписей мы узнаем если не первоначальное, то, по крайней мере, более примитивное значение čur.

Первая надпись, найденная Каллауром в районе Аулие-Аты, была переведена трижды, и, хотя несколько слов еще остаются неясными, общий смысл понятен. Мужчина, названный čur, прощается со своими 30 oylan, его верными людьми, а также с удовольствиями и благами мира, он оставляет вдову и oylan čur.

Есть и более длинная надпись из того же региона аналогичного содержания, известная с 1890 г., но переведенная только в 1926 г. Неметом. Ему пришлось использовать оттиск, опубликованный Хейкелем, того же текста, который Малов переводил несколькими годами позже. Осенью 1961 г. камень с надписью был снова открыт in situ, сфотографирован и описан Ч. Джумагуловым. Оказалось, что картинка Хейкеля далеко не совершенна, поэтому переводы Немета и Малова устарели. Новый перевод Джумагулова, возможно, тоже не окончательный, потому что последовательность строк остается не вполне ясной, да и отдельные символы нечитаемы. Тем не менее последующее изучение не изменит того, что для нас представляется главным: мужчина, носящий «героическое» имя Qara Čur, оставляет своих преданных (или близких) друзей, 30 oylan и сына Qara Čur.

Тридцать oylan встречаются и в третьей, недавно найденной надписи. И снова мужчина разлучен с ними. Его зовут Aguš, и он sü čur. Выражение otuz oylan есть еще и в четвертой, тоже недавно найденной, сильно поврежденной надписи.

В Енисейских надписях oylan значит «мальчик, сын, воин», в Орхонских – «чей-то сын, идальго, принц». Малов считает, что 30 oylan – это сыновья усопшего и их друзья, что, разумеется, не может быть верным для всех четырех надписей. Но почему тогда повторяется цифра 30? Если вспомнить, что армии почти всех тюркских народов были разделены на отряды численностью, кратной десяти, представляется более вероятным, что 30 oylan – это военное подразделение. Может быть совпадением то, что документ из Tun-huang, написанный рунами, упоминает «тридцать мужчин знатных и отличившихся» под командованием офицера более высокого ранга. Но мужчин в другой надписи, которые, под командованием представителя знати, проехали девять раз вокруг могилы своего господина, тоже было тридцать.

Таласские надписи позволяют, по моему мнению, только одну трактовку слова čur. Оно должно означать «командир, капитан». В сравнении в великим köl čur Tardu, Čur и Qara čur из наших надписей были незначительными фигурами, командовали 30 людьми. Köl čur Tardu вел тысячи. Но и тот и другие были командирами. Нашу трактовку подтверждает и ранг Агуса из третьей Таласской надписи. Он был su čur, «čur войск». Это соответствует sü başı, «капитан войск», в надписи из Тонукука и в венском манускрипте Qutabdyu Bilig.

Коаартչитչоúр, коротко Тչоúр, одно из восьми племен үєннєаí, или подразделения военной администрации Өмізата печенегов в Хв., были *küärči čur, «čur с голубино-синим флагом, как конский хвост». Печенегские čur не имели ничего общего с огнем костра или барабаном, они не были ни шаманами, ни судьями. Эти люди являлись всадниками и командирами всадников. На языке печенегов čur – должно быть, «командир, лидер». Среди киргизов слово сохранило военный подтекст до сегодняшнего дня, но оно разделило судьбу многих других феодальных военных терминов. Так же как Джон Смит, эсквайр, больше не держит в руках щит, так и киргизский čoro не скачет в бой во главе своих oylans. В повседневном языке čoro означает «мальчик, юноша» в домашней челяди знатного человека. Но в эпосах čoro все еще «воин, товарищ по оружию, дружинник». Теперь вернемся к гуннам.

В своем повествовании о войне в Лазике в 556 г. Агафий упоминает среди византийских офицеров варварского происхождения одного гунна по имени Ἐλμίγειρος, который был lochagos – командиром lochos – полка. Агафий также называет имя и национальность начальника Элмингейра: это был taxiarchos Dabragezas народа антов. Преодолеть трудности, связанные с отдачей приказов, – сложнейшая задача в армии наемников, состоявших из такого множества национальностей, как армии Юстиниана и его преемников, в которых варвары из одного и того же региона находились вместе в одном подразделении. Дабрагезас, вероятно, был из антов, которые, согласно Прокопию, «вместе с гуннами и склавенами жили за Дунаем или недалеко от него». Элмингейр, возможно, был родом из того же региона. Сражение, в котором он отличился, имело место весной 556 г.

Летом того же года Юстин, командовавший армией в Фасисе, послал одного из своих taxiarchoi, гунна по имени Ἐλμίνζούρ, чтобы занять крепость Родополис. В алфавитном указателе к своему изданию Агафия Нибур приводит имя Элминдзура с пометкой fortasse idem cum praecedente, иными словами, Elmingeiro. Штейн (1959. 2, 815) идентифицировал Элмингейра и Элминдзура. Действительно было бы странным совпадением, если бы в одной армии служило два гуннских офицера, имеющих почти одинаковые имена – Элмингейр и Элминдзур.

Нет необходимости знать точные иностранные звуки, передаваемые греческими буквами, равно как и точное значение имен, чтобы увидеть: первое из них состоит из elmin и geir, второе – из elmin и zur. Если Элмингейр и Элминдзур – действительно два имени одного человека, перемена geir на zur может быть связана с его повышением по службе с lochagos до taxiarchos, или, используя латинские термины, c tribunus do dux. Эта гипотеза подтверждает нашу другую гипотезу о том, что čur означает «капитан, лидер».

Известно еще три гуннских имени, оканчивающихся на zur.

1. После круха царства Аттилы его сыновья Эмнетзур и Ултзиндур заняли Эскус, Утум и Алмус на правом берегу Дуная. По аналогии с Элминдзуром Emnetzur = Emne-tzur.

2. Другое имя такого же типа – Ултзинзуры (Ultinzures). Вместе с другими гуннскими племенами они последовали за Денгизихом во второй войне с готами.

3. Άμίλζουροι, Ἰτίπαροι, Τούνσουρες и Βοῖσιοι появляются у Приска и у Иордана в следующем виде: Алпидзуры, Алцидзуры, Итимары, Тункарсы и Бойски. Объяснение разницы между Приском и Иорданом дал Крашенинников: в оригинале манускриптов Иордана было написано alpidzuros с исправлением alcidzuros, что ведет к *alpidzuros. Только эта форма сравнима с именем у Приска, которое, таким образом, должно быть исправлено и читаться так: АЛПІЛЗОУРОІ > АМІЛЗОУРОІ.

В китайских хрониках титулы вождей племен иногда переносились на сами племена. Во времена Хань китайцы говорили о Сайване, царях саков, во времена Тан – о хулуву цзюэ, шешети тун и шуниши чубан. И это не было недопониманием со стороны китайцев, как считают некоторые ученые. Для тибетцев царство второй династии северных тюрков был известно как Bug-čor = Mo-ch'o. Неужели они сделали ту же ошибку,

что и китайцы? И мы должны предположить, что Константин Багрянородный также был неверно информирован, когда говорил о *küärčičur? А до него – Приск с его *alpidzuri, или, как мы теперь можем сказать, *alpičur? Крайне маловероятно. Даже сегодня существуют киргизские племена, части племен и кланы, которые называют себя čoro и x-čoro: Qara-čoro (племя), Čoro, Zol-čoro (части племен), Boro-čoro, Ono-čoro (кланы). У казахов есть кланы Zhan-čura, Qara-čura.

В эпитафии из Уйбата (Тува) усопший гордится, что трудился для народа il čur. Каким бы ни было происхождение čur, в надписи из Уйбата il čur – такое же тюркское, как il qan или il baši. Гуннское *Alpičur не может быть ничем иным, кроме alp-il-čur, «герой-народ-čur».

Тезис о том, что гунны говорили на тюркском языке, имеет долгую историю. Ее ранняя стадия лишена интереса. А последняя все еще продолжается. Полагая как само собой разумеющуюся идентичность гуннов и хунну, некоторые исследователи не сомневаются и не нуждаются в доказательствах того, что гунны говорили на том же языке, что и «восточные» гунны, который они считают тюркским. Следуя такой же логике, норманны, покорившие Англию, должны были говорить на древнескандинавском языке.

Тот факт, что среди племен гуннов имелись тюркоговорящие, может считаться установленным, только если какое-то количество личных и родовых имен гуннов является столь же тюркским, как orfèvre является французским, goldsmith – английским, а Goldschmied – немецким. Одно такое имя – *alp-il-čur.

Формальный анализ гуннских имен, имеющих тюркское звучание, требует крайней осторожности. Если бы английский язык был таким же неизвестным, как гуннский, можно было бы легко прийти к выводу, что fe– в слове female является приставкой, а – dict в слове maledict – суффиксом при корне male; – gir, как и čur, встречается и в гуннском собственном имени, Элменгир (Elmengir), и в названии племени понтийских гуннов, упомянутом дважды у Иордана (Гетика. 37). В первом отрывке, во всех кодексах, кроме второстепенных, secunda ordo, названы altziagiri или altziagri. Дальше приводятся следующие формы: primus ordo altziagiri (H), ultziagiri, uultziagiri, autziagiri; secundos ordo alugiaziri, aulziagiri; tertius ordo ultziagri, altziagiri (Y).

Моммзен в своем тексте вставил Altziagiri в оба отрывка. Клосс в своем издании «Гетики» предпочел вариант Ultziagiri. Он, по моему мнению, был прав. Во втором отрывке имя начинается с i. Эта буква имеется в трех кодексах; ai, очевидно, первоначально было и с последующим добавлением a; формы в H и Y адаптировали к altziagiri в первом отрывке. Таким образом, мы имеем altziagiri и ultziagiri. Хотя Altziagiri не имеет параллелей в гуннских родовых именах, Ultziagiri можно сравнить с ультинзурами – Ultinzures. Gir, как и čur, должно быть, ранг или титул. Оно встречается как булгарский genos, а также в огузских родовых именах Язгир – Yazgir и Урагир – Ürägir.

Пять гуннских имен оканчиваются на īχ: Ἀφίχ, Βασίχ, Βερίχος, Δεγγιζίχ и Κουρσίχ. В византийском греческом языке χ до IX в. считался придыхательным согласным. В греческой транскрипции германских имен χ соответствует с в латинских формах. То же самое справедливо для гуннских имен. Δεγγιζίχ, Δινζίχ в латинских источниках – Дензик (Denzic) и Динзик (Dintzic). Приск писал Ὁρνάχ, Иордан – Эрнак. Нет никаких свидетельств того, что в V в. в греческих транскрипциях иностранных имен χ отображал g или γ. Поэтому основанные на приравнивании īχ = īg, īγ или αχ = ag, αγ недопустимы.

Имя уйгурского принца, жившего около 550–560 гг., встречается в двух формах. Агафий и Менандер назвали его Σάνδιλχος, у Прокопия его имя Σανδίλ. Сандилхос = Сан-дилк, Сандил-к.

Κουρσίχ – имя гуннского лидера в 395 г. Это может быть Курс-ик или Кур-сик. Κούρς – имя варвара – офицера византийской армии около 578 г. Оно указывает на то, что Курсик это Курс-ик.

Τουλδίχ был каганом западных тюрков около 580 г., Тульдила – гуннский лидер в армии Майориана в 458 г.[\[149\]](#) Очевидно, – īla здесь то же самое, что в именах Аттила и Ругила – германский уменьшительный

суффикс. Он соответствует тюркскому уменьшительному суффиксу + oq, + ok[150]. *Tldiq по-турецки то же самое, что Tuldila по-германски: «маленький Тульд». Этот самый *told можно сравнить с Ultinzur, Uldin, Uldach, именами, составленными из uld/ult и in/ach = *in/aq.

Утверждать, что все гуннские и тюркские имена оканчиваются на *χ*, вероятно, все же неправильно, но некоторые определенно являются таковыми. Возьмем, к примеру, *Βασίχ*. Или еще: Базих и Курзих названы вместе. Если Курзих – это Курз-их, *Kurs-iq, тогда Базих, скорее всего, Баз-их, *Bas-iq, что вряд ли может быть чем-то иным, кроме как *bašiq* – «маленький капитан».

Почти все авторитеты согласны с тем, что Δεγγιζίχ содержит тюркское däñiz. Денгизих не может быть Dengir-siq, как полагает Прицак (1956, 418), потому что, будь это так, Приск написал бы Δεγγιρσίχ. Не может быть оно и Dengis-siy (см. выше). Δεγγιζίχ – совершенно нормальная транскрипция *däniz-iq, «маленькое озеро».

Другая форманта в гуннских именах есть +l. Ἀφιλάλ – имя варвара-экзарха, также относится к Ἀφίχ, как Σάνδιλχος к Σανδίλ. Очевидно, это Apsikal.

Количество гуннских имен, которые, определенно или вероятнее всего, тюркские, невелико. Но, учитывая самые дикие теории и безответственные этимологии, появляющиеся до сих пор, заложить узкую, но твердую основу для изучения всех имен предпочтительнее, чем предаваться фантазиям, листая словари. Некоторые из имен, приведенных ниже, были этимологизированы ранее. Не повторяя выдвинутых аргументов, особенно множество параллелей, я обращаюсь к труду Моравчика (*Moravesik G. Türkvolker in den byzantinische Quellen*. Berlin, 1958), где тщательно перечислена вся использованная литература.

Ἄλθίας

Командир гуннских вспомогательных частей в византийской армии около 530 г. Altī, «шесть». В своем исследовании имен, образованных от числительных, Rásónyi привел казахский патроним Алтыев – Altyev – большое число собственных и клановых имен, имеющих первым элементом Altī: Алтыбай – Altybai, Алтыортак – Altyortak, Алтыят – Altyate и т. д. Ср. также: Alty bars.

Ἄταιάμ

Гунн благородного происхождения, около 433 г. Имя можно сравнить с иранским Ἀρταιάμας. В иранском диалекте, на котором говорят в Южной России, можно проследить перемену с – rt- к – t- в надписях: Ἀταχαῖος невозможно отделить от Ἀρταχαίης. Некоторые имена, начинающиеся с ata, являются иранскими, например, Ἀταμάζες и Ἀτταμάζας (*maza, «величие») или Ἀταιούας. Существует много иранских имен, оканчивающихся на kam, «желание», от Μασιάμης до Xudkām и Šadkām. Между тем Эскам, еще одно имя, оканчивающееся на kam, не имеет никакого сходства ни с одним иранским именем и имеет вполне правдоподобную тюркскую этимологию. Поэтому я принимаю этимологию Вамбери: ata, «отец», qam, «шаман». Аналогичные тюркские имена довольно распространены.

Βασίχ

Гуннский лидер около 395 г. Базих, вероятно, Bašiq.

Βέριχος

Господин многих деревень, Берик – Berik, «сильный». Король, при котором, как утверждают, готы покинули Скандинавию, имел такое же имя: Berig, Berg, Berigh, Berich, Berice, Berige (Гетика. 25). Хотя готы приняли гуннские имена, они определенно не переименовали одного из своих полумифических правителей. Berig – возможно, *Bairika, гипокористическая форма имени, начинающегося с Bere-, такого как *Beremund*.

Δεγυιζίχ

Сын Аттилы, *Däŋiziq, «маленькое озеро». Денгизих – Приск слышал, что так произносили это имя при дворе Аттилы – это единственная аутентичная форма. Denzic, Dintzic, очевидно, передает германское произношение *De-nitsik с частым пропуском g. Δινζίριχος уподоблено таким именам, как Генчерихос.

Тот факт, что tājiz, dānjiz, не подтверждается до XI в., не слишком важен. Встречается во всех тюркских языках. Неизвестен язык, из которого тюрок могли бы позаимствовать это слово. Монгольское Taänjiz – тюркское заимствование.

"Ellac

Старший сын Аттилы. Писцы, которые делали выписки из Приска, пропустили имя. Иордановский Эллак предполагает *Нллах у Приска; сравните "Нрнах = Hernas. Эллак, судя по всему, älik (ilik), «правитель, царь». Кстати, в транскрипциях Приска германских личных имен и латинских названий мест альфа всегда передается a, а не i. Но а во втором слоге встречается также в армянском alphilaq > alp iliq. Очевидно, Эллак – не имя, а титул принца, который правил акацирами. Латинские и греческие авторы нередко ошибочно принимали иностранные титулы за имена.

'Ελμίγγειρος

*Elmingir. Тунгузское elmin, «молодой конь», а также название маньчжурского племени – возможно, случайные омофоны. Иначе это единственное тунгузское слово в языке гуннов. El – это, вероятно, el, al, il – «царство», – min – можно сравнить с – min в Bumin, китайском T'u-men и Ch'i-men.

'Ελμινζούρ

*Elminčur, см. ранее.

Enmetzur

*Enmetčur, см. ранее.

'Ηρέιαν

Приск упоминает супругу Аттилы, мать Эллака в двух фрагментах. Переписчики постоянно отбрасывали v в конце имен собственных, но никогда не добавляли его там, где не надо. Имя заканчивалось на – αν. Выбрать между ηρέιαν и ηρειαν было бы невозможно, если бы не германские имена супруги Аттилы: Herche, Helche, Hrekja, Erka. Они доказывают, что Приск написал ηρειαν. Этимология Бэнга представляется достаточно убедительной: ηρειαν – это *arī(y)-qan, «чистая принцесса». Aruvkhan (argu, «чистый») – это каракалпакское имя девушки.

"Есқам

Дочь Эскама была одной из жен Аттилы. Эскам, вероятнее всего, – это *as qam, as, «друг, спутник» и qam – «шаман». Нетохарское имя Yarkam в тохарском документе может быть гибридным именем с тем же значением (персидское yar – «друг»).

Ілігер

Сабир, около 555 г. Возможно, *Ilig-är.

Коўтілчиң

Сабир, около 555 г. Думая о множестве тюркских имен с qut, «величество», представляется вероятным, что это имя – *qut-il-či или *qut-el-či.

Мундзук

Имя отца Аттилы встречается у Приска в виде Μουνδίουχος, у Иордана Mundzuco^{abl}, у Феофана Μουνδίου^{gen}. Последнее настолько искажено, что может не приниматься во внимание. Кассиодор, несомненно, написал *Mundzucus, как он изменил Scandia на Scandza и Burgundiones на Burgunzones. В вульгарной латыни d перед i и e, если затем следует гласная, превращается в dz. Иордан произносил Mundicus как Mund-zucus и, соответственно, писал Mundzucus. Но это не доказывает, что гуннское имя было *Mundiuk. Если бы Приск услышал, как римлянин из Паннонии или латиноговорящий гот произносит Mundzuc, он все равно написал бы Μουνδίουχος, предполагая, что его информатор неправильно произносит имя, так же как он произносит diaconus вместо diaconus.

Немет и Рашонны считают, что Μουνδίουχος, Mundzucus – транскрипция тюркского түңҗүq, bunčıq. Жемчужины, бусины, бисер и блестки, которыми человек украшает шею лошади (Радлов). «Перл», жемчужина – подходящее имя для принца. Лично я предпочитаю этимологию Вамбериу (1882. 46), по мнению которого это имя означает «Флаг, знамя»[\[151\]](#).

В обзоре труда Моравчика Bysantinoturcica Лигети усомнился в правильности этимологии Немета. В письме, адресованном мне, он объяснил основания для этого.

Я глубоко уважаю этого выдающегося венгерского ученого и мог бы качестве возражения указать лишь то, что для грека, в языке которого ѹ и ѵ не встречаются, они звучат очень похоже. Более важен известный факт, что во многих тюркских языках b чередуется с m: bän у османов и тап на западе Крыма, mindi и bindi у ногайцев, börgü в северной и mörgü в южной группе тюрков Алтая. Даже нельзя утверждать, что у огузов есть начальное b, потому что, хотя в румелийском диалекте и в азербайджанском языке оно есть, в диалектах Восточной Анатолии – m. Если не считать конечного звука в оттоманском диалекте Карса, наше слово имеет якобы невозможную форму түңҗүх.

«Флаг» как титул или ранг знаменосца встречается во многих языках. Ensign, к примеру, это и флаг, и тот, кто его несет. То же самое на востоке. Tuγ, «штандарт с хвостом лошади или яка», встречается само по себе или с суффиксами в ранних тюркских и уйгурских именах: Tuγ Ašuq, Tuγluq, « тот, кто был Tuγ», Tuγič, «носитель Tuγ» Muňjuq, возможно, означает то же самое. Qizil Mončuq, имя военного командира в Афганистане около 1223 г., означает скорее «Красный флаг», чем «Красный жемчуг».

В VIII в. лидеры десяти стрел (племен) носили штандарты. Cauda equi – это signum militare

протоболгар. Вероятно, гуннов тоже.

Германскую этимологию Mundzucus – Мундзук все же следует отвергнуть. Она не только не обоснована фонетически. Около 370 г., когда родился Мундзук, гунн не мог получить германское имя.

Σάνδιλ, Σάνδιλχος

Правитель утигуров около 555 г. Sandil неотделимо от мамелюкского имени Sandal, «лодка».

Zόλβων

Командир гуннских вспомогательных сил в византийской армии, 491 г. Zolbon – «звезда пастуха», планета Венера, col-ban, colbon solbon и т. д. Colpan – мамелюкское имя.

Имена неустановленного происхождения

Следующие имена, рассматриваемые сами по себе, могут быть германскими, иранскими, тюркскими и даже латинскими, или они не поддаются попыткам связать их с какой-либо известной языковой группой.

Άδάμις

Помощник в хозяйстве королевы Эрекан. См. ранее.

Αϊγάν

«Массагет», кавалерийский командир в армии Велизария, сначала в персидской, потом в африканской кампании. Не объясняя причин, Юстин утверждает, что имя иранское, но не включил его в список имен, оканчивающихся на – an, – gan. Aïgán – может быть, тюркское aï-χan, «принц Луна» – так звали одного из шести сыновей Oyuz-χan. Сравните Aï-baķ, Aï-tekin, Aï-taš и Aï-kün. Между прочим, манихейские термины aï taŋg и kün aï taŋgri не имеют ничего общего с этими именами. Mas'ūdi's Aïyan в Гилгите, вероятно, были тибетцами.

Άιούμ

«Военный магистр Иллирика» в 538 г. Малала называет его «гунном». Точная форма его имени не установлена, поэтому любые рассуждения о его этимологии бесполезны.

Άναγαιος

Правитель утигуров около 576 г. Имя Anagai – Анагай – было приравнено к A-na-kuai, имени правителя Жужаньского каганата, разбитого тюрками в 552 г. Может ли Анагай быть тюркским названием птицы? Согласно E. Frankle, «суффикс – gaj, – kaj, – γai, – qai указывает на название птиц и им подобных». Она приводит оттоманскоe dagaγai, «черная птица», durγaj, «жаворонок» и аналогичные названия птиц. Durγaj, Turγaj, Torγaj – тюркские и монгольские имена. Напоминает о монгольских именах, вроде Элдегаль (Eldegal) или Таау у Плано Карпини, имя Taγaj.

Άργην

Гунн – дорифор, отличившийся при обороне Эдессы в 544 г.

Аснан

Массагеты Симмас и Аскан были командирами корпуса из шести сотен всадников в армии Велизария в Персидской войне около 530 г. Юстин считал Аскан иранским именем. Это может быть тюркское *as-qan, хан асов (азов), хотя лидера такой небольшой группы вряд ли могли назвать ханом. Кстати, совершенно непонятно, кто такие эти самые асы или азы[152].

Баламбер

Rex Hunnorum около 370 г. «Nomen nemo nisi imperitus pro germanico vendel», – сказал Мюлленхоф более 100 лет назад. Имя царя, который, как утверждают, женился на готской принцессе, было явно уподоблено готскому Валамиру. Оно звучало как Балимбер.

Валах

Лидер сабиров, супруг Боарекс, около 520 г. *Balaq – это, возможно, malaq, «теленок».

Вваргъз

Царица сабиров. Приводящее в замешательство разнообразие чтений делает любую попытку этимологизировать имя невыполнимой задачей. Синор видит в ρηξ германское reiks, что по историческим и географическим причинам неприемлемо.

Вóхас

Массагет, один из дорифоров Велизария в готской войне, около 536 г. Я не знаю, почему Юстин назвал его имя иранским; возможно, он имел в виду Веиса, упомянутого в «Гетике» (277) как царь сарматов в Южной Паннонии в 470 г. Бохас – это может быть *Bochan, Bóχανος. Или само по себе, или с некоторыми добавлениями имя встречается с очень ранних времен почти у всех тюрков.

Нрнáх

Любимый сын Аттилы. Считается, что Эрнак – это тюркское er, är, ir, «человек», с суффиксом – näk, – nik. Профессор Прицак сообщил мне, что – näk, – nik – уменьшительные суффиксы, которые встречаются только в алтайских диалектах и в Туве. Он рассматривает – nik, как комбинацию – n и – k, суффиксов, которые иногда используются для выражения не уменьшения, а, наоборот, увеличения: är-än означает «мужчина, герой». По его мнению, Эрнак – это *är-än-äk > *är-näk, «великий герой». Эрнака часто идентифицировали с Ирникъ в перечне булгарских правителей.

С другой стороны, нельзя не отметить, что армянский Арнак жил в одно время с Эрнаком. Сравните также Ἀρνάιης в надписи II в. с Танаиса.

Нслас

Гунн высокого ранга, служивший сначала Ругиле, потом Аттиле. Харматта предложил германскую этимологию; он считал, что это имя – *aisika > *esla и связано с *ais, «быть уважительным, почитать». Но

имя может быть тюркским: аš, eš, «товарищ», + – la.

Гордāс

Гуннский правитель где-то возле Меотиды. Грóд у Малалы почти наверняка написано с ошибкой. Тюркские этимологии, предложенные Моравчиком, представляются не слишком убедительными.

Гουβоулгуюбой

Дорифор Валериана в 538 г. Хотя в лучших кодексах содержится ყouβoулgуюбой, Компаретти и Моравчик предпочитают чтение ۋوlغуюبой. Практически нет сомнений в том, что более длинная форма является правильной. Для некоторых писцов слоги варваров с их и-и-и-и, более того, с предшествующим словом, тоже оканчивающимся на и, Ваlерlанoй, явно показались слишком большим испытанием. Они «обезглавили» монстра. Gubul встречается как языгское имя в венгерском документе XIV в.

Халазár

Дорифор в византийской армии около 545 г. Халазар вызывает в памяти другое имя – Тутизар.

Харáтвн

«Первый из царей гуннов», около 412 г. Олимпиодор, единственный автор, упомянувший это имя, с иностранными именами обращается очень свободно. Его Веллерíбос, вероятно взятое из латинского источника, представляется весьма прихотливой передачей *Valariþ. Вместо Ἀλάβιχος Олимпиодор написал Ἀλλόβιχος, словно желая обозначить, что человек был ἀλλογενής. – он в Charaton может быть греческим окончанием. Имей мы только Мортáшон, Moυrtáшон и Moυtráшон, было бы невозможно решить, является ли – он частью имени булгарского правителя. Как показывают надписи с Омоуртау, нет. – он также может заменять – а. Заметьте, что Олимпиодор, как и все греческие авторы, писал Στελίχων вместо Stilika. Как это бывает очень часто в окончаниях иностранных имен, – он может быть – о. И наконец, – ton может заменять – tom. Почти все греческие авторы имели выраженную неприязнь к написанию – т в конце слова. Прокопий писал ιέντον (I. 22, 4), πόντην (De aedif. VI. 6, 16), πάκεν (De aedif. VI. 3, 11) и σέπτον (III. 1, 6). Иными словами, имя, транскрибированное как Харáтвн, могло оканчиваться на – tom, – ton, to, – ta, – t.

Вамбери считал, что Charaton – это тюркское qara ton, «черная накидка». Это фонетически грамотно. Но можем ли мы быть уверены, что ton было тюркским словом в V в.? Уйгурское ton заимствовано у хотонов или из связанного с их языком диалекта: thauna позднее thaum, thau, «кусок ткани, шелка». Если – ton в Charaton – иранское слово, chara – может быть тем же, что в парфянском имени Харáстпç, «имеющий темного (hara, xara) коня (aspra)». Более того, Charaton напоминает о Sardonius. *Sardon, имя скифа, лидера роксоланов, которых победил Траян, а также имя осетинского нарта – Syrdon.

Если Charaton действительно означает «черная накидка», μελάγχλαινος, это может быть название клана или племени, к которому принадлежит человек. Есть, к примеру, киргизское племя Bozton, «Серые одежды», а также киргизские кланы «Белые одежды», «Желтые шапки» и «Высокие шапки». Между тем следует подчеркнуть, что и тюркские и иранские этимологии предполагают, что имя оканчивается на – ton.

Хелхál

Гуннский военачальник в армии восточных римлян, около 467 г. Если бы Хелхал – Chelchal было Chel-

chal, можно было бы подумать об имени Халазар – Chalazar. *Kolk может быть kölül, kölöök, «(вьючное) животное». Киргизское külüük – «беговая лошадь». Но так можно дойти до известной игры в ассоцансы.

Хινιαλών

Лидер кутригиров, около 550 г.

Κουρίδαχος

См. далее.

Μάμας

«Царский скиф», сбежавший к римлянам. Многие авторы сравнивают его имя с Мамаем, эмиром Золотой Орды. Но Мама, епископ Анейский, пресвитер Мама, коадъютор Евсевия на Константинопольском соборе 418 г., и Mama, cubicularius, затем propositus, при Анастасии не были ни тюрками, ни монголами. Их называли в честь Святого Мамаса, великого мученика в Каппадокии. Беглый гунн, вероятно, был крещен. Аррия Мама жила задолго до Аттилы. Вероятнее всего, Мама – одно из слов, которые встречаются в любом языке.

Μουάγερις

Гуннский принц, живший у Азовского моря около 527 г. Имя десятилетиями обсуждалось венгерскими филологами.

Ӧбоңуан

Гуннский командир Римского гарнизона в Перудже в 547 г. Чтения Ḫόλбоғáնдов и Ḫόλбоғáдов, возможно, ведут к *oldogan, что вызывает ассоциацию с тюркским toyan, doyan, «сокол». Ср.: Äl toyan tutuq.

Ωηβάρσιος

Дядя Аттилы по отцовской линии. Сходство Эбарсия (Оэбарсия) – Oebarsius – и Эбасия (Оэбасия) – Oebasius у Валерия Флакка впечатляет. «В Аргонавтике» (VI. 245–247) мы читаем: «Oebasus Phalcen / evasisse ratus laevum per lumina orbem / transfigitur» («Эбас думал, что ему удалось уклониться от Фалка, когда был ранен в левый глаз»). Мог ли Валерий отбросить г в имени Эбарсий, как он отбросил s в слове «Бастарна», и по той же причине? Может ли быть Эбас именем гунна? Вопрос кажется абсурдным. Валерий писал «Аргонавтику» во время осады Иерусалима или вскоре после падения города в 70 г. И все же Агафий сообщает, что место в Колхиде, где в его время (вторая половина VI в.) стояла крепость Святого Стефана, раньше называлось Ὄνόγουρις. В древние времена оногуры сражались с жителями Колхиды и были разгромлены. В память об этой победе колхидцы назвали место Оногурис. Аноним из Равенны, писавший около 700 г., помещает patria quae dicitur Onogoria рядом с Азовским морем и нижним течением Кубани. То, что в поэме Эбас колхидец, а не оногур, может быть результатом непонимания. Оногур, «десять огуров», тюркское название, что, впрочем, не исключает возможности того, что один из лидеров имел иранское имя.

Мой покойный друг Хенning считал, что имя Oebarsios, даже если имеет иранское происхождение,

может представлять среднеперсидское *Wehbarz, «хорошо сложенный», состоящее из weh – «хороший, лучший» и barz – «рост, фигура». Оно тесно связано с более ранним именем Wahub(a)rz, “Оборзос, которое принадлежало царю Персии. Но Хеннинг думал, что эти имена не должны связываться с Oebasus Валерия Флакка, которое, возможно, было идентично персидскому имени Οιόβαζος эпохи Ахеменидов. Геродот упоминает трех его носителей.

Действительно маловероятно, что Oebasus из «Аргонавтики» – это *Oebarsius. Нет ни литературных, ни археологических свидетельств того, что гунны были на Кубани уже в I в. «Прежние времена» Агафия вполне могут относиться к середине или концу IV в., когда гунны, двигаясь на восток, подошли к Кубани или находились близко от нее.

Этимология имени Oebarsius, предложенная Хеннингом, вполне правдоподобна с филологической точки зрения. Однако то же самое можно сказать и об тюркском объяснении. Bars, «тигр, леопард, рысь», одна из самых распространенных частей в тюркских именах; ωη – вероятно, не ои, как считали многие авторы; ои используется только для передачи цвета лошади. Другой вариант – аî, «Луна». И действительно, есть немало тюркских имен, начинающихся с аî.

Sanoeces

Один из трех duces в гуннских и готских войсках, посланных в Африку в 424 г. Sanoeces, вероятно, следует исправить на *Sandeces. Сравните: Sondoke из списка булгарских имен из Чивидале (VIII или IX в.), Sundice из письма папы Иоанна VIII знатному булгарину, 879 г., Nesundicus (*Sundicus) uagatur – это имя булгарины, посетившего VIII вселенский собор в Константинополе в 869–870 гг.

Σιγίζαν

Гуннский офицер в византийской армии, около 491 г.[\[153\]](#) Если имя написано правильно, оно может быть германским.

Σίμας

«Массагет» в византийской армии, около 530 г.

Σιννίων

Он разделял с Баласом командование шестью сотнями массагетов в армии Велизария в 530 г., позже стал правителем кутригуров. Описание Феофана византийских сил в Африке А. М.[\[154\]](#) 6026 взято у Прокопия (III. 11). Из 21 имени в его источнике Феофан выбрал 12 самых важных. Библейские, греческие, латинские и два варварских – Фарас и Балас – у Феофана такие же, как у Прокопия. Но где у Прокопия Ἀλθίας, Σιννίων, у Феофана Ἀλφίας, Σισίννιος. Нет сомнений, что Ἀλθίας – правильное чтение. Оно встречается четыре раза без изменений Σιννίων, связано с Σισίννιος. Это византийское имя, вероятно, персидского происхождения (*Justi*, 1895. 303–304).

Σιόττας

Брат Онегсия. Двойной согласный в начале вроде бы исключает тюркское происхождение. Харматта считает, что имя Скотта может быть германским *Skutta; он сравнивает это имя с OHG scuzzo, OE scytta, ON skuti, «выстрел». Вероятно, существовало иранское слово *skuda, «выстрел», но в этом сомневается

Бранденштайн. Я думаю, вполне возможно, что Приск сам приспособил гуннское имя к Skythes, или отбросив гласную в начале (*Es-kota?), или между s и k (*S-kota); оно могло оканчиваться на an.

Σουνίας

«Массагет» по рождению, позднее крещеный. Томашек предложил турецкую, Юстин – иранскую этимологию. *Sunika может быть гипокористической формой Sunicrius, Sunhivadus и аналогичных германских имен. Может также заменять *Sunikan.

Ταρράχ

После неудачи второго мятежа Виталиана осенью 515 г. Таррах, «самый свирепый из гуннов» на службе «тирана», был схвачен, подвергнут пыткам и сожжен на костре в Халкидоне. В армии Виталиана служили наемники из «разных племен»: булгары, готы и скифы, но гунны, очевидно, были самой сильной группой. Как и сам Виталиан, которого иногда называют готовом, иногда скифом, но также фракийцем, Таррах мог быть полукровкой. Если он был крещен, что вполне возможно, его варварское имя, видимо, превратилось в Тарах – так звали одного из трех известных мучеников в Каппадокии. Тарах и Пров имели церкви в Константинополе до конца VI в. Как мне рассказал профессор Титце, Таррах не тюркское имя.

Τουργοῦν

Гунн в армии Виталиана. Рашони считает имя тюркским. Это может быть «иранский» титул.

Ульдин – Uldin

Царь гуннов около 400 г.

Ούλδάχ

Гуннский военачальник в византийской армии около 550 г.

Ультзиндур – Ultzindur

Consanguineus Attilae. По аналогии с Tuldich, Tuldila первый элемент в этих трех именах должен быть uld-, ult-.

Ζιλγίβις

Гуннские принцы на Кавказе, около 520 г.

Гибридные имена

Αψίχ

Гуннский офицер в Византийской армии, около 580 г. Апсик – Apsik – может быть *Apsiq. Аланское *apsa, «лошадь», и тюркское – Ok, – Oq, «маленькая лошадь».

Ἄφικλ

Византийский военачальник готского происхождения. Если он действительно был готов, то одним из тех, кто позаимствовал свое имя у гуннов (Гетика. 58). Апсикал – это Aps-ik-al.

Κουρσίχ

Гуннский лидер, около 395 г. Если Курсих – это Kurs-ik, а я в этом уверен, Kurs можно сравнить с Churs – именем армянского принца, и Hurz – именем собственным ясов, осетинское xorz.

Тульдила – Tuldila

См. ранее. Tuld– не имеет ничего общего с тойлбоц, «обоз», в византийском военном языке. Слово латинского происхождения.

Остается небольшое количество имен и слов, якобы гуннских, которые не были названы выше. Связь носителей этих имен с гуннами представляется слабой, если она вообще существует. Некоторые из этих слов и имен, если они действительно гуннские, вероятно, были позаимствованы из других языков.

Ἄλαθαρ

Византийский капитан, около 515 г. Бьюри и Штейн назвали его гунном. Иоанн Антиохийский, единственный греческий автор, упомянувший об этом человеке, утверждает, что он скифского происхождения. В Romana (46) он появляется как mag. mil. Alathor или Alathort, что может указывать на германские корни.

Δονάτος

Альтхайм верно отвергает часто повторяемое утверждение, что Донат являлся гуннским царем. Донат, вероятнее всего, даже не гунн, а римлянин, который бежал к гуннам, как это сделал позже врач Евдоксий. Латинское имя Донат было широко распространено в IV–V вв.

Μοδάρης

Полководец в армии Восточной Римской империи в 378 г., имевший «царское скифское происхождение». Модар не был гунном, как считают некоторые авторы. Ни один гунн не мог занять столь высокое положение в Римской империи в 378 г. Возможно, Модар являлся вестготом. Зосима называет Атанариха лидером τοῦ βασιλείου τῶν Σιυδῶν γένους. Имя может быть кратко формой германского имени, начинающегося на Moda.

Σηγγιλάχος

Приск и Моравчик ошибочно называют его послом Руги. Он был клиентом чиновника Восточной империи Плинты.

Ουάλιψ

Лидер мятежных ругов в Северной Добрудже, которые между 434 и 441 гг. взяли и какое-то время удерживали Новиетун. Val может быть германским, окончание неясно. Но это не причина называть Валипса – Valips – гунном, как Полашек и Моравчик.

Zérgw

Имя слабоумного шута не имеет ничего общего с протобулгарским ičirgü, в латинской транскрипции zergo или zergo. Ičirgü boila имел высокий ранг, возможно, был «министром иностранных дел». Целый мир разделяет его и отталкивающее создание, на которого Аттила даже не смотрел. Зеркон, вероятно, «мавританское» имя.

Bap – Var

Вар – гуннское название Днепра. То же самое, что bor – в Borysthenes, иранском названии реки; означает «широкий», древнеиранское varu-, осетинское uäräx, urux. Птолемеево Ούαρδάνης, Кубань или один из ее притоков, – это *var-dan, «широкая река»; Урукс – Urux – левый приток Терека – «широкий». Гунны, а после них печенеги переняли старое иранское название.

Трудно понять, почему Прицак не обратил внимания на названия этих рек. Предложенная им чувашская этимология совершенно верно была отвергнута Серебренниковым.

Kámoς и μέδος

«В деревнях, – писал Приск, – нас снабжали продуктами – просом вместо зерна и medos, как местные это называли. Слуги, нас сопровождавшие, получали просо и питье из ячменя, которое варвары называли иάμον.

Как известно из Embroideries Юлия Африкана и Edictum de pretiis Диоклетиана, паннонийцы пили Kamos (Katum) задолго до Аттилы. Слово индоевропейское. Тюркскую этимологию Вамбери, с которой согласились многие авторы, следует отвергнуть; – os – греческое окончание; Кам– не qumuz, ведь qumuz – это напиток из молока, а не из ячменя. Medos – тоже индоевропейское слово, или германское, или иллирийское.

Strava

Якоб Гримм привлек внимание к схолии о Стации Лактанция Плацида: «Груда вражеских трофеев: из трофеев врага складывается погребальный костер для мертвых царей. Говорят, этот обычай погребения соблюдается даже сегодня варварами, которые называют эти груды „strabae“ на своем языке» («Exuviarum hostilium moles: Exviis enim hostium exstrebatur regibus mortuis pyra, quem ritum sepulturae hodieque barbari servare dicuntur, quae strabas dicunt lingua sua» (Фиваида XII. 64). Отрывок считался бы очень важным, если бы действительно был написан в IV в. (дата схолии). Однако quae strabas dicunt lingua sua – маргинальная заметка, проскользнувшая в текст, написанная человеком, знавшим Иордана.

Начальная группа согласных не позволяет говорить о тюркской этимологии, предложенной Б. фон Арнимом. Гримм реконструировал из готского straujan, «разбрасывать», *stravida, das auf dem Hugel errichtete, aufgestellte gerüste, eine streu, wenn man will ein bette (lectisternum). С тех пор эта этимология повторялась так часто, что сомневаться в ней стало кощунством. Как именно «strew – разбрасывать» приобретает значение «погребальное пиршество» – а ведь именно таков смысл strava, а не streu – подстилка, или bett – ложе – остается неясным. Начиная с «to strew – разбрасывать» некоторые авторы

приходят к «погребальному пиршеству» через «heap – собирать в кучу › pyre – погребальный костер › готовить ложе для усопшего». Другие ассоциируют слово to strew с разбрасыванием, раскладыванием жертвенных даров для умершего › почитанием умершего › погребением. Полагаю, они нашли бы способ связать straujan и strava, даже если бы это значило гроб, могильный камень или спорящие наследники. На самом деле не существует ни одного германского языка, в котором «to strew – разбрасывать» значило бы cena funeraria.

Остается славянская этимология: «Le festin qui suivait la tryzna, s'appelait pirū ou strava. Strava est slave; le mot est employé de nos jours encore au sens de „nourriture“, et on le trouve dans les documents vieux-tchèques et vieux-polonais de XIV et XV siècle avec la signification spécial de „banquet funèbre“». Васмер и Шварц возражают против этой этимологии на том основании, что во времена Иордана слово «еда», вероятнее всего, было s^utrava и потому не могло быть переведено как strava. Такие возражения нельзя принимать всерьез о⁰ трафя. Кстати, Попович доказал, и, на мой взгляд, убедительно, что форма strava вполне могла существовать вместе с s^utrava. Иногда, при особых обстоятельствах иностранные слова могли заимствоваться даже для обозначения древних погребальных обрядов. Однако крайне маловероятно, чтобы гунны обратились к славянам за термином, обозначающим их исконный обычай. Возможно, один из информаторов Приска или Иордана был славянином. Ни зная ни гуннского языка, ни славянского, Приск или Иордан могли принять strava за гунское слово.

Cucurum

Хубшмид считает среднегреческое ιούπιορον, среднелатинское cucurum и староанглийское cocer, «колчан», словом, заимствованным из гуннского языка. Он приводит многочисленные аналогичные звучания монгольских и тюркских слов, которые обозначают кожаную бутылку, лук и контейнер, но ни одного, которое значило бы «колчан». Хубшмид не видит в этом ничего удивительного, ссылаясь на то, что после начала XIX в. колчаны вышли из употребления. Он ошибается. Sadaq – обычное тюркское слово, обозначающее колчан, и так было веками, и киргизы стреляли стрелами из лука до 1870-х гг., а алтайские ружья окончательно вытеснили луки только после 1890-х гг. Я видел тувинцев с луками и колчанами, полными стрел, на церемониальных стрелковых соревнованиях в 1929 г. Если cocer и так далее – слова, имеющие алтайское происхождение, то они скорее аварские, чем гуннские.

Названия племен

Акациры

Литературы о названии гуннского народа, который у Приска Ḫiāt̄rōl, Ḫiāt̄z̄rōl, а у Иордана – акациры – много. Томашек первым предложил тюркскую этимологию – его гипотеза получила признание. Он решил, что акациры – это aŷas-ari, «лесные люди». Эта этимология подтверждается Aŷaj-er̄i в тюрко-арабском словаре и в трудах Рашида ад-Дина, который ссылается на монгольский синоним hoi-in-irgan. Синор (1948. 3) обращает внимание на yis-kisi – так называют некоторых тюрков на Алтае. Это слово тоже означает «лесные люди». Названия русских древлян и готов-тервингов на Украине часто приводят как параллель с акацирами. Говорят, что древляне получили свое название, потому что жили в лесах. То же самое относится и к тервингам.

Тюркская этимология была отвергнута Мюллером, Хеннингом и Гамильтоном. Мюллер утверждал, что aŷas означает «дерево», а не «лес». Хеннинг считал обычную модель образования слова «едва ли лучшей, чем популярная этимология». Гамильтон находил Aŷaj-er̄i таким же странным названием, как Qum-

eri, «люди песка», Turuk-eri, «турки», или Rum-eri, «люди рома», также перечисленные в словаре. Он утверждает, что такие имена существуют только у современного Рашида ад-Дина. Пеллио, хотя и со временем принял обычную этимологию, все же признался в наличии некоторых сомнений. Он указывает, что аұас встречается только в алтайских и некоторых западных диалектах. В турфанских текстах – iұас, в Kas ari – yіұас.

Сомнения Пеллио имеют небольшой вес, но подозрения Гамильтона, что Аұај-eri монгольского периода – это книжное слово, тоже неоправданы. Аұас-егі вместе с пятью уйгурами присутствуют в чагатайской версии «Огуз-наме». Аұас-eri были в Анатолии и до сих пор есть Аұас-eri в Хузистане.

Эти имена, несомненно, имеют некоторое сходство с акацирами. Но есть ли за этим нечто большее, действительно ли они жили в лесах, на что якобы указывает название их племени, – это вопрос, на который не ответят ни словари, ни аналогии – только тексты. Трактовка названий племен древлян и тервингов не дает ничего определенного. Третьяков считает, что древляне – искажение неизвестного названия и попытка придать ему смысл. Согласно Германну, ter– в тервингах означает не «дерево», а «смола, смолистое дерево», а также, возможно, вид сосны. Гревтунги, те готы, которые якобы были названы по «песчаным» степям на Украине, носили это же имя, когда еще жили в Скандинавии. Даже странно, как ученые, охоляющиеся за этимологией СЛОВ, склонны забывать о ВЕЩАХ. Аммиан Марцеллин называл «песчаные» земли гревтунгов Германариха «плодородной страной», uberes pages.

А теперь перейдем к текстам.

О стоянках акациров и их образе жизни Иордан говорит в главе V «Гетики», которая продолжает обсуждаться до сих пор. Анализ сложной композиции главы не соответствует целям и задачам моего исследования. Очевидно, что Иордан не просто копировал «Готскую историю» Кассиодора, а был ему обязан значительной частью описания Скифии, правда, адаптировал источник к своей собственной работе. Он писал так, как не мог писать Кассиодор: «In Scythia medium est locus; indomiti nations» и т. д. Некоторые фрагменты, безусловно, его собственные. Он говорит о булгарах «supra mare Ponticum, quos notissimos peccatorum nostrorum mala fecerunt». Peccata – это специфическое восточноримское слово, означающее «пренебрежение, неудача» (со стороны императоров, генералов и т. д.). Не Италия, а Балканские провинции подвергались набегам и разорению булгарами, которые пересекали Дунай почти каждый год. Маловероятно, что Кассиодор в Равенне знал о существовании Новиетуна в Малой Скифии, не говоря уже об Мурсианском озере, лагуне Разелм, которую мёзиец Иордан, должно быть, знал очень хорошо.

Хотя в каждом случае невозможно различить текст, принадлежащий Иордану, и более или менее большие заимствования из Кассиодора, отрывок, который нас интересует, может быть приписан авторам с довольно большой степенью вероятности.

Этот фрагмент явно написан Кассиодором. Следующий тоже, скорее всего, восходит к «Готской истории».

Далее тон изменяется.

И римские слова, и содержание говорят о том, что этот отрывок принадлежит перу Иордана. Обратите особое внимание на переход от Вистулы к Вискле.

Следуя дальше на восток, автор описывает, где жили другие группы венетов.

Слова римского типа определенно указывают на Иордана. Неожиданно мы снова читаем слова Кассиодора, явно тщательно скопированные: «Ad litus autem Oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis eibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus adgregati; post quos ripam Oceani item Aesti tenant, pacatum hominum genus omnino» («На побережье океана, там, где через три гирла поглощаются воды реки Вистулы, живут видиварии, собравшиеся из различных племен; за ними берег океана держат эсты, вполне

мирный народ»).

Ссылка на Тацита (Германика. 45, 3) и переход от Висклы опять к Вистуле указывает на Кассиодора. Далее следует самый важный отрывок: «Quibus in austrum adsidet gens Acatzirorum fortissimo, frugem ignara, quae pecoribus et venetionibus victitat» («К югу соседят с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты»).

Моммзен считал *victitare* типичным для Иордана. Относительное местоимение касается антов или эстов? «Гетика» (23–24) в этом отношении весьма поучительна:

В тексте *quibus* относится к семи народам, перечисленным прямо перед ним. Вот только Родвульф был не их королем, а владельцем герулов. После короткого отступления Иордан возвращается к нации, о которой говорил раньше. Таким образом, от мог отнести *quibus* не к эстам, как в выдержке из Кассиодора, а к антам. То, что *quibus* следует понимать именно так, показано следующей частью *catalogus gentium*.

Даже если то или иное выражение восходит к Кассиодору, весь отрывок в целом следует приписать Иордану. Булгары жили *ultra*, то есть к востоку от акациров, и *supra*, то есть к северу от Черного моря. Оттуда гунны «закишили надвое разветвившейся свирепостью к народам». Как признал Ширрен (1846. 50) больше века назад, булгары Иордана и гунны в этой главе «Гетики» – два названия одного народа. Ширрен считал, что Иордан попросту скопировал Кассиодора, который тоже идентифицировал булгар и гуннов. Но в VI в. такое приравнивание было обычным. Эннодий, к примеру, назвал лошадь, захваченную у булгар, *equum Huniscum*.

Сабиры (савиры) и хунугуры у Иордана тоже обозначают один и тот же народ. Описав места проживания и экономику альциагиров, он переходит к другому из *bifaria rabies*. Можно ожидать, что он расскажет о сабирах, но вместо этого он описывает меховую торговлю хунугуров. Идентификация Иорданом двух народов вполне понятна. Хотя Приск, Агафий, Менандер и Феофилакт Симокатта явно их дифференцировали, повествования этих авторов показывают, что с 460 г. до конца VII в. оногуры (хунугуры) были ближайшими соседями сабиров. Они жили к северу от Кавказа, на восточном берегу Черного моря, на Кубани. В списке народов в приложении к хронике, приписываемой Захарию из Митилен и написанной в 555 г., оногуры названы первыми, сабиры – третьими.

Булгары – кочевники, конные лучники, полностью зависевшие от своих лошадей, – конечно, жили в степях.

Хотя в этом никогда не было сомнений, никто не потрудился сделать из этого факта необходимые выводы, касающиеся мест проживания акациров. Обсуждалась всегда их предполагаемая близость к эстам. Поскольку альциагиры, западная ветвь булгар, жили «у Херсоны», на западе Крыма, а «зимой же переходят к Понтийскому морю», они, должно быть, странствовали по долине к востоку от Днепра. На регион, расположенный недалеко от римской границы, указывают и частые набеги булгар через Дунай. Это, в свою очередь, позволяет примерно локализовать акациров. Западнее булгар, южнее антов – значит, в нижнем течении Буга и Днестра, возможно, ближе к Пруту.

Южная граница лесостепи на Украине идет вдоль северного края Бельцкой степи в Бессарабии до Ананьева, затем к верхнему течению Ингула, Кременчугу на Днепре, Полтаве, Валуйкам, Борисоглебску и к Волге севернее Саратова. «Считалось, – писал выдающийся советский географ Берг, – что некогда степи были покрыты лесами, которые были уничтожены кочевниками. Этот взгляд ошибочен». О Гилее Геродота Миннес вполне обоснованно писал, что вряд ли потребуется много деревьев, чтобы привлечь внимание в голой степи.

Акациры жили к югу от обозначенной выше линии в ровной степи без леса. Приск согласен с Иорданом. Он тоже помещает их «в Скифии на Понтийском море». Акациры были степными людьми, а не

лесными, не аγас-eri.

Понимая риски, связанные с анализом текста столь фрагментарного, как «Гетика», я не обманываюсь насчет хрупкости некоторых моих гипотез. Но я верю, что в основном, локализации акациров в степи, не ошибся.

Теперь мы можем вернуться к названию. Я намеренно отбрасываю вопрос, что значит аγас – дерево или лес; в V в. слово вполне могло значить и то и другое. Возможно, хотя и маловероятно, что в то время, когда мы впервые услышали об акацирах, они как раз выходили из леса в степь, и соседи назвали их «лесными людьми», поскольку они появились оттуда. Одно только название не делает их тюрками. Племя нез-персэ в Айдахо не говорило по-французски, а племя черногорых в Монтане – по-английски. Но все это не самое главное. Если бы название акациры значило аγас-eri, Приск написал бы *Аγάτζροι. Он никогда не передавал бы иностранное *g* – каппой. Он писал *и*, а не *γ*: его Ρεικύμερ – это Рецимер – Recimer, Ricimer, Ricimerius, а не Regimer; Ἐδήιων – Эдекон – Edecon, Edica, Ἀνηγίσιλος – Арнегискл – Arnegisclus. Он писал Βιμινάκιον – Виминакий – Viminacium, Σερδικὴ – Сердика – Serdica, но Μάργος – Margus.

После отказа от Acat(z)iri = Аγас-eri как несостоятельного с географической точки зрения и лишенного доказательности с точки зрения фонетической остается еще две попытки объяснить этническое название. Одна, предложенная Л. Н. Гумилевым, нас не задержит. Он считает, что Acatziri – тюркское aka, «старший», и carig, «армия», – это чепуха. Другое объяснение предложено целым рядом ученых, последними были Хеннинг и Гамильтон. Они полагают, что акациры – «белые хазары», aqxazar. Прежде чем обратиться к Хеннингу, кратко рассмотрим экскурс Гамильтона в Китай. Он считает, что нашел имя Xazir в списке племен народа теле на севере, сохраненном в Суйшу, глава 84: «К северу от царства Кан на берегу реки Адэ живут хэдэ... с более чем тридцатью тысячами солдат». Для Гамильтона Адэ, древнее a-tək, звучит похоже на Atil – Атиль, тюркское название Волги. Но tieh – хэдэ, древнее xa-d'iet, он считает транскрипцией Adil – Адиль – снова Волга, а ho chieh – хэцзэ, древнее at-dziet, по его мнению, транскрипция Xazir. Таким путем Гамильтон приходит к следующему: «На Atil живут Adil Hazir». Xazir и Xazar, по его мнению, одно и то же. L'altérence a/l dans le suffix aoriste – était en turc ancient des plus banales. Он ссылается на армянское Xazirk. Совместные китайские и армянские доводы, он считает, поддерживают уравнение Akatzir = *Aq-Qazir или *Aq-Xazir.

Выводы Гамильтона неубедительны. Но tieh – хэдэ – явно название племени, а не реки. Atil не может в одном коротком отрывке транскрибироваться по-разному. Да и Волга не течет к северу от Кана – Самарканда.

Идентифицируя акациров с хазарами, Хеннинг руководствуется другими основаниями. Как и Гамильтон, он ссылается на армянское Hazir = Khazar, но считает это не вариантом имени, а исходной формой. Он подчеркивает, что ни одна нация не была ближе к хазарам, чем армяне. Это правда, однако Пеллио все равно называет Xazir peu concluant из-за реконструкции оригинала с i вместо a, как во всех других написаниях имени. Хеннинг полагает, что Xazir подтверждается Xáζароι, названием, которое он нашел у Моравчика. Xáζароι несомненно заменяет Xazir, но тексты, в которых это слово встречается (Notilia Episcopatum, а также заметки неизвестного автора), изобилуют искажениями. В обсуждении названий Acatziri и Khazar Xáζароι можно опустить.

Связь между Acatziri и Khazar, по мнению Хеннинга, – это KSR в упомянутом списке наций, живущих к северу от Кавказа. KSR может быть Xasar и Xasir; в хазарском языке *Xacir могло стать Xazir, а позже – Xazar. Было ли такое развитие событий возможным в практически неизвестном языке хазар или нет, для нас не представляет большого интереса, поскольку Αγάτζροι Acatziri – это определенно не *Aq-Xacir.

Из всех ученых, пытавшихся разрешить проблему акациров, только Маркварт понял важность текстовых традиций. Он написал об этом в труде, в котором ничего подобного никто не ждал, – в

посмертно опубликованной статье *Entstehung der armenischen Bistümer*. Маркварт показал, что Приск, вероятнее всего, написал Ḫιάτ̄րοι, а писцы впоследствии «исправили» его на Ḫιάτ̄չրօ. Они сделали это лишь первые два раза. Позднее он оставили название таким, как оно есть, вероятно ожидая, что читатель не станет исправлять его сам. Свида, цитируя Приска, написал Ḫιատ̄րօց.

Маловероятно, что т̄з у Приска передавало – ts– или – с-, как думал Маркварт. Если он написал Ḫմլչրօց, что могло помешать ему написать Ḫιάչրօ вместо Akacir или Akatsir? Насколько я понимаю, существует три возможности объяснить разницу между Ḫιάտ̄րոι и Acatziri Иордана. Первая – замена t̄ на ts в вульгарной латыни. Вторая – та же замена могла произойти в языке акациров за 80 лет, отделяющих Приска от Иордана. И третья – можно подумать, что Приск «реконструировал» название; он мог слышать – Akatsir, но писать – Ḫιάտ̄րօ.

Последняя возможность представляется несколько натянутой. Против второй, которая сама по себе не слишком вероятна, говорит написание Оύλτ̄չօրօ у Агафия. Агафий писал свою историю после «Гетики». Остается только первая возможность: Иордан заменил Ḫιάտ̄րօ на Acatziri, так же как заменил Scandia на Scandza и Burgubdiones на Burgundzones. По моему мнению, «исправленные» формы Приска восходят к написанию Иордана. Все рукописи *Excerpta de legationibus* переписаны с одного кодекса. Апографы были сделаны Андреасом Дамарием и другими учеными в конце XVI в., когда уже существовало три печатных издания «Гетики». Лично мне представляется более вероятным, что ученыe XVI в. вслед за Иорданом «исправили» текст Приска, а вовсе не греческие писцы VI в., как считал Маркварт.

Исторические доводы Хеннинга в пользу идентификации акациров и KSR основаны на фрагментах 30 и 37 Приска. Около 463 г. сарагуры после многих сражений покорили акациров; их, в свою очередь, вытеснили сабиры, которых привели в движение авары, а аваров – народы, бежавшие с берегов океана от грифонов-людоедов (фр. 30). В 466 г. сарагуры после нападения на акациров и другие народы выступили против персов, перешли Кавказские горы, разграбили Иберию (Иверию) и захватили Армению (фр. 37). Вместе с утверждениями Приска относительно мест проживания акациров в Скифии на Понтском море, два фрагмента убедительно доказывают, что этот народ жил в степях между Кубанью, Доном и Волгой, то есть примерно на той же территории, что и KSR – Xasir, Xasar.

Я не могу принять выводы Хеннинга. Следует помнить, что два фрагмента были изрядно укорочены писцами, которые соединили их вместе для собрания Константина Багрянородного. Для фрагмента 30 это было доказано Моравчиком. Сравнение фрагмента 30 и начала фрагмента 37 ясно показывает, что последний также подвергся сокращению. Он ссылается на сражения во фрагменте 30, поскольку было бы абсурдным предполагать, что в 463 г. сарагуры подчинили себе акациров и тремя годами позже, до выступления против персов, напали на них опять. Фрагмент 30 сам по себе ничего не сообщает о войне между сарагурами и другими народами, кроме акациров, о чем кратко упомянуто во фрагменте 37. Иными словами, исходный текст Приска содержал намного больше информации о многочисленных битвах сарагуров с акацирами и другими народами. Он мог стать и более определенным относительно региона, где эти сражения имели место, хотя Приск явно был не слишком хорошо информирован о событиях на территориях европейских сарматов. Или мы должны поверить, что Геродотовы грифоны пришли с реки, окружающей землю? Как бы то ни было, нет никаких оснований полагать, что в 463 г. акациры ушли с мест, где они жили в последние годы правления Аттилы «в Скифии и на Понтском море», и через несколько лет под гнетом Аттилы вернули себе независимость. Два или три года они были подданными сарагуров, но к середине VI в. Иордан знал их как *fortissimo gens*, народ, не подчиняющийся никому. Моравчик счел само собой разумеющимся факт, что в то время они все еще находились там, где были в 460-х гг., то есть – и я попытался это продемонстрировать – к западу от Азовского моря.

Только неправильный перевод фрагмента 37, который я процитировал с оригинального греческого

текста Приска, позволил утверждать, что акациры вместе с сарагурами участвовали в нападении на персов. Редакторы боннского издания и К. Мюллер в *Fragmenta Historicorum Graecorum* (IV. 107) перевели фразу *cum Acatiris aliisque gentibus coniuncti*. У Добльхофера (1955б. 74) – в союзе с акацирами, у Альтхайма – вместе с акацирами, хотя Моравчик уже много лет назад указывал на неправильность этих переводов. Гордон сказал точно: «Атаковав акациров и другие народы». Хочу подчеркнуть, что взгляды Хеннинга не основаны на неправильностях перевода.

Восточная Римская империя попыталась в 445 г. вступить в союз с акацирами и заключила его с сарагурами, после того как пришельцы с Востока подчинили акациров себе. Представляется крайне маловероятным, что римляне контактировали с варварами между Кубанью, Доном и Волгой, регионом, расположенным слишком далеко от правительства в Константинополе. В неразберихе 460 г. сарагуры наверняка на какое-то время вышли за Дон и Днепр. Все это говорит против идентификации акациров с KSR к северу от Кавказа.

Я не могу предложить этимологии для названия акацир. *Κουρίδαχος* – имя одного из правителей племени в конце 440-х гг. – возможно, тюркское. Юстин отнес его к иранским, возможно, потому, что опирался на крымскую надпись III в., которую Латышев реконструировал по аналогии с Куридахом. *Kuridachus* – Куридах – может быть, *qurtaq*, *qurt*, «волк», и уменьшительный суффикс *q*. Сравните готское *Wulfilia* – Вульфиле. Немет утверждал, что *qurt*, «червь», приобрел значение «волк» только в недавние времена. Но какие времена можно назвать недавними? В *Нузхат аль-кулуб Казвини* – произведении, написанном в 1339 г., – *qurt* уже означало «волк». *Qurt*, полагал А. Щербак, вероятно, общий термин для живых существ, который использовался для волка, когда его реальное название было табу.

Обсуждение акациров оказалось довольно-таки длинным. Упомянем вкратце о названиях других гуннских племен.

Ултиндзуры – *Ultinčur*

Ултцинзуры, Оύλτινζурои – название состоит из *Ultin* и *čur*. Что бы ни значило *Ultin*, оно, вероятно, такое же тюркское, как *il* в *ilčur*.

Четыре названия определенно оканчиваются на *gur*, одно – почти определенно, и одно – вероятно.

1. *Κουτρίγουροι*. Хотя точную форму, спрятанную за разными чтениями, установить невозможно, слово даже в самом aberrantном варианте оканчивается на *gur*.

2. Унугуры (оногуры), Ὄνόγουροι, – это тюркское *On-Ogur*, «десять огуров». Гамильтон попытался доказать, что *Onogur* – неправильная транскрипция *On-Uyghur*. Якобы византийцы не умели передавать в своей письменности дифтонг *iu*. Однако они писали Ὄηβάρσιος, Ὄήχ, и ничто не мешало им написать *Όνωήγουροι.

3. Ούτιγουροι. Если не считать двух незначительных кодексов, все чтения, которых так же много, как в случае с кутригурами, оканчиваются на *gur*.

4. Биттугуры – одно из племен, признавших Денгизиха правителем, – присоединились к остготам на пути в Италию. Рагнар был одним из них *Βίττορες*, это *BITGORREΣ*.

5. Τούσουρες. У Приска – *Τούνσουρες*, у Иордана (Генетика. 90) – *Tuncarsos*, *Tuncursos. Маркварт изменил *Τούνσουρες*, чтобы читалось *Τούνγουρες* [156].

У койбалов *ton* означает «народ». Тонгур, Донгур, Тонгул – «кости» алтайских тюрков. Если я правильно помню, Тонгур был назван мне «костью» на реке Джакул в Туве.

6. Σόροσγοι. Подписав мирный договор, Марга, Бледа и Аттила начали войну с сорозгами, народом

Скифии. Кулаковский принял это название, *һарах legomenon*, за ошибочно написанное Сарагур, что было неудачной гипотезой. Стоит только подумать о тῷ τῶν Σοῦδις ἔθνος у Каллиста – выражении, которое восходит к τοὺς Ὀγώς у Феофилакта, испытываешь искушение принять сигму в начале названия за диттографию: προσβοροσγους (*проборосгους. *ΟΡΟΣΓΟΙ – это, вероятно, искажение ΟΡΟΥΓΟΙ. Οὔρωγατ у Приска – это неправильно написанное Ούγωροι. Возможность того, что (Σ)орофои заменяет Ουοури, тоже нельзя полностью исключить.

Ангискиры – *Angisciri*

Название встречается только в «Гетике» (128): *angisciros*, *angiscires*. Ангискиры были одним из четырех племен, сохранивших верность Денгизиху. Васмер решил, что *angi* – означает то же самое, что ОЕ *eng*, «луг, пастбище». Значит, ангискиры – это луг скиров. Однако, поскольку три других племени – ултзинзуры, биттигуры и бардоры – имеют тюркские названия, логично предположить, что ангискиры – тоже тюрки. Писцы могли присоединить необычное название к скирям, которые дважды упоминаются в *Romana* и пять раз в *Getica*. *Angis* – вызывает ассоциации с äŋiz, «поле». Возможно, ангискиры – это ангисиры.

Бардоры (вардоры) – *Bardores*

Название явно состоит из *var*, – *dor*. *Dor-dur* – это не только второй элемент в названии ултзиндур, оно встречается в названии племени огузов Баюндур – *Bayundur*, а также в названиях племен, перечисленных Прицаком. *Cegitur* – киргизский клан.

Варсήлт

Этот народ назван вместе с унугурами и сабирами. Маркварт принял Barselt за осетинскую форму множественного числа: *Barsel-t*. Он идентифицировал *Barsel с (*Βαρζάλοι у Менандера; *Basil-k'* у *Chorenac'i*; *B'grsyk* в списке 555; *Βερζίλια*, древнюю родину хазаров и *Barčula*, одно из трех племен волжских булгар. Все это в высшей степени предположительно. К. Смирнов считает, что могильник Агачкалинский, что возле Буйнакска, на северо-западном побережье Каспийского моря, может быть приписан барсилам. *Barsel* встречается в легенде о волжской булгарской монете X в.

Кадисенои

Иоанн Антиохийский был единственным автором, который назвал кадисенов – *cadiseni* – гуннским народом. Нольдеке доказал, что кадисены, неоднократно упоминаемые византийскими, сирийскими и армянскими авторами, не имеют ничего общего с гуннами.

Σάλοι

Упоминается только Менандром, как гуннское племя. Нельзя не вспомнить Σάλοι, живших, согласно «Географии» Птолемея, в европейской Сараматии, и салов – *salae* – Плиния в Колхиде, но см. Варсήлт.

Σάβιροι

Разнообразные формы приведены у Моравчика. Годами сабиры были любимой темой «охотников за именами». Пеллио склонен принять тюркскую этимологию Немета; сабиры – «скитальцы». Хеннинг считал, что нашел сабиров в Нафнамаке из Согдианы, что сделало их соседями турфанов уже после V в. Moor

предлагает совершенно неубедительную иранскую этимологию.

После краха царства Аттилы скиры и садагарии, а также некоторые аланы получили Малую Скифию и Малую Мёзию. Садагарии не могут быть отделены от тех садагов, которые в то же время, все еще верные Денгизиху, жили в Паннонии. На это указал Цейс еще в 1837 г., но это не помешало ни серьезным ученым, ни дилетантам предлагать самые нелепые иранские и тюркские этимологии. Они или разделяли Sadagarii = Sada + garii, или Sadagarii = Sadag + arii. Абаев предложил осетинскую этимологию. Ясно, или должно быть ясно, что – es – греческое, а – arii – латинское окончание. Название непонятно. Даже неизвестно, было ли это племя частью гуннской конфедерации в узком смысле слова или имело к ней лишь косвенное отношение.

Выводы

Судя по названиям племен, значительная часть гуннов должна была говорить на тюркском языке. Ултиндзуры и алпидзуры такие же тюрки, как бекчор, племена печенегов, с названиями, оканчивающимися на тζоур, и киргизские племена с названиями, оканчивающимися на – ѕого. Другое распространенное окончание названий тюркских племен – gur. Это кутригуры, утигуры, оногуры, биттугуры, а также *Ton-gur, *Ugur. По аналогии с Ултиндзуром Ултигир, оканчивающееся на – gir, как другие определенно тюркские имена собственные, тоже тюркское. То же самое справедливо для имен собственных Bardor – Вардор и Ултиндур.

Личные имена дают иную картину.

Имена аттильских гуннов следующие:

турецкие или вероятно тюркские: Базих, Берих, Денги-зих, Эллақ, Эмнетзур, Эрекан, Эскам, Мундзук, Эбарсий (Оебарсий), Улдин, Ултзиндур;

германские или германизированные: Аттила, Бледа, Эдекон, Лаударик, Онегесий, Руга;

персидские: Ормидах (Хормидах);

гибридные: Курзих, Тульдила;

неизвестного происхождения: Адам (Адамис), Харатон, Эрнак, Эсла, Мама, Октар, Скотта.

Акациры

Возможно, тюркское – Куридах.

Биттигуры

Германское – Рагнар.

Утигуры и кутригуры

Тюркские: Сандил, Сандилхос.

Иранское – Заверган.

Неизвестного происхождения – Анагайос, Хиниалон.

Боспорские гунны

Неизвестного происхождения – Гордас, Муагерис.

Кавказские гунны

Неизвестного происхождения – Зилгибис.

Сабиры

Возможно, тюркские – Балах, Илигер (Илагер), Кутилзис.

Тюркское – Боарекс.

Гунны в восточноримской армии:

Тюркские – Алфия, Элминдзур, Элмингейр, Золбон (Чолбон).

Иранские – Эшманос (Aischmanos?), Балас, Хорсоман, Хорсомант, Зартир.

Гибридные – Апсих, Апсикал.

Неизвестного происхождения – Айган, Акум, Артек, Аскан, Бахас, Халазар, Хелхал, Губулгуду (Gubulgudu(?), Одолган, Сигизан, Симмас (Симас), Синион, Суника, Таррах, Тургун, Улдах.

Распределение иранских и германских или германизированных племен представляется весьма интересным. Ни одно германское или германизированное имя не встречается среди неаттильских гуннов. Если какие-либо германцы на Востоке пережили нашествие гуннов, их оказывалось или очень мало, или их социальное положение было слишком низким, чтобы их имена могли появиться среди представителей правящей группы или даже среди свободных воинов, служивших в византийской армии. Зато не менее шести имен аттильских гуннов являются германскими или псевдогерманскими. Формы гуннских имен у Приска и Иордана столь же германские, как Аларих и Теодерих, не только потому, что настоящие гуннские имена трансформировались в готском произношении. Они подтверждают то, что Иордан сказал о дружбе Аттилы с германскими лидерами. Акцент на лидеров. Томпсон верно подчеркнул односторонний характер так называемого гуннско-готского симбиоза. Благородный и великолдуший Аттила из германской эпической поэзии делил с вождями готов и гепидов добычу, которую он привозил из военных походов. Если бы несчастные готы, которые в 460-х гг. были вынуждены пойти за гуннами, слагали песни, они бы звучали совершенно иначе.

Сами по себе имена Харатон и Эрнак могли быть или тюркскими, или германскими. Учитывая практическое отсутствие определенно иранских имен и преобладание тюркских среди аттильских гуннов, их следует перенести из раздела «Имена неизвестного происхождения» в раздел «Тюркские». В предыдущей главе я высказал предположение, что большая часть алланов около 400 г. разорвала союз с гуннами и мигрировала на Запад. Теперь это подтверждается анализом аттильских имен. В V в. алланы не играли политической роли в жизни гуннов. Их знать не считалась равной гуннской знати. Не добились алланы и более или менее высокого положения.

Отсутствие иранских имен до VI в. свидетельствует об отсутствии тесных связей доаттильских гуннов и парфян, сасанидских персов и среднеазиатских иранцев. Иранские имена кавказских гуннов, несомненно, были заимствованы или у персов, или у армян и грузин, находившихся под сильным персидским влиянием. Большой интерес представляют иранские имена в византийской армии, но они любопытны прежде всего тем читателям, кто занимается изучением протобулгар. Аспарух-Исперих, Безмер в списке Приска и Расата из списка Чивидале – также иранского происхождения. Анализ иранских гуннских имен следует

предоставить ученым Ирана. Некоторые из этих имен, к примеру Б(В)алас, почти наверняка персидские, другие могут быть сарматскими. И если существует очень мало археологических свидетельств персидского влияния на кочевников между Волгой и Крымом, присутствие сарматских элементов в культуре протобулгар доказано многими находками. Искусственно деформированные черепа в их захоронениях невозможно отделить от захоронений сарматизированных тюрков или тюрокизированных сарматов в послеаттильских могильниках на юге русских степей.

Глава 10

Ранние гунны в Восточной Европе

Литературные, эпиграфические, археологические и палеоантропологические свидетельства показывают присутствие гуннов возле Черного моря задолго до того, как гунны Аттилы ворвались на Украину в 70-х гг. IV в.

Ни греки, ни римляне не знали, откуда они появились. Аммиан Марцеллин решил, что их родина где-то за Меотидой – Азовским морем, «возле скованного льдом океана» (XXXI. 3, 1), что проливает некоторый свет на его географические познания, но не на происхождение гуннов. Спустя 80 лет у Приска не нашлось ничего лучшего предложить, кроме легенды о самке оленя, которая показала гуннам дорогу через Керченский пролив в Крым. Прочитал он об этом у Евнапия или услышал разговоры при дворе Аттилы – неизвестно. В любом случае легенда является вариантом широко распространенной в Евразии истории о показывающем путь животном. Какое-то количество якобы ранних гуннов обязаны своим существованием фальсификации текстов.

1. В «Естественной истории» (VI. 55) Плиний писал: «После атакоров – народы туны, тохары и (уже народ индов) касиры, обращенные к скифам с внутренней стороны (они питаются человечиной)» (*«Ab Attacoris gentes Thuni et Focari et, iam Indorum, Casiri introrsus ad Scythes versi humanis corporibus vescuntur»*). Таково чтение в *codex Leidensis Vossianus* конца IX в., который, по мнению всех редакторов, является лучшим. Такое же чтение в кодексах *Vat. Lat. 3861* и *Parisinus Lat 6795* (оба относятся к XI в., *Vindobonensis 234* (XII или XIII в.) и *Parisinus Lat 6797* (XIII в.)). В кодексе *Florentinus Ricciardianus*, изобилующем искажениями, *Chuni* вместо *Thuni*.

2. Давно известно, что Орозий написал «*inter Funos, Scythes, et Gandaridas mons Caucasus*». В кодексе *Vat. Lat. 829* тоже *Funos*, но позднее было добавлено *Hunos*. В кодексе *Bobiensis Ambrosianus* мы уже читали *Chunos*, как в более поздних кодексах (*Chunos* или *Hunos*).

3. Другое название, тоже похожее, которое независимо друг от друга латинские, армянские и коптские писцы изменили на гуннов – *Uenni*. *Οὔεννοί* в «Хронике Ипполита», написанной до 235 г., само по себе есть искажение *Οὔενετοί*. В *Liber generationis mundi* – произведении, основанном на трудах Ипполита, *Οὔεννοί* появляется как *Uieni* или *Uenni*. В *Barbarus Scaligeri* вместо этого *Hunni*. Как и западные писцы, армянский переводчик Ипполита посчитал своим долгом исправить «ошибку» более ранних переписчиков. И он передал *Οὔεννοί* как *Honk'*.

4. Греческий оригинал «Трактата о двенадцати камнях» Епифания, написанный около 394 г., утрачен, но большая часть сохранилась в раннем латинском переводе (Авелланская коллекция). В «северном регионе, который древние называли Скифией», жили *Gothi et Dauni, Uenni quoque et Arii usque ad Germanorum Amazonarumque regionem*. Франческо Фоджини, первый редактор *De Gemmis* (1743), счел отрывок искаженным и предложил *Hunni* вместо *Uenni*. Но он оставил текст в таком виде, каком нашел. Человек, переводивший греческий оригинал на коптский язык, оказался смелее – он просто изменил название, которое абсолютно ничего для него не значило, на *Huns* – гунны.

5. Отрывок из «Гетики» (30) содержит некоторые сведения о ранних местах обитания гуннов на Востоке. Иордан пишет: «Скифия сформирована как гриб: сначала узкая, потом широкая и круглая по форме, она тянется до гуннов, албанов и серов (*Hunni, Albani, Seres*)». Как отметил Моммзен [157], сравнение указывает на Кассиодора [158], главный источник Иордана. Где Кассиодор прочитал, что гунны

были соседями серов, предположительно китайцев? Можно не сомневаться, что его источником стал один из популярных сборников, который прямо или косвенно восходил к Дионисию Перигету. Кассиодор рекомендовал «карту Дионисия» монахам. И не особенно важно, что и в «Гетике», и в описании земли Periegesis Каспийское море – океанский залив. Такое мнение бытовало еще со времен ионийских географов. Но удивительно то, что и там, и там гунны и албаны названы вместе, как в некоторых рукописях Periegesis. «Я расскажу, какие племена живут вокруг Каспийского моря, начав с северо-западной стороны. Первые – скифы, которые населяют побережье возле Кронийского моря (океана) по устью Каспийского (моря); потом – Оўввоі, а за ними – каспии, за этими – воинственные албаны и кадусии...» – таковы названия в издании Мюллера, которое до сих пор цитируется очень часто.

На самом деле ни в одном манускрипте, использованном Мюллером, не было Оўввоі; там было Θοῦvvoі, Θοῦvvol, ωvvoі, ωvvoі. Кодекс а, самый лучший, содержит Θuvvoі. Во второй половине IV в. не могло не существовать множества разных чтений. Не зная, какое выбрать, Авиен, который около 370 г. переводил популярный труд на латынь, вообще пропустил это название. Он написал: «Здесь возле Каспийского моря живут воинственные скифы, здесь же обитают дикие албаны» (*hic uada propter / Caspia uersatur Scytha belliger, hicque feroce / degunt Albani*).

У Приска в начале VI в. вифины (*Thynus*): «Далее следуют вифины (*Thyni*), после них смелые каспийские племена. Есть еще албаны, находящие радость в сражениях» (*hinc Thynus sequitur, Post fortis Caspia proles. / Hinc sunt Albani bellaced Marie feroci*). Судя по схолии Евстафия из Фессалоник, написанной до 1175 г., он еще знал два чтения Оўввоі, Θοῦvvoі. Как и в других подобных случаях, упомянутых ранее, в конце концов осталось хорошо знакомое этническое название.

Дионисий завершил свое перечисление народов Востока серами – это название он взял у Страбона, а тот, в свою очередь, от Аполлодора.

Три народа в «Гетике» – гунны, албаны и серы – это те, с которых начинается «исправленное» землеописание. Гунны заняли место вифинов и завершили список. Радикально сократив его, исключив все названия между вторым, четвертым и последним, Кассиодор или его источник, которым воспользовался Иордан, сделал гуннов и албанов соседями китайцев. Отрывок из «Гетики» не восходит к утраченному древнему источнику. Это продукт «ужимания» школьного учебника, в который как-то попали гунны. Отрывок представляет некоторый интерес для текстовой истории труда Дионисия, но для изучения истории гуннов он бесполезен [159].

Приятно, наконец, перейти от вымышленных гуннов к Хойвоі Птолемея. В третьей книге «Географии» он называет их среди народов европейской Сарматии – они живут между бастарнами и роксоланами. Поскольку эти народы хорошо известны, нетрудно локализовать Chuni – чуней на карте Восточной Европы. Причем несмотря на то что нам приходится иметь дело с Птолемеем, а не со Страбоном или другим великим греческим географом.

Следуя с запада на восток, Птолемей помещает певкинов и бастарнов «над Дакией» (III. 5, 7). Он знает о горе Певк, но не упоминает «Basternon oros», так что его бастарны жили на равнинах за горным хребтом, окружавшим Дакию. Более того, он указывает излучину Тира (Днестра) границей между Дакией и Сарматией (III. 5, 6). Таким образом, бастарны Птолемея жили в румынской Молдове и, возможно, также к востоку от реки Прут: «Вдоль всего берега Меотиды живут языги и роксоланы» (III. 5, 7), первые на западе, вторые на востоке до самого Танаиса (Дона), который разделяет Европейскую и Азиатскую Сарматию.

Середина линии, проведенной между местами обитания бастарнов и роксоланов, будет находиться где-то к северу от Крыма. Тут и жили гунны – чуни.

Но отрывок о народах, живущих вдоль берега Меотиды, относится к более раннему периоду, чем тот,

когда Птолемей написал свою «Географию». Как это часто бывает, он бездумно скопировал более ранних авторов. К середине II в. и языги, и роксоланы уже жили в сотнях миль от побережья Азовского моря.

Двигаясь на запад, языки во втором десятилетии I в. достигли Дуная, в первые годы правления Клавдия мигрировали через Дакию в Венгрию, где заняли северо-западную часть Альфельда, постепенно распространились по всей его территории и удерживали ее в течение более чем трех столетий. Небольшое число языгов могло остаться на старых местах. Но это не были настоящие языги. Птолемей говорит о «кочующих», *melanastai* языгах. Он даже называет восемь их городов (III. 7, 1–2). И все же, копируя древних авторов, поселяет языгов к востоку от нижнего течения Днепра.

Роксоланы тоже, по крайней мере большинство этого народа, давно покинули свои старые места обитания. При Нероне они вступили в контакт с римлянами не на Дону, а на Дунае. Зимой 67/8 г. и снова в 69 г. всадники роксоланов совершили набеги на Мёзию. В союзе с Диурпаном, царем даков, бастарны и роксоланы разгромили римские войска в южной Добрудже[160]. В 101 г. роксоланы сражались против Траяна в низовьях Дуная. Спустя несколько лет император заключил союз с ними и выплачивал им субсидии в обмен на клятву защищать Римские провинции от вторжения других сарматов.

Возникает вопрос: какие роксоланы были соседями гуннов – чуней? Те, о которых писал Птолемей, или те, что жили в его время? Вопрос может показаться абсурдным, но следует помнить, насколько произвольно Птолемей подавал материал, черпая его без разбора из старых и новых источников.

Только при Траяне и Адриане стали лучше известны территории, граничившие с Дакией на востоке и с Малой Мёзией – на севере. После покорения Дакии старые торговые пути из греческих городов на Черном море в Трансильванию существенно оживились. Дорога из Апулуума в Дакии до Пироборидавы на Серете и вдоль его правого берега к Дунаю проходит через страну бастарнов. Хотя во II в. степь к северу от Крыма была для римлян такой же малоизученной, как раньше, Южная Молдавия уже перестал быть *terra incognita*. Если бы гунны – чуни – жили к северу от Крыма где-то между Каховкой и Мелитополем, Птолемей вряд ли знал бы их. Но он вполне мог узнать о ранее неизвестном народе в Молдавии. Он мог видеть название на карте или услышать его от путешественников: гунны могли упоминаться в военных донесениях. Каким бы ни являлся его источник, роксоланы, рядом с которыми он поселил гуннов, почти наверняка были теми, что вступили в союз с римлянами.

На карте птолемеевской Европейской Сарматии Кулаковский (1899) поместил чуней к востоку от гор Amadocian, к востоку от Борисфены. На карте Латышева их стоянки располагаются примерно в том же районе. Вероятно, русские ученые тогда еще не знали кодекса Эбнерианус. Там на карте Европейской Сарматии *chini* живут между Ариаксом (Тилигул) и Борисфеной (Днепр), к северу от Одессы, иными словами, на территории близкой к той, что мы предположили на основе текста. Независимо от того, следуем мы карте или помещаем гуннов между бастарнами и роксоланами птолемеевских времен, они жили или на правом, или на левом берегу Днестра, вблизи северо-западного побережья Черного моря[161].

Аммиан Марцеллин, вероятнее всего, основывался на труде Птолемея, утверждая, что гунны малоизвестны из древних записей (XXXI. 2, 1). Каким бы свободным ни был термин *monumenta vetera*, Аммиан не применил бы его к трудам, написанным за одно или два поколения до его времени. Предполагалось, что он ссылался на старую карту (возможно, одну из карт Птолемея); он мог наткнуться на название в хорографии, ставшей популярной в середине II в.; или в полной версии *Collectanea Rerum Memorabilium* Солина; не так трудно придумать и другие источники. Рассуждать о литературе можно долго, но это бесполезно. «География» Птолемея – единственный сохранившийся труд, в котором встречается этническое название, так похожее на гуннов, что Аммиан идентифицировал чуней и гуннов.

Марциан (Маркиан) из Гераклеи сделал то же самое. Его *Periplus of the Outer Sea* – труд, написанный

до 550 г., в основном является выборкой из Птолемея. В процессе написания *Periplus* Маркиан пропустил почти все этнические названия в своем источнике. Он не назвал ни одного из 26 племен в Лугдунской Галлии, ни одного из двадцати четырех – в Белгике Галлии и только указал одно из шестидесяти восьми в Германии – Магне (II. 24–26, 27–29, 31–56). Он назвал три народа в Сарматии: агафирсов и «в районе Борисфены за аланами» – «так называемые гунны, которые в Европе».

Это странный выбор. Птолемей назвал «великими народами» Европейской Сарматии венетов, певкинов, языков, роксоланов, гамаксобиев и аланов (III. 3, 7). Маркиан перечислил названия 49 «малых народов», среди которых агафирсы заняли 27-е, а чуни – 47-е место (III. 5, 8–10), ничем не отличаясь от других. И все же Маркиан выделил их. Основанием для такого вроде бы спорного выбора, очевидно, стала важность этих народов для Восточной Римской империи во времена Маркиана. Уточнение «которые в Европе» имеет смысл, только если Маркиан знал о гуннах, живущих еще где-то.

Маркиан проигнорировал певкинов и гамаксобиев, равно как и все остальные народы со странными названиями, которые для него ничего не значили, но аланы, хотя не в Сарматии, до 534 г. были очень даже на слуху. Их братья являлись союзниками вандалов в Африке. Это, между прочим, указывает на дату создания *Periplus* Маркиана. После того как Велизарий взял Карфаген, а Юстиниан назвал себя императором аланским, больше не было оснований говорить об аланах как о значимом народе.

Почему Маркиан оставил агафирсов из списка Птолемея, на первый взгляд представляется непонятным. Аристотель был последним автором, упомянувшим о них как о реальном народе. После этого они остались только в литературе. Каспар Цейс с сомнением идентифицировал их с гуннскими катирами. Валиди Тоган считал, что Цейс прав. Если вспомнить, что в середине VI в. акатиры все еще были *gens fortissima*, становится понятно, почему Маркиан назвал их вместе с гуннами в Европе. Он тоже принял агафирсов за другое, более древнее имя акатиров.

Будет принята такая трактовка выбора Маркианом аланов и агафирсов или нет – не является важным для главного момента: его идентификации Птолемеевых чуней с гуннами своего времени. Он поместил их восточнее, чем Птолемей, вероятно, потому, что имел в виду тех гуннов, которые в первой половине VI в. неоднократно угрожали восточным Балканским провинциям, гуннов Европы, которых также и Евагрий отделил от «других гуннских народов» в Азии.

Отождествление Аммианом и Маркианом гуннов и чуней не лучше и не хуже других многочисленных современных отождествлений такого типа: это приравнивание двух названий. Каковы действительные отношения между чунями и гуннами? Ответ Томпсона – никаких. Он считает сходство имен чистым совпадением. Буссагли предполагает, что чуни – *chuni* – интерполяция Птолемеева текста, что, по моему мнению, крайне маловероятно. Переписчик, который якобы вписал этническое название в список Птолемея, прежде всего использовал бы обычную форму *Oūvvoi*, и, кроме того, он сделал бы этот народ одним из величайших варварских народов Сарматии, а не спрятал название среди 49 мелких племен.

Чуни – это не гунны, которые (и в этом отношении Томпсон абсолютно прав) не могли прожить в Понтийском регионе в течение 200 лет, оставаясь неизвестными римлянам. Они не были и их предками. Вероятнее всего, они являлись потомками хунну Чжичжи, как считали Хирт и Кислинг. Миф о могущественной империи хунну Чжичжи разрушил Теггарт. Китайцы уничтожили орды Чжичжи до последнего человека.

Если бы чуни Птолемея жили в Африке или на Британских островах, их можно было бы проигнорировать. Но их стоянки находились как раз в том регионе, где спустя два с половиной столетия жили гунны. Это все еще может быть совпадением, хотя и весьма странным. Однако для доказательства того, что чуни – не простоозвучное название, нужна еще информация. Полагаю, она существует. В 250-х гг. готы, бораны, карпы и уругунды – народы, жившие за нижним Дунаем, ворвались в Балканские

провинции и совершили морскую экспедицию в Малую Азию. Карпы – это дакийцы, бораны – возможно, сарматы. А кто такие уругунды? Историки и филологи уже более 100 лет решают этот вопрос. Одни считают их германцами, другие полагают, что уругунды – это вариант написания другого названия – бургунды, третьи видят в них Оўрӯо Страбона, четвертые считают их гуннами. К последним принадлежит Каспар Цейс, и, я думаю, он прав.

В пользу этой гипотезы говорят два аргумента. Во-первых, название *бургунды* встречается в «Панегирике императору Максимиану» Мамертина. Ритор превозносит удачливость императора. Варвары убивают друг друга. Готы почти полностью уничтожили бургундов. Зато взяли в руки оружие алеманнны и тервинги (*Gothi Burgundos penitus excidunt rursumque pro victis armantur Alamanni itemque Tervingi*). Уже давно признано, что *алеманнны* следует исправить и читать *Alani; готы в Южной России не могли сражаться с алеманнами на Рейне. По этой же причине бргунды не могут быть бургундами, жившими на границе с Римской империей на западе. Назвать их восточными бургундами, словно это некое ответвление от западных бургундов, некогда отделившееся от материнского народа, – чистейшей воды своеvolие. Сам Мамертин явно различает бургундов – *burgundy*, и западных бургундов – *Burgundiones*. Так же различал Зосима Оўроугоўбои и Воўрѹоувбои. Бургунды Мамертина и Оўроугоўбои – один и тот же народ, это очевидно. Если вспомнить, что в латинских транскрипциях начальное *v* – в иностранных именах часто передавалось как *b*-, например в словах *Bandali* или *Bitheridus*, а в греческой транскрипции *v* часто отбрасывается (самый лучший известный пример – Оўлфилас Вульфилы), искомое этническое название – **Vur(u)gund*.

Оно встречается у Агафия (V. 11, 2) в списке названий гуннских племен Котріоуру, Оутіоуру, Оўлтітчиоуру, Воуроуоувбу. До императора Льва (ум. 474), добавляет Агафий, Воуроуоувбу и ультизуры были хорошо известны, среди них было много храбрых воинов, но теперь они исчезли – или были уничтожены, или мигрировали.

Vur(u)gund Зосимы и Мамертина нельзя отделить от *Vurugund* Агафия. Это название очевидно связано с Овоугоувбуору или Оувоугоувбуору у Феофана или Константина Багрянородного.

Алpidзуры жили на Меотиде до того, как аттильские гунны пересекли Дон. Как доказывает название и подтверждает контекст, они были гуннским племенем. Как долго до 370-х гг. они жили на юге России, установить невозможно, но близкая и постоянная связь с тунгурями, итимарами и боисками показывает, что они не были новичками.

*Tungur – вероятно, другое тюркское название. Национальность итимаров неизвестна. Боиски, предположительно, ветвь народа, который Орозий назвал «робаски»: боиски на Волге (*Rā = Raḥa*). Имя собственное *Воюко* встречается трижды в надписях в греческих городах на северном побережье Черного моря, дважды в Херсонесе во II в. и в надписи I или II в. в Добрудже. Если представить, сколько имен в Эвксинских надписях означает этническое происхождение – *Daus*, *Callipides*, *Conapsus*, *Lazenus*, *Cholus*, *Reisinalus*, *Saius*, *Sauromates*, *Sindus*, *Sirachus*, *Scytha*, – не остается сомнений в том, что *боиск* означает человек из народа или племени боисков. Воii – бои, которых победил царь гетов Буребиста, были, как тауриски, кельтами. Боиски – маленькие бои – имя, образованное с помощью уменьшительного суффикса, свойственного грекам, кельтам и германцам. Сравните: *Basiliscus* – Басилиск – царственный, *Heracliscus* – Гераклиск – маленький Геракл. Иными словами, на юге России существовала племенная конфедерация гуннских, кельтских и других племен еще до прихода гуннов Аттилы.

Если в Восточной Европе до IV в. существовала тюркоговорящая группа племен, это должны были быть гунны. Однако все старания обнаружить ее следы оказались тщетными. Из трех не самых дилетантских попыток одна предпринята знаменитым алтайцом В. Бантом. Он был склонен производить *sagitta* от тюркского слова, обозначающего сосуд, которое в форме *sayit* на куманском обозначает

«оружие». Хотя происхождение слова *sagittal* остается неясным, крайне маловероятно, что римляне стали бы заимствовать слово у дикого племени варваров на Востоке. Идентификация θέγρι ангела из раннехристианского текста «Пастыря Гермы» с тюркским *teŋri* также несостоятельна. Остается *Yayiq* – название реки Урал до того, как она получила свое теперешнее название. Предполагается, что *Yayiq* – тюркское слово, более поздняя форма Δάϊξ – так называл реку Птолемей. Тюркологи и алтайсты не могут прийти к согласию относительно того, какое слово кроется за Δάϊξ. Маркварт полагает, что дельта передает палатализированное *d*; Прицак считает, что она заменяет фрикативный звонкий зубной согласный; Менгес уверен, что это взрывной звонкий зубной согласный; а Поппе – что свистящий ъ. Были и другие варианты. Менгес производит *Yayiq* от *yau* – «расширять», значит, *Yayiq* – «расширенный». Лигети отмечает, что глагол имеет два варианта: *yad* > *yab-*, *yas-*, *yai* и т. д., а также *yań-* > *yai*, *yan*; он связывает название реки со вторым вариантом, но отрицает, что оно когда-либо было *dayiq. По его мнению, начальное *y* – стало *d* – в процессе произношения слова иранцами, через которых оно перешло к грекам. Серебренников также постулирует происхождение слова *Yayiq*, но он считает, что народом, в языке которого *y* – стало *d* – были дунайские булгары. Quot capita tot sensus. Клаусон вообще отвергает тюркскую этимологию. «Можно только утверждать, – пишет он, – что река Урал была названа *yayık* вместо *dayık*, когда местное население стало тюркским. Тюрки больше не могли произносить начальное *d* – и переделали его в *y* даже в иностранных словах». Клаусон, один из немногих филологов, которые смотрят дальше «чистой» лингвистики, отмечает, что во II в. на Урале жили сарматы. Археологические и антропологические свидетельства действительно являются недвусмысленными. С VII в. до н. э. и до III–IV вв. степные захоронения на обоих берегах реки содержат предметы, явно принадлежавшие конным скотоводам-сарматам европеоидной расы.

Глава 11

Приложения

1. Хроника 452 г.

«Галльская хроника» 452 г. в том виде, в каком она дошла до нас, одновременно сокращена и расширена. Моммзен, показавший, что составитель хроники 511 г. скопировал текст, который содержал ряд записей, отсутствовавших в версии ранней хроники, не заметил, что более поздний переписчик добавил некоторые материалы из восточных источников. Автор хроники 452 г. демонстрирует знания и интерес к событиям на Востоке, который сложно было ожидать от автора, жившего в Южной Галлии. В 432 г. он упоминает о первом издании Кодекса Феодосия. Он – единственный западный автор, знающий о гуннской экспедиции на Фракию в 445 г. Особенно неожиданной является запись 447 г.: «Новое несчастье обрушилось на Восток: не менее семидесяти городов разрушено рейдом гуннов, поскольку помочь с запада не последовало» (*«Nova iterum Orienti consurgit ruina, qua septuaginta non minus civitates Chunorum depraedatione vastatae, cum nulla ab occidentalibus ferrentur auxilia»*). Конечно, возможно, что хронист как-то узнал количество разрушенных гуннами городов, хотя такая точность является по меньшей мере необычной. Но трудно себе представить, почему он по собственной инициативе стал критиковать бездействие собственного правительства. Тут мы явно слышим голос человека с Востока, а вовсе не жителя Галлии. Томпсон неправильно понял отрывок.

Еще одна странная запись: «Аттила, вступив в Галлию, требует жену, как будто положенную [ему] по праву. После причинения и испытания тяжких потерь он уходит в свою землю» (*«Attila Galliae ingressus quasi iure debitam poscit uxorem: ubi clade inficta et accepta ad propria concedit»*). И это все, что хронист, из Марселя сказал о войне, которая принесла бесчисленные бедствия не в Писидию или Фивы, а в его собственную страну, и не когда-то в прошлом, а в том году, когда он завершил свою работу. Но если краткость странно диссонирует с важностью события, то содержание записи представляется вообще непонятным. Кто эта женщина, которую Аттила требовал себе в жены? Какова связь между этим требованием и вторжением в Галлию? Ни один из западных авторов не упоминает о предполагаемой связи между Гонорией и Аттилой, на которую намекает хронист – о ней рассказал только Приск и те, для кого его труд послужил источником. Эта запись явно указывает на восточный источник.

2. Армянские источники

В настоящем исследовании армянская литература по большей части игнорировалась. Поясню почему. Теперь уже историки пришли к общему мнению о том, что труд, который долгое время считался принадлежащим Мовсесу Хоренаци, появился на свет в VII, если не в VIII или IX в. Житие святого Нерсеса, датированное V в., оказалось значительно более поздней работой. Ценность Корюона как исторического источника оказалась весьма сомнительной. Пока сложная проблема связи между разными вариантами труда Агафангела не приблизилась к завершению, представлялось более разумным не касаться этого *fiction épique où le merveilleux le plus ahurissant allerne avec des predictions apocalyptiques*. Элише Вардапет дает подробное описание войны 450–451 гг., в которой выдающуюся роль сыграли хонки. Во всяком случае, такое мнение бытовало до тех пор, пока Акинян не доказал, что книгу следует датировать VII в. и что кампания, о которой идет речь, – это не война между Йездигердом II и Варданом Великим, а

армянское восстание 572 г. Акинян посчитал, что оригинал был несколько переработан, чтобы соответствовать более раннему периоду. Питерс предположил: то, что мы имеем, – оригинал, и автор перенес недавнюю борьбу за свободу в прошлое, чтобы избежать персидского цензора. В любом случае работы Элише Вардапета следует использовать с большой осторожностью или не использовать вообще.

Остается Фавстос Бузанд и Лазар Парпеци. Источники Фавстоса – жития святых, страдания мучеников, фрагменты из народных саг и полурелигиозные-полусветские песнопения. Как все армянские истории, книга изобилует дикими преувеличениями армянских побед над порочными огнепоклонниками. Рассказ Фавстоса о житии Григория, католикоса всех иверийцев и албанов, сильно приукрашен, но по сути своей правдив. Григорий претерпел муки в земле Санесана, царя маскотов, командующего армией хонков. Фавстос описывает их традиции и рассказывает об их набегах на Армению.

В более поздней армянской литературе хонки – это, несомненно, гунны. Имеет ли это слово такое же значение в трудах V–VI вв.? Сомнительно. Маркварт считал маскотов массагетами, которых он, в свою очередь, отождествлял с аланами. Питерс предположил, что маскуты – это скорее Мбօխու или мешкеты Самцхе. Орбели идентифицировал хонков с 'Нվօխու, Ариановыми дикарями генохами – «опасным народом, когда они трясут своими уздечками». Следует отметить, что ни один из одиннадцати народов, которыми правил Санесан, помимо хонков, не имеет названия, хотя бы отдаленно напоминающего гуннов. Что касается хонков Агафангела, нельзя упускать из виду возможность, что автор использовал название «гунны» для более ранних варваров.

Что касается периода, рассматриваемого в настоящем исследовании, хонкам в «Истории страны Алуанк», я полагаю, не нужно никакого оправдания. Последний человек, приложивший к ней руку, писал самое раннее в конце XI – начале XII в.

3. Цифры у Олимпиодора

Томпсон отдавал должное Олимпиодору за страсть к статистике. На самом деле большинство цифр последнего сомнительны, а некоторые просто фантастические. Приведу примеры.

Атаульф мобилизовал 10 тысяч готов против 28 тысяч людей Сара (фр. 17).

Три сотни гуннов убили одиннадцать сотен готов, а сами потеряли только семнадцать человек (Зосима. V. 45, 6).

В 408 г. город Рим выплатил Алариху 5 тысяч фунтов золота, 30 тысяч фунтов серебра и доставил ему 4 тысячи предметов шелковой одежды, 3 тысячи окрашенных в пурпурный цвет шкур и 3 тысячи фунтов перца, то есть количество, которого хватило бы вестготам на 10 лет (Там же. 41, 4).

После предательского убийства их жен и детей летом 408 г. солдаты-варвары в Италии присоединились к Алариху. Их было больше 30 тысяч (любимая цифра у Олимпиодора). В возникшей после смерти Стилихона неразберихе 6 или 7 тысяч солдат смогли сделаться хозяевами Италии, но правительство в Равенне вовсе не обесокоилось этим укреплением сил Алариха (Там же. 35, 6).

Сенатор Максимиан был выкуплен у вестготов за 30 тысяч солидов, что больше, чем Восточная Римская империя ежегодно выплачивала гуннам в 430-х гг. (Там же. 45, 4).

Можно подумать, что Фотий неправильно прочитал Олимпиодора, но у Зосимы такие же чудовищные цифры.

Все экономические истории Римской империи повторяют данные Олимпиодора о доходах богатых семей (фр. 44). Боюсь, ценность этих сведений весьма сомнительна.

4. Предполагаемая потеря Паннонии Примы в 395 г.

Утверждение, переходящее из книги в книгу, что в 395 г. германские племена, в первую очередь маркоманы, стали хозяевами Паннонии Примы, основывается на единственном письме, которое в 396 г. Иероним отправил своему другу Олимпиодору. Он написал: «Я только сейчас осознал, сколь хрупка и изменчива человеческая жизнь, и душа моя содрогается из-за упадка нашего века. Двадцать лет римская кровь каждый день проливается на огромном пространстве между Константинополем и Юлианскими Альпами. Скифия, Фракия, Македония, Фессалия, Дардания, Дакия, Эпир, Далмация и все провинции Паннонии были разрушены, разграблены и разорены готами и сарматами, квадами и аланами, гуннами, вандалами и маркоманами».

Этот перечень провинций и народов – чистейшая риторика. Тщеславный литератор не сумел подавить желание продемонстрировать свою эрудицию в письме. Но даже если верить каждой букве письма, оно не относится к 395 г. В течение 20 лет и даже больше, а не только в последние 12 месяцев, почтенные дамы, девственные «Божьи невесты» и леди знатного происхождения были «спортом этих зверей». Примечательно, что Иероним, если представлялся случай, подробно останавливался на насилии над монашками и благородными дамами.

В перечне провинций, захваченных варварами в 395 г., Клавдиан называет *plaqa Pannoniae*. Он имел в виду Паннонию Секунду. Вскоре после этого Стилихон оттеснил врага за Дунай; *potor Savi* обозначает точно освобожденный район.

Смерть Феодосия 17 января 395 г., вероятно, дала варварам сигнал к вторжению в пограничные провинции. Но несколько строк в панегирике Клавдиана на третье консульство Гонория отражают небольшие волнения в северных Балканских провинциях в последние месяцы 394 г.

Когда Феодосий осенью 394 г. заболел, он велел своему сыну Гонорию как можно скорее прибыть в Милан. Самым коротким и быстрым связующим звеном между Константинополем и Северной Италией была дорога, ведущая через Адрианополь, Филиппополис, Сердику и Ниш в Сингидун, а оттуда через Эмону в Аквилею. Племянница Феодосия с юным принцем и маленькой Галлой Плацидией выбрала длинный маршрут. Описывая их путешествие, Клавдиан использовал устаревшие названия: Родоп, Оэта, Пелион, Энипей, Додона, Хаония. В переводе на язык того времени это означало, что Серена отправилась в Фессалоники, а дальше по Эгнатиевой дороге, но не в Диrrахий, а вдоль побережья через Лисс, Нарону и Бурнум в Аквилею и Милан. Она прибыла туда незадолго до смерти императора, который в тревоге ожидал своих детей. Маршрут, выбранный Сереной, имеет смысл лишь в том случае, если северной дороге угрожали варвары. И в самом деле, чуть позже Клавдиан упомянул о них: «Сама Серена покинула восток, чтобы сопроводить их (Гонория) в путешествии через Иллирию, проявив бесстрашие, несмотря на опасность».

Для Паннонии Примы год 395 был не более «судьбоносным», чем любой другой. Нет никаких свидетельств того, что Карнунтум или какое-то другое римское поселение между Виндобоной и Бригетио оставили в том году.

5. Религиозные мотивы в гуннском искусстве?

В захоронениях кочевников IV–V вв. на многих предметах изображалась голова хищной птицы. Вернер считал ее орлом. Вслед за Миннсом я скорее использовал бы ни к чему не обязывающий термин «голова с клювом». Птица могла быть орлом, соколом, ястребом, коршуном или грифом. Но вполне вероятно, что Вернер прав. Правда, его трактовка «головы орла» как изображения верховного божества

гуннов неубедительна. Прежде всего, нет никаких документальных свидетельств того, что они разделяли верования некоторых угорских и тюркских племен в бога-орла, создателя вселенной. Кроме того, маловероятно, что такие сугубо «земные» предметы, как, например, удила лошади, украшали изображением верховного божества. В-третьих, головы с клювом известны в скифском и сарматском искусстве задолго до гуннов. В-четвертых, тенденция трансформировать острые углы, выступы, концы рогов и даже завитки облаков в головы с клювом прослеживается по всей Северной Евразии от Шаньдуна до Ордоса, Алтая, Южной России и Балкан. То, что голова с клювом – единственный, кроме масок, изобразительный мотив на металлических изделиях аттильского периода, является лишь признаком скучности гуннского искусства.

Чешуйки, вероятно изображающие перья птицы, являются чисто декоративным элементом. На седлах они встречаются вместе с рядами треугольников, квадратов и точек, кроме того, в искусстве цивилизаций, где не поклонялись богу-орлу, и не изображали его. Несколько примеров: бронзовые сосуды периода Чжоу из Китая; скифский ритон из Карагодеша; парфянские украшения из Нисы, фракийский золотой нагрудник, серебряная бутылка из Боржице, драгоценности из Таксилы, нубийский золотой браслет, германская костяная рукоятка IV в., кельтские металлические изделия, вестготские изделия, диптих из слоновой кости из Монцы, золотые пластинки из царских гробниц Библа, сасанидские колчаны, скифский колчан. Я намеренно нарушил и географический, и хронологический порядок, чтобы подчеркнуть повсеместность мотива. Лишь в редких случаях можно установить, что именно изображено – чешуйки или перья. На позолоченной бронзовой подвеске в форме рыбы из доисторического захоронения в префектуре Тиба (Япония, сейчас – в национальном музее Токио) явно рыбья чешуя, но на гепидском шлеме рыба, птица и четвероногие покрыты одинаковой чешуей. Вернер привлек внимание к чешуйкам на сасанидском каркасном шлеме, а также частях большинства каркасных шлемов бальденхаймского типа. Неожиданная параллель встретилась на камнях с резьбой из захоронений в Шаньдуне. Шлемы варваров украшены чешуйками. Наличие одинаковых украшений на одних и тех же предметах в Китае и Германии, вероятнее всего, является совпадением.

И наконец, следует упомянуть о дереве с птицей на верхушке в окружении горных козлов и оленя на золотой подвеске из Верхне-Яблочного на Дону. Вернер считает ее гуннской. Я бы датировал ее более поздним периодом. В любом случае этот мотив древнего близневосточного происхождения не имеет ничего общего ни с религией, ни с мифологией гуннов. Подобный мотив – дерево с лошадьми вокруг, иногда с птицей, летящей рядом, – часто встречается на китайских изделиях периодов Чжоу и Хань. На черепице из Шаньдуна по обе стороны от дерева всадники в высоких остроконечных шапках, наклоненных вперед, – явно варвары.

Глава 12

Фон: римская империя во время гуннского нашествия

Пол Александр

В конце IV – начале V в. гунны – народ азиатского происхождения – покорили много племен, живших в то время в восточной и центральной части Европы. Их натиск нарушил военный баланс, который веками существовал между обитателями Римской империи с ее греко-римской цивилизацией и кочевыми и полукочевыми народами, жившими за ее пределами. Гунны, таким образом, возвестили о начале периода варварских набегов. Они не оставили письменных свидетельств. Поэтому изучение гуннов основывается по большей части на исторических хрониках, созданных жителями Римской империи.

В результате вся информация о гуннах, их подданных и союзниках заключена в материалах, написанных людьми и для людей, наблюдающих за передвижениями и деятельностью варварских народов из-за границ империи, располагая всеми преимуществами греко-римских политических институтов, административной географии, социально-экономической организации и интеллектуальных стремлений. Посему деятельность гуннов и структура их общества описана в литературных формах, развитых греко-римской историографией для многих варварских народов, с которыми классический мир входил в контакт с днем Геродота. Гуннские военные операции изложены в связи с римскими пограничными фортификационными сооружениями и римской военной организацией. Со всем этим гунны столкнулись, двигаясь на запад и на юг. Их набеги на римские провинции излагаются в источниках тесно переплетенными с другими проблемами, стоявшими перед Римской империей. Это конфликт между язычеством и христианством, догматические противоречия в христианской церкви, германизация армии, правительства и общества и т. д.

Иными словами, вся имеющаяся в источниках информация о гуннах переплетена с биографиями римских государственных деятелей, историей развития римских институтов, острыми вопросами, волновавшими жителей поздней Римской империи, и с их системой ценностей. Автор настоящей книги, как и все прочие исследователи гуннских проблем, был вынужден обсуждать источники и поставленные ими вопросы на фоне богатого и сложного заднего плана событий, протекавших в поздней Римской империи. Чтобы сделать его книгу более доступной, издатели попросили меня после неожиданной смерти автора описать этот фон, греко-римское окружение, которое в источниках о гуннах считается само собой разумеющимся, а также ситуацию и развитие поздней Римской империи и ее цивилизации, находившихся под сильным влиянием миграций и вторжений гуннов и их правителей. Я с радостью согласился на эту просьбу, расценив ее как возможность внести скромный вклад в посмертное издание труда профессора Менхена. В этом очерке я почти не буду упоминать гуннов, поскольку о них уже все сказано автором. Более того, вряд ли стоит подчеркивать, что моя глава не претендует на оригинальность и основывается на стандартных общеизвестных работах по поздней римской истории.

Как объясняет профессор Менхен в начале своего труда, классические авторы смогли проследить движение гуннов с начала 70-х гг. IV в. до 469 г., после чего гунны перестали выступать как организованные единицы. Поэтому удобно начать этот рассказ с обзора Римской империи во время совместного правления

трех императоров: восточно-римского императора Валента (364–378), его племянника западно-римского императора Грациана (367–383) и, по крайней мере номинально, еще одного племянника Валентиниана II, которому во время его провозглашения (375) было 4 года. Потом было много императоров, но только одна империя. В предшествующем десятилетии ею несколько лет управлял только один правитель: сначала Юлиан II Отступник (355–363), потом Иовиан (363–364). Однако после этого римская армия настояла на назначении двух правителей римского мира, Валентиниана I (364–375), отца Грациана и Валентиниана II и его брата Валента II. Но идея одной империи удержалась даже в те периоды, когда трон занимало более одного правителя. В более поздние времена империя в течение длительных периодов управлялась одним правителем, к примеру Феодосием I Великим (379–395) и Юстинианом I (527–565).

Географически империя протянулась от Атлантического океана на западе до Рейна и вдоль Дуная до самого восточного угла Черного моря, от Адрианова вала в Англии и реки Дунай до Африканской пустыни, северных границ Нубии и Сирийской пустыни. За этими границами располагалось то, что римляне называли *варварским миром*, то есть территории, населенные людьми, не говорившими ни по-гречески, ни по-латыни, варварами. К востоку от Рейна и к северу от Дуная жило много германских племен: франки и алеманны, включая алеманскую ветвь ютунгов, на правом берегу Рейна; лангобарды на реке Эльбе, вандалы в верховьях Одера и Вислы. Еще дальше на восток, на обоих берегах Днестра, жили вестготы (тервинги) и остготы (гревтунги). Остготы построили компактное государство, которым правил Германарих. Вестготы были не так крепко объединены и с 332 г. вступили в союз с римлянами. Многие вестготы были обращены в христианство миссионером-еретиком (арианцем) Ульфилой. От вестготов христианство в еретической форме распространилось на многие другие германские народы, и в результате арианство просуществовало в варварском мире еще долго после того, как с ним было покончено в империи (381). Государство остготов протянулось на восток до реки Дон, отделившей их от иранских аланов. С конца II в. германские племена поставляли поселенцев и солдат для Римской империи, а во время правления Константина I Великого (305–337) «варваризация» армии достигла особенно больших успехов. Варварские племена были вовлечены в гуннские набеги на Римскую империю.

Административно империя была разделена на три преторианские префектуры: Британия, Галлия, Испания и Северное Марокко составляли одну; оставшаяся часть римской Северной Африки, Италия и Балканский полуостров до реки Струме на востоке – вторую, а оставшаяся часть империи, то есть Европа от Струмы до Босфора, Малая Азия, Сирия, Палестина, Египет и Ливия, составляли третью – гигантскую преторианскую префектуру Востока. В конце IV в. главы этих префектур, преторианские префекты больше не командовали армиями, но их широкие гражданские и фискальные полномочия давали им вице-королевский статус. Во многих юридических случаях их решения не подлежали обжалованию. Они управляли подавляющим большинством государственных доходов, платили жалованье военным и быстро разросшейся бюрократии, появившейся в начале IV в.

Предорианские префектуры делились на диоцезы. Ими управляли викарии, подчинявшиеся преторианским префектам. Диоцезы, в свою очередь, делились на провинции, губернаторы которых имели разные титулы. Диоцезы и провинции, которых непосредственно коснулось гуннское нашествие и, следовательно, чаще других упоминаемые в этой книге, следующие (с запада на восток): Паннонийский диоцез, включавший Нижнюю Австрию, Западную Венгрию и Югославию, то есть, две римские провинции Норик, две провинции Паннония (Паннония Прима и Паннония Секунда), а также провинции Валерия, Савия и Далмация (до Диоклетиана (284–305), позже провинции Паннония Прима и Валерия образовали одну провинцию, названную Верхняя Паннония, а Паннония Секунда и Савия – провинцию Нижняя Паннония). Также существовал Дакийский диоцез, включивший Восточную Югославию и Западную Болгию, с провинциями Верхняя Мёзия, двумя провинциями Дакия, Превалитана и Дардания. В Македонский диоцез входила Греция, во Фракийский диоцез – Восточная Болгария и европейская часть

Турции – с провинциями Нижняя Мёзия, Скифия, Фракия и др.

Во главе официальной иерархии стоял император или императоры. Никто из них больше не имел резиденции в Риме. В древней столице все еще действовал римский сенат, но в конце IV в. этот орган утратил прежние функции, хотя отдельные сенаторы иногда обладали значительной политической и экономической властью. Когда императоры не участвовали в военных кампаниях, западная императорская резиденция находилась в Трире на Мозеле или в Милане, восточная – в Константинополе, окруженном стеной и перестроенном Константином I Великим. Население новой восточной столицы в IV–V вв. быстро увеличивалось, здесь стал заседать второй сенат, сравнимый с римским.

В 60-70-х гг. IV в. императоры уделяли много внимания борьбе с внешними врагами. Они подавляли опасные мятежи и всячески старались примирить арианство с антиарианством. Много лет Валентиниан I вел войну против алеманнов на верхнем Рейне, а также против квадов и сарматов в Паннонии и Дакии. С 367 до 369 г. Валент II воевал с вестготами. Они оказали военную помощь мятежнику Прокопию, который был схвачен и казнен (в 366 г.) после нескольких месяцев гражданской войны. В конце Валент II был вынужден признать готскую независимость в обмен на обещание со стороны вестготов не пересекать Дунай. Но самым могущественным и опасным врагом Рима было Персидское царство, которым правили Сассаниды. С 369 до 377 г. Валент II вел кампанию против царя Шапура II, и в конце концов готское вторжение в Дакию заставило его уступить Кавказский регион Армении и Иберии. В следующем десятилетии вождь племени мавров в Северной Африке Фирм восстал против правительства Валентиниана I, и это восстание было подавлено лишь с большим трудом после ряда кровавых боев (373). В дополнение ко всему в IV–V вв. Галлии и Испании угрожали банды мятежных крестьян, бакауды, и императорам нередко приходилось отправлять против них экспедиционные силы.

Защищая империю против иностранных врагов, императоры IV в. могли полагаться на мощную военную машину. Точную численность римской армии установить трудно, но в источнике VI в. сказано, что у Диоклетиана было 435 266 солдат и матросов. Есть основания полагать, что эта цифра, хотя и несколько завышена, все же близка к истине. Наземные силы были двух видов: лучшие подразделения составляли мобильные действующие армии – *comitatenses*, частично приданые одному из императорских дворов, частично размещенные в провинциях. Несколько менее эффективными, хотя их ни в коем случае нельзя вообще сбрасывать со счетов, были *limitanei* или *ripeness*, которые помещались на границах. *Limitanei* были названы по сложной системе пограничных фортификационных сооружений, *limes*, которые сооружались с I в. Они представляли собой длинную цепь больших или маленьких крепостей или валов, построенных вдоль длинных границ империи. Фортификационные сооружения римских *limes* расширялись и поддерживались всеми императорами до Валентиниана I и Валента II. Главной задачей пограничных армий стало сообщение информации о подозрительных концентрациях войск варваров и сдерживание наступающих сил до подхода подкрепления от *comitatenses*.

Основную часть римской армии традиционно составляла пехота. Но с середины III в. военные действия против множества варваров и сасанидской Персии заставили римлян задуматься о повышении мобильности своих армий. Императоры стали создавать новые кавалерийские подразделения и укреплять существующие. В IV в. роль кавалерии в римской армии постепенно увеличивалась и в V в. стала решающей. Кроме того, римские армии IV–V вв. включали так называемых *федератов*, отряды варваров, поставляемые в армию варварскими племенами и сражающиеся под командованием своих командиров. В римских армиях также служило много варваров, особенно германцев, которых рекрутировали индивидуально. Римскими войсками со времен Константина I Великого командовал корпус профессиональных военных, *magistri militum*. Поскольку в IV в. на Средиземном море царilo относительное спокойствие, римский флот не пользовался таким вниманием римских императоров, как наземные силы. Основные базы флота располагались в Равенне – на Адриатическом побережье Италии, в

Мисенуме – на тирренском побережье, в Гесориакуме (Булонь). Помимо этого существовали флотилии легких кораблей на Рейне и Дунае. Последняя сыграла особенно важную роль в защите империи от германцев и гуннов.

Более того, императорам приходилось справляться с множеством проблем в религиозной политике. После дней Константина I Великого и его обращения в христианство новая религия быстро набирала силу. Конфликт религий являлся одним из самых сложных аспектов культурного развития IV в. Даже в 60-70-х гг. сила всевозможных языческих культов далеко не иссякла, что было продемонстрировано возрождением язычества во время правления племянника Константина – Юлиана. Преемники Юлиана на императорском троне были преданными христианами, но влияние его религиозной политики оказалось столь сильным, что еще целое поколение язычества продолжало существовать.

Более сложным было отношение преемников Юлиана к сторонникам теологии Ария. Этот священнослужитель из Александрии в начале века утверждал, что Иисус Христос, в отличие от Бога Отца, существо рожденное. Он подразумевал, что по этой причине Иисус ниже Бога. Хотя арианская доктрина в IV в. была предметом острых дискуссий, высоких церковных решений и компромиссов, арианство насчитывало много приверженцев среди духовенства и мирян Восточной империи. Самым непримиримым противником арианства был Александрийский епископ Афанасий, который в течение почти полувека (328–373) боролся с арианской доктриной всеми доступными ему средствами, в том числе целым рядом теологических трактатов и памфлетов. На Западе арианство было представлено слабо, но и здесь существовали его противники, к примеру выдающийся писатель Иларий из Путяте (ум. 367). Из-за разного политического теологического отношения Запада и Востока западное правительство было активным противником арианства, в то время как восточное относилось к нему весьма благосклонно, и арианские священнослужители получали важные приходы в Восточной империи.

Большинство светской и религиозной литературы в империи составлялось на двух языках – греческом и латинском. Лингвистическая граница отделила латинизированную провинцию Триполитания в Северной Африке от грекоговорящих Ливии и Египта на юге и романизированные диоцезы Паннонии и Дакии от эллинизированной Греции на Балканах. К западу от этой границы говорили и писали на латыни, к востоку – на греческом языке. Хорошее знание последнего языка стало редкостью в западной части империи. На Востоке знакомство с латынью было обязательным, если деятельность касалась административного управления, права и военного искусства. Кроме того, авторы, желавшие обратиться к римским сенаторам, тоже писали на латыни. Это утверждение справедливо, например, для историка и писателя, который часто упоминается в этой книге, – Аммиана Марцеллина, исторический труд которого, описывающий события до 378 г., был, вероятно, завершен вскоре после 390 г. Распространяется оно и на Клавдиана из Александрии, латинские поэмы которого прославляли деяния императоров и государственных деятелей, таких как Гонорий и Стилихон, и брали их противников, в первую очередь преторианского префекта Востока Руфина и евнуха Евтропия.

В некоторых провинциях имперские литературные труды писали на других языках. К востоку от Евфрата, в Осроене и Месопотамии, а позднее и в Сирии, Библия и важные теологические труды были переведены на сирийский. На этом языке создавали свои произведения многие авторы. Кстати, именно в сирийских источниках сохранилось много исторической информации о гуннах. Аналогично развивались события и в Египте, где существовала обширная литература на коптском языке, и в Армении.

Два десятилетия, начавшиеся восхождением на престол императоров Валентиниана I и Валента II, завершились военной катастрофой, имевшей непосредственное отношение к истории гуннов. Война императора Валента II против вестготов (367–369) завершилась мирным договором, по которому вестготский «судья» Атанарих обещал не пересекать Дунай. Вскоре после этого имперское правительство

помогло возрождению вестготского вождя Фритигерна. В начале 70-х гг. гунны напали на остготов, подчинили большинство этого народа и вынудили остальных под началом их лидеров Алатея и Сафракса пересечь Дунай. После этого гунны вытеснили вестготов Атанариха в Паннонийские провинции, в то время как большинство людей, которыми правил Фритигерн, появились на нижнем Дунае и в 376 г. попросили разрешения Валента II перебраться в Дакийский диоцез. Разрешение было дано, но военные чиновники, которым имперское правительство поручило задачу снабжения беженцев продовольствием, растратили часть средств. Голод подтолкнул вестготов в 377 г. к совершению актов насилия, и началась война. Ситуация сложилась серьезной для правительства, поскольку к вестготскому контингенту теперь присоединились остготы Алатея и Сафракса, а также несколько групп федератов, рабов и недовольных элементов, а позднее – банды гуннов и аланов. Император Грациан до середины 378 г. не мог прийти на помощь своему дяде Валенту II из-за войны с алеманнами на Рейне. Несколько более или менее крупных римских армий понесли тяжелые потери в боях против варваров – в Марционополе и Добрудже. В конце концов Валент II лично появился на Балканах с главными силами и решил не дожидаться, пока его племянник приведет войска с запада. 9 августа 378 г. он дал бой неподалеку от города Адрианополя. Его армия была разгромлена – две трети живой силы было уничтожено, погиб и сам император. Победители попытались захватить города Фракии, но не смогли этого сделать. Мародерствующие банды готов и других варваров прошли по Дакии в Паннонию, оставляя за собой смерть и разрушения.

Поражение при Адрианополе нанесло серьезный удар по военной машине восточной части империи и открыло Балканы для германцев. В сложившейся отчаянной ситуации уцелевший правитель Грациан назначил соправителем бывшего генерала, испанца Феодосия I Великого (379–395), и отдал ему восточную часть империи. Главной заботой двух императоров стало прекращение готских набегов на Балканский полуостров. В годы, последовавшие после сражения при Адрианополе, они с переменным успехом боролись с готами. В конце концов были заключены сепаратные мирные договоры с отдельными группами готов (380–382). Одни готовы вошли в имперские армии, другие осели на римской земле, получив автономию и освобождение от налогов, и согласились служить в вооруженных силах на правах федератов со своими командирами. Вследствие всего перечисленного римская армия была перестроена, но одновременно усилилась ее германизация и существенно возросла нагрузка на имперскую казну и налогоплательщиков – германским войскам следовало платить. Что касается отношений с Персией, Феодосий I смог заключить договор о мире и дружбе (387?). Он разделил Армению таким образом, что четыре пятых территории отошло Персии, а остальное – Римской империи.

Обоим императорам – Грациану и Феодосию I – также угрожали внутренние мятежи – особенно на западе. В 383 г. против Грациана взбунтовался дальний родственник Феодосия I Магн Максим, сумев привлечь императорскую армию на свою сторону. Грациан был убит, а правителями на западе стали Магн Максим и (номинально) Валентиниан II – ребенок, сводный брат Грациана, а фактически – его мать Юстина, которой помогал военачальник из язычников франкского происхождения Бавтон. Хотя Валентиниан II имел превосходство в ранге, Феодосий I выступал как его защитник и какое-то время удерживал Максима от захвата Италии. Однако в 378 г. правительство Валентиниана II попросило у Максима военной помощи против варваров в Паннонийском диоцезе. Тот использовал эту просьбу как повод для вторжения в Италию и заставил Валентиниана II и его мать искать убежища на Востоке. В следующем году Феодосий I выступил на запад во главе армии, состоявшей по большей части из варваров, и разгромил узурпатора Максима в двух решающих схватках. Магн Максим был убит, а Валентиниан II вернул свое положение на западе. Военачальник из язычников Арбогаст, германец, как и Бавтон, теперь стал главным министром Валентиниана II.

Религиозные вопросы играли большую роль во время мятежной деятельности Максима, а во время правления Феодосия стали решающим фактором. Император был благочестивым христианином,

исполненным решимости искоренить язычество и ересь без ненужной жестокости. В этом его поддерживал в начале своего правления Грациан, став первым римским императором, отказавшимся от положения верховного жреца языческих культов, и потому он столкнулся с серьезной оппозицией со стороны могущественных сенаторов-язычников, таких как историк Вирий Никомах Флавиан и оратор К. Аврелий Симмах. Языческая партия сохранила свое влияние при Валентиниане II, и ее члены занимали многие ключевые посты. Так, в 384 г. Симмах был назначен на престижную должность римского префекта. В 389 г. Феодосий I на короткое время прибыл в Рим и в течение двух следующих лет принял ряд мер, благоприятствующих язычеству и его самым выдающимся представителям. Тем временем назрел конфликт между Валентинианом II и его главным министром Арбогастом, который завершился смертью юного императора – это было или убийство, или самоубийство. Поскольку Арбогаст был по происхождению варваром, сам он не мог претендовать на трон, и в 392 г. императором был провозглашен бывший профессор риторики Флавий Евгений, христианин, симпатизировавший римским язычникам. Теперь Феодосий I отказался от своей сдержанной политики по отношению к язычеству и подготовился к войне против узурпатора Евгения и его сторонников среди сенаторов. Евгений открыто стал на сторону язычников, и Рим оказался свидетелем возрождения языческой религии. Феодосий I на востоке собрал огромную армию. Большинство солдат были по происхождению варварами, в нее входили 20 тысяч вестготов во главе с Аларихом. В сентябре 394 г. Феодосий I одержал решающую победу над Евгением и его сторонниками-язычниками на реке Фригид возле северо-восточной границы Италии. Поскольку война с обеих сторон велась как испытание силы христианского Бога и языческого пантеона, победа Феодосия I на Фригиде нанесла смертельный удар побежденной религии. Язычество как политическая сила Древнего мира перестало существовать.

В Восточной империи арианская ересь была ликвидирована Феодосием I еще раньше. Грациан с момента восхождения на престол являлся приверженцем никейского православия, и на Востоке поражение и смерть проарианского императора Валента II при Адрианополе сильно дискредитировало арианство. Более того, оба императора, сначала Грациан, а позднее и Феодосий I, попали под влияние личности святого Амвросия, страстного противника арианства, который был в 374–397 гг. епископом Милана. Феодосий I навязал Nicene Creed всем своим подданным. В 381 г. он собрал II Вселенский собор в Константинополе, который подтвердил Nicene Creed. В результате арианство перестало играть существенную политическую и религиозную роль в империи. Однако, как уже говорилось раньше, арианские священнослужители еще проявляли активность в районах, где жили германские племена. В результате почти все эти племена были обращены в арианское христианство. Конфликт империи и германских варваров, ставший доминантной темой истории V в., таким образом углубился из-за религиозной вражды между Nicene римлянами и арианскими германцами.

Во время правления Феодосия I имело место литературное возрождение, и несколько работ, увидевших свет именно в этот период, фигурируют в настоящей книге в качестве источника сведений о гуннах. Среди варваров-литераторов латинского запада особого места заслуживает уже упомянутый историк Аммиан Марцеллин. Авсоний, долгое время проживший в Бурдигиле (Бордо), наставник императора Грациана, был весьма поверхностным христианином и написал много поэм, самой известной из которых является описание реки Мозель. Его другом был римский оратор Симмах, уже названный одним из видных государственных деятелей языческой аристократии Рима. В 384 г. он обратил к правительству Валентиниана II речь *Relatio*, ратуя за возвращение статуи Победы к зданию римского сената. Симмах также был автором важного исторического труда, который был утрачен, но послужил источником для более поздних произведений, содержащих информацию о гуннах. Просьбу Симмаха относительно статуи Победы отклонил величайший латинский проповедник и писатель святой Амвросий, чьи письма и труды также содержат ссылки на гуннов.

Феодосий умер в Милане через несколько месяцев после победы над Евгением и Арбогастом. Его наследниками стали два его сына – восемнадцатилетний Аркадий и одиннадцатилетний Гонорий. Аркадию предстояло управлять преторианской префектурой Востока при помощи и содействии преторианского префекта Руфина, а Стилихону, сыну офицера германского происхождения и мужу племянницы Феодосия I, – осуществлять административное управление остальной частью империи за маленького Гонория. Феодосий I мобилизовал большую часть вооруженных сил Востока для кампании против Евгения, и поэтому большинство этих людей находилось в момент его смерти на Западе. Аларих и его вестготские федераты, однако, вернулись на Балканы, восстали против правительства и начали совершать набеги на окрестные территории – до самых стен Константинополя. Весной 395 г. Стилихон двинулся на Восток против готов во главе многочисленной армии, состоящей в основном из восточных подразделений, который годом раньше сражались за Феодосия I на реке Фригид. Он столкнулся в Аларихом в Северной Фессалии, но сражения не было, потому что восточное правительство приказало Стилихону отправить восточные войска обратно в Константинополь. Стилихон исполнил требование. После возвращения солдаты убили преторианского префекта Руфина. Реальная власть на Востоке теперь принадлежала евнуху Евтропию. Вестготы Алариха еще целый год продолжали разорять Грецию. В конце концов Аларих и его люди перебрались в Эпир и возобновили союз с восточным правительством. Аларих был назначен в Иллирик военным магистром.

Война восточного и западного правительств против готов сопровождалась постоянно углубляющимся конфликтом между Стилихоном и восточным правительством. Стилихон считал себя, и имел на то некоторые основания, исполнителем последней воли Феодосия I, намереваясь распространить власть своего регентства на императора Аркадия и Восток. Существенную роль в этом конфликте играл контроль диоцезов Дакия и Македония, Восточной Иллирии. Эти территории после 380 г. какое-то время относились к Западу, но Аркадий настаивал на их возвращении, обосновывая это требование своим старшинством. Стилихон приложил руку к убийству Руфина, и преемник Руфина Евтропий, зная о намерении Стилихона приобрести влияние при восточном дворе, относился к своему западному сопернику с большим подозрением. В 397 г. Стилихон по наущению Евтропия был объявлен константинопольским сенатом государственным преступником. В течение следующего десятилетия обе части империи находились в состоянии то тайной, то открытой вражды друг с другом, даже несмотря на то, что в 395 г. Стилихон согласился уступить Восточную Иллирию Востоку.

Внутренняя политика Евтропия породила сильную оппозицию, выступавшую против евнуха. Дело закончилось его смещением и казнью в 399 г. Часть этой оппозиции была из мятежных остготов, обосновавшихся во Фригии, и их союзников-варваров. Несколько месяцев в 400 г. готы под началом своего бывшего военачальника Гайнаса занимали Константинополь. Этот кризис сообщил решающий импульс антигерманскому движению, набиравшему силу с момента заключения Феодосием I договоров с готами и последующего интенсивного проникновения в правительство и армию варварских элементов. Теперь главные силы готских повстанцев были ликвидированы – частично толпой в столице, частично имперской армией. Восточную армию очистили, по крайней мере временно, от некоторых варварских элементов, правда, после смерти Аркадия (408) германских солдат снова стали набирать в римскую армию. Однако эти новые федераты шли в нее не племенами, а по отдельности, соблюдали принятую у римлян дисциплину, служили под началом римских офицеров и потому представляли не слишком большую политическую опасность. В западной части империи такой реорганизации не было, и отряды федератов продолжали служить целыми племенами под командованием собственных лидеров. Более того, с этого времени и далее богатые и влиятельные люди в обеих половинах империи, особенно военные, часто нанимали и использовали большое количество личных кавалеристов, *buccellarii*, которые обычно были гуннами, германцами и прочими варварами. Как правило, они являлись отличными солдатами, но со временем

оказывались источником политической опасности для западного правительства, потому что обычно были больше преданы своим нанимателям, чем императору. На Востоке регулярная армия оказалась достаточно сильной, чтобы принять федератов и не позволить *buccellarii* угрожать политической стабильности в стране.

Антигерманская политика восточного правительства, естественно, обостряла отношения с Западной империей, управляемой Стилихоном, который, будучи германцем по происхождению, с энтузиазмом проводил политику германофила Феодосия I. В 401 г. Аларих и его вестготы покинули Иллирик и вторглись в Италию, которая не видела иностранных оккупантов со времени правления императора Аврелиана (270–275). Организуя оборону, Стилихон вывел войска из Британии и с рейнской границы. Он также включил в западную армию контингенты вандалов и аланов. С этими силами Стилихон разгромил вестготов в двух битвах – при Полленции и Вероне (402), заключил с Аларихом договор о дружбе и поселил свой народ на реке Саве. Во время первого вторжения Алариха в Италию двор Гонория нашел убежище в Равенне, оставшейся резиденцией западных императоров и в V в.

Защита Италии от Алариха и вестготов существенно ослабила западные провинции. В 405 г. крупная армия, состоявшая из вестготов и других варваров, которой командовал Радагайс, пересекла Дунай и Альпы и вторглась в Италию. Стилихон смог разгромить ее, но уже в следующем, 406 г. аланы, вандалы и свевы переправились через Рейн в Галлию, вскоре за ними последовали бургунды и алеманы. В результате галльские провинции понесли серьезный урон. Одновременно Галлия и Испания попали в руки узурпатора Константина и были временно потеряны для Гонория. Кризис усугубился угрозой второго вестготского вторжения в Италию. Стилихон стремился к продолжительному сотрудничеству с Аларихом, но, как было в Константинополе восемью годами раньше, в Равенне одержала верх антигерманская политика. Стилихон был казнен, его семья и сторонники убиты или запуганы (408). Таким образом, внутренние трудности империи, конфликты между восточным и западным правительством и разные политические линии, проводимые по отношению к варварам в империи и за ее пределами, открыли границы для вторжения варваров и на Востоке, и на Западе. Они также облегчили условия для набегов гуннов и их подданных на империю, равно как и рекрутирование гуннов для участие в римских войнах.

Среди современников гуннского противоборства с Восточной империей было две выдающиеся фигуры: святой Амвросий Миланский – на Западе (о нем уже говорилось) и Иоанн Златоуст – на Востоке. Последний был священнослужителем в Антиохии, потом на шесть трудных лет (397–403) стал константинопольским патриархом. Он сталкивался с многими важными людьми, включая Александрийского патриарха Феофила (397–403) и правящую императрицу Евдоксию. Он составлял и произносил много проповедей, писал письма, в которых есть и ссылки на отношения с гуннами. Поэмы Клавдиана Александрийского о Стилихоне и других исторических фигурах также часто упоминаются в этой книге. Но если Клавдиан восхищался Стилихоном и его политикой, его современник Клавдий Рутилий Намациан в произведении о его возвращении из Рима в родную Галлию объявил Стилихона предателем, заклеймил его германофильтво и политику, направленную против язычников.

Как было сказано, во время правления Аркадия принимались энергичные меры на Востоке, чтобы ликвидировать опасные последствия германизации правительства и армии. На Западе убийство Стилихона было частично инспирировано аналогичной антигерманской политикой. На самом деле на протяжении всего оставшегося периода правления Гонория антигермански настроенные официальные лица часто стояли у руля, но они редко могли обойтись без военной помощи германских или гуннских отрядов, набранных внутри империи или за ее пределами. Антигерманские лидеры западного правительства, по существу, сыграли на руку Алариху и вестготам, тогда населявшим провинцию Норик. Вестготы требовали денежной компенсации за военную службу на правительство Стилихона. Это требование было отвергнуто новым правительством. И в 408 г. Аларих вторично вторгся в Италию. Дважды его вестготы осаждали Рим – в 408 и 410 гг. Во второй раз Вечный город, который не видел врагов в своих стенах уже восемь столетий,

был разграблен вестготами. Несколько раз во время пребывания Алариха в Италии гуннские банды выступали на стороне правительства против вестготов. Аларих умер в конце 410 г., и королем стал его родственник Атаульф. Вестготы в 411 г. продолжили грабежи в Южной и Западной Италии, но в следующем году все же удалились в Галлию.

В это время галльские и испанские провинции империи стали свидетелями и узурпирования власти, и варварских вторжений. Вандалы, аланы и свевы ушли из Галлии в Испанию (409). Другие аланские группы и бургунды поддержали мятежного императора и угрожали вторгнуться в Галлию. Под влиянием этой угрозы правительство в Равенне дало вестготам разрешение обосноваться в Галлии. Но уже в 413 г. противостояние между варварами и правительственные войсками снова возобновилось, и варвары захватили ряд важных городов на юге Франции. В конце концов трудности со снабжением заставили Атаульфа покинуть Галлию и перебраться через Пиренеи в Испанию (414–415). Там вестготы согласились на еще один договор с Равенной, который обещал им ежегодные поставки зерна в обмен на военную службу в качестве федератов (416). В 418 г. они наконец ушли из Испании и обосновались на землях Юго-Западной Галлии, в провинциях Аквитания Секунда, Новемпопулана и Нарбоника Прима. Поколением позже галльские вестготы сыграли решающую роль в грандиозном сражении против гуннов в locus Mauriciaus – это место обычно называют Каталаунские поля (недалеко от Труа). После того как вестготы окончательно обосновались в Галлии, аланы и вандалы в Испании поселились в юго-восточной провинции Бетика.

Эта последняя консолидация и усмирение Западной империи, в первую очередь Галлии и Испании, в течение десятилетия после разграбления вестготами Рима, были заслугой первого министра императора Гонория, генерала Флавия Константина. Он женился на сестре императора, принцессе Галле Плацидии, вдове вестготского лидера Атаульфа. В 421 г. он был возведен до ранга соправителя (Констанций III), но в конце этого года умер. Его вдова была обвинена в заговоре против брата и в 423 г. бежала в Константинополь вместе с четырехлетним сыном Валентинианом. Позднее в том же году ее брат Гонорий умер, и его племянник, восточный император Феодосий II (408–450), формально стал единоличным правителем империи.

В последние годы жизни Аркадия и начале правления его сына Феодосия II бразды правления империей держал в своих руках преторианский префект Востока Антемий (404–414). При нем Константинополь получил мощные фортификационные сооружения – вал Феодосия. Монументальные стены окружили значительно большую территорию, чем занимал город, построенный его основателем Константином I Великим, и их руины до сих пор существуют на западе и севере города. После исчезновения Антемия в 414 г. регентство при малолетнем императоре выполняла его сестра Пульхерия, которая в 421 г. убедила юного Феодосия жениться. Новая императрица Евдокия постепенно взяла в свои крепкие руки слабого супруга. Через несколько месяцев после свадьбы восточные армии атаковали персидскую Армению и заключили мир с персидским царем. В 422 г. гунны вторглись во Фракию.

В 423 г. в Константинополь прибыла Галла Плацидия и ее сын Валентиниан. Первоначально при дворе не было выказано намерения отказаться от притязаний Феодосия I на Запад, признав Валентиниана – наследника Гонория. Но у Галлы Плацидии были могущественные союзники на Западе, в первую очередь командующий в римской Северной Африке Бонифаций, который стал угрожать блокирование поставок зерна в Италию, если Валентиниан не станет императором. Более того, двор в Равенне, желающий во что бы то ни стало обеспечить свою независимость от Константинополя, объявил императором высокопоставленного чиновника Иоанна. Оказавшись перед лицом двойной угрозы, правительство Феодосия II решило поддержать претензии Валентиниана на западный трон и отобрать Италию у узурпатора Иоанна силой оружия. Восточными армиями командовали алан Ардавур и его сын Аспар. Последнему предстояло играть видную роль в восточной политике в течение трех следующих десятилетий. Крепость Равенна пала благодаря предательству. Иоанн был убит, а Валентиниан объявлен Августом в

Риме (425). Во время гражданской войны в Италии Иоанн ожидал прибытия гуннских федератов, набранных дворцовыми чиновником Флавием Аэцием, но тот с 60 тысячами гуннов прибыл в Италию через несколько дней после казни Иоанна и был отослан обратно. Аэцию поручили защищать Галлию от германских, а позднее и гуннских захватчиков.

Важные свидетельства гуннских набегов и вторжений конца IV – начала V в. содержатся в трудах двух отцов Западной церкви. Первый – это святой Иероним (около 348–420), переводчик Библии на латынь, много путешествовавший по Восточной империи и в 389 г. осевший в Вифлееме – в Палестине. Некоторые его письма являются свидетельством чувства ужаса, которое внушали населению империи захватчики с Востока. Еще более важной литературной фигурой этого периода является Августин (354–430), начиная с 395 г. североафриканский епископ. Свой самый важный труд, *City of God*, он написал в 413–426 гг. под влиянием разграбления вестготами Рима. Этот труд, наряду с некоторыми другими, цитируется в этой книге как источник сведений о гуннах. Информация о гуннах содержится и в историко-теологическом труде, завершенном, вероятно, в 418 г. одним из учеников Августина, испанцем Орозием, и написанном, как и *City of God*, чтобы объяснить падением Рима.

Правление Валентиниана III на Западе и заключительный период правления Феодосия II на Востоке совпали с наивысшим расцветом могущества гуннов. Их царство включало в себя множество племен варваров, германцев и не только – в него вошли, к примеру, акации, жившие на северном побережье Черного моря. Феодосий II оставался марионеткой в руках своего ближайшего окружения и супруги Евдокии до 433 г., а позже – в руках главного евнуха Хризафия и снова появившейся на политической арене сестры императора Пульхерии. В этот период к укреплениям столицы были добавлены стены со стороны моря. Они тянулись вдоль бухты Золотой Рог и Мраморного моря, защищая город от нападения вандалов. Восточная империя также в 441–442 гг. вела вялую войну со своим грозным соседом с востока – Персией.

При Феодосии II египтянин Олимпиодор написал исторический труд о периоде 407–425 гг. Еще важнее для освещения истории гуннов был софист и историк Приск из Паниона во Фракии, который часто фигурирует в этой книге. В 448 г. он участвовал в посольстве ко двору гуннского правителя Аттилы и позже включил свой рассказ о путешествии и жизни при гуннском дворе в исторический труд о 411–472 гг. Также важны для истории гуннов церковные истории Сократа и его современника Созомена, а также Феодорита – все они продолжили «Церковную историю» Евсевия Кесарийского до правления Феодосия II. Биография святого Ипатия, египетского монаха, ставшего аббатом Руфинианского монастыря недалеко от Халкидона, была написана его учеником Каллиником. Она также содержит ценную информацию о гуннах. В конце долгого правления Феодосия II по инициативе правительства началось составление первого официального собрания имперских законодательных актов – *Codex Theodosianus*. Он был обнародован в 438 г. в обеих частях империи. В кодексе содержались все имперские законы, изданные до 312 г. На него часто ссылается автор настоящей книги, как на важный источник информации о гуннах и связанных с ними проблемах. Другой официальный документ конца IV – начала V в. – *Notitia Dignitatum* – перечень гражданских и военных должностных лиц, их штатов и военных подразделений.

Кроме гуннских вторжений и набегов на Балканы, главные события начала V в. в той или иной степени были связаны с христологическим вопросом, иными словами, с тем, как в личности Иисуса Христа сочетаются божественный и человеческий аспекты. В первой половине V в. этот вопрос расколол христианское население Восточной империи, где теологическая проблема осложнялась борьбой между церковными властями, особенно между главами Александрийской и Константинопольской церквей. Одну крайность представляли несторианцы, сторонники патриарха Нестория из Константинополя (428–431), который был последователем Антиохийской школы теологов и настаивал на строгом разделении божественной и человеческой сущностей Христа. Главными антагонистами Нестория были Александрийские патриархи Кирилл (412–444) и Диоскор (444–451), утверждавшие, что в воплощенном в

человеческий облик Христе две сущности объединились в одну – божественно-человеческую. Доктрина единой сущности – монофизитизм – одержала верх над несторианством на III Вселенском соборе в Эфесе в 431 г. и еще раз – в 449 г.

Вскоре после первого из них Несторий отправился в ссылку, во время которой написал труд *Book of Heraclide*, в котором он защищал свои взгляды. Книга сохранилась в сирийском переводе. После смерти Феодосия II к власти пришел его преемник Маркиан (Марциан) (450–458), супруг принцессы Пульхерии. По его инициативе после консультаций с папой Львом I (440–461) в 451 г. был создан IV Вселенский собор в Халкидоне. Он подтвердил осуждение несторианства, продолжавшего существовать только за пределами империи, и объявил, что даже после воплощения в человеческий облик Христос был един в двух сущностях. Эта компромиссная формула практически ничего не решила, и в течение двух следующих столетий споры относительно монофизитизма оставались главной религиозной и политической темой на востоке страны и в отношениях между Востоком и Западом.

Тем временем Восток, особенно Балканский полуостров, сильно страдал от гуннского вторжения и крупной дани, выплачиваемой гуннам, в соответствии с разными договорами, заключенными с ними восточным правительством. Тем не менее это правительство было достаточно сильным, чтобы не дать гуннам и их союзникам-варварам основать варварские царства на своей территории. Иная ситуация сложилась на Западе во время правления Валентиниана III. Здесь правительство было слабым в военном отношении и не могло защитить себя против бесчисленных врагов-варваров, не прибегая к помощи гуннских или германских вспомогательных частей. Реальная власть принадлежала даже не императору, а главнокомандующему вооруженными силами, *magister utriusque militia*, обычно отличавшемуся от прочих военачальников титулом патриция. В начале правления Валентиниана III магистром на Западе был Феликс, но в 430 г. он был убит, и его преемником стал Аэций. Как говорилось раньше, Аэция еще во время правления Гонория отправили заложником к гуннскому двору. После своего освобождения Аэций мог использовать гуннские войска там, где считал нужным, даже против правительства в Равенне. Поэтому в 432 г., когда регентша Галла Плацидия пожелала сместь его, Аэций при поддержке гуннского контингента сумел настоять на своем возвращении на должность. В других случаях Аэций смог позвать гуннов на помощь против германских врагов империи, против бургундов в 436 г. и против вестготов в 437 г. Деяния Аэция воспеты в нескольких поэмах его современником Меробавдом.

Гунны, однако, были не единственными варварами, вмешавшимися во внутренние дела Западной империи. В 427 г. Бонифаций, командующий в Северной Африке, сторонник Галлы Плацидии и Валентиниана III, был доведен дворцовыми интригами в Равенне до отчаяния, взбунтовался и сразу ощутил угрозу прибытия многочисленной имперской армии в Африку. В этой ситуации он прежде всего призвал на помощь вандалов, потом обосновался в испанских провинциях Бетика и Карфагененсис. При короле Гайзерихе (ум. 477) они в 429 г. пересекли Гибралтарский пролив и после ряда побед создали мощное и независимое государство вандалов в богатейших североафриканских провинциях Проконсультская и Бизацена. Самым угрожающим для Западной Европы вообще и для Италии в частности было создание сильного флота вандалов. Это сделали после захвата Гайзерихом Карфагена в 439 г. Одновременно британские провинции заняли англы, саксы и юты. Бургунды и аланы обосновались в галльских провинциях Вьенская и Арморике (Бретань), отколовшихся от империи.

В следующем десятилетии, однако, у правительства в Равенне появилось еще больше проблем. Король вандалов Гайзерих почувствовал опасность со стороны вступивших в союз вестготов и свевов, оккупировавших часть Галлии и Испании, поэтому он решил убедить гуннского царя Аттилу напасть на его врагов в Западной Европе. Одновременно принцесса Гонория, которую ее брат император Валентиниан III собирался отдать в жены сенатору, предложила руку Аттиле. Гуннский правитель потребовал у правительства Равенны свою невесту и половину империи в приданое. Правительство ответило отказом. В

451 г. Аттила выступил в Галлию, собирая по пути солдат из подчиненных племен. Аэций не был готов к нападению – в его распоряжении находились лишь небольшая действующая армия и федераты. К счастью для империи, вестготский король Теодерих вовремя понял, что атака Аттилы направлена не только против империи, но и против него. И вестготы пришли на помощь римлянам в Галлии. Римский союз с вестготами заставил Аттилу снять осаду Орлеана, которую гунны успешно начали, и отступить на северо-восток в провинцию Белгию. Там состоялось великое сражение у locus Mauriacus, в котором римляне с федератами и вестготскими союзниками одержали победу. Потери у обеих сторон были очень большими, но гуннам в конце концов позволили уйти домой. В 452 г. Аттила вторгся в Италию, но голод и болезни заставили его уйти, ограничившись разграблением городов в долине По. Он умер внезапно – в 453 г., и основанная им империя быстро распалась. Германские племена, включенные им в царство, восстали против гуннских господ и частично поступили на службу в римскую армию. Последнее было справедливо, к примеру, для группы остготов под руководством Теодериха Страбона. Косой и его люди стали федератами в восточной армии и со временем превратились в главную опору генерала Аспара. Хроника 379–468 гг., составленная испанским епископом Идатием, содержит полезную информацию относительно последней военной кампании Аттилы.

В 454 г. патриций Аэций, которого считали ответственным за отсутствие военной подготовки во время гуннского вторжения в Италию и против которого выступали евнухи из императорского окружения, был убит Валентинианом III и его приспешниками. Спустя полгода и сам император пал жертвой дворцового заговора (455). Таким образом прекратила свое существование последняя западная императорская династия, основанная Валентинианом I в 364 г. Уничтожение варварами галльских городов, нищета Западной Римской империи, в которую она окончательно погрузилась при Валентиниане III, и страдания населения мастерски описаны в труде священнослужителя из Марселя Сальвиана, который в 440 г. создал глубоко пессимистичное произведение *Government of God*. Вероятнее всего, именно при Валентиниане III Вегетий написал два руководства – одно по военному делу, другое по ветеринарии. Оба проливают некоторый свет на гунскую историю. Чуть позже Проспер Актвитанский (ок. 390 – после 455) создал в Риме при папе Льве Великом историческую хронику от Адама до разграбления города вандалами. Его самая ценная часть начинается с 412 г. и основана по большей части на личных наблюдениях автора. В 468 г. испанский епископ Хидатий завершил другую хронику – с 379 по 467 г.

В конце правления Валентиниана III имело место восстановление дружественных отношений между императором и вандалом Гайзерихом. Сын последнего даже был помолвлен со старшей дочерью императора. В 455 г. Гайзерих воспользовался убийством Валентиниана III как поводом для неожиданной атаки на Рим. Две недели вандалы грабили город. Восточный император Маркиан тщательно избегал вмешательства в дела Западной империи и не послал военной помощи. Даже наоборот, он выделил своим остготским федератам земли в Паннонии, где только несколько месяцев назад западная армия восстановила имперскую власть. На политику Маркиана сильно влиял Аспар, который в 423 г. помог своему отцу Ардавуру возвести на западный трон Валентиниана III. Будучи варваром, Аспар не мог претендовать на императорский трон, но благодаря его влиянию после смерти Маркиана сенат и гарнизонные войска в Константинополе провозгласили императором военного трибуна Льва I (457–474). Как его предшественник, новый император был противником монофизитизма и поэтому поддержал решение Халкидонского собора, хотя и не столь энергично, как Маркиан. В результате монофизитизм оправился от удара, нанесенного ему в 451 г., и даже стал развиваться, особенно в Египте и Сирии. Но император и «серый кардинал» не всегда были согласны по основополагающим политическим вопросам. Так Лев I был намерен помочь западному императору справиться с вандалами, а Аспар выступал за согласие с могущественным африканским правителем. Вопреки советам Аспара Лев I отказался выплачивать дань, обещанную его предшественником остготам в Паннонии. Остготы ответили вторжением в префектуру Иллирик (459), и

Льву I пришлось возобновить платежи. В связи с мирными переговорами остготский король послал своего юного сына Теодериха заложником в Константинополь. Почти 30 лет спустя, в 488 г., этот принц, к тому времени единоличный правитель своего народа, повел его в атаку на Италию, где создал одно из самых процветающих и просвещенных варварских государств своего времени. Гунны под руководством сына Аттилы Денгизиха при Льве вторглись во Фракию в 469 г. и были разгромлены. Это было последней военной операцией гуннов как организованной нации.

На Западе разграбление вандалами Рима (455) устранило недолговечного императора Петрония Максима. Несколько месяцами позже галльские члены сената вместе с королем вестготов Теодерихом II убедили бывшего преторианского префекта Галлии Авита принять императорский сан (9 июля 455 г.). В последние месяцы правления Валентиниана III или сразу после его убийства франкские племена аннексировали территорию от Рейна до реки Самара (Сомма) на северо-востоке Франции, а алеманны обосновались для постоянного проживания в Эльзасе и Северной Швейцарии. Эти племена, а также бургунды в провинции *Viennensis* (Савой) и вестготы на юго-западе Галлии, теперь создавшие на своих территориях варварские царства, в лучшем случае признавали номинальную власть западного императора.

Главной заботой императора Авита и его галльских покровителей были вандалы. Имперские войска, которыми командовал полководец германского происхождения Рицимер, одержали ряд побед над силами Гайзериха на Сицилии и у острова Корсика. После этого Рицимер воспользовался царившим в Италии недовольством галльским режимом Авита, чтобы развязать гражданскую войну. Он одержал верх (456), и император Авит закончил свои дни епископом Пьяченцы. Такая же судьба ожидала зятя Авита, поэта Сидония Аполлинария (ок. 430–479?). Он принадлежал к высшей галльской аристократии и слагал панегирики Авitu, а потом и императорам Майориану и Антемию. В 469 г. он принял епископский сан. Кроме панегириков, он оставил большое собрание писем, являющихся важным источником сведений об истории Западной Европы V в. Они неоднократно цитировались в этой книге в связи с гуннской историей.

После смещения Авита император Восточной империи Лев I произвел Рицимера в патриции, а одного из его ближайших сторонников, Майориана, – в генералы. Поскольку германское происхождение Рицимера не позволяло ему стать императором, таковым был объявлен своими солдатами Майориан (457–461), но он не сумел сразу завоевать признание Востока. Новый император Западной империи стал действовать с удивительной энергией. Он понял, что эффективная оборона против набегов и вторжений в Италию Гайзериха невозможна, пока Западная империя не располагает адекватным флотом. Он его построил и набрал армию, состоящую в основном из гуннских и остготских наемников. Вместе с генералом Эгидием Майориану все же удалось восстановить имперский престиж в Галлии.

К 460 г. подготовка Майориана к нападению на вандалов в Африке была завершена, и он получил заверения в поддержке и военном сотрудничестве от фактического правителя Далмации Марцеллина, которого сопровождала в кампании армия, состоящая в основном из гуннских наемников. Но флот Майориана, из-за предательства, был уничтожен в сражении у юго-западного побережья Испании. Вскоре после этого был заключен мир, и патриций Рицимер приказал арестовать и обезглавить последнего энергичного императора Западной империи (461). Теперь власть была в руках патриция и во всем зависящего от него марионеточного императора Либия Севера (461–465), которого он возвел на трон. Рицимер, однако, столкнулся с открытой враждебностью генерала Эгидия, командовавшего войсками в Галлии. Тот вступил в заговор с Гайзерихом, договорившись о нападении на Италию. Рицимер сумел расстроить этот план, подговорив бургундов и вестготов напасть на Эгидия. В результате еще больше галльских и испанских территорий отошло к вестготам, в первую очередь существенная часть провинции *Narbonensis Prima*. Эгидий умер (был убит?) в 464 г., Либий Север годом позже. Восточное правительство теперь согласилось оказать помощь в защите Италии и Сицилии против вандалов. С одобрения Рицимера на Западе появился новый император – зять бывшего восточного императора Маркиана Антемий

(467–472), который предыдущей зимой командовал восточными войсками в успешной кампании против гуннов. Антемия сопровождала большая восточная армия и флот, под командованием Марцеллина, правителя Далмации. Огромные расходы по ведению совместной Восточной и Западной кампании против Гайзериха легли в основном на плечи Востока. В 408 г. против вандалов была мобилизована 100-тысячная армия и флот из 1100 кораблей. Главными силами командовал Василиск, родственник Льва I, который из-за своей некомпетентности провалил начавшееся успешно предприятие. После этой катастрофы вестготы еще прочнее обосновались в Галлии, расширив свои владения. Особенно крупными стали их завоевания в провинции Аквитания Прима, где они захватили такие важные города, как Турон (Тур) и Аварик (Бурж). Только территория между реками Самара (Сомма) и Лигер (Луара) оставалась под управлением римлянина – Сиагрия, сына Эгидия.

К этому времени гунны уже прекратили действовать как организованная военная и политическая единица. Шестью годами позже был смещен последний император Западной Римской империи Ромул Августул (475–476). В течение двух последующих десятилетий остатки Западной Римской империи – Южная Галлия, Далмация, новые крепости на Дунае и в Италии – вошли в состав германских государств.

Осталось лишь кратко упомянуть о некоторых исторических источниках, которые часто упоминаются в этой книге, но были созданы уже после падения Гуннского царства.

Много важной информации о гуннах мы узнали именно от хронистов более позднего периода. При Юстиниане I в VI в. сухую хронику 379–534 гг. написал житель Иллирии Марцеллит Комит. Популярную хронику создал сириец Малала из Антиохии – он начал с библейского периода и закончил второй половиной VI в. Получилась в высшей степени некритичная компиляция из большого количества разных источников. Хроника Малалы, в свою очередь, стала источником для так называемой Пасхальной хроники – *Chronion Paschale*, – созданной вскоре после 628 г.

На более высоком интеллектуальном уровне находятся исторические труды Прокопия из Кесарии, современника Юстиниана. Это *History of Wars*, *Sectret History* и трактат о *Buildings* Юстиниана. Основное внимание Прокопий уделял правлению Юстиниана I (527–565), но в различных экскурсах и других частях своего труда он часто находит основания для обращения к событиям IV–V вв., гуннам и германцам. Несколько десятилетиями ранее высокопоставленный деятель в остготской Италии Кассиодор (487–583) написал историю готов на латыни, стараясь создать для этого германского народа прошлое столь же благородное, как прошлое Рима. Работа утрачена, но в 551 г. гот из Италии Иордан сделал выписки из труда Кассиодора и написал «Гетеру», которая сохранилась до наших дней. Иордан также был автором мировой хроники, *Romana*, основанной на источниках IV–V вв., по большей части трудах Марцеллина Комита. В настоящей книге также есть ссылки на *History of Lombards*, написанную при дворе Карла Великого Павлом Диаконом (720–797). И наконец, кое-какую информацию о гуннах и их союзниках сохранила хроника, созданная в IX в. в Константинополе аббатом Феофаном. Он пользовался источниками, ныне утраченными. Таким образом, литературные свидетельства, из которых по крупицам собиралась информация для реконструкции гуннской истории, создавалась в течение половины тысячелетия, начиная с исторического труда Аммиана Марцеллина и до монастырских хроник середины Византийской эры.

Примечания

1

В самую суть, прямо к делу (лат.). (Примеч. пер.)

2

С точки зрения вечности (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

3

Я сказал и тем спас свою душу (*лат.*). (*Примеч. пер.*).

4

Описание исторического и культурного фона см. в главе 12, написанной Полом Александром. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*)

5

Деяния дьявола через гуннов (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

6

Вергилий. Энеида.

7

Rauschen, 1897. 494; *Palanque*, 1935. 534, 535; *Dudden*, 1925. 693.

8

«Нет никакого сомнения, что Антихрист уже родился; он очень рано твердо встал на ноги и после возмужания достигнет верховной власти».

9

Возвращение к знакомому (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

10

Перевод А. А. Васильева.

11

Ensslin, 1923. 31–32.

12

XIX. 6, 3. Зубастые звери (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

13

Военный магистр за Тавром (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

14

Глава военного округа в империи. (*Примеч. пер.*)

15

Германарих, Витимир, Видерих, Алатей (Алафей), Сафракс (Сафрак), Атанарих, Мундерих, Лагариман, Алавив, Фритигерн, Фарнобий.

16

Поспешное, стремительное командование (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

17

Сиюминутное, импровизированное командование (*нем.*). (*Примеч. пер.*)

18

Как даже такой внимательный наблюдатель, как Прокопий, пал жертвой традиционного представления, иллюстрируется двумя отрывками из его описания мавров. У них нет, утверждает он, «ни хлеба, ни вина, ни других хороших вещей [у Аммиана *saporati cibi*], но они берут зерно, пшеницу или ячмень, не варят его и не перемалывают в муку и едят его, как животные». Прокопий повествует о женщине из мавров, которая «раздробила зерно, сделала очень тонкую лепешку и бросила ее в горячую золу очага. Так мавры пекут свой хлеб».

19

Война между гуннами и остготами, обычно датируемая 375 г., на самом деле датировке не поддается.

20

Карта в *Vorgeschichte der deutsche Stämme*, опубликованная национально-социалистической немецкой рабочей партией накануне вторжения Гитлера в Советский Союз, превратила всю Восточную Европу до Урала в «государственную территорию Германариха». Альтхайм считал даже Дагестан, расположенный на востоке Кавказа, готским.

21

Таким образом, известное сокровище Пьетроасса в Бузэу не имеет никакого отношения к Атанариху.

22

Под предводительством Видериха, Алатея и Сафракса.

23

Аммиан говорит о них лишь однажды; в конце осени 377 г. *autumn vergente in hiemem*, римляне почти уничтожили орду тайфалов, которые незадолго до этого переправились через Дунай. Но Зосима называет их следующими после готов, они занимают второе место среди вторгшихся на территорию империи. Тайфалы, очевидно, были многочисленным народом. До 370 г. они удерживали Олтению и западную часть Мунтении. Как далеко к востоку от реки Алута простиралась их территория, можно было бы оценить, только если бы было известно точное местонахождение линии обороны Атанариха, которая «огибала земли тайфалов». Последнее время делаются попытки ее локализовать. Нет никаких доказательств постоянно повторяемым заявлением, что тайфалы были германцами. Следует отметить, что в Галлии тайфалы и сарматы селились вместе.

24

Хронологию кампаний Феодосия по борьбе с готами в 380 г. см.: Ensslin W. 1948, 12–14. Gregory of Nazianzen (*De vita sua*, PG 37, 1098) дает дополнительную информацию.

25

Грациан был уже на пути на восток, когда узнал, что алеманны-лентиензы терпят ужасное поражение при Аргентарии в районе Кольмара. Император покинул Трир после 20 апреля, так что сражение, должно быть, имело место в конце апреля или начале мая. Исполненный уверенности в себе, император «повернул налево и незаметно перешел через Рейн» – возможно, в районе Базеля. Хотя кампания велась с большой энергией и скоростью, Грациан не смог возобновить свое продвижение на восток до начала июня.

26

На это указывает большое число монет, отчеканенных в Трире в 364–378 гг., которые были найдены в Лорье.

27

Зосима без разбора использует названия *Paionia*, *Paioniai*, *Paiones*. Он знал, что Паннония состоит из нескольких провинций, но не потрудился указать, в какой из них произошло то или иное событие. Цибалы, Сирмиум, Мурса – для него были просто городами Паннонии. В комбинации «*Paionia and Mysia*» *Paionia* всегда означает Паннония Секунда, а *Mysia* – Верхняя Мёзия. Интерпретация Е. Полашек, что *Paionia* – это Македонская Пеония, неприемлема.

28

Но дополнение Зосимы к Евнапию показывает, что он имел доступ к каким-то источникам, ныне

утраченным. Согласно Евнапию, Фракия, Македония и Фессалия были разграблены готами еще до сражения при Адрианополе. Зосима копирует Евнапия, но добавляет: «И Пеония».

29

Ни рескрипт о терпимости, который Грациан издал сразу после получения известия о смерти дяди, ни эдикт от 25 сентября 378 г. не дает и намека на дату, когда новость достигла императора. Эдикт был издан от имени Валента, Грациана и Валентиниана, но это вовсе не означает, что Валент был еще жив. Действуя в соответствии с рескриптом о терпимости, македонцы встретились в синоде Антиохии в Карии еще до конца 378 г. (*Duchesne, 1924. 2, 343. № 1*). Но невозможно точно установить, когда они о рескрипте узнали. Зеек, датировавший его между 18 августа и 25 сентября (1919. 250), не указал, какими причинами руководствовался. Насколько я могу видеть, их нет.

30

Пакат едва коснулся военной деятельности Феодосия до его возвышения на трон. Синезий, судя по всему, упоминает о победах Феодосия в 374, а не в 378 г. Рассказ Феодорита долго подвергался сомнению. Тиллемону пришлось защищать его от Барония; Витерсхейм-Дан II назвал его *ein albernes Märchen* (нелепой сказкой). Аутентичность рассказа теперь является общепризнанной. Феодорит ошибочно определил место сражения – во Фракии. Оно произошло на значительном расстоянии от Сирмиума. Сарматы не осмелились бы напасть на войска Грациана в Паннонии Секунде. Дружба Феодосия с Майорианом, которого он взял с собой в качестве *magister utriusque militia*, когда принял командование на востоке, датирована после 378 г., когда генерал уже был командиром в Аквинкуме. Все это указывает на Валерию.

31

Иллирик – римская провинция, Иллирия – историческая область, западная часть Балканского полуострова.

32

Широко обсуждаемая административная история Иллирика интересна нам, только поскольку она затрагивает военную историю 379–395 гг. С ликвидацией готской угрозы отдельная иллирийская префектура стала лишней. Осенью 380 г. Македония и Дакия стали западными и оставались таковыми до 387 г., когда Максим изгнал Валентиниана II из Италии. С тех пор восточная часть Иллирика стала принадлежать не востоку и не западу, а Феодосию. Есть основания полагать, что бразды правления перешли к Феодосию еще в 383 г. В следующем году он вернул префектуру Валентиниану П. Это был просто вежливый жест. Каким бы ни являлся административный и церковный статус Иллирика в 383–395 гг., префектура принадлежала по множеству военных и практических причин к востоку. От Дрины до Черного моря армиям Феодосия противостояли гунны.

33

Общее дело (лат.). (Примеч. пер.)

34

Аланы, которых Грациан завоевал «дорогой ценой» (*Epit. De caes. XLVII. 6; Zosimus, IV. 35, 2*), вероятно, были среди тех, кого он «простили». Грациану так нравились аланы, что он иногда даже носил их платья. Когда он бежал из Парижа в Лион, с ним были не более 300 всадников. Армия почти до последнего человека перешла к Максиму. Преданные всадники, наверное, были его любимыми аланами.

35

В начале июля Грациан находился в Аквилее.

36

Дату нельзя считать точно установленной. Зосима помещает короткую кампанию между покорением Атанариха и его приближенных (Атанарих вскоре после этого – 25 января 381 г. – умер) и победой Промота над гревтунгами в 386 г. Как правило, трансдунайские варвары выбирали время для своих набегов так, чтобы пересечь Дунай, как только он замерз, и успеть вернуться с богатой добычей до таяния льда. Во второй половине декабря и в январе 383, 384 и 385 гг. Феодосий был в Константинополе. Но он не издавал никаких законов между 13 января и 20 февраля 382 г., так что было достаточно времени, чтобы поспешить к границе и отеснить грабителей, если, конечно, он действительно принимал участие в акции. В 381 г. гунны в низовьях Дуная, очевидно, вели себя спокойно. Терентий, епископ Томский в Малой Скифии, покинул свою паству, чтобы принять участие в Константинопольском соборе. Это значит, что в указанное время в Малой Скифии было относительно безопасно. Локализовать скиротов не представляется возможным. Карподаки – это даки на земле карпов.

37

Фрагмент относится не, как обычно считают, к 376, а к 382 г. В 376 г. готовы еще не дали землю и скот, и лишь в 382 г. они стали ходить, по крайней мере какое-то время, за плугом во Фракии.

38

Во время набега Евномий находился в Гальмирисе, куда он был сослан после смерти Грациана в начале 385 г. Он был отправлен в Кесарию в Каппадокии до смерти Флациллы, до начала зимы 386 г. Этот набег по странности был неправильно датирован и отнесен не к тому месту. Гульденпеннинг датировал его зимой 381/82 г.; Раушен спутал его с вторжением гревтунгов в 386 г.; Зекк считал, что варвары были сарматами, с которым сражался Бавтон (Баутон), но это было в Венгрии, а Гальмирис находился в Добрудже.

39

Томпсон ошибочно датировал набег 395 г.; он не учел, что это событие имело место в двадцатый год Ипатия, то есть в 385 или 386 г.

40

Согласно Сократу, Созомену и Иоанну Антиохийскому, Максим «восстал против Римской империи и напал на Грациана, который был измучен войной с алеманнами». Это не может являться правдой. 16 июня Грациан все еще находился в Вероне. Его убили в Лионе 25 августа. Грациан должен был прибыть в Северную Галлию, самое позднее – в течение первой недели августа. Это оставляло ему около пятидесяти дней на марш через перевал Бреннера в Рецию, войну с ютунгами и марш с Дуная в Париж, что невозможно.

41

Uti limiti manus suspecta decederet. Только одна эта фраза доказывает, что варвары, *omnes Scythicae nationes*, не были федератами в Паннонии, они пришли из-за границы.

42

Сомнительно, что за гелонами Клавдиана стоял реальный народ. Вегетий, очевидно, посчитал, что гелоны – поэтическое название гуннов и аланов. Он обратил строки Клавдиана «*Parthis sagittas tendere doctor, eques Gelonis imperiosior*» в *Fescennina de nuptis Honorii Augusti* в прозу: «*Ad peririamasagittandi, quam in serenitate, tua persa miratur, ad equitandi scientiam uel decorum, quae Hunorum Alanorumque nation uellit imitari*». Это, кстати, еще одно доказательство того, что императором, к которому обращался Вегетий, был Валентиниан III; гелоны названы вместе с аланами, гуннами и сарматами. Клавдий подражал Стацио, но, чтобы не нарушить гекзаметр, он сменил оружие: *falcemque Getes arqumque belonus* Стация стало у него *falce Gelonus... arcu Getae*. У гелонов была принята татуировка, и Вергилий назвал их *pictos Gelonos*. Эпитет «одетый в шкуры» (4th Cons. Hon. 486) был применим к любым северным варварам. Несомненно, гелоны – один из диких народов севера. Гелоны связаны с армянами и противопоставлены южанам Мероэ. Иными словами, они являются тем, чем были со времен Августа, *ultimi Gelonae*. Гелоны в *Paneg. on Avitus*, где они все еще носят серповидный меч, просто литературная деталь.

43

Согласно биографии святого Эфраима, которую приписывают Симеону Самосатскому, Эдесса была осаждена гуннами еще при жизни святого; он умер в 373 г. Такое важное событие должно было занять центральное место в подробном отчете, который дает об этом периоде Аммиан Марцеллин. Он систематически упоминает Эдессу, но ничего не говорит о ее осаде гуннами. Легендарная биография, вероятно, предвосхитила вторжение 394 г. более чем на два десятилетия.

44

Из утверждения Зосимы, что Радагаст, «собрав 400 тысяч кельтов и германцев, живших за Истром и Рейном, приготовился идти в Италию», Зеек сделал вывод, что Радагаст шел через перевал Бреннер. Он идентифицировал кельтов с алеманнами. Но рассказ Зосимы о готском нашествии является смесью надежной информации и явной чепухи. В 405–406 гг. он работал самостоятельно. Евнапий, один из авторов, трудами которого Зосима активно пользовался, завершил свою историю в 404 г., а другой автор, Олимпиодор, начал свои труды только в 407 г. Очевидно, Зосима нашел в работах последнего краткую

ретроспективу событий, предшествовавших кампании Алариха 408 г., и воспользовался ею для создания очередной галиматии. В частности, он утверждал, что Стилихон разгромил Радагаста по ту сторону Дуная. Demougeot (1951. 356–357) не ссылается на Зосиму, но тоже полагает, что Радагаст шел через Бреннер. Дорога через Юлианские Альпы, по ее мнению, охранялась Аларихом – там была построена крепость Равенна. Но ведь эту крепость не раз обходили, да и сам Аларих в это время находился в Эпире. Флавия Солва (Лейбниц), возможно, была уничтожена готами Радагаста.

45

Olympiodorus допускал краткие формы. В выборках Фотия мы читаем: «Главные люди готов с Радагастом, числом более 12 тысяч, называемые optimati, разгромлены Стилихоном, который вошел в союз с Радагастом». В оригинал речь шла, конечно, не о Радагасте, а об optimati. В своих работах Маззарино (*Mazzarino*, 1942. 377. № 4; и др.) тщетно пытается объяснить 12 тысяч optimati. Эта цифра – плод фантазии Олимпиодора.

46

Гибbon напрямую связывал наступление Радагаста на Рим с подъемом сяньби «на восточной оконечности Азиатского континента».

47

Орозий утверждает, что Радагаст обещал принести в жертву своим богам кровь всей римской нации, но варвары, вторгшиеся в Италию, от кимбров и далее, хотели получить землю, на которой могли осесть, и чтобы покоренные народы работали на них, а вовсе не найти свою гибель. Августин даже вроде бы «знал» имя главного бога Радагаста – по его словам, это был Юпитер, что чистейшей воды вымысел.

48

Как правило, исаврийцы не спускались со своих гор до Троицы. В 404 г. Троица выпала на 5 июня.

49

Арбазакий победил их, когда императрица Евдоксия была еще жива.

50

Как показывает эдикт от 23 марта 409 г., напряжение завершилось заключением нового торгового договора.

51

Этот эдикт, датированный 11 апреля 408 г., практически идентичен эдикту, изданному 9 апреля 412 г. Зеек первым предположил, что оба эдикта должны быть датированы 9 апреля 407 г., когда Аларих угрожал вторжением на восток Иллирика. Позднее он признал, что оба эдикта обеспечивали защиту городов, открытых для нападений гуннов. Штейн с некоторыми колебаниями отнес эдикты к 412 г. Томпсон

датирует их 412 г., Маззарино – 407 г., можно почти не сомневаться, что даты обоих эдиктов, указанные в Codex, правильные. Первый относится к критическому времени в начале 408 г., второй является повторением годом позже.

52

В предисловии к книге XI Иероним упоминает о казни Стилихона в августе 408 г. Точную дату, когда эта новость стала известна, установить невозможно. Он знал, что его враги, в особенности «скорпион» Руфин, осыпали злобными нападками его работу о пророке Данииле, в которой он приравнял Римскую империю к последнему из четырех царств; он имел все основания бояться, что на него донесут властям, а это значит, всемогущему Стилихону, как о человеке, искажающем Священное Писание. Несомненно, римские корреспонденты Иеронима немедленно сообщили ему о смерти Стилихона. У Иеронима были хорошо налаженные связи с друзьями на Западе. Мы можем предположить, что Иероним узнал о смерти Стилихона в сентябре или октябре. Он писал свой комментарий в большой спешке. Первую книгу Иероним продиктовал *celeri sermone*, вторую, где он говорит о войне с дикарями, должно быть, в июне или июле.

53

«Мы повелеваем, чтобы, когда кто-нибудь из жителей наших провинций обзавелся добром, которое было получено от грабежа варваров и трофеев, которые они захватили, он может взять это в свой дом».

54

Бьюри считал, что Аларих двигался из Сирмия в Эмону.

55

Обычно считается, что юный Аэций именно в это время был отправлен к гуннам в качестве заложника. Дата этого события точно не установлена. «Аэций был три года заложником с Аларихом, тогда с гуннами»; явно укороченная цитата из труда Рената Фригерида на самом деле точнее, чем кажется на первый взгляд. Бьюри высказал догадку, что Аэций был одним из заложников, которых в 409 г. Аттал передал готскому царю. Но Аларих в следующем году умер. Мог Аэций отправиться к Алариху в 405 г.? Таков тезис Зекка и ряда других авторов. Маловероятно. Достаточно прочитать Меробавда, чтобы убедиться: стихи не могут относиться к годам после заключения foedus в 405 г. Аэций, утверждает Меробавд, *intentas Latio faces removit ae mundi pretium fuit paventis*. Даже с учетом всех преувеличений, которые можно ожидать от автора панегириков, Меробавд не мог сказать, что Аэций «укротил ярость врага», что перед тем, как он отправился к готам, «мир был готов пасть перед скифскими мечами, и снаряды северных варваров громили Тарпейскую силу». Ведь именно в это время Стилихон заключил союз с Аларихом, который оставался на Балканах. Стихи описывают ситуацию, сложившуюся после войны 402 г. Поэтому я принимаю дату Альфельди. Аэций оставался в заложниках у Алариха с 402 по 404 или 405 г. Из *deinde Chunorum* вовсе не следует, что Аэций, только что вернувшийся от готов, был сразу отправлен к гуннам. Это могло быть, как считает Альфельди, в 406 г. или позже.

56

После того как Олимпий был отстранен от должности, весной или в начале лета 409 г., и до второго

марша Алариха на Рим в конце 409 г. Бьюри датировал назначение Генерида 408 г., но генерал-язычник принял должность только после появления закона от 14 ноября 408 г., запрещавшего «всем врагам католической веры» *militare* (воевать, служить) в императорском дворце.

57

Сарматы, гепиды и римские переселенцы присоединились к ним в Венгрии, а также – осколки германских племен, мигрирующих на Запад. Хронисты называют только вандалов и алланов, так что число других варваров, к ним присоединившихся, очевидно, было невелико. На гепидов в Галлии, возможно, указывает туманная запись *at Gippidos Burgundiones intra Galliam diffusi*. Сарматов называет *Paulinus of Perigueux*.

58

Кулаковский подошел очень близко к правильному толкованию.

59

Забота о дворце. (*Примеч. пер.*)

60

Вождь, полководец. (*Примеч. пер.*)

61

Римляне – а) жители города Рим; б) народы, которыми правит римский император; в) латиноговорящие народы.

62

Сравнение между Иорданом и Марцеллином показывает, что, как правило, последний не был заинтересован в точных датах Симмаха. Там, где они есть у Иордана, у Марцеллина часто отсутствуют.

63

Орозий использовал две формы – *Pannoniae* и *Pannonia* – без разбора, так же как Аммиан до него и Сидоний Апполинарий после.

64

Великий Тиллемон даже допускал существование двух царей – Руга и Руя.

65

Руя указывает на греческий источник, возможно, это был Приск.

66

Глава заканчивается так: «Около того же времени скончался и арианский епископ Варва, что случилось в тринадцатое консульство Феодосия и третью Валентиниана, в двадцать четвертый день месяца июня, и на его место поставлен был Савватий». Это было в 430 г.

67

Речь идет о Второй Персидской войне во время правления Феодосия.

68

Начальник архива канцелярии. (*Примеч. пер.*)

69

Может показаться странным, что Меробавд пропускает войну с бургундами 436–437 гг. По решению сената была возведена статуя Аэция (ее основание было раскопано в 1937 г.) *ob Italiae securitatem quam procul domitis gentibus peremptisque Burgundionibus et Gotis oppresis vincendo praestitit*; см.: *Bartoli*, 1948. 267–273. То, что бургунды названы в надписи, но отсутствуют в панегирике, может объясняться разными датами двух документов. После того как бургунды обосновались в Сапаудии (современная Савойя), они вели себя тихо. Когда была установлена статуя, память о войне с ними была свежа. Но в 446 г. бургунды были преданными союзниками, которые действительно несколькими годами позже сражались на стороне римлян против гуннов. Готы, наоборот, сохраняли враждебность к Аэцию даже после договора 439 г.; но Меробавд, возможно, имел дополнительные причины не упоминать бургундов. «Римские» войска, разрушившие Бургундское государство, были гунны, которых возглавил Литорий, служивший Аэцию. С ухудшением отношений Аэция с гуннами и через очень короткое время после действительной угрозы войны с Бледой и Аттилой Меробавд мог решить, что будет правильнее не упоминать о победе над бургундами, которая стала заслугой Аэция только номинально. Н. Н. Baynes правильно указывает на то, что обстоятельства, при которых пало царство бургундов, весьма туманны.

70

Вредная богиня. (*Примеч. пер.*)

71

Наиславнейшие. (*Примеч. пер.*)

72

В 467 г. в Константинополе появилась информация, что «Гейзерих, король вандалов, намерен напасть на Александрию». Такое сообщение, определенно, было не первым.

73

Вандалы провели на Сицилии довольно много времени, что следует из письма епископа Лилибаума, адресованного папе Льву I. Как и все прочие вторжения вандалов, это имело лишь одну цель – унести с собой как можно больше добычи.

74

Четыре из пяти генералов имели германские имена: Ареобинд, Ансила, Иновинд и Аринфей.

75

Почему епископ должен был испытывать колебания по поводу ограбления гробниц язычников, если не только светские люди, но и священники грабили христианские гробницы? Novella от 27 марта 347 г. в первую очередь была нацелена на церковных расхитителей гробниц: «Среди всех прочих лиц, которые были обвинены в столь гнусном преступлении, наиболее сильное недовольство вызывает духовенство... Вооруженные железными инструментами, они оскверняют похороненных мертвых и, забыв о Божестве, которое управляет небесами и звездами, несут к священным алтарям Церкви руки, испачканные заразой праха мертвых». Они унесли мрамор и камни, *pretiosa montium metalla*; светские грабители могил искали драгоценные камни и драгоценные предметы одежды. Проповеди Иоанна Златоуста показывают, насколько обычными были эти преступления; он постоянно обличал грабителей могил.

76

Их идентификация со средневековыми или современными названиями во всех без исключения случаях является спорной. Bardengau в Lünebyrg Heath – наименование, считающееся этническим, – на самом деле названо в честь графа Бардо, который в IX в. имел там имения.

77

Точные даты, приписываемые Агельмунду и Ламиссио в издании Проспера 1483 г., не являются правильными. Интерполированные фрагменты, относящиеся к лангобардам, взяты у Павла и вставлены в хронологические рамки Проспера.

78

В Campo Beluider, в венгерской хронике Симона Кеза (после 1282 г.), возможно, сохранена местная традиция. Белуидер – это Бовуар в долине Оба, в 25 километрах к востоку от Труа. А. Экхарт полагает, что Кеза мог услышать название во Франции или от француза, или от тевтонского рыцаря, приехавшего в Венгрию. В XIII в. Бовуар был важным местом, основной резиденцией тевтонских рыцарей во Франции.

79

Зеек думал, что Аттила, следуя примеру Алариха, возможно, вторгся в Италию в середине зимы, когда перевалы не были защищены. Большинство остальных историков датируют вторжение весной, хотя ни

один из них не потрудился указать причины.

80

Картина, изображавшая скифов, распростертых у ног римских императоров, предположительно Феодосия и Валентиниана, сидящих на золотых тронах, вызвала гнев Аттилы. Он приказал художнику написать картину, изображающую гуннского царя, а перед ним императоров, бросающих золото к его ногам. Варвары, несущие корзины с золотыми монетами, – обычный мотив. Они изображены на колонне Аркадия и обелиске в Константинополе.

81

Жители Милана начали восстанавливать базилику еще до того, как гунны покинули Италию.

82

Миссия Льва к Аттиле близка одной из миссий Епифания, епископа Тицинума (сегодняшней Павии) к бургундскому королю Гундобаду в 495 г. Король была настолько впечатлен святым человеком, что отпустил 6 тысяч итальянских пленных, хотя и только после того, как ему выплатили крупную сумму за других. Павел Диакон говорит о «бесчисленном множестве».

83

Через два года нарbonский епископ Рустаций Велиза передал Льву список вопросов, аналогичных тем, что волновали Никета и Неона.

84

В своей ненависти к гепидам Павел Диакон исказил то, что читал у Иордана, в своем единственном источнике.

85

В Паннонии у реки, которая зовется Недао (*In Pannonia, iuxta flumen cui nomen est Nedao*).

86

Приведенные выше отождествления вовсе не самые надуманные. Н. Лукман идентифицировал гуннов с гревтунгами, которых в 386 г. Одотей повел за Дунай, а готов – с римлянами, которые сражались с гревтунгами. Ну а трактовку Сеттегаста в *Quellenstudien zur gallo-romanischen Epop* лучше вообще обойти молчанием.

87

Гнилой пруд. (Примеч. пер.)

88

Небольшое число верблюдов из регионов, к югу и юго-востоку от озера Урмла, присутствует в списках добычи, полученной халдеями в VIII и VII вв.

89

Верблюды в Западной Европе были одногорбыми дромадерами. Об Италии можно прочитать у Эннодия, о Галлии Меровингов – у Григория Турского.

90

Чужеземцы (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

91

Пребывание на чужбине (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

92

Кампания 441 г., начавшаяся после гуннского нападения на римлян на ярмарке, продолжалась несколько месяцев, прежде чем зима положила ей конец.

93

Аттила потребовал, чтобы ярмарку в Иллирии провели не на Дунае, а в Нише. Томпсон неправильно понял текст. Торговый город невозможно «перевести из Иллирии в Ниш», потому что Ниш был в Иллирии.

94

Там же.

95

Другой вариант перевода: «... в бой они бросаются, построившись в боевой порядок, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и нападают в беспорядке то там, то здесь, производя страшное убийство».

96

«Был некий человек у массагетов, наделенный смелостью и телесной силой, лидер нескольких мужчин. Этот человек имел привилегию, переданную ему отцом и предками, быть первым в атаке на врага. У массагетов считалось незаконным нанести удар первым в бою и взять пленного, пока кто-то из его дома не начнет битву».

97

Можно предположить, что гунны, имевшие такую обязанность, были благородного происхождения.

98

В Почеваше на Оби были раскопаны глиняные фигурки всадников с седлами, имеющими высокие деревянные передние и задние луки. К сожалению, они не поддаются даже примерной датировке.

99

Седло сасанидского царя на серебряной тарелке из частной коллекции имеет высокую переднюю луку. Гипотеза Вайнштейна о том, что деревянные седла изобрели алтайские тюрки, не учитывает ранние китайские и гуннские седла.

100

Гунны переправлялись через реки на лодках, выдолбленных из бревен. Варвары-паромщики, которые летом 449 г. перевозили римских послов через Дунай, возможно, были гуннами. Хотя граница располагалась намного южнее, Гуннию от Романии отделяла широкая репка. Как только дезертиры добирались до южного берега Дуная, они могли считать себя в безопасности. Поэтому представляется вполне правдоподобным, что стража на реке, включая паромную службу, была гуннской. Рыбаки и пираты использовали на Дунае выдолбленные лодки задолго до гуннов. В 376 г. вестготы и в 386 г. гревтунги плавали через Дунай в моноксилах (*Ammianus Marcellinus. XXXI. 4, 5*). Выдолбленные лодки германцев на верхнем Рейне иногда были весьма значительных размеров.

101

В сарматских захоронениях всех периодов находили кости лошадей. По неизвестной причине в сарматских захоронениях к западу от Волги лошадиные кости встречаются редко.

102

В захоронении среднего сарматского периода Калиновка 55/8 кости лежали в бронзовом кotle, как в скифском кургане Чертомлыка.

103

В отличие от других, более поздних авторов Аммиан никогда не называл гуннов скифами. Скифы в этом отрывке – древний народ.

104

Возможно, это не совсем так. Изначально сухожилия применялись, чтобы увеличить силу броска. Но в дальнейшем выяснилось, что сухожилия скорее позволяли деревянной сердцевине максимально

согнуться, но не сломаться.

105

Советские археологи часто различали составные и сложные луки, деревянная сердцевина которых состоит из нескольких частей, соединенных вместе. Для нас эта разница бесполезна. В археологических находках деревянная сердцевина почти никогда не сохраняется, так что невозможно определить, сколько в ней было частей.

106

Я использую этот привычный термин для лука с одним изгибом. Тип М – двояковыгнутый лук.

107

Меч был найден случайно рабочим в декабре 1932 г. в богатом захоронении вместе с другими предметами. Фрагменты клинка, защитная планка, украшенная альмандинами, части роскошных ножен, отделанных серебряными и золотыми пластинами, сохранились до наших дней.

108

Хорошо известный лейтмотив. Нападающим обычно является варвар – гунн, эфталит, франк.

109

Единственный способ для одетого в доспехи всадника использовать копье как шоковое оружие описан в «Эфиопике» Илиодора: «Острие копья сильно выдается вперед, само копье ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня».

110

Я использую реконструкцию гекзаметров Вольмера.

111

Тяжелый предмет, сверкающий золотом, может быть наконечником копья, но ни одно из слов, которые приходят в голову, не подходит по размеру. *balteus Вольмера – почти наверняка правильное слово.

112

Свет, окутывающий сверкающие мечи, должно быть, от чего-то отражается. Доспехи уже были названы, так что это, наверное, шлем.

113

Аларих носил римский панцирь (*Claidian.* Bell. Goth. 82). В XIII в. монголы часто использовали захваченные доспехи и оружие.

114

Ахеменидские нагрудные пластины из позолоченных чешуек описаны у Геродота (IX. 22); «Чешуя парфянских доспехов отражала ослепительное великолепие» (*Ammianus.* XXIV. 6).

115

Небольшая часть готов принадлежала к аудианской секте, некоторые были католиками. Утверждение Сократа (1, 8), что сарматы к востоку от Дуная после поражения в 322 г. стали христианами, определенно неверно: в археологических материалах нет ничего христианского.

116

Почему гунны назвали Феотимия римским Богом, совершенно непонятно. Он был скифом, возможно, готовом. Возможно, его называли не богом (готское слово *guḥ*), а священником, *gudja* римлян.

117

Не хочу, чтобы меня неправильно поняли. Письмо Леонтия не доказывает, что бастарны являлись кельтами. Оно доказывает лишь то, что Иоанн Златоуст считал их кельтами.

118

Возможно, лучшим термином будет остеоскопия. Кроме лопаточной кости использовались и другие кости, даже грудные – гусей и цыплят, а также панцири черепах.

119

«У них удивительный способ предсказания будущего. Они собирают очень ровные побеги ивы и перебирают их в установленное время с определенными заклинаниями, а потом точно знают, что грядет» (*Аммиан.* XXXI. 2, 24).

120

С заменой того, что подлежит замене (лат.). (Примеч. пер.)

121

Примеров тому можно привести много. В греческом искусстве, с которым были хорошо знакомы скифы и другие варвары юго-восточной части Европы, круглые фризы с головами широко распространены. Следует упомянуть и о масках на парфянском дворце в Хатре.

122

Священные предметы культа, если верить Евнапию, которые вестготы принесли с собой, когда в 376 г. переправились через Дунай, вероятно, тоже были из дерева.

123

До обращения готы поклонялись Марсу «с жестокими обрядами, и пленных убивали, как его жертв»; после победы при Arausio кимбры принесли жертвы – лошадей утопили, а пленных повесили черуски, свевы и сугамбры принесли в жертву 20 центурионов.

124

П. Мартон считал (Prähistor. Zeitschr. 4, 1912, 185), что шлемы принадлежали восточным войскам.

125

Сарматы с нижней Волги использовали медь с Южного Урала и свинец с Западного Алтая.

126

Жертвенное мясо, которое римские пленные были вынуждены есть, возможно, варилось в медных котлах.

127

Сплав имел следующий состав: 90 процентов меди, 7 процентов олова и 2 процента свинца. Из такого же сплава сделано китайское зеркало, найденное вместе с котлом.

128

Котел из Барабинской степи и еще один из могильника в Туве имеют колоколовидное «тело» и сплошную подставку гуннских котлов, но их рукоятки полукруглые. Котел с прямоугольной рукояткой и продолговатым «телем» находится в музее Минусинска – с местных раскопок. Представляется, что он был привезен с Востока, потому что ни один из многочисленных миниатюрных бронзовых котлов и их гончарных имитаций не имеет подобных рукояток. На всех они полукруглые, с выпуклостью или без нее.

129

На Днепре у порогов обнаружили варварскую имитацию монеты Евтидема; в том же регионе были найдены две типичные центральноазиатские фляги, одна из Журавки, другая – из Волосского.

130

Надпись – пожелание, вполне обычное на таких зеркалах: «Да увидишь ты солнце, ведь мир очень

ярок».

131

Украшения на подвесном зеркале из местечка Миток (Румыния) так похожи на украшения на мажарском зеркале с петлей, что одно явно произошло от другого. Я предполагаю, что зеркало с петлей послужило моделью для подвесного зеркала, на котором нет окаймления с радиальными линиями.

132

Вслед за русскими учеными, на труды которых я так часто ссылаюсь, под антропологией я понимаю то, что в англоязычных странах называют физической антропологией.

133

Русские ученые различают Среднюю и Центральную Азию, то есть Монголию и Тибет.

134

Его аргументация несколько замысловата. По его мнению, хунну говорили на языке, имеющем родственные связи с енисейским. Он сравнивает цзе (chieh), старокитайское *kat, с енисейским khes, kit, «камень». Chieh, таким образом, получается, что название хунну означает «каменные» люди. Ши Ло, основатель Поздней Чжао, был цзе, его предки – выходцы из отдельного племени хунну Цян Цян-чу. Китайское shin значит «камень», Ch'iang-ch'u, среднекитайское khiaŋ-gio – возможно, тохарский диалект kāŋka-, «камень». Это тохарское слово было один раз транскрибировано и дважды переведено, один раз на хунну-енисейский язык, потом – на китайский. Немного затруднительно сравнивать старокитайскую транскрипцию этнического названия неизвестного значения со словом на языке, на котором говорили маленькие племена рыбаков в Сибири в XVIII в. Как kit – или что там – khes? – звучал в то время, когда chieh был *kat? Поскольку китайские транскрипции очень часто заключают в себе значение иностранного слова, можно ожидать наличия аналогично звучащего слова, которое означает «камень». Например, омоним chieh, «скала, каменный столб», вместо chieh – «валух».

135

Эберхард, перечисляя 78 человек выше среднего роста в периоды Сань-го (San kuo), Цзинь (Chin) и Вэй (Wei), не находит разницы между разными этническими элементами населения. Боюсь, такая статистика, хотя, конечно, нельзя не оценить усилия, затраченные на сбор материалов, имеет ограниченную ценность. Чтобы придать ей больше смысла, автору следовало перечислить не только всех лиц, чей рост указали хронисты, но также тех, кого хронисты не указали, предположительно потому, что их рост был средним (если они не упомянули их рост, потому что не знали его, подобная статистика лишится всякого значения). Эберхард подчеркивает факт, что 17 высоких сяньби, хунну и тибетцев из 32 высоких человек периода Цзинь были правителями или вождями, которые, считает автор, стали такими высокими, потому что росли в лучших жизненных условиях. Между тем большинство выдающихся китайцев являлись выходцами из родовитых семей и в детстве и отрочестве тоже не голодали. Непропорционально большое число высоких варваров означает расовое различие между ними и китайцами.

136

В одних словарях – обезьяны с длинными хвостами, в других – короткохвостые макаки.

137

Sidonius. Paneg. On Anthemius. 240.

138

Priscus. EL. 132; *Anon. Vales.* 37; *Cessi,* 1913. 13.

139

Priscus. EL. 145.

140

Procopius. VIII. 19, 8.

141

In Ioannes Kinnamos' Epitome.

142

Moravcsik. BT 2. 31.

143

Schönfeld, 1911. 178.

144

Переход от Октара к Уптару, вероятно, был облегчен существованием одного из готских имен.
Schönfeld, 1911. 173.

145

Его статьи довольно свободно обращаются с текстом Приска. Чтобы ослабить тезис о готском происхождении имени Аттила, Прицак утверждает, что Приск вел переговоры с царем при посредстве римлянина Рустиция. Но с Аттилой вел переговоры не Приск, а Максимиан, и переводчиком был не Рустиций, а Бигила, который, судя по его имени, вероятно, был готов.

146

Maenchen-Helfen, 1955b. 106.

147

Chrysostom J. Ep. 14. PG 72, 618.

148

Theophanes. A. M. 6016; Boor C. de, 1883. 170.

149

Sidonius. Paneg. on Maiorian. 488.

150

Gabain, 1950a. 57.

151

В русских, украинских и польских именах, заимствованных от крымских татар.

152

Обычно считалось, что ассаны (ассанцы, асанцы, азанцы – маленькое племя, которое встретили русские путешественники в XVIII в. возле Красноярска) были потомками азов, названных в Орхонской надписи. В начале XIX в. ассанов уже «туркизировали», но несколько слов из их прежнего языка сохранилось, и они позволяют судить, что он был тесно связан с языком кетов. Возможно, не является совпадением то, что в надписях называют вместе *az* и *qïrqïz*. Клан Яс жил бок о бок с киргизскими кланами Аджу-хурман, Джуппар и Худайберды среди хотонов на северо-западе Монголии.

153

John of Antioch. EL. 142; Moravcsik. BT. 2, 274.

154

Anno Mundi – год от сотворения мира.

155

Вистула и Вискла – варианты названия Вислы: Данастр – Днестра.

156

Позже он передумал и стал утверждать, что это название – *Tunčur, но сигма не может передать č.

157

В своем издании Иордана (61. П. 2).

158

Variae. III. 48.

159

Перевод Латышева стихов Перигезы, основанный на издании Мюллера. Некоторые советские историки, не зная о большой филологической работе, проделанной после Латышева, все еще считают этот устаревший текст краеугольным камнем в реконструкции истории гуннов. Иногда их идеи относительно Перигезы представляются несколько странными. Смирнов называет Дионисия, современника Птолемея, византийским автором, Федоров путает его с Дионисием из Галикарнасса. Л. Н. Гумилев сделал самые далекиющие выводы из перевода Латышева. В 155 г. под давлением сяньби хунну бежали из Тарбагая на Запад. В 160 г. они уже были на Волге. При других обстоятельствах хунну путешествовали в своих кибитках с вполне комфортной скоростью. Однако на этот раз они преодолели 2600 км за два или три года. Постоянно отбиваясь от преследовавших их сяньби, они не смогли взять с собой детей и старииков. Они постоянно скакали верхом, и в конце концов враг прекратил преследование. Только самые стойкие выжили в этом отчаянном бегстве. Тела гуннских женщин устилали их путь по Средней Азии. За эту тысячу ужасных дней все формы социальной организации были сломлены, замечательные культурные достижения прошлого – утрачены. На Волге воинам хунну пришлось искать жен среди местного населения. Так хунну превратились в гуннов. Воистину захватывающая история, но еще более удивительными представляются ошибки Л. Н. Гумилева в элементарных расчетах. Если 2600 разделить на 1000, получится не 26, а 2,6 км – расстояние не слишком большое даже для не слишком крепких гуннских леди.

160

Факт, что известный монумент в Адамклиси был воздвигнут на поле сражения, представляется вовсе не таким бесспорным, как считалось ранее.

161

Хотя чуни Птолемея жили в Европейской Сарматии к западу от Танаиса, реки, отделявшей Европейскую Сарматию от Азиатской, Альтхайм поселил этот народ восточнее, между Манычем и верхним течением Кубани. Он подкрепляет свое решение якобы греко-аланской надписью на камне с Апшерона, которая, как доказал О. Курц, оказалась грубой подделкой, созданной в Севастополе около 1900 г. Ученик Альтхайма Вернер также поместил чуней в Азии. Прицак переместил этот народ на Волгу и реку Урал. Я еще не упоминаю о диких идеях Л. Багрова.